

№ 63.5(2)
П20

Серафим Патканов

**ОСТЯЦКАЯ
МОЛИТВА**

Серафим Керович ПАТКАНОВ

том 1

Остяцкая молитва

Иртышские остяки и их народная поэзия

Топографическое описание территории и зарисовки ее природы —

Иртышские остяки и их образ жизни — Занятия и источники доходов иртышских остяков — Остатки остяцкой культуры —

Правовые и административные взаимоотношения — Вымирание остяков, его причины и последствия — Религиозные представления иртышских остяков — Некоторые обычаи иртышских остяков и их представления о потусторонней жизни —

Бюджет остяцкой семьи среднего достатка — Тамги темлячевских остяков XVII столетия — Остяцкое население Тобольского округа —

О народной поэзии иртышских остяков — Об изучении языка и поэзии остяков — Общие замечания о народной поэзии остяков —

Эпическая поэзия — Образ прежней жизни иртышских остяков из их героического эпоса — Мифологические песни и сказания —

Сказки — Песни — Загадки — **Иртышско-остяцкие** тексты

— Параллели и более существенные примечания —

Объяснения к этнографической карте Тобольского округа

ЗАГОВОРЫ, ПОВЕРЬЯ И СКАЗКА

От ружья — Сказка, записанная в Эскинских юртах
Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.

Его главная книга

Следствие по делу Серафима Патканова

Когда удалось просмотреть все доступные в архивах и библиотеках материалы о С. Патканове, нечаянно наткнулся на «Финно-угорский сборник», в котором один из авторов так оценил работу забытого ученого: «Особенно двинул дело этнографического изучения остяков С.К. Патканов. Главным трудом его является прекрасная монография «Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie», не имеющая себе равной ни в русской, ни в иностранной литературе, и являющаяся вообще одним из наиболее выдающихся трудов в этнографической литературе о финно-угорских народах... В противоположность многим своим предшественникам автор обладал основательным знанием языка, и, имея в руках это оружие, он мог гораздо лучше проникнуть во все тайники интимной жизни остяков, их верований и всего того, что так трудно дается постороннему человеку, особенно приезжему европейцу. За годы своего пребывания среди остяков Патканов сумел войти в доверие этого народа, и результатом явился капитальный труд, сделавший эпоху в изучении остяков... Самым ценным в этом труде является то, что автор в своих замечаниях не голословен, но иллюстрирует свои положения образцами остяцкой поэзии, приводит их эпические произведения, сказания, сказки, пословицы и богатый материал по мифологии их, который является единственным в своем роде».¹

И чуть ниже — фраза, характеризующая подлинную величину этой незаурядной личности, остающаяся актуальной и сегодня: «После Патканова в области этнографичес-

¹ *Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финно-угорских народов//Финно-угорский сборник/Труды по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Т. 15. Л., 1928. С. 63.

кого изучения остяков уже ничего выдающегося сделано не было. В этом отношении он остался довольно одиноким в новейшей истории русского остяковедения»².

А * *

До сих пор о предках Серафима Кероповича Патканова было известно гораздо больше, чем о нем самом. И это при том, что имя его на слуху и у историков, и у этнографов.

А.А. Дунин-Горкавич при написании работы «Север Тобольской губернии»³ пользовался информацией из книг С.К. Патканова. Авторы пятитомной «Истории Сибири»⁴ не менее десятка раз отсылают читателя к произведениям покойного статистика и этнографа.

Ученый, оставивший после себя свыше двух десятков работ о Сибири⁵, некоторые из них в двух, трех и даже в четырех томах, за прошедшие восемьдесят лет после его смерти оказался даже краоведам практически неизвестным.

«Хотя мне и грустно было слышать о столь низком уровне цивилизации местного населения, но я не удержался, чтобы не улыбнуться на слова нашего добродушного хозяина, который был таким же... как и другие жители города, а все его образование, которое он так подчеркивал, ставя себя на одну ступеньку с европейцами, заключалось в трактирном лоске, который он естественно приобрел по роду своего занятия...»⁶, — так писал Серафим Керопович более ста лет назад о несколько ином явлении, но эти слова характеризуют то состояние забвения имени Патканова, которое, как ни прискорбно, имеет место быть сегодня. Работы С.К. Патканова — о Тобольском Севере, о Сибири получили в свое время известность и признание российских и зарубежных научных авторитетов. Книги покойного в советское время

² Там же. С. 64

³ «Кроме своих личных наблюдений и расспросных сведений я пользовался официальными документами <...>, а также доступными мне источниками <...>: С.К. Патканов. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XII». — А.Л. Дунин-Горкавич. Север Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VIII. Тобольск, 1897. С.1.

⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней: В пяти томах. Л., 1968-1969.

⁵ Список работ С.К. Патканова см.: Патканов С.К. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 314-315.

⁶ Патканов С.К. По гагиендам и руинам Юкатана. Путевые наброски// Землеведение. 1896. Т. III. Кн. 1. С. 96.

не переиздавались. Единичные дореволюционные экземпляры, сохранившиеся в библиотеках, покрыты толстым слоем пыли и равнодушия потомков.

* * *

Ни в одну из существующих в России энциклопедий имя С.К. Патканова не попало. Правда, в «Материалах для библиографического словаря восточносибирских этнографов» (далее, Материалы — *Ю.М.*), которые мыслились как корректурное издание⁷, помещена небольшая справка: «Патканов, Сераф. Кероп., стат.-этногр. Главные тр.: «Статист. данные, показыв. племенн. сост. насел. Сибири» 1912; «По Демьянке», «Опыт географии и статистики тунгус. племен Сибири» 1906 и др. Ум. в 1918 г.»⁸.

Во вступительной статье к Материалам помещен «Вопросник», состоящий из 29 пунктов, получить ответы на которые «было бы необходимо для будущего словаря»⁹.

На момент издания Материалов отсутствовали данные не только о годе рождения этнографа. Можно смело сказать, что в списке восточносибирских этнографов обозначена была лишь тема будущей словарной статьи: *Патканов, Сераф. Кероп.* Да и то, пожалуй, не совсем точно (*см. сноску*¹⁷).

Правда, список отдельных изданий¹⁰ и публикаций по этнографии¹¹ в периодике был составлен достаточно полно.

Семейные предания о происхождении армян Патканьянов сохранили историю рода с конца XVII века¹².

Тер Петрос был священником армянской церкви под Константинополем. Как раз в то время в Турции миссионеры пытались обратить армян в католиков. И когда яныча-

⁷ Материалы для библиографического словаря восточносибирских этнографов: Предварительный список//Известия ВСОГРГО. 1926. Т. LI. С. 194.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ Патканов С.К. Список народностей Сибири. Петроград, 1923. С.16.

¹¹ Азадовский М. Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века: Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900. Иркутск, 1924. С. 19. Азадовский М. Сибирь в художественной литературе. Вып. 1: Периодические издания Европейской России 1891—1917. Иркутск, 1927. С. 44.

¹² Подробнее историю армянского рода Патканьянов можно прочесть: Н. Веселовский. Керопэ Петрович Патканов: Биографический очерк. Спб., 1890.

ры, подстрекаемые миссионерами, устроили резню не желавшим принять новую веру, погибло около тысячи человек. Около 100—150 попросили убежища у Тер Петроса, который укрыл их в армянской церкви. После этого случая священника стали называть Минасиб, что в переводе с арабского означает «достойный».

После смерти Тер Петроса в 1744 году паству принял его сын, служивший и ранее в той же церкви под именем Тер Петроса Минасиб-оглы. Образованный для своего времени человек, он знал хорошо не только армянский, но и арабский, турецкий языки. Своих троих сыновей: Михаила, Гавриила и Серафима (Серовпе родился в 1760 г.) — отправил учиться в Венецию в единственное в то время высшее армянское учебное заведение, известное впоследствии как Венецианская Армянская Академия. Ректор считал неприличным для юношей носить мусульманскую фамилию и перевел ее на армянский язык. Так появились Патканьяны, от глагола *патканим* — «приличествую».

Серафим (Серовпе) Петрович Патканьян, закончив учебу, открыл первую армянскую школу в Тифлисе, работал старшим преподавателем армянской словесности, риторики и логики в Астрахани в Агабабовском городском училище. Один из четверых его сыновей — Петр (род. в 1808 г.) учился в этом же училище. Женился на дочери священника, впоследствии архимандрита Тер Арутюна Аламдариана, происходившего от персидских цыган.

Кероб¹³ Петрович Патканьян родился в 1833 году. Его матери шел только пятнадцатый год.

Сведения о К.П. Патканове, отце героя наших заметок, есть практически в любой энциклопедии. Он учился в Ставропольской гимназии и Лазаревском институте в Москве, был студентом камерального факультета Дерптского университета. Знал французский и немецкий, ставший для него «впоследствии языком обыденным»¹⁴. Переводил на армянский Гёте, Шиллера, Беранже.

¹³ Ср. «Серовпе» и «Керобэ». Не являются ли они различными фонетическими вариантами одного имени? Частичное подтверждение этому — письмо Д.А. Клеменца графу Д.И. Толстому, в котором Дмитрий Александрович называет Патканова Серафимом Серафимовичем. Ср.: Серафим Керобев (Серовпев). — РГИА. Ф. 696: Фонд Толстых. Оп. 1. Д. 308. Л. 31 об.

¹⁴ Веселовский Н. Указ. соч. С. 10.

Агафон Давидович Акимов, один из учредителей стипендии для армян, идущих в духовенство, узнав о литературных занятиях Керобэ Петровича, прекратил выдачу стипендии студенту Дерптского университета. Проучившись полтора года, К.П. Патканьян вернулся в Петербург, служил дьячком в армянской церкви, учился на историческом разряде филологического факультета Главного педагогического института. Регулярно бывал в это время в доме А.Д. Акимова, где давал уроки армянского языка его детям. Здесь он и влюбился в свою семнадцатилетнюю ученицу Анну. Летом 1858 г. они обвенчались.

В 1861 г. на восточном факультете Санкт-Петербургского университета освободилось место профессора армянского языка. И осенью Керобэ Петровичу предложили взять на себя преподавание словесности на правах адъюнкта. Началось восхождение к известности: вначале в качестве профессора-ориенталиста, затем члена-корреспондента Академии наук, секретаря Восточного отделения Археологического общества.

В это время, когда Керобэ Петровичу улыбнулась судьба предоставлением места в университете, в его жизни произошло еще одно событие: 28 июля 1861 года¹⁵ у него родился сын Серафим.

В роду Патканьянов все имели гуманитарные наклонности. Многие писали. Михаил (род. в 1754 г.) издал в новое

¹⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 31-32, 33а. — На одной из последних конференций этнографов, состоявшихся в Санкт-Петербурге в 1998 г., в сообщении А.М. Решетова прозвучали несколько иные даты рождения и смерти С.К. Патканова: 1860-1923. Происхождение названных этнографом цифр автору этих строк понятно.

В РГИА (Ф. 1101. Оп. 3; Ф. 1102. Оп. 2.) в коллекции покойного, в которую вошли его бумаги, хранившиеся в частном банке, национализированном после революции, первый лист нотариально заверенного документа датирован 25 ноября 1860 г. Документ написан на немецком языке неразборчивым почерком. Он не является метрикой: в сейфе С. Патканова хранились лишь финансовые документы (напр., договоры на покупку земли) и удостоверения или дипломы, подтверждающие его принадлежность к разного рода обществам, а также наградные листы и рецензии на публикации автора. А теперь по поводу второй даты, названной А.М. Решетовым. В 1923 г. в Петрограде вышла книга С.К. Патканова «Список народностей Сибири», в предисловии к которой шла речь о безвременной и трагической смерти автора. И если дата рождения, прозвучавшая в сообщении, еще может быть предметом спора, т.к. других документов, кроме записи в формулярном списке, не обнаружено, то год смерти сегодня подтверждается целым рядом источников. Некоторые из них приведены в настоящей статье. Приведенные в описи даты 25 ноября 1860 и 5 авг. 1917 г. — это даты первого и последнего документов, хранящихся в архивной папке.

время первую армянскую медицинскую книгу «Врачебник Рестэн». Прапрадед Серафима и его тезка Серовпе Петрович сочинял песни и гимны. Михаил Серафимович (род. в 1815 г.) был известен на Кавказе многочисленными публикациями в местной печати. Гавриил Серафимович (род. в 1802 г.) издавал газету «Арарат» в собственной типографии. Прадед (отец бабушки по отцовской линии) писал стихи, издал в Москве в 1821 г. краткий русско-армянский словарь.

В семье Патканьянов, ставших уже на русский манер Паткановыми, отец, кроме вышеназванных языков, владел еще и английским, изучал итальянский. Керобэ Петрович к тому же ездил в библиотеки Венеции, Мюнхена, Парижа и Вены¹⁶. Гуманитарный дух, пропитавший весь род Патканьянов, предполагал выбор профессии и Серафимом Кероповичем. Но он изменил традиции рода, поступив на естественный факультет.

«Диплом.

Совет Императорского Санкт-Петербургского университета сим объявляет, что Серафим Керобев¹⁷ Патканов, 24 лет от роду, армяно-грегорианского вероисповедания, поступил в число студентов сего университета 31 августа 1881 г., выслушал полный курс по естественному разряду физико-математического факультета и показал на испытаниях следующие познания <...> за которые физико-математическим факультетом по предоставлении диссертации признан достойным ученой степени кандидата и <...> утвержден в этой степени Советом С.-Петербургского университета 7 октября 1885 г.».

Указом правительствующего Сената С.К. Патканов утвержден по степени коллежского секретаря с «9 октября 1885 г. и причислен к Министерству госимуществ»¹⁸ как чиновник де-

¹⁶ Патканов С.К. вспоминает, что в Голландии «нередко случалось встречать...» (По Демьянке//Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Кн. XVI. Омск, 1894. Вып. II—III. С. 48.). Учитывая, что очерк датирован 1888 годом, очевидно, что в одну из таких зарубежных поездок сын ездил с отцом.

¹⁷ Как видим, по записи в дипломе герой наших заметок был все-таки КероВович. Трудно сказать, когда произошло оглушение звонкой согласной, но формулярный список уже гласит о службе коллежского асессора Патканова Серафима КероПовича. Так что М. Азадовский, ошибаясь, был по-своему прав... Кстати, в современных изданиях Патканов-отец значится «Керобэ».

¹⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 4.

партаментов общих дел. А через полгода он был назначен помощником производителя работ по составлению, предъявлению и выдаче государственным крестьянам владенных записей. Сразу с назначением последовала длительная командировка в Западную Сибирь «для исследования быта сельских обывателей»¹⁹.

При Министерстве государственных имуществ еще в 60-е годы была образована комиссия по составлению проекта устройства сибирских государственных крестьян и инородцев. Но ее работа зачастую была совершенно напрасной. Всякие предложения комиссии при отсутствии данных о хозяйственном положении населения не получали законодательного утверждения. Для сбора точных сведений «о крестьянском землепользовании, хозяйстве и вообще условиях экономического быта крестьян и инородцев»²⁰ впервые в 1896 г. были командированы несколько чиновников в Тобольскую и Томскую губернии. Среди них был и С.К. Патканов.

Первый год он «провел в Тюменском округе, а два следующих — в Тобольском»²¹. И здесь гуманитарное начало взяло верх.

Круг обязанностей, вменяемых ему государственной службой, позволил наблюдать за жизнью инородцев — остяков и вогулов — и сделать вывод: происходит постепенное вымирание этих народов. А вместе с ним и исчезновение их культур через обрусение или просто «с утратою родной старины»²². «Без предварительной подготовки и без литературных пособий под рукою занятия представляли большую трудность; но эту трудность г. Патканов преодолевал с настойчивостью, тем более замечательной, что он старался усвоить язык, вовсе не пригодный к потребностям государственной службы»²³.

Для добросовестного чиновника и скрупулезного исследователя, каким был С.К. Патканов, времени для заверше-

¹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 15—16.

²⁰ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерства земледелия и государственных имуществ) в царствование Императора Александра III (1881—1894 гг.). Спб., 1901. С. 279—280.

²¹ *Веселовский Н.И.* О труде С.К. Патканова // Отчет Императорского Русского географического общества за 1891 г. С.-Петербург, 1892. С. 25. — Очевидно, Н.И. Веселовский, указывая время пребывания С.К. Патканова в Западной Сибири, ошибся. См. сноску ³³.

²² *Веселовский Н.И.* О труде... С. 25.

²³ *Веселовский Н.И.* О труде... С. 25.

ния плановой министерской работы катастрофически не хватало: объем собранных им материалов был огромен.

В конце декабря 1887 г. в С.-Петербург на имя директора департамента общих дел приходит телеграмма²⁴ из Омска от коллежского секретаря Патканова. Он просит предоставить месячный отпуск по семейным обстоятельствам²⁵. Затем отпуск продляют до 24 февраля 1888 г. За день до его окончания С.К. Патканов снова обращается к директору департамента с ходатайством: «Приступая к пересмотру отчета по исследованию экономического быта сельского населения пяти волостей Тюменского округа для приготовления его к печати, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне остаться в Петербурге до окончания этих работ»²⁶.

Первый выпуск «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири» увидел свет в 1888 г. Он назывался «Тюменский округ: 5 волостей». Автором книги был С.К. Патканов. В этом же году, 3 декабря, чиновника из Петербурга избрали действительным членом Тобольского губернского статистического комитета²⁷.

...В деле хранится свидетельство департамента общих дел Министерства государственных имуществ на имя Патканова «для свободного жительства в Петербурге по первое мая 1888 г.»²⁸.

«По прибытии на короткий срок в Петербург г. Патканов усердно приступил к изучению лингвистических трудов Кастрена и других финнологов и после этого провел в Тобольском округе еще восемь месяцев, собирая образцы поэзии остяков и составляя словарь южно-остяцкого наречия. Собирались эти материалы при обстановке довольно тяжелой: приходилось жить среди остяков буквально оторванным от остального мира вследствие прекращения на долгое время всяких путей сообщения, приходилось жить в остяцких чумах вместе с больными тифом и оспой»²⁹.

²⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 5.

²⁵ Последние три года жизни Керобэ Петрович тяжело болел и умер 2 апреля 1889 г.

²⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 7.

²⁷ РГИА. Ф. 1101. Оп. 3. Л.5.

²⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 9.

²⁹ *Веселовский Н.И.* О труде С.К. Патканова //Отчет... С. 25.

Но работа в Сибири ждала исследователя. 12 мая 1888 г. г-ну Патканову выдано свидетельство «для свободного жительства и проезда в г. Омск» со сроком действия в полтора месяца³⁰. А потом снова надо было ехать к инородцам.

Собирательство фольклора захватило С. Патканова. То, что удалось разыскать ему, было не замечено ни Кастреном, ни Алквистом. Государственному служащему Министерства госимуществ удалось записать былины и богатырские песни остяков³¹. Автор разысканий считал, что собранный им материал достаточно древний и относится не ранее XIV и не позднее XVI вв. Главным доказательством такой версии служило отсутствие в фольклоре упоминаний о татарах и русских³².

В начале января 1889 г. С.К. Патканов снова телеграфирует в С.-Петербург просьбу: позволить ему выехать в северную столицу по делам службы³³. В просьбе была откровенная неправда: дома в тяжелом состоянии лежал отец. Дни его были сочтены...

В апреле Серафим Керович произведен за выслугу лет в титулярные советники, а в мае 1889 г. начинается период «разработки и приготовления к печати отчетов по исследованию экономического быта государственных крестьян Тобольской губернии»³⁴. Но в августе С. Патканов пишет прошение о предоставлении отпуска. Ему разрешают, и он уезжает в сентябре во Францию. Оттуда присылает письмо вместе с заключением врача о необходимости продлить лечение³⁵...

Девяностый год был богат на события. В апреле в приказе «об отлично-усердной службе» среди награжденных орденом Святого Станислава III степени значится фамилия Серафима Керовича³⁶. В этом же году он избирается в действительные члены Тобольского губернского музея с ежегодным взносом³⁷. А в декабре столичные газеты писали о его выступлении на

³⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 11.

³¹ Веселовский Н.И. О труде С.К. Патканова // Отчет... С. 25.

³² Известия ИРГО. Т. XVII. Вып. 1. С.-Петербург. 1891. С. 79.

³³ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 12. Согласно вышеприведенным документам, С.К. Патканов первый раз находился в командировке не более 1 года 8 месяцев, второй — 7—8 месяцев. См. также сноску ²¹.

³⁴ Там же. Л. 14 об.

³⁵ Там же. Л. 15, 17.

³⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 19 об.

³⁷ В действительные члены избирались лица, внесшие единовременно не менее пятидесяти рублей или вносящие ежегодно не менее трех рублей. —

собрании этнографического отдела Императорского Русского географического общества, где он докладывал о своих наблюдениях над жизнью остяков. «По словам докладчика, хотя местные остяки заметно поддались обрусению, но они не утратили еще многих характерных черт своего прежнего быта. <...> Г. Патканов³⁸ привез целую коллекцию остяцких женских работ; в ряду их есть вещи, выполненные с большим умением и далее с некоторым вкусом. <...> В коллекции г. Патканова имеются также остяцкие охотничьи стрелы на белок и на уток...»³⁹.

Год работы над «приготовлением к печати отчетов»⁴⁰ не прошел даром. По результатам проведенного исследования в Тобольской и Томской губерниях было издано 22 выпуска «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири». Четыре тома из них принадлежали перу С.К. Патканова⁴¹. Но этим не закончилась работа автора над собранными материалами.

За пределами указанного исследования остались этнографические материалы, собранные С.К. Паткановым среди иртышских остяков. Начав их обнародовать с выступления на собрании в Географическом обществе, в 1891 г. он опубликовал в журнале «Живая старина» (Вып. III–IV) статью «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям»⁴². Давая рекомендацию для вступления в Императорское

Устав Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 2. Тобольск, 1894. С. CXL. Членство оплачивалось С. Паткановым ежегодным взносом в течение трех лет — 1890—1892. — См. Ежегодн. Тобольск. губ. музея. Вып. 7. Тобольск, 1897. С. 23.

³⁸ Здесь и далее: *господин*, но НЕ ошибка в инициале.

³⁹ Восточное обозрение. 1891. №6. С.5. — В письме к К.Г. Залеману (филолог-востоковед; 1849–1918) от 23.05.1900 г. С.К. Патканов пишет по поводу привезенной коллекции вышивок: «С Вашим предложением уступить их в этногр. музей я вполне согласен, а в нем (них), наверное, нет образцов с **Конды**, откуда происходят все мои вышивки. Если я буду иметь их верную передачу в Книге, а в этом я не сомневаюсь, то они мне не нужны». — ПФА РАН. Ф.87. Оп. 3. Д. 287. Л.44. — В музеях Санкт-Петербурга отыскать подарок от С. Патканова пока не удалось.

⁴⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 14 об. — На этот период, с 1 мая 1889 по 1 мая 1890 г., к 800 руб. годового содержания С.К. Патканову было прибавлено еще 400 руб.

⁴¹ См. список работ С.К. Патканова. — Патканов С.К. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 314–315.

⁴² В этом же году в Санкт-Петербурге она была тиражирована отдельным оттиском, но под другим именем: «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям».

Русское географическое общество, Н.И. Веселовский сообщал, что в портфеле у соискателя лежат написанный на немецком языке⁴³ труд «Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie»⁴⁴ в двух частях, «Южно-остяцкий немецко-русский словарь» и «Грамматика южно-остяцкого наречия»⁴⁵. Подводя итог сказанному, поручитель за вступающего в общество сказал следующее: «Г. Патканов представляет для наших путешественников на востоке поучительный пример по методу исследования и по приемам; он показал, как следует приниматься за дело, чтобы работать производительно в области этнографии народов Азии. С таким направлением исследователи очень редки; немногочисленны потому и сочинения вроде того, что дано г. Паткановым»⁴⁶.

6 февраля 1891 г. Серафим Керопович Патканов был избран действительным членом Императорского Русского географического общества. Рекомендовавшие его помощник председателя отделения этнографии Николай Иванович Веселовский и секретарь Географического общества Александр Васильевич Григорьев⁴⁷ писали собранию: «Два раза ездил в Тобольскую губернию для изучения быта остяков. Может быть полезен обществу своими сведениями»⁴⁸.

В 1891 г. «за особенно замечательные труды в области географических наук, хотя бы предпринятые независимо от общества, но результаты которых были предоставлены

⁴³ Н.И. Веселовский пишет: «То, что напечатано в «Живой старине», представляет лишь главные выводы из обширного труда г. Патканова, написанного им, к сожалению, на немецком языке, потому на немецком, что из русских теперь никто не занимается, а стало быть и не интересуется финскими наречиями». — *Веселовский Н.И.* О труде... С. 25—26.

⁴⁴ Эта работа смогла увидеть свет лишь в 1897—1900 гг. О том, как готовилось издание к печати, см.: *Ю. Мандрика.* В погоне за архивом Серафима Патканова//Лукич. 1999. №1.

⁴⁵ Последние две работы удалось отыскать в Лингвистическом институте Академии наук в С.-Петербурге. — *См.: Патканов С.К.* Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 314—315. Пункт 9, 15. — «Лингвистические работы Патканова печатались в Венгрии. Это большое собрание словарных материалов (Словарь имеет 254 с. — *Ю. М.*) и составленная совместно с D.R. Fuchs'ом фонетика и морфология южно-остяцких диалектов» (*Бубрих Д.В.* Финно-угорское языкознание в СССР//Финно-угорский сборник. Т. 15. Л., 1928. С. 122.)

⁴⁶ *Веселовский Н.И.* О труде... С. 26.

⁴⁷ *См. подробнее:* Состав Императорского Русского географического общества. Спб., 1904.

⁴⁸ Архив Русского географического общества. Д.6 от 16 января 1891 г.

обществу»⁴⁹ по отделению этнографии была присуждена Малая золотая медаль действительному члену ИРГО С.К. Патканову за работу «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям».

18 марта 1892 г. департамент общих дел Министерства госимуществ выдает своему чиновнику справку для предъявления в Санкт-Петербургский университет, что тот «ни в чем предосудительном не замечен»⁵⁰.

А по осени С.К. Патканов отправляется для «лечения на минеральных водах»⁵¹ в Америку⁵² вначале на два месяца, потом продляет свое пребывание там.

Тот период жизни героя данного повествования, который можно было изучить хотя бы поверхностно, по продвижению по службе, по отпускам, закончился для автора этих строк первым апреля 1893 г.: «Вследствие отношения от 15 минувшего марта №2899 Центральный статистический комитет имеет честь уведомить департамент общих дел, что коллежский ассессор Патканов назначен с 1 апреля младшим редактором комитета».

В связи с переходом на новое место службы, очевидно, было заведено и новое личное дело. Обнаружить его пока не удалось. Известно по публикациям С.К. Патканова, что он владел искусством фотографии⁵³, но его портрет пока также не удалось найти. Правда, работая в архиве в Петербурге, удалось в описях отыскать дело, в коем значилась фотография, на которой мог быть запечатлен Патканов⁵⁴, но ее в фондах почему-то не оказалось.

В 1894-1895 гг. началась работа по подготовке к изданию основной работы его жизни, книги на немецком языке в двух частях «Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie», которую он посвятил Александру Кастрену. Вначале издание

49 История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества: 1845–1895/Состав. П.П.Семенов. Ч.III. Спб., 1896. С.1000.

50 Есть предположение, что с этого времени С.К. Патканов преподает. Архивы университета переданы в ЦГИА, который пока закрыт, и исследовать версию пока нет возможности.

51 РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 22–23.

52 Итогом его путешествия была публикация в журнале «Землеведение». См. сноску ⁶, а также список работ С.К. Патканова.

53 См.: Патканов С.К. По гагиендам и руинам Юкатана. Путевые наброски//Землеведение. 1896.

54 РГИА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 423.

книги планировалось в трех томах. Издательский процесс шел трудно. Но лучше расскажут об этом письма С. Патканова к К. Залеману:

9 мая 1896 г. «Дело в том, что со времени окончания моей работы прошло более 3-х лет и при ее прочтении явилась необходимость в изменениях и некоторых дополнениях, отчего статья только выиграет...».

6-го авг. 96 г. «Вчера получил письмо от г. Андерсона, в котором он мне сообщает приятную весть, что он рекомендует мою работу для напечатания. Так как он находит необходимым переделать 3 страницы и переписать 35 строчек, я бы очень просил Вас, если к этому не представляется препятствий, возратить мне мою работу для переделки в указанных частях и вообще для просмотра всех сделанных г. Андерсоном указаний. Т.к. г. Андерсон на днях будет в Петербурге (ок. 20 авг.) я в этом случае буду в состоянии переговорить с ним по этому поводу и вместе просмотреть сомнительные места».

8 окт. 96 г. «Когда я был в последний раз у Вас, Вы предложили не печатать моего труда (III том, Грамматика и словарь иртышск. наречия), а обождав, когда будут собраны дополнительные материалы и когда будет переделана работа гг. Баргенева и Рослякова, изо всех этих данных и из ранее обнародованных изданий составить одну общую остяцкую грамматику и один общий словарь. Просмотрев указанный III том, я пришел к заключению, что в такое сводное сочинение войдет лишь половина моей работы, а другая половина, или около того, потеряет всякое самостоятельное значение. К тому же новый материал может быть собран и обработан не скоро, как и переделка упомянутой работы об обдорском наречии, немало времени потребуется на создание общей сводной работы, пройдут года, пока она будет рассматриваться и еще года, когда она будет напечатана.

Мне как начинающему автору перспектива увидеть свою работу, стоившую мне немалых трудов, отпечатанной лишь в виде извлечений и то, может быть, в 1904/5 году (мой материал собран в 1887/8 году и представлен в Академию в 1894, февр.), не придает, откровенно говоря, большой энергии к труду».

5 дек. 96 г. «...счел возможным принять, что прежние остяки не знали этих домашних животных и заимствовали их у татар. Г. Андерсон, опровергнув тюркское происхождение слова «mis», тем самым лишил основания и мое предположение. Но относительно лошади у меня и раньше не было разногласия с г. Андерсоном. Его замечание объясняю я тем, что он меня не понял, о чем я ему заявил при нашем свидании. Я вовсе не отрицал, что остяки прежде, в очень отдаленные времена были знакомы с лошадью, и привел даже венгерск. форму ю, родств. остяцкой tau. Если же я говорил, что они прежде не держали коней в качестве домашних животных и приводили их в качестве жертвенных животных с юга, то я имел в виду исключительно эпоху былин, то есть XIV–XV ст., так как я описывал быт остяков лишь этого периода. Возражения же г. Андерсона были вызваны тем, что он мои выражения <...> понял в смысле, что остяки весьма отдаленных времен, о которых можно судить только по данным языка и археологии. В те времена остяки, вероятно, жили южнее и держали лошадей. В эпоху же былин они жили уже в <...> местах, причем из их героического эпоса не видно, чтобы они держали коней как домашних животных».

9 дек. 96 г. К сожалению, у меня не имеется подлинников бумаг, на которых нарисованы эти знаки. Дело в том, что они служили подпи-

сями на залоговых свидетельствах инородцев, которые, конечно, хранятся у тех лиц, которым они принадлежат. Да и те акты, с которых я срисовал эти знаки, были копиями, где тамги воспроизведены рукой писца и, может быть, не совсем точно».

13 дек. 97 г. «Письмо и корректуру посылаю Вам для прочтения с просьбой вернуть по миновании надобности. Чистых оттисков и русского перевода текста я еще не получал.

Ввиду того, что г. Андерсон, по-видимому, весьма сильно занят и, может быть, будет затрудняться просмотром корректуры, я покорнейше прошу Вас решить вопрос, посылать ли ему для просмотра теперь и немецкий перевод, и, в утвердительном случае, какую корректуру (1-ю, 2-ю или 3-ю)? Если посылать, то, по-видимому, лучше избрать первую, чтобы корректура его могла вовремя поспеть для печатания.

По расчету г. Андерсона посылка корректуры в Казань и отправка в тот же день обратно потребует не более 13 дн., т.е. промежуток меньший, чем проходит между двумя корректурами. Г. Андерсон также собирается написать рецензию на мою книгу, что меня порадовало».

28.5.99. «Проектируя в прошлом году экспедиции в Зап. Сибирь, Императ. Академия Наук не решила окончательно вопроса об издании по проекту г. Андерсона моего остяцкого словаря и грамматики, напр., в виде 3-го изд. Castren'oBa «Versucheiner ostyak Sprachlehre». Она, по-видимому, предполагала издать собранные во время означенной командировки материалы вместе с моими лексическими материалами и другими, появившимися раньше в печати. Так как экспедиция в Зап. Сибирь не состоялась, то мне было бы очень желательно знать, какова будет судьба моего труда.

Если Академия не изменила своего мнения в этом отношении и думает оставить мои материалы в архиве на неопределенное, быть мож., очень долгое время, то я попросил бы ее разрешения выйти с предложением о напечатании моей работы в изданиях Societe Finno-ougrienne или в трудах Венгерс. ак. н., т.к. в России вряд ли кто решится на такой подвиг. Собрание и разработка материалов мне стоили массы труда, и я, естественно, пожелал бы поскорее увидеть вышедшей в свет мою работу, подготовленную еще в 1887/8 гг. и законченную в 1893 г. Ввиду того, в своих грамматических набросках я пользовался Кастреновой грамматикой, изданной Академией, как конвой, я по желанию ее могу уничтожить все, что мною заимствовано от К., заменив эти места ссылками на него. Также и из словаря я при надобности могу выкинуть все заимствованные мною у К. слова, котор. не оказалось в моих материалах».

14.X.99. «Я опять хотел переговорить с Вами относительно моего остяцкого словаря и грамматики. Суть дела Вам уже известна из моего письма к Вам весною. Я бы хотел поскорее покончить издание всех моих остяцких работ, написанных уже немало лет тому назад. Наша Академия Наук мне оказала честь, напечатав под Вашей благосклонной редакцией первые два тома, озаглавленные: «Irtusch-Ostyaken etc.». Что касается до словаря и грамматики, то она, кажется, не сошла для себя удобным напечатать их в том виде, как они написаны, а предполагала со временем издать общий сводный словарь остяцких наречий и общую сводную грамматику. Если мои работы попадут в эти издания, то мой многолетний труд, стоивший мне многих усилий и времени, будет лишь одним из немногих их ингредиентов и окажется во всем обезличенным, перспектива, которая мне, откровенно говоря, не очень улыбается. Я нашел исход, который, по-видимому, удовлетворит обе стороны и вполне сохранит интересы нашей Академии Наук, в дар которой я принес означенные работы. Этот проект заключает-

ся в следующем: я написал Мункачи, на каких условиях Венгерская академия наук может напечатать мои работы, и получил ответ, который прилагаю при сем, который меня вполне удовлетворил.

Так как я для полноты включил в мой словарь все слова Кастрена по иртышскому наречию, даже те, которые не встречаются в моих записях, то я обязуюсь вычеркнуть все эти заимствованные формы, оставив для сопоставления лишь те, которые встречаются и у меня, подобно тому, как родственные формы по северному наречию я заимствовал у Алквиста, зырянские у Видемана, татарские у Будагова и как сам Кастрен заимствовал их у других. Но и эти формы, которые я сохранию, я снабжу знаком (с.) при будущем издании упомянутого сводного словаря Академия Наук будет в этом случае иметь под руками вполне отредактированный и напечатанный труд, пользоваться которым несравненно удобнее, чем рукописью.

Что касается до замечаний г. Андерсона, то все более или менее значительные из них (не простые исправления и вычеркивания) будут, в случае если они будут включены в труд, отмечены его инициалами. Я думаю, что при такой комбинации Академия Наук не встретит затруднения разрешить мне передать мой остяцкий словарь Мункачи для напечатания на изложенных в его письме условиях. Я со своей стороны готов из авторских экземпляров, которые получу, уделить нашей Академии 50. <...> Если бы Академия Наук нашла возможным удовлетворить мою просьбу о разрешении напечатать обе эти работы, или по крайней мере первую, в Венг. ак. н., она доставила бы мне огромное удовольствие в скором времени увидеть вышедшими в свет все мои труды по изучению инородцев С.З. Сибири, осужденные иначе потерять с течением времени половину своего значения и, может быть, остаться ненапечатанными.

Мне очень совестно, что я Вас постоянно утруждаю своими просьбами и делами, но Вы всегда были так добры и любезны ко мне, что я и на этот раз решился потревожить Вас».

30.XI.99. «После Вашего любезного письма я ответил Мункачи на его предложение утвердительно и занялся переделкой грамматики, из которой выкинул большую часть заимствований от Кастрена, заменив их ссылками на соответствующие параграфы его грамматики. Изменил я несколько и предисловия, и теперь книга готова для отсылки в Буда-Пешт.

Так как Вы были так добры и обещали известить меня о мнении Академии по этому поводу, я беру на себя смелость еще раз тревожить Вас просьбой сообщить мне, имеется ли с какой-нибудь стороны препятствие к отсылке моего остяцкого словаря и материалов для грамматики в Буда-Пешт для их напечатания: первого в трудах королевской Академии и вторых в «Revue Orientale» на известных Вам условиях».

6 февр. 1900. «В рецензии на I т. «Irtysch-Ostjaken» в «Этногр. обозр.» 1897 №3 говорится между прочим следующее: «К сожалению, Академия, издавшая труд г. Патканова, не украсила главы, касающиеся материальной культуры описываемой народности, рисунками. Описания жилища, одежды, украшений и т. д. никогда не будут достаточно ясными, если они не сопровождаются рисунками; отсутствие последних особенно дает себя чувствовать при описании орнамента, который, в частности у остяков, чрезвычайно богат и представляет, кроме того, много своеобразных черт. Вследствие этого описание г. П. вышивок и др. способов и характера орнамента у остяков не могут дать точного представления об их стиле: между тем для такого крупного учреждения, каким является Им. Академия Наук, денежные затраты, с которыми сопряжено издание рисунков, едва ли бы составили серьезное затруднение...» и т.д.

С этими словами, я думаю, нельзя не согласиться. Он предлагает взять рисунки из Тобольск. или др. музея. Но я сам привез из Сибири очень интересные вышивки южных остяков с Конды, состоящие из 2 женских рубашек и целого ряда грудных и головных украшений из бисера изящных рисунков. Кроме того, у меня имеются 2 остяцких инструмента (домбра и лебедь), лук, колчан и шесть разных стрел (крылышки их поедены молью). Если бы можно было приложить эти вышивки и предметы в виде рисунков, то издание, наверное, от этого много бы выиграло».

23.V.900. «Я совсем не предполагал, что рисунки могут стоить 400 руб. то есть много более оригиналов <...> Теперь относительно таблицы с инструментами, луком и стрелами. Кажется, Вы против этой таблицы без красок ничего не имели, т.к. Вы, помнится, сказали, что она недорого будет стоить, равным образом согласна ли Академия напечатать мою этнографическую карту, которую я вам показывал (Карта Тобольского округа), интересную в том отношении, что здесь проходит северная граница татар, южная граница остяков и западная вогулов. Стоит эта карта (400 экз.) 87 руб., как я Вам уже сообщил».

24-го февр. 1902. «Премного Вам благодарен за любезно присланный отзыв о моей работе, над которой благодаря моей вине Вам пришлось так много потрудиться. Отзыв этот, достаточно лестный для автора, был мне прислан несколько недель тому назад самим Dr. Супаном, издателем «Peter. Mith», с которым я имел удовольствие лично познакомиться во время Географического конгресса в Берлине в 1899 г.

8.2.904. «Когда мой остяцко-немецкий словарь печатался в Буда-Пеште, венгры выкинули русскую часть, заменив ее венгерской (без этого они не соглашались печатать мой словарь). Ввиду того, что наша Академия Наук имела в виду собирать материалы для остяцкого словаря всех наречий, чтобы издать его впоследствии, когда накопится достаточное количество источников, то я хотел бы Вас спросить, может быть, для означенной цели пригодится и русский перевод остяцких слов в моем словаре, не использованный в изданном в Буда-Пеште словаре. Дело в том, что эта русская часть представляет оригинал, с которого переведена немецкая часть. Она точнее передает смысл остяцких слов уже ввиду того, что в Сибири много провинциализмов и местных слов, не имеющих соответствия в европейских языках. Таким образом, если Вы сочтете, что эта русская часть моего словаря может пригодиться для будущего сборного словаря, я могу ее доставить к Вам на дом для хранения ее до поры до времени в архивах Академии».

Если же почему-либо Вы признаете эту часть моего словаря не пригодной для вышеуказанной цели, я бы мог передать ее в архив И.Р.Геогр. общ-ва»⁵⁵.

Что еще известно о Серафиме Кероповиче? То, что в 1905 г. по отделению этнографии ИРГО он был удостоен Большой золотой медали за труд «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» и за всю совокупность предыдущей ученой деятельности. 16 мая 1908 г. «статскому советнику старшему редактору Центрального статистического комитета <...> В воздаяние отлично усердной и рев-

⁵⁵ ПФА РАН. Ф.87. Оп. 3. Д. 287. Л. 1-54.

ностной службы и особых трудов ваших, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловали МЫ Вас, Указом, в 16 день мая 1908 года Капитулу данным, Кавалером ИМПЕРАТОРСКОГО ордена Нашего маятого Равноапостольского Князя Владимира четвертой степени...»⁵⁶.

В 1912 г. шла речь о его командировке за границу с целью изучения иностранных статистических бюро⁵⁷. Случилась ли командировка? Пока неизвестно.

В это время он начал работать в группе по составлению этнографической карты России. В феврале 1913 г. была создана Сибирская подкомиссия. Председателем ее был избран известный этнограф Л.Я. Штернберг, товарищем председателя — С.К. Патканов. Последний и заведовал Архангельско-Тобольской секцией. В конце 1914 г. подкомиссия была превращена во II отдел Сибири и Дальнего Востока...⁵⁸

То, что Патканов вырос от обыкновенного статистика до исследователя, пытающегося с помощью статистики понять, как вымирают первобытные племена, «вопрос, который помимо своего высокого демографического интереса мог бы помочь пролить свет на многие неясные стороны в настоящее время еще мало изученного явления — упадка исторических народов»⁵⁹. Он предлагает безотлагательно **принять** на государственном уровне такие меры, направленные на улучшение экономического положения населения Северной Сибири, как: запрещение хищных приемов ловли рыбы; упорядочение и облегчение снабжения предметами первой необходимости, принадлежностями и припасами, необходимыми для промысла; улучшение организации повсеместно существующих на Севере **рыбозапасных** магазинов на случай голодовки; строгий надзор и установление более значительных взысканий за незаконную продажу инородцам спирта; помощь местному населению в сбыте пушнины и мамонтовой кости; облегчение инородцам бремени податей; улучшение путей сообщения; забота о народном здравии; упорядочение правового положения; учреждение на всем севере Сибири

⁵⁶ РГИА. Ф.1102. Оп.2.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 129. Л. 135.

⁵⁸ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 2-10.

⁵⁹ Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб., 1911.

школ грамотности⁶⁰. Как видим, у советского режима был повод забыть исследователя инородцев.

Удалось обнаружить информацию, что его судьбой все-таки интересовались. В декабре 1936 г. в Архив Академии Наук СССР пришел запрос: «НИИ Экономике Севера при Главсевморпути ведет работу по изучению демографии Крайнего Севера <...>. В связи с этим необходимо получить ряд дополнительных сведений о работах Патканова <...>. Институту необходимо получить:

1) автобиографию Серафима Кероповича Патканова <...>;

4) перечень материалов, оставленных Паткановым при издании племенной карты Сибири <...>»⁶¹.

Из шести перечисленных в запросе пунктов в Архиве Академии Наук нашлись лишь разрозненные статистические материалы по демографии Сибири, никакого отношения к исследователю остяков и вогулов не имеющие.

***

В минувшем году исполнилось восемьдесят лет с того дня, когда Серафим Керопович покинул этот мир. Л. Штернберг, автор предисловия к единственной посмертно изданной в России книжке С.К. Патканова, писал: «В нашей комиссии (по изучению племенного состава населения России, входившей в Российскую Академию Наук, — *прим. автора*), объединявшей десятки отдельных работников, были две такие личности, оба, увы, безвременно и *трагически* нас покинувшие, — это академик А.А. Шахматов и С.К. Патканов»⁶².

А.А. Шахматов пережил С.К. Патканова на два года и умер своей смертью — от болезни желудочно-кишечного тракта. Как умер С.К. Патканов? Одна из сотрудниц архива, с которой довелось общаться, сказала банальность, что в революцию уже разруха и голод были трагедией для русской интеллигенции. Еще и потому, что даже будучи великим, можно было умереть для всех и навсегда...

«...За истекший 1918 г. ряды работников отдела еще более поредели. Весною умер Серафим Керопович Патканов. Причи-

⁶⁰ Там же. СС. 187-197.

⁶¹ ПФА РАН. Ф.7. Оп. 1. Д. 200. Л. 153, 155.

⁶² Патканов С.К. Список народностей Сибири. Петроград, 1923. С.1.— «17 декабря 1918 г. на заседании всех четырех отделений общества Ю.М. Шокальский произнес речь о скончавшемся С.К. Патканове». — См.: Известия РГО. Т. LV: 1919-1923. Вып. II. М.-Пг., 1924. С. 183.

ной его преждевременной кончины послужило хроническое недоедание⁶³, вызванное обстоятельствами общего неурейства продовольственного дела в стране и той мерой, благодаря которой работники научных и литературных профессий поставлены в наихудшее положение в отношении личного продовольствия, будучи причислены к 2-й и 3-й категориям»⁶⁴.

Последнее обнаруженное нами письмо, написанное им академику С.Ф. Ольденбургу, датировано 27 марта 1918 г.: «В ближайшем будущем предполагается закрыть Комитет в Петрограде совсем, и тогда туда попасть совсем нельзя будет. Мне с великим трудом удалось выудить из помещения К. мои материалы по племенной карте, пот. ч. начальство и другие чины все подозревали, что эти материалы или их часть составляют казенное имущество, которое бастующие чины желают расхитить, но я все-таки по частям утаскиваю свои материалы домой (как после первой забастовки тащил их из дому в К.), и теперь более половины их у меня. Все это в связи с полной необеспеченностью в будущем, сильным холодом дома и возможностью отъезда в Москву очень тормозит дело составления племенной карты, которая за это время не подвинулась вперед. Закончил я только табличную 100-верстн. карту Сибири, т.е. подготовил ее к печати. Эта карта будет необходима для нанесения на нее всех показаний и признаков этнографической карты и племенной карты в частности. Хотя она выполнена для II Отдела Комиссии по составл. плем. карт Р. при Геогр. общ-ве, но она пригодится и для нас⁶⁵, так что все же кое-что сделано. По окончании первой забастовки, в феврале, условия были довольно благоприятны, я имел нехолодную комнату в К. и собирався приступить к работе, но через 2 недели было предложено поехать в М., и после отъезда начальства и части чинов в М. правильная служба прекратилась, чины стали выброшенными за борт, комнаты перестали должным образом отапливаться и т.д. Полагаю, что пригл. то же царит и в других правительственных учреждениях. Работать при подобных условиях почти невозможно, пот.ч.

⁶³ В петербургских газетах того времени писали: «С пятницы 10 мая хлебный паек будет выдаваться в размере $\frac{1}{4}$ фунта в день как по основной, так и по дополнительной карточкам» — Увеличение хлебного пайка//Петроградская правда. 1918. №92 (8 мая). С. 4.— Или было указано « <...> на возможность использовать дикорастущие растения — лишайники и грибы — в качестве продуктов питания, формы использования овса <...>. Центральная управа ассигновала в распоряжение научно-технического комитета 5000 руб. на расходы по выпуску популярных брошюр для населения по вопросам о рациональном использовании суррогатов питательных продуктов <...>. Северным экономическим обществом был поднят вопрос о возможности переработки испорченного картофеля в крахмал». — Заседание Центральной продовольственной управы//Там же. 1918. №98 (15 мая). С. 4.

⁶⁴ Архив РГО. Ф.1. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

⁶⁵ В конце 1917 г. С.К. Патканов был приглашен Российской Академией Наук участвовать в трудах Комиссии по изучению племенного состава населения России. — См.: Архив РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 10 (вставка).

насушные жизненные вопросы заглушают мысли. Простите, что надоел Вам этими излияниями, но они необходимы для пояснения неуспешности возложенной на меня миссии. И списки народностей и этнограф. карты, котор. я Вам передал, выполнены недостаточно вдумчиво, в особенности 2 список»⁶⁶.

В ведомости «Кому и за что уплачено» Русского географического общества указана дата, когда были выданы восемьдесят пять рублей В. Цвернеру на венки для С.К. Патканова. Это 18 мая 1918 года⁶⁷. Можно предположить, что это и есть дата смерти, учитывая, что ведомость составлена за 1916–1918 гг. и написана одним почерком в один присест. Но по этой же причине гипотеза может быть ошибочной. Вот между этими двумя датами — последнего письма и покупки венка на могилу — он покинул этот мир.

В газете «Петербургское эхо», где работал известнейший впоследствии этнограф В. Тан-Богораз, в это время хоронили В. Радлова. В разруху некрологи печатали редко. С.К. Патканов не был даже академиком. Он был старшим редактором Центрального статистического комитета.

Он был певцом инородцев:

«...в те отдаленные времена, когда Русь была еще слаба и, так сказать, собиралась, эта верная и значительная по тогдашнему времени материальная поддержка (речь идет о ясачной подати мехами в казну царя — *прим. автора*) со стороны инородцев содействовала укреплению царской власти и несомненно помогла нашему Отечеству выйти из своего трудного положения, преодолеть своих многочисленных врагов и создать мировую державу, раскинувшуюся на 1/6 часть суши. И вот если не за свою настоящую деятельность и за свою нынешнюю скромную лепту, то по крайней мере за свои прошлые заслуги, за те богатые дары, которые они свыше трех веков вносят в сокровищницу русского народа, сибирские инородцы имеют право рассчитывать на признательность и на посильную помощь со стороны своего Отечества»⁶⁸.

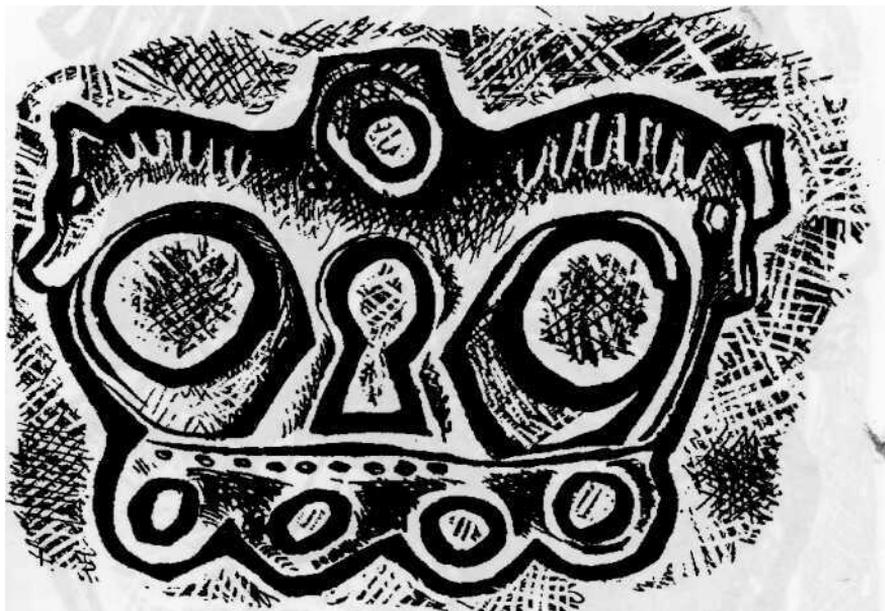
Ю. Мандрика

⁶⁶ ПФА РАН. Ф.2. Оп. 1–1917. Д. 30. Л. 231–232, 232 об.

⁶⁷ Архив РГО. Ф.24. Оп. 1. Д. 77а. Л. 9 об.

⁶⁸ Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб., 1911. С. 186.

Серафим Керович
ПАТКАНОВ _____

**Иртышские остяки
і их народная поэзия**

Часть I
Этнографическо-статистическое
описание

Предисловие

Остяцкий народ оказался в центре внимания целого ряда европейских ученых и русских академиков*. В самом деле, кажется, ни к какой части Сибири не проявляли такого интереса, как к северо-западной. Произведения, посвященные исследованию и описанию природы, а также жизни и быта людей этой местности, так многочисленны, что только из них может быть составлена пусть и небольшая, но библиотека.

Большая часть этих ученых и исследователей, впрочем, совершенно естественно обратила свое внимание на долины нижнего и частично среднего течения Оби, т.е. на те местности, которые лучше сохранили свою оригинальность и меньше подверглись влиянию русской цивилизации, в то время как юго-западная группа остяков, расселенная в Тобольском округе, не показалась им объектом, достойным исследования, т.к. здесь сильнее выражено обрусение и более, чем в других группах, утрачено этническое своеобразие.

Только двое из этих ученых занимались иртышскими остяками, и их произведения имеют для нас, как в силу добросовестности авторов, так и в силу ограниченности наших сведений об этом племени, особое значение. Это Гр. Новицкий, изъездивший эту местность в 1714 году, то есть в то

* Эрман, Паллас (Зуев), Фишер, Мюллер, Регули (Хунфалви), А. Кастрен, Алквист, Финш и Брэм, Поляков, Зоммир, Папай, Мункачи, Ядринцев и др. Жаль, что часть этих произведений составлена только на финском или венгерском языке, которых многие ученые не знают.

К словам, обозначенным астериском (*), имеются авторские примечания, которые помещены внизу страницы. Сноски, имеющие цифровую нумерацию, относятся к комментариям издателя и помещены в конце книги. См. С. 391. — Прим. изд.

время, когда остяки были еще язычниками, и А. Кастрен, посетивший Сибирь в 40-е годы этого столетия. Последний, главным образом, занимался лингвистическими исследованиями и сообщил нам сравнительно мало об обычаях и нравах этого племени. Очевидно, сегодняшнее экономическое положение и духовная жизнь иртышских остяков почти не знакомы нам. А ведь не исключено, что их ожидает вскоре печальная слава исчезнувших с поверхности земли из-за рассредоточенности и сильной ассимиляции русской культурой.

Целью предлагаемой книги является хотя бы частичное заполнение этого пробела исследованием экономического уровня, этнографии и лингвистики населения северо-запада Сибири. Автор находился в той местности по делам службы около двух лет, в течение которых имел возможность провести несколько месяцев среди тобольских остяков и вогулов. Следует заметить, что книга не претендует на создание законченной картины духовной жизни названных народов. К такому заключению придет каждый, кто примет во внимание сравнительно короткое время, которым располагал автор для этой цели и которое к тому же было в основном занято другими работами. Тем не менее данные, собранные здесь, основываются почти исключительно на наблюдениях автора и могли бы претендовать поэтому на определенную новизну и оригинальность.

Книга состоит из двух частей. В первой части, т.е. в предлагаемой книге, описываются стиль жизни, обычаи и нравы иртышских остяков и их сегодняшнее экономическое положение. Вторая часть посвящена народной поэзии этой группы остяков и состоит, кроме короткого описания видов и своеобразия их поэтических произведений, также из записанных мной остяцких песен, сказок и сказаний с русским и немецким переводом¹. В приложении к этой части я обратил внимание на русские сказки, определенное сходство с которыми имеют обские сказания.

В качестве дополнения к этому произведению будет опубликован иртышско-остяцко-немецко-русский словарь, во введении к которому будут даны некоторые разъяснения своеобразия грамматики кондинского и демьянского поддиалектов.

Автор.

С.-Петербург, декабрь 1892.

Глава I Топографическое описание территории и зарисовки ее природы

Имена остяков для себя и своих соседей. — Деление остяцкого народа на три части по местам расселения. — Территория иртышских остяков и ее границы. — Гидрография: реки, озера, болота. — Ландшафт. — Паводки. — Климат. — Леса. — Животный мир: важнейшие млекопитающие, птицы, земноводные и рыбы региона.

Угорские остяки* образуют восточную группу широко распространенного финского племени. Язык их причисляют к угорской ветви финно-угорских языков, куда входят также вогульский и мадьярский (венгерский). Существует большое сходство остяков с вогулами, их западными соседями: во внешности, в языке, в обычаях и нравах. Родство двух народов признается и остяками, и вогулами: в языке вогулов нет особого слова для обозначения их восточных соседей, а слово «mans», которым они называют себя, применяется и к остякам. В районе Конды вогулы называют их также *lujólxumut*, что должно означать «живущие в нижнем течении реки». Северные остяки именем *xanda-xo* также обозначают не только себя, но и вогулов. Кроме *xandaxui* (-xoi, -ku, *мн. ч.* — *jax*), которое применяют по отношению к себе все угорские остяки, отдельные группы, или роды, этого народа называют себя по рекам, в поймах кото-

* Слово «остяки» используется не только для обозначения угорских остяков, но и для племени самоедов, «нарымских остяков», что стало причиной ошибки некоторых неискушенных в идиомах здешних жителей этнографов считать эти народы идентичными. Целесообразнее было бы поэтому обозначить упомянутое племя самоедов названием «остяко-самоеды»². Далее живущая на Енисее и верхней Кете и родственная аринам, коттам, койбалам народность называется «енисейские остяки». Вогулов в древних документах иногда также называют «остяками». Но следует заметить, что представителям племени вогулов слово «вогулы» мало известно, поэтому они самих себя, говоря по-русски, называют «остяками»³.

рых живут; так, живущие на Иртыше и Салыме остяки известны под именем *Tajat-jax* и *Sôdom-jax*⁴, т.е. «иртышский народ», «салымский народ», а обские — *As-jax*, т.е. «обской народ». Из последнего названия как раз и образовалось русское обозначение — остяки.

Что касается имен, которые угорские остяки дают своим соседям, то самоедов они называют: *jaġan* (Тобольский округ), *jargan* (Сургутский округ), *jorġun* или *or* (Березовский округ), причем первое имя довольно близко иртышско-остяцкому слову «*ġara*» — «другой, чужой». Зырян называют у них *saran*, русских — *rut*, *rus*. Татары известны у кондинских угров под именем *ġorma* (Алқв.), родства которого с остяцким (*ġorm* — «болото») — нельзя недооценивать. Жители кондинских районов больше всего общаются с живущими между болотами и топиями эскальбинскими татарами («заболотные татары»). Среди обских и иртышских остяков их называют *xadan*, *xataġ*⁵. Это имя интересно в том плане, что напоминает китанов, катанов, которые, по рассказам тюркских племен, проживали некогда в южной части Тобольской губернии в указанных районах. Татарский мулла из Карагаевской волости высказал предположение, что остяки якобы после того, как китаны ушли, перенесли их название на татар, занявших места их расселения.

Так же, как север Тобольской губернии делится на три района, на три большие группы в этнографическом, лингвистическом и культурном плане делится живущее здесь остяцкое население.

Северная группа остяков занимает район Березова, где они и сегодня еще составляют основную массу населения. Самые южные представители этого народа довольно сильно обрусели; живущие далее на севере между тем сохранили свой язык, а также обычаи. Что касается самых северных остяков, кочующих у Обской губы и столетиями испытывающих на себе влияние живущих там самоедов, то они очень много заимствовали у последних, и их язык также полон самоедских слов и выражений. В некоторых точках этой местности можно встретить смешанную народность, которая приближается то к остякам, то к самоедам⁶. Численность северных остяков составляла в 1858 году 14115 человек обоего пола, а именно: 7312 мужчин и 6803 женщины.

Хорошо сохранили этнические особенности и язык восточные остяки: в 1875 году их было 6700 душ, проживавших в районе Сургута, в пойме Вась-егана Нарымской волости, прилегающей к Томской губернии.

Третью группу составляют юго-западные остяки, которых Кастрен назвал по имени главной реки этой местности «иртышские остяки». Они живут в северной части Тобольской губернии. Их поселения рассеяны по берегам Оби (до реки Салым), Иртыша, Конды, Демьянки и некоторых их притоков. Иртышские остяки намного больше развиты в культурном плане, нежели их северные или восточные братья по племени, т.к. постоянно находились под цивилизирующим влиянием образованных народов: сначала зырян⁷, затем татар, а сейчас русских — и очень многое заимствовали у них. Число их составляло в 1858 году еще 2865 душ, а в 1887 — только 2508. Так как границы расселения этого племени на карте Алквиста* указаны неверно, считаю нелишним определить их здесь более точно. В качестве южной границы может рассматриваться 59° северной широты, т.к. южное поселение остяков — Алымские юрты — находится всего двумя верстами выше устья Туртаса. Далее на юг начинается территория татар. Здесь, впрочем, следует заметить, что от названных юрт до р. Демьянки остяки встречаются очень редко и составляют очень небольшой процент от общего, состоящего в основном из русских населения. На восток от Иртыша иртышских остяков можно встретить только на Демьянке, в нижнем течении которой находятся небольшие деревни, рассеянные по территории в 130 верст. Самые восточные из этих поселений являются деревнями в один дом, например, Саргатские и Яничевские юрты. Эскинские юрты (Верхне-Демьянская волость), построенные на Нолыме, притоке Демьянки, соединяются зимой с Цингинскими юртами и расположенными на Салыме деревнями остяков санными путями. Салымские остяки, живущие большей частью в Сургутской, меньшей — в Нарымской волости Тобольского округа, занимают территорию между юго-западными (тобольскими) и восточными (сургутскими) остяками.

* Л. Алквист. Среди вогулов и остяков//Acta Soc. se. Fennical. XIV. 1885. С. 133—307.

Северная граница распространения остяков почти совпадает с соответствующей границей Тобольского уезда. Живущие в самой южной части Березовского округа остяки говорят на языке, который можно рассматривать в качестве переходной формы между иртышско-остяцким и северным диалектами. Западную границу расселения этого племени (по Алквисту) нужно сдвинуть дальше на запад примерно до 65,5° восточной широты. Есаульские юрты на Конде, расположенные лишь двадцатью верстами восточнее деревни Нахрачинские юрты, заняты как остяками М.-Кондинской, так и вогулами Кондинской волости и составляют приграничный слой обоих народов. Общее число угорских остяков в 1887 году составляло 22500 душ.

Описание стиля жизни и сегодняшнего экономического положения иртышских остяков, их обычаев и народной поэзии составит содержание этой книги. Мы начнем с описания территории и ее природы.

Гидрографическое описание местности. Территорию иртышских остяков, или северную часть Тобольского округа, образует не имеющая гор и почти гладкая равнина, простирающаяся на север. Две мощные реки — Обь (As) и Иртыш (Taqat) — пересекают территорию: первая в направлении с востока на запад (на 130 верст), вторая — почти точно с севера на юг. Все нижнее течение этой реки (около 700 верст) относится к указанному региону. Из притоков Иртыша, орошающих эту местность, укажем только следующие важные для жителей реки: Носка, Алымка, Конда (Xunda, вог. Kondyn), Туртас (Turt-âs) и Демьянка (Nimvan). Три первые реки впадают в Иртыш с левой стороны, две последние — с правой. Носка и Алымка протекают по почти полностью покрытой болотами местности и летом являются единственно возможными путями коммуникации между небольшими татарскими и вогульскими юртами, рассеянными как в их пойме, так и по берегам некоторых их притоков.

Конда, одна из важнейших рек остяцкого севера, берет свое начало возле Туринска и служит сточным резервуаром необыкновенно болотистых и богатых водой местностей, по которым она протекает. В рамках Тобольского округа она принимает следующие притоки: с левой стороны реки Тап,

Яни-яке или Юконда, русло которой почти полностью находится в этом районе; реки Морт-Ега, Кама и масса более мелких. С правой стороны Конда через Ахту принимает речную систему трех необычных озер, называемых туманами, затем реки Кума, Катым с его притоками, Вай и другие. Из берегов указанных рек заселены только берега Конды и Юконды или притоков последней. В верхнем и среднем течении Конды и на Юконде живут вогулы, занимающиеся охотой и рыбной ловлей, в нижнем течении Конда проходит по территории остяков (М.-Кондинская волость). Средняя ширина этой реки превышает 100 саженей, но в нижнем течении, начиная от Камских юрт, она становится более многоводной и достигает ширины в одну, а в некоторых местах две версты летом, а весной — в семь верст. Эта огромная водная поверхность называется здесь «Кондинский сор», а ее длина составляет 60 верст. Бассейн Конды богат рыбой и брусникой. Земледелием здесь, однако, занимаются лишь отдельные вогулы и русские.

С правой стороны, как сказано, в Иртыш впадают две большие реки — Туртас и Демьянка. Так как Туртас протекает только по болотистым, богатым лесом местностям, в восточной части региона и на его берегах, за исключением самого нижнего течения, никто не живет, эта река в настоящее время не имеет для жителей региона большого значения. Не славится он и обилием рыбы. По нему передвигаются почти исключительно охотники («урманщики») которые осенью с помощью этой магистрали на легких лодках-долбленках сплавляются в глубь территории, где проводят часть зимы, охотясь на пушных зверей и лосей и собирая кедровые орехи. Из притоков Туртаса следует назвать следующие, наиболее значительные: Теврис, М. Туртас, Рога-яс, впадающий в него с левой стороны, и с правой — Кеум. Куда большее значение для местности имеет Демьянка, пойма которой обжита в нижнем течении, хотя и здесь население немногочисленно. Несколько десятилетий назад остяцкие поселения можно было встретить и в среднем течении этой реки, но сейчас то племя почти вымерло, а немногие оставшиеся семьи переселились ближе к Иртышу. Озера и Демьянка с прилегающими «сорами» богаты рыбой. Ее притоки Нолым, Кеум, Кальча и Б. Куньяк пересекают протя-

женные лесные и болотистые местности, славящиеся изобилием дичи и пушного зверя.

Озера (*têu, tor*) особенно многочисленны в западной части региона. Укажем следующие: два тумана-озера, которые мы упоминали раньше; *Yax-tôr* в Кондинской волости, *Sôrtaŋ-tôr*, Чесноково, *Vigelski-tôr*, *Sipsaŋ-tôr*, *Ene-tôr* и другие в М.-Кондинской. Все озера более или менее богаты рыбой. Некоторые из них (например, Андреевское в Эскалбинской волости) переполнены илом, и в них водится только карась; в других, которые чище и соединены с реками, напротив, можно в изобилии встретить все местные виды озерной и речной рыбы, т.е. щуку, окуня, ерша, плотву. Менее многочисленны озера на правой стороне Иртыша, где поверхность поднимается выше над уровнем моря. Озера здесь встречаются, главным образом, в бассейне реки Демьянка и верхнем течении Салыма (*Sodom*). Важнейшим озером этой местности является *Чагров-tôr* на территории цингинских остяков (В.-Демьянская волость). Это озеро, как и река под тем же названием, впадающая в него, очень славится среди живущих окрест русских и остяков своим рыбным изобилием.

Болота (*kui, vômom*) занимают большую часть территории Тобольского округа, о чем нужно особенно сказать в отношении его северной половины, т.е. местах расселения иртышских остяков. Твердая почва протянулась здесь узкими полосками по берегам больших и малых рек, причем ширина этих полос находится в определенном отношении к размеру рек, оказывающих свое дренажное влияние на прилегающие местности. На берегах больших рек ширина этих полос твердой почвы достигает одной или нескольких верст; на малых, напротив, они так узки, что стоит пройти лишь несколько сотен или даже десятков сажен от берега в глубь территории, как наткнешься на болота.

В этом своеобразном чередовании сухой территории, болот и водоемов кроется объяснение того, почему почти все население этой местности переместилось в долины больших и малых рек, и только небольшая часть коренных жителей региона: татар, остяков и вогулов — осела в пригодных для рыбной ловли и охоты угодьях на некотором удалении от больших рек, на берегах небольших речушек и озер, часто посреди болот.

Эскалбинская волость, протянувшаяся от города Тобольска на северо-запад и занимающая около пятой части всего региона, почти полностью занята болотами довольно большого размера. Болота и поймы, т.е. более низкие поверхности, затопляемые весной, а летом большей частью превращающиеся в луга, занимают больше половины Кондинской и Меньше-Кондинской волостей.

Протяженные болота есть и на правом берегу Иртыша, хотя территория расположена сравнительно высоко над уровнем реки. К таким болотам относятся те, что расположены между Иртышом и Туртасом, Туртасом и Демьянкой (Качеяровское и Демьянское болота), между Демьянкой и ее притоком Кеум (Кеумское болото). Кеумское болото тянется на восток и постепенно переходит в Салымское болото, расположенное в границах Сургутского округа.

Болота Тобольского округа имеют три вида: самые протяженные из всех те, что покрыты болотным мхом (*Sphagnum*). Они характеризуются однообразием поверхности, лишены деревьев и кустарников и являются, кроме того, самыми непроходимыми и опасными, и не один путешественник или охотник нашел в них свою смерть. Эти болота обычно покрыты осокой, главным образом *Carex vesiculosus*, пушицей (*Eriophogon*), камышом и другими растениями; иногда болотная флора набирает такую силу, что вытесняет мох. В этих случаях болота приобретают некоторое сходство с лугом. Болота, где преобладает вид мха *Polytrichum*, не занимают значительных площадей. Такие болота встречаются повсюду, где есть густой лес, как в южной, так и в восточной и западной частях региона. Их флора, как правило, отличается от соседствующих хвойных лесов разве только тем, что поросль (березы, сосны) из-за неблагоприятной для них почвы сдерживается в росте и приобретает уродливый вид. Последний характерный для здешних мест вид болот — осоковые болота, расположенные почти исключительно в северной части региона. Они встречаются повсюду по берегам Оби, в нижнем течении Иртыша, в среднем и нижнем течении Конды и т.д., везде, где занимают низкие участки протяженных северных лугов. Они не имеют мохового покрытия, но густо поросли различными видами осоки, пырея, тростником и частично

луговым кустарником. Подобно прилегающим лугам, они затопляются каждой весной, но высыхают (частично), в отличие от первых, только осенью.

Многие из болот всех трех видов содержат торф (*ост. тунк*), в северо-западной Сибири называемый «тунда». В моховых болотах первой категории залежи торфа достигают толщины от двух аршин до сажени.

Ландшафт. Выше мы сообщили, что Тобольский округ представляет собой «высокую» равнину. Это нужно понимать в том смысле, что хотя на территории и нет гор или значительных возвышенностей, здесь можно встретить достаточно площадей и холмов, лежащих на 15-20, а то и 30 саженой выше уровня моря. Подобная возвышенность занимает почти всю восточную половину округа и заканчивается только на Иртыше и Оби крутым склоном, который образует высокий берег (*ост. гёр*) этих рек, или, выражаясь иначе, внешнюю террасу, ограничивающую долину этих рек. Обь, протекающая, как было указано, в границах этого региона с востока на запад, имеет две подобные террасы, а Иртыш, устремляющийся от Тобольска к северу, только одну, крутой спуск которой представляет его правый берег. Своеобразие формирования берегов обеих рек по открытому, академиком Баэром закону находит свое объяснение единственно в разнице направлений течения.

Левый берег Иртыша, как и аналогичный в нижнем течении Оби в Березовском округе, напротив, пологий и образует низкую и очень многоводную равнину. В противоположность правому высокому и лесистому берегу (*ост. унт-рêтек*) он, занятый протяженными северными лугами, называется «луговой стороной» (*uigit-pêtek*).

В своем поступательном движении на север Иртыш подмывает возвышенный и крутой правый берег и собирает на левом отложения песка и, главным образом, жидкого ила, благодаря чему ежегодно обогащается новыми участками земли. В то время, как жители этого берега вынуждены время от времени переносить свои жилища ближе к воде, живущие на другой стороне реки находятся в постоянной опасности упасть с крутого берега и умереть среди волн.

Паводки. Легко предположить, что твердая почва лишь немного возвышается над поверхностью воды. Это способ-

ствует выходу рек из их берегов на значительной части Тобольского округа. Подобные паводки происходят здесь каждую весну. Снег обычно начинает таять в апреле. В конце апреля или в начале мая реки освобождаются ото льда. Что касается Оби, которая является отводным каналом всех водоемов Западной Сибири, то ее верхнее и среднее течение освобождается от ледяного покрова раньше нижнего. Это объясняется тем, что нижнее течение находится севернее, где даже летом почва оттаивает лишь на несколько дюймов. Это обстоятельство, однако, оказывает огромное влияние на площадь паводковых затоплений. Река приносит на север массы льда из Тобольского и южных округов, и так как эти глыбы льда находят здесь, в нижнем течении, непреодолимое препятствие, они нагромождаются безобразными скоплениями, что еще больше затрудняет сход воды и приводит к повышению ее уровня. Вода рек может начать выходить из берегов еще в апреле, т.е. в то время, когда земля еще покрыта снегом и льдом. В этом случае единственная причина этого явления кроется в быстром таянии снежных масс.

Обычно разлив рек начинается уже в мае, и вода достигает своего самого высокого уровня в июне. Затем он постепенно понижается, но осенью реки вновь набухают от обильных дождей и затапливают часть территории. Размеры, которых достигают ежегодные затопления весной в этих равнинных, низко расположенных местностях, действительно огромны: в местах, где еще недавно можно было видеть Обь, Иртыш и другие реки, в это время рокочет пресноводное море в 10—25 верст, которое, подобно открытому морю, подвержено штормам, представляющим опасность для больших, в 5—7 сажень, рыбацких лодок.

Восточная часть региона, ограниченная на юге и западе Иртышом, а на севере Обью, как было сказано, образует возвышенную террасу, таким образом, защищена от наводнений, а потому жители правого берега Иртыша не знают тех забот, которые несет река их соседям по другую сторону ее.

Климат местности, как мы описывали, суровый. Зима занимает большую часть года и характеризуется сильными морозами и обильным снегом, лето короткое и часто дождливое.

Первые признаки весны можно заметить в конце марта (по старому стилю), к этому времени температура в полдень повышается до $6-8^{\circ}\text{R}$ (Реомюр). Первые вестники весны — уже прилетевшие вороны, галки, снегири. Но зима еще не сдала свои права: под утро температура опускается и в апреле, и даже в начале мая до -10°R . Первым месяцем весны можно считать здесь апрель, когда снег только и начинает таять по-настоящему. В конце месяца реки набухают. В течение апреля возвращаются птицы: щеглы, дрозды, а также водоплавающие: утки, лебеди и гуси. В конце мая начинаются теплые и даже жаркие дни, но они часто сменяются еще и в начале июня холодными и дождливыми. Только середину этого месяца можно считать началом лета. В этот период природа достигает своего расцвета. Как было сказано, лето короткое, но жара достигает обычно температуры до $+45^{\circ}\text{R}$ на солнце, смягчаясь частыми грозами и ливнями.

В первой половине августа проходит сенокос и уборка хлеба, хотя иногда по причине дождливой погоды эти работы отодвигаются на некоторое время. Жара постепенно спадает, сентябрь обычно прохладный, влажный и дождливый, в октябре уже начинается зима, и птицы улетают. В конце месяца уже случаются сильные морозы (до $-15-20^{\circ}\text{R}$). Снежное покрывало окутывает весь ландшафт. В декабре и январе зима достигает своей высшей точки, иногда температура две—три недели не превышает -20°R , а в некоторые дни опускается даже до $-30-35^{\circ}\text{R}^*$.

Флора. Территория иртышских остяков, как и весь Тобольский округ, очень богата лесом, но следует добавить, что хорошие леса в настоящее время немногочисленны. Из двух половин, на которые Иртыш делит территорию, восточная, более высоко расположенная, почти полностью покрыта непроходимыми и непрерывными лесами, которые называют здесь урманамы (*ост.*: unt). После того, как в конце сороковых и шестидесятых годов на всей территории буше-

* Среднегодовая температура города Тобольска — $-0,1^{\circ}\text{R}$, средняя температура зимы — -14°R , весны — 0°R , лета — $+13,5^{\circ}\text{R}$, осени — 0°R ; экстремальные температуры зимы и лета различаются на $27,5^{\circ}\text{R}$. В течение года в среднем случается 93,6 дождливых дней, и масса выпавших осадков достигает 20,75 рус. дюймов. (*См.*: Списки населенных мест Тобольской губернии. 1871).

вали пожары, старые хвойные боры встречаются редко. Здесь леса, состоящие из старых, более или менее развитых, а также молодых деревьев, чередуются с местами, полностью или частично выгоревшими и занятыми мертвыми деревьями. Через пару лет после пожара подобные голые места снова начинают покрываться лесом. Первая древесная поросль, появляющаяся в таких случаях, относится к лиственным породам, и это в основном березы и осины. Лишь спустя несколько десятилетий в смешанных лесах берут верх хвойные деревья, исключая самые низкие участки речных долин, которые больше подходят для развития лиственных видов деревьев. Смешанные леса указывают на места бывших пожаров. Прекрасные лесные массивы сохранились в некоторых местах бассейна реки Туртас, на Большом и Малом Салыме, на границе Сургутского района и в других местах. Хвойные породы покрывают также часть очень протяженных здесь болот или все расположенные между ними островки сухой земли (*ост. раі*). В этих состоящих преимущественно из елей и сосен хвойных лесах то тут, то там встречаются также и относительно чистые участки лиственницы и кедра.

Менее богата лесами левая, более низко расположенная половина округа. Из трех волостей, на которые она делится, наибольшим количеством лесов располагает заселенная вогулами Кондинская. Протяженные еловые и сосновые массивы занимают здесь берега Ях-ва и ее притоков. Чередуясь со смешанными лесами, они покрывают также всю террасу, ограничивающую долину Конды с юга. Большие леса тянутся также вдоль реки Вай и некоторых притоков Конды. Они состоят из больших участков кедрача и богаты дичью и пушным зверем. В Эскалбинской волости, самой южной среди трех названных, болота и топи, как было сказано, занимают большую часть площади. Хорошие леса встречаются здесь, главным образом, в северных и западных районах.

Меньше всего лесов в М.-Кондинской волости, расположенной в нижнем течении Конды. Протяженные леса, урманы встречаются в ее северных районах, и они вместе с соседними лесами Туринского региона образуют огромные лесные площади. Эти леса принадлежат Нюркоевским,

Шумиловским и Д. Согомским юртам, жители которых занимаются охотой на оленей. В южной части этой волости леса есть в поймах Катыма и Вая. Остальные, более крупные площади волости представляют собой низкую, сильно затопляемую весной и пронизанную реками и их рукавами (post), озерами и болотами травяную равнину. Самые высокие места этого региона образуют плоские песчаные, почти всегда покрытые редким сосняком холмы. Из мшистого покрова *polytrichum*, занимающего здесь, как и повсюду в северных хвойных лесах, всю поверхность почв, поднимаются различные, характерные для лугов растения, такие, как карликовая береза (*Betula nana*), вереск (*Calluna vulgaris*), багульник (*Ledum palustre*) и многочисленные ягодные растения, из которых брусника (*Vaccinium vitis-idaea*) играет важную роль в экономике местных жителей. Количество ягод, которые собираются здесь в хорошие годы, достойно удивления; к тому же кондинская брусника отличается своим размером и вкусом и славится во всем регионе. Это — основание того, что подобные земельные участки рассматриваются здесь как ценные.

В этой местности растут лиственные породы, встречающиеся на расположенных среди низин возвышенностях (*ост. ur*). В противоположность упомянутым выше относительно высоким песчаным холмам они практически ежегодно подвержены затоплениям и состоят, главным образом, из затвердевшего речного ила. Здесь преобладают некоторые виды луговых деревьев и кустарников, осина, береза, ольха и липа, вишня, рябина, шиповник и некоторые подобные им растения, иногда окруженные местными вьющимися растениями и диким хмелем (*Humulus lupulus*).

Почти все названные деревья и кустарники играют в хозяйстве жителей определенную роль: их древесина используется для изготовления различных предметов домашнего обихода. С липы дерут лыко, ягоды дикоросов идут в пищу, а хмель применяют при варке пива.

Иногда роши состоят почти исключительно из зарослей молодых верб. Здесь и там сменяемые небольшими группами других лиственных деревьев: тополей, берез, осин и др. — они образуют широкую и плотную стену на берегах, подверженных затоплениям большими реками. Роши зани-

мают почти всю территорию долины Оби, имеющую ширину, считая водную поверхность, в 10—30 верст.

Фауна. Леса Тобольского округа богаты дичью и пушным зверем. Среди первых наибольшее значение для местных уроженцев имеют красная дичь, т.е. лоси и олени. Лось живет повсюду, где есть протяженные леса, потому он так многочислен в восточной, сильно поросшей лесом половине округа. В западной половине местности, напротив, он мало распространен; здесь его можно встретить только на участках леса, покрывающих берега Тюмы, многих притоков Конды и правый берег Катыма, Кумы и др. Олень, напротив, более многочислен в западной половине территории, а именно: в северной части Кондинской и северо-западной Меньше-Кондинской волостей, пересеченных реками Уньях, Кама, Катым, Ях-ва и их притоками. Местность здесь слегка возвышена и частично занята хвойными лесами, там в изобилии растет лишайник (олений мох), служащий для животных пищей. Олени пасутся большими стадами, часто состоящими из нескольких сотен, а то и тысяч голов.

Из пушных зверей важнейшими являются соболь, лиса, ондатра, поставляющие довольно дорогой мех и все еще добываемые в достаточном количестве. Зайцы и белки встречаются практически повсюду и в отдельные годы очень многочисленны. Не имеют такого большого значения для экономики жителей следующие пушные звери: рысь, росомаха, горноста́й, бурундук, волк; первые два потому, что они не так многочисленны, два другие потому, что они не находят покупателей в настоящее время, а последний потому, что его не так легко добыть. Царь сибирских лесов — медведь — ценится за хороший мех, но редко становится добычей, представляя собой опасность даже для опытного охотника. Мы должны здесь вспомнить еще об одном четвероногом, который не приносит прямой пользы человеку, но служит пищей многим пушным зверям, например, лисам, соболям и другим, и привлекает их из соседних местностей в те годы, когда плодится в больших количествах, — это местный вид леммингов (*Myodes obensis*).

Эта территория очень богата и дикой птицей. Из лесных птиц особенно важны тетеревиные. К ним относятся куропатки, белые куропатки, тетерева и глухари, достига-

ющие здесь значительных размеров и веса до 30 фунтов. Многочисленные водоемы местности дают приют огромным массам водоплавающих, первое место среди которых занимают утки и нырки всех возможных видов. Дикие гуси встречаются здесь, а именно в северной части региона, практически только во время перелета с юга на север, когда останавливаются на широких низких берегах Оби и в устье Иртыша. Лебеди встречаются, главным образом, в западной части региона, где они останавливаются на недоступных озерах.

Из амфибий представлены только лягушки, нет ни ящериц, ни змей.

Рыбные богатства Тобольского округа и, главным образом, его северной половины, т.е. области юго-западных остряков и вогулов, широко известны. 30—40 тысяч людей разных национальностей кормятся почти исключительно рыбным промыслом. Но при всем том здесь в целом гораздо меньше видов рыб, нежели на севере Европейской России. Рыб этой местности удобно разделить на три группы:

1) группа озерных рыб, живущих в стоячей воде; сюда относятся караси (*Carassius vulgaris*) и реже встречающиеся язи (*Tinea vulgaris*);

2) группа озерных и речных рыб, представленная обычными видами: щука (*Esox lucius*), плотва (*Leuciscus rutilus*), голавли (*L. dobula*), известные в Западной Сибири под названием «*Megden*» (очм.: *megden*), окуни (*Perca fluviatilis*), ерш (*Acerina cernua*) и стерлядь (*Acipenser ruthenus*). Из этих видов рыб наибольшее значение имеют первые два, т.к. они есть почти во всех озерах и реках региона и часто заполняют водоемы огромными массами;

3) третью категорию составляют кочевые рыбы, т.е. такие их виды, которые только часть своей жизни проводят в пресной воде. Из них здесь встречаются два вида: лососевые (*Salmonidae*) и осетровые (*Acipenseridae*). К первым относятся высоко ценимые виды рыб семейства *Coregonus*: нельма (*Lucioperca nelma*), сырок (*Coregonus vimba*), муксун (*C. muksun*), все местные виды, известные поэтому под своим остяцким названием. Сырок встречается также в некоторых небольших озерах М.-Кондинской волости, а именно: в угодьях магатских, байбалинских и верхнесогомских

остяков. Второй вид представлен осетром (*Acipenser*). Все эти рыбы имеют нежное и очень вкусное мясо. Они водятся только в крупных реках этой местности — Оби и Иртыше. Выход рыб из моря происходит уже в начале лета, но в водоемах Тобольского округа они появляются лишь в начале осени, проложив за лето путь в 1500 верст. Следует заметить также, что некоторые виды рыб, такие как сырок и муксун, предпочитают чистую воду Оби и избегают мутную иртышскую воду; стерлядь, напротив, в большом количестве встречается в последней реке. Возвращение рыб происходит в начале зимы.

Речные рыбы в Тобольском округе также подвержены некоторым, хотя и кратковременным миграциям. В море они не выходят, но мигрируют из истоков рек и близлежащих озер в большие реки региона — Иртыш и Обь — и обратно. Первая миграция происходит осенью (в октябре), когда эти обитатели воды уходят из загрязненных вод* малых рек и озер, где иначе они погибли бы. Весной, когда богатая кислородом вода от таяния снега обогащает речную, начинается подъем речной рыбы, регулируемый в это время потребностью к размножению. Рыбаки, естественно, извлекают пользу от знания этих миграций.

* В ноябре начинается «пожар» (загор) или «отмирание» (замор) сибирских водоемов. Вода становится мутной, приобретает неприятный вкус и образует после длительного застоя красный, состоящий частично из оксида железа осадок. Использование этой испорченной воды вредно как животным и рыбам, так и человеку, почему зимой пьют воду, вытопленную из снега или взятую из ручьев. В начале апреля реки и озера возвращаются в свое нормальное состояние.

Глава II

Иртышские остяки и их образ жизни

Культурное влияние со стороны соседних народов: зырян, татар, самоедов и русских. — Внешний вид иртышских остяков. — Одежда. — Дома и их обстановка; подсобные помещения. — Деревни: зимние и летние юрты.

Культурные влияния со стороны соседних народов.

Как уже было сказано, иртышские остяки выгодно отличаются от их племенных родственников в плане духовного развития и их более прогрессивной культуры, родственников, проживающих в районе Сургута и Березово. Этим превосходством они до определенной степени обязаны влиянию культуры более развитых народов: зырян, татар и русских, с которыми общались долгое время и продолжают общаться. Роль двух первых названных народностей относится к прошлому: до завоевания Сибири русскими они, большей частью язычники, были носителями культуры в северо-западной Азии.

Угры, т.е. остяки и вогулы, которые с незапамятных времен поддерживали торговые отношения с зырянами, позаимствовали от них пользование различными, неизвестными им до той поры предметами, которые являются неотъемлемой частью обихода образованных людей. Поэтому их остяцкие названия почти полностью совпадают с аналогами в языке зырян, например, стол — *pesan*, *зыр.*: *ruzan*; окно — *isen*; *зыр.*: *öšin*, сито — *pus*, *зыр.*: *pož*; вожжи — *šermat*, *зыр.*: *sermäd*; замок, засов — *tuman*, *зыр.*: *toman*; горох — *anges*, *зыр.*: *ankuc*, *ankuc*; мука, крупа — *râk*, *зыр.*: *rok*; хлеб — *ост.* и *зыр.*: *vav*; мед — *tag*, *зыр.*: *ta* и т.д. Кроме того, остяцкий язык содержит массу зырянских слов и выражений, или, как минимум, слова, корни которых относятся к языку зырян⁸. Это явление частично является следствием массового переселения зырян в долины Ирты-

ша и Оби, когда те бежали от миссионерского рвения святителя Стефана Пермского.

Но еще большее влияние на духовную жизнь остяков оказали татары. Это могло скорее всего произойти тогда, когда южные остяки, или, как минимум, та часть их, что жила на берегах Иртыша, исключая самое нижнее течение его, Демьянки и **Конды**, были зависимы от сибирских ханов. В течение XVI—XVII веков татары сумели ассимилировать соседствующих южных остяков и вогулов и только их незнание наречий этих народов препятствовало быстрому распространению ислама в северо-западной Азии. Известному сибирскому миссионеру Филофею вскоре после того удалось большую часть этих вновь обращенных привести в греческую церковь, еще и сегодня значительная часть населения многих южно-остяцких деревень (Лебаутских, Л.-Буренских, Алымских, Туртасских юрт Назымской волости), кроме русского, говорит только на татарском, к которому примешаны некоторые остяцкие выражения. То же самое можно сказать о вогулах Ландинских и Рындинских юрт (Конда): жители первой деревни большей частью говорят на вогульском, русском и татарском, второй — в основном только на татарском. В древние времена татарский язык среди угров был распространен сильнее, чем сейчас. Ачирские татары, живущие на севере Эскалбинской волости, недалеко от двух упомянутых деревень, подобно другим татарам, исповедующим мусульманскую веру, по внешнему виду похожи на финнов, что следует сказать особенно о женщинах, но нельзя забывать при этом их угорское, говоря точнее, вогульское происхождение.

Многочисленные слова татарского происхождения, которые теперь вошли в состав языка остяков, показывают нам, как сильно культура остяков во время завоевания территории русскими зависела от культуры их соседей и повелителей. Вот несколько примеров этих чужих, заимствованных у татар, понятий: седло (*inâr*, *tam.*: *ijär*), кнут (*xamde*, *cp. tam.*: *kamde*), струнный инструмент (*xûmys*, *cp. tam.*: *kômes*), стрела (*xaimak*, *tam.*: *kaimak*), коса (*câtxa*, *tôtxa*, *tam.*: *calky*), матрас (*tušak*), свет, свеча (*šam*), свекла (*šatxan*, *tam.*: *šalğan*), трубка (*xaŋsa*, *tam.*: *kaŋsa*), пиво (*pusâ*, *tam.*: *busa*, также *sav-jînk*, *cp. tam.*: *sera*; *зыр. и ост.*: *sur*), царь (хоп) и т.д. Вполне возможно, остяки обязаны татарам появлению в хо-

зайстве скота, который, судя по его татарскому названию, не был известен им совсем, или остяки имели о домашних животных слабое представление. Так, корова *sagar, mis*, бык — *ûges* имеют одинаковое звучание в обоих языках. То обстоятельство, что эти домашние животные совсем не упоминались в известных мне героических сказаниях, где жизнь древних остяков была точно описана, может только укрепить наше утверждение. Наконец, и некоторые остяцкие обычаи, кажется, имеют татарское происхождение, например, обычай использовать лошадей для жертвоприношений⁹ в честь богов, а не других домашних животных*, не есть свинины, обычай остяцких женщин на севере и на Салыме закрывать лицо от незнакомцев и т.д. Даже самоеды, никогда не продвигавшиеся так далеко в культурном развитии, как остяки, оставили некоторые, на севере даже довольно значительные, следы в их языке и домашнем укладе. Так, описываемая ниже очень практичная зимняя одежда остяков, весьма вероятно, происходит от этих жителей Крайнего Севера. Далее, некоторые частично устаревшие в настоящее время и встречающиеся в народной поэзии выражения, возможно, самоедского происхождения, как: *xatpi* (=харті?) — разделанный олень, *pôlâ* — сабля, большой нож (*сам.*: *paly*), *para* — меч, сабля (*Ср.*: *сам. narea* — копье) и подобные.

Если сейчас иртышские остяки очень редко встречаются с самоедами, то раньше, до прихода русских, их связывали оживленные, большей частью враждебные взаимоотношения. Так, они по причине распространенного обычая избегать эндогамных браков¹⁰ и добывать жен из других племен, родов и народов вели постоянные войны друг с другом, главным образом, для того, чтобы с мечом в руке завоевать прекрасных дев. В настоящее время иртышские остяки подвержены исключительно культурному влиянию русских, и обрусение этого племени в последнее время достигло большого прогресса. Этому особенно благоприятствуют соседство русского населения и браки остяков с русскими женщинами, т.к. русские редко выбирают остячек в подруги жизни. Сильнее всего обрусели иртышские остяки (*Taŋat-jax*) и обские остяки (*As-jax*). Здесь много деревень, где жители забы-

* На это обращает внимание уже Гр. Новицкий (Краткое описание о народе остячком. 1884. С. 51).

ли свой родной язык. К ним относятся следующие юрты: Лебаутские, Солянские, Алымские, Романовские, Базьяновские на Иртыше; Шапшинские, Ахтоминские (Нялинские) — на Оби. Во многих других остяцкой понимают только люди старшего поколения, в то время как молодежь не знает языка отцов и общается исключительно на русском.

С языком с Иртыша и Оби исчезают и остатки языческих обычаев, которые еще сохранились в отдаленных местах региона, в стороне от больших магистралей и судоходных рек. В ближайшем будущем можно ожидать полное растворение остяцкого населения в русском — по аналогии с тем, которое произошло везде, где великорусский народ соприкасался с финскими племенами, превосходя их в культурном развитии, если бы не одно обстоятельство, по причине которого лишь некоторые остяки превратятся в русских. Этим обстоятельством является вымирание остяков. Но речь об этом будет позднее, а сейчас мы хотели бы описать внешний вид иртышских остяков и их домашний уклад.

Внешний вид иртышских остяков. Лишь наличие очень незначительного количества антропологических данных об остяках частично объясняет право всех коренных уроженцев Сибири на освобождение от военной службы. Обмеры живущих представителей этого народа предприняты Зоммиром и С. Чугуновым*, первый из них работал среди жителей нижней Оби, или березовских остяков, а второй — среди живущих в среднем течении ее, или сургутских остяков. По измерениям ученых 93 лиц из районов рек Обь, Юган, Трем-Юган и Вах средний рост остяка этого племени не превышает 1596 мм**. (На Вахе, где остяки, видимо, не сохранились в такой чистоте, — только 1571 мм). Подобные измерения среди иртышских остяков отсутствуют, тем не менее мне кажутся последние более высокими, что можно приписать, с одной стороны, лучшим условиям жизни, с другой стороны, более поздним бракам и, наконец, смешению их с относительно высокими русскими***.

* Антропологический очерк остяков Сургутского края//Сиб. вестник. 1890. №№ 85, 88, 90.

** Средний рост пермских вогулов (13 лиц муж. пола) по Малиеву составляет лишь 1542 мм. (Малиев. Отчет о вогульской экспедиции. 1873).

*** Из всех местностей, где проживают остяки этого племени, самой подходящей для подобных исследований кажется та, что расположена в нижнем течении Конды (Меньше-Кондинская волость), где, в отли-

лось до публикации указанных антропологов академиком фон Баэром*.

Наличие брахицефальных и суббрахицефальных черепов (главным образом, на Малой Оби — собрание Финча) объясняется, возможно, близостью брахицефальных самоедов, с которыми остяки часто заключали брачные союзы.

Что касается размеров различных частей остяцкого скелета, об этом известно очень мало. Антропологические измерения проводились только на двух скелетах, а именно Чугуновым, завершившим свою статью следующими словами: «В своем строении остяцкие скелеты обнаруживают существенные различия как от кавказских и монгольских скелетов, так и от негритянских, хотя с некоторыми из последних и существует несколько точек соприкосновения». Что касается нас, то нам представляется более полезным не делать никаких выводов из таких недостаточных наблюдений и обратиться к описанию наружности и одежды.

Тобольские остяки большей частью среднего телосложения и хорошо сложены, но обычно характеризуются тем, что коренасты. Округлые и плоские лица с плоским носом и немного выступающими скулами, и желтоватый, или точнее, желтовато-серый цвет лица придают им некоторое сходство с монголами. Их прямые, ниспадающие волосы чаще всего черного или коричневого цвета; гораздо реже встречаются мужчины со светлыми волосами. Этот нюанс своих волос остяки, по предположению Кастрена**, должно быть, унаследовали от занявших долины Оби и Иртыша зырян. Женщины обычно более низкого роста, нежели мужчины, и часто сложены грубо. Лица их, имеющие округлую форму, отличаются теми же характерными чертами, т.е. широкими скулами, плоским, часто похожим на кнопку носом, ввалившимся у основания, и толстыми губами. Если же черты лица и мало соответствуют европейским требованиям красоты, то юношеский блеск глаз и свежая алость щек иногда придают остяцким девушкам определенную оригинальную привлекательность.

Волосы женщины заплетают в косы; эта прическа раньше была в моде и среди мужчин и еще сегодня сохранилась

* Этнологический журнал. 1876. Тетрадь П. С. 1.

** Этнологические лекции. С. 126.

в отдаленных местах Березовского округа. Женщины, волосы у которых редкие, по праздникам носят ненатуральные косы¹¹, которые в будни можно увидеть где-нибудь виющимися на стене в хижине.

Одежда. Тобольские остяки в настоящее время полностью переняли русскую одежду, только зимой некоторые из них, как в общем и многие русские, носят костюм самоедов, состоящий из двух шкур оленя или собаки. Обе шкуры имеют форму рубахи и надеваются через голову. Разница состоит в том, что у нижней шкуры, или малицы (*kêle*), мех обращен внутрь, а у верхней (*xus*) — наружу. Кроме того, верхняя шкура имеет меховую шапку, играющую роль верхнего головного убора, а нижняя состоит из небольшой шапки из шкуры оленьего тельца (треушок). На ногах дальше на севере носят пару пестрых сапог из оленьего меха или мокасины, которые у иртышских остяков сменились валенками или простыми кожаными сапогами с голенищами.

Мы должны здесь упомянуть еще один, истинно остяцкий предмет одежды, который сохранился теперь лишь в некоторых местах. Это свободный воротник приблизительно из 80—100 хвостов белки, которые для этой цели вдоль оси надевались на шнурок и стягивались. Этот воротник, отличающийся от боа европейских дам только тем, что он короче, служит для защиты от ветра и снега. На Демьянке он известен под названием *tanke-dûr* (= *tanka tûr*, т.е. беличья шея), по-русски — нашейник, частично используется также на Иртыше и (по Алквисту) — на нижней Оби (*tulyx*).

Женщины, повсюду более консервативные, чем мужчины, частично сохранили свой прежний наряд*. Он состоит из изготовленной из конопляного или крапивного полотна и богато украшенной цветной шерстью рубашки, цветного нагрудника и отделанного оловом или бисером верхнего пиджака или кафтана из того же полотна (*nui*). Многочисленные бисерные украшения в форме широких полос дополняют оригинальный наряд остяцких женщин. Эти плетения носят как головное украшение на лбу (*saravât*), они обнимают шею как воротник (*rôx*), они в форме кольца по-

* И этот наряд заимствован у русских, хотя со временем и был модифицирован. Национальная одежда древних остячек шилась, как еще и сейчас на Севере, из меха.

крывают грудь и обычно включают крест (*pernâ piget*) и т.д. В настоящее время этот наряд надевают только в праздники, и он все больше и больше выходит из моды, вытесняясь русскими нагрудниками и платками.

Дома и их обстановка. В то время как значительная часть северных и восточных остяков ведет кочевой образ жизни и живет летом в берестяных чумах, зимой в землянках или бедных деревянных хижинах, которые лишь в исключительных случаях имеют оконные стекла, все остяки Тобольского округа, как и те, что живут в приграничных районах Березовского округа, имеют более или менее постоянное место жительства. Они живут в одно-, реже двухэтажных, собранных из балоков избах, отличающихся от домов соседних русских крестьян разве что меньшими размерами. Все окна этих домов имеют стекла, лишь иногда их заменяет пленка из кишок быков или лосей; она, кстати говоря, пропускает достаточно света, но не позволяет видеть, что происходит снаружи.

В этих домах — одно, два, иногда три помещения, но зимой вся семья из-за холода живет в одной комнате. К стенам этих комнат прикреплены нары. В одном из передних углов висят изображения богов, под которыми стоит большой разукрашенный стол. Остальные углы заняты большими нарами и огромной глинобитной русской печью. У более бедных людей вместо печи имеется очаг, более похожий на камин, сооруженный из ивовых прутьев и глины (*ост.*: *ʒogol*, *русс.*: чувал). Меблировка остяцкого дома не исключает также маленького настенного шкафа со стеклянной дверцей для посуды. Одним словом, мы встречаем здесь ту же домашнюю обстановку, что и у соседних русских среднего достатка, разве только у остяков все сделано грубее, повсюду больше грязи и насекомых.

Рядом с домами находятся один или два водруженных на столбы амбарчика, служащих местом хранения припасов. В отдаленных местах один из них предназначен для домашнего бога и хранит его сокровища.

Лошадей и коров обычно держат на некотором удалении от дома, чтобы избежать скопления навоза, который остякам, являющимся по своей сути скорее рыбаками, нежели земледельцами, само собой разумеется, не нужен. Ло-

шади стоят под открытым небом и иногда защищены от сильного ветра и снега сооруженным из жердей сараем. С этой целью сарай во время зимних месяцев покрывают еще и соломой. У крупного рогатого скота везде свои стайки.

Деревни. От четырех до двадцати стоящих обычно в беспорядке домов составляют остяцкую деревню, или юрты (pugot).

Кроме этих юрт (teda-pûgot), у некоторых остяков есть еще летние юрты (tâ u-pûgot)*, в которых они проводят теплую половину года. Летние юрты находятся в поймах водоемов, где в начале лета ведется рыбный промысел. Уже в конце лета такие места становятся неудобными для жизни, потому что дома после схода воды отдаляются от водоемов широкими, полувысохшими площадками и пересеченными, заполненными мягким илом рукавами реки. Эти летние избы сделаны тоже из древесины, но в них нет окон, или, как минимум, оконных стекол; их внутреннее убранство тоже много проще, так, например, печь здесь почти всегда заменяет чувал. Как правило, не у каждой семьи есть особый летний дом. Одно помещение, чаще всего, дает кров двум или трем семьям. В последнее время большинство тобольских остяков совсем покинули летние дома и живут, как и русские, зимой и летом в зимних избах, которые всегда строят на высоких местах. В тех местах, где они весной занимаются рыбной ловлей, сооружают несколько хижин из шестов или балок, где все рыбаки живут вместе. Женщины в этом случае обычно остаются дома, и мужчины лишь изредка навещают их.

* Соб.: весенняя деревня.

Глава III

Занятия и источники доходов иртышских остяков*

Земледелие. — Рыболовство. — Охота на зверей и птиц. — Сбор брусники и кедрового ореха. — Животноводство. — Торговля. — Сдача в аренду земельных участков. — Средний доход иртышских остяков.

Как мы увидим далее, главными занятиями остяков являются рыбная ловля, частично сбор ягод и кедровых орешков, а также охота. Земледелием** занимаются только самые южные представители этого племени, т.е. жители Туртасских и Уватских юрт Назымской волости и Мурзинских юрт Верхне-Демьянской волости. Во всей долине нижнего Иртыша, где топографическое положение местности, климатические и почвенные условия абсолютно подходят для земледелия, которым здесь в большом масштабе занимаются и русские жители, остяки добывают пропитание почти исключительно рыбной ловлей. Это объясняется беззаботностью остяков и их сопротивлением любому нововведению, к чему в этой местности можно причислить и земледелие. Отчасти такую позицию инородцев объясняет бедность и небольшое число членов семьи остя-

* Подробнее об этом смотри в моем отчетном докладе «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». ТТ. X, XII, XIX. — (Далее — «Материалы...»: Прим. изд.).

** Как выяснилось в предпринятом мной в 1888 году подсчете (См.: «Материалы...»), в 42 дворах (80% всех) Назымской волости только на $15\frac{1}{2}$ десятины был сделан посев, из которых 14,2% озимые, ячмень 57,3%, овес 27,9% и пшеница 0,78%. Число дворов, которые сеяли, — 14, или 33,3% всех зарегистрированных домов, и в каждом из них в среднем 1,1 десят. была засеяна, в то время, как на каждом из дворов только 0,4 десят. В общем, здесь следует заметить, что по причине неурожая и наводнения предыдущего года остяки в упомянутый год сделали небольшой посев. Общая площадь культурных земель исчисляется в этой волости 60 десятинами.

ков. Сбор урожая и рыбная ловля требуют большой затраты сил в одно и то же время. У русских крестьян эта проблема решается проще: различные работы распределяются между членами семьи; у бедных и малочисленных семей остяков нет ни возможности выполнять эти работы в одно время самостоятельно, ни привлекать наемных работников. Частые неурожаи и наводнения последних лет, по причине которых земледелие здесь стало менее выгодным, повлияли на то, что и русские поселенцы, осевшие на земельных угодьях остяков, уделяли этому занятию мало внимания и, подобно местным жителям, посвятили себя исключительно занятию рыбной ловлей. «Если у нас есть рыба, будет и хлеб», — говорят все здешние люди. И в самом деле — богатый улов обеспечивает им беззаботную жизнь в течение всего года.

Рыболовство. Самые значительные рыбные промыслы, принадлежащие остякам, встречаются в поймах Иртыша и Оби. Так как рыбная ловля здесь требует значительного приложения сил, дорогого оборудования и большой численности рабочих, то владельцы рыбных угодий зачастую не в состоянии заниматься промыслом самостоятельно и потому сдают места рыбной ловли русским в аренду. Арендная плата за отдельное место колеблется между 20 и 300 рублями, а иногда значительно выше. Так, в течение трех лет — с 1887 по 1889 — восемь мужчин Костинских юрт получали за принадлежащую им песчаную косу на Оби и за рукав этой же реки ежегодно по 1270 р. (раньше даже 1870 руб.) от своих арендаторов Земцова и Рязанцева. Доля каждого из них, следовательно, должна была составить 159 рублей. Остяки, у которых нет подходящих для рыбной ловли т.н. «песков» (*ост.*: рап), удят в многочисленных реках и озерах этой низко расположенной местности, чем зарабатывают по 80—200 рублей, или в среднем 100—140 рублей на человека. Способы ловли и рыболовные снасти у остяков те же, что и у русских, почему мы и не говорим здесь об этом подробнее, т.к. детальное описание есть в моем отчетном докладе*. Стоит заметить, однако, что очень многие рыболовные приспособления имеют у остяков свои собственные названия, как, например, сеть — *sôjep*, *xôdup*, невод — *jêdam*, рыбная верша (из ивовых ветвей) — * *Материалы...* Т. XII. С. 259—307.

рин, речной запор — ваг и т.д., что наводит на мысль, что эти приспособления были уже известны им до завоевания Сибири Ермаком. Сети они тогда готовили, возможно, из крапивного волокна.

Одним из наиболее распространенных способов ловли рыбы у остяков и других коренных жителей территории является добыча «источниковой рыбы» с помощью запора и ивовых вершей. Они действуют при этом следующим образом: в начале лета, когда вода начинает спадать, реки или вытекающие из озер ручьи перекрывают с помощью запора, который изготовлен из связанных друг с другом тонких прутьев или сосновой лучины, и делают невозможным возвращение рыб в большие реки. Когда появляются первые морозы и водоемы начинают «гореть», рыба собирается с верхней стороны этого запора в больших количествах и попадает в расставленные здесь верши. Около недели продолжается большой ход рыбы. Когда он заканчивается, небольшая часть рыбы, избежавшая и верши, и смерти, спасается в вытекающих из озер и болот ручьях, вода которых обильно насыщена кислородом. Эти ручьи отыскивают остяки, а в их устье устанавливают верши. Вся забота подобных рыбаков состоит в наблюдении за этими вершами и извлечении рыбы. Такая ловля нравится ленивым и малопредприимчивым коренным жителям. Целую зиму они занимаются исключительно этим. Некоторые лица устанавливают от 5 до 20 вершей.

Охота на зверей и птиц* в прежние времена представляла для всех сибирских уроженцев, следовательно, и для остяков, очень доходную отрасль деятельности, но с тех пор, как большие пожары уничтожили лучшие леса округа и дичь значительно сократилась, большинство их перешло на рыбную ловлю. Иртышские остяки еще занимаются этим в достаточно большом масштабе на Салыме, Туртасе и в среднем течении Демьянки, где среди болот и топей еще сохранились большие участки негоревшего леса. На Иртыше охота на зверя считается побочным заработком, а на Конде ею занимаются сравнительно немногие остяки, главным образом те, кто живет в северной части **Меньше-Кондинской** волости (Нюркыевские, Шумиловские и Д.-Согомские юрты).

* Смотри мой отчетный доклад: Материалы... Т. XIX. С. 1—70.

Занятия и источники доходов иртышских остяков

На лося и оленя охотятся почти круглый год. Зимой, перед Рождеством, их преследуют на бесшумных, подбитых мехом лыжах и забивают из укрытия. В конце зимы, когда снег покрывается коркой, эту крупную дичь снова преследуют на лыжах, но на этот раз с помощью собак, и охота длится непрерывно, часто несколько дней. Летом, когда бесчисленные комары и слепни загоняют лося в воду, охотники объезжают реки на лодках, покрытых хворостом. Олень реже заходит в воду, но его забивают в это время, когда он показывается на берегах рек. Этого зверя добывают также с помощью луков и ружья, ловят в ямы и т.д.

Самой ценной частью лося является шкура, которую поэтому всегда снимают для продажи ремесленным крестьянам за 5—6 рублей. Шкура оленя ценится намного ниже — не больше 1—1,5 рубля. Часть мяса этих животных самими охотниками при помощи легких саней (нарт) вывозится из леса. Часто для этого используют еще и собак, которых запрягают в нарты (*ост.* âmbôgot — «собачьи сани»). Что касается лошадей, то их можно использовать только там, где есть дороги. Остальное мясо оставляют лежать в лесу, потому что доставлять туши животных, которые весят от 10 до 20 пудов, этими транспортными средствами по бездорожным лесам и глубокому снегу домой очень тяжело. В местах, где забивают много лося и оленя, например, по 5—10 штук каждым охотником, как это часто происходит на Вае, Катые и Тюме, половина или даже две трети добытого мяса остается в лесу на съедение волкам и медведям.

На пушного зверя, само собой разумеется, охотятся только зимой. Его разыскивают, как и диких птиц, вооружившись ружьем, частично с помощью охотничьих собак, или ловят в различные силки и ловушки, многие из которых использовались местными жителями и до прихода русских. Ружья, используемые при охоте как остяками, так и русскими, конечно, не могут считаться особенно совершенным оружием. Их стволы, как и другие части, изготовлены из железа, что делает их тяжелыми и массивными. Вместо капсюля у них кремень. Но несмотря на это, в указанной местности их предпочитают всему остальному вооружению, во-первых, потому что эти ружья очень долговечны и для них не нужны пули, которые здесь можно получить только в

крупных поселениях; а во-вторых, потому, что небольшая цена ($2\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ руб.) делает их доступными и для бедных людей. Они изготавливаются в деревне Верхне-Филатовой (Сузгун), недалеко от Тобольска.

В некоторых отдаленных местах этого региона, например, на Конде, еще сохранилось прежнее оружие остяков — лук. В настоящее время он используется исключительно при охоте на уток и белок.

Лук имеет две половины из различных сортов древесины: нижняя из кремлевой сосны¹², верхняя — из березы. Обе части склеены между собой рыбьим клеем, связаны нитью и обвиты берестой. Тетиву готовят из толстой, двухполосного пенькового шнура. Стрелы состоят приблизительно из двух лучинок, на одном конце которых закреплены железные или костяные наконечники, а на другом — три ряда перьев орла или совы. Для белок предназначены тупые стрелы, чтобы не повредить мех. В настоящее время иртышские остяки покупают свои луки большей частью у вогулов и самоедов.

Охота является важной сферой деятельности, как было сказано, лишь в некоторых местностях территории названных остяков. Некоторые лица, занимающиеся этим, получают, таким образом, 40—80 рублей ежегодно. Вот несколько примеров для демонстрации доходности этого занятия.

1) Два охотника из Лымкоевских юрт (В. Демьянской вол.) добыли в течение последних лет в среднем 10—15 лосей, 8 соболей, 3—4 выдры, 1—2 лисы, 40—80 белок и несколько десятков зайцев ежегодно и раз в 3—4 года рысь, росомаху или медведя, что при средних ценах на мех и шкуры составляло прибыль в 130—175 рублей, или от 65 до 87,5 рубля на человека. Следует заметить, что оба остяка зимой занимались почти исключительно охотой.

2) Два других остяка этой волости в 1887 году в течение осени добыли 10 лосей, 11 соболей, 3 выдры и около двадцати или тридцати белок, что соответствует денежной сумме в 140—160 рублей, т.е. 70—80 рублей на человека.

3) Шесть остяков из Туртасских и Уватских юрт отстрелили и поймали в течение зимы того же года 25 лосей, 340 белок, 7 соболей и одну рысь, что стоит более 200 рублей. Доля каждого охотника составила 35 рублей. Кроме того, они добыли 300 пудов мяса лося, часть которого была

использована, несколько десятков пудов были проданы на месте по 50 коп., а на Иртыше от 1 руб. до 1 руб. 20 коп., а некоторое количество, кроме того, привезено домой для поддержания семьи.

Для многочисленного рыбацкого населения региона, однако, охота служит лишь побочным заработком. Так, многие коренные жители и русские в свободное время идут на охоту на белку, ставят ловушки на зайцев и силки для многочисленных тетеревов и куропаток, добывают уток во время их линьки и т.д. Охота на четвероногих и птиц требует больших знаний и может вестись повсюду, где есть лес и озера, но не приносит большой прибыли — что-то около 10—20 рублей.

В качестве важной сферы деятельности остяков мы должны назвать *сбор брусники и кедровых орехов** — занятия, не требующие оборотного капитала и в отдельные годы приносящие большую прибыль. Участки, где растет брусника (*Vaccinium vitis idaea*) и стоит кедрач, как и подобные им уголья, находятся в собственности всей деревни и могут использоваться только с разрешения общины. Сбор ягод и орехов начинается в заранее назначенный день, благодаря чему семьи, где есть свободные рабочие руки, не получают преимуществ перед другими. Той же цели служат правила, что число сборщиков, которыми располагает семья, должно соответствовать числу налогооблагаемых душ, или быть в два раза больше последних, причем разрешается заменять недостающих работоспособных мужчин женщинами. Каждое пастище и каждый лесной массив обрабатываются отдельно в том порядке, который обычно определяется и оглашается на том же собрании общины, где назначается день для сбора.

Ни брусничные уголья, ни кедрач не требуют никакого ухода, исключая периодическое выжигание первых, случающееся приблизительно каждые 10—12 лет. Эта операция устраняет лесные завалы и удаляет старые кусты, дающие мало ягод. Спустя три года после пожара на этой местности собирают уже полный урожай.

Усерднее всего сбором ягод занимаются остяки и вогулы района **Конды**, потому что здесь находятся лучшие уголья. В

* Подробнее об этом см. в моем отчетном докладе: Материалы... Т. XIX. С. 139-189.

урожайные годы один человек в течение дня может собрать здесь 1—1¹/₂ пуда, а одна семья в течение осени — 40—150 пудов, или, если урожай ягод средний, 20—60 пудов, в зависимости от качества угодий и их протяженности. При цене на эти ягоды 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 50 коп. на месте и 1 руб. 50 коп. — 2 руб. в городе — это составляет значительную сумму, благодаря чему коренные жители в такие годы застрахованы и от неблагоприятных последствий плохого улова рыбы. В других местах, как, например, на Иртыше, сбор ягод не приносит большого дохода и им занимаются только в удачные годы.

Некоторую ценность представляет также клюква (*Vaccinium oxucoccos*), продаваемая по 80 коп. за пуд, в то время как все остальные виды ягод не находят сбыта.

В противоположность ягодным угодьям, в восточной половине региона господствуют кедровые леса. Еще несколько лет назад площади, занимаемые ими, были значительно больше, но сильные пожары уничтожили ³/₄ этих прекрасных лесов. Оставшиеся лесные массивы тоже приближаются к своему упадку, т.к. их не шадят ни огонь, ни местные жители. Последние используют кедровую древесину при строительстве и для изготовления больших лодок, а в отдаленных и малообжитых местах во время сбора орехов местными жителями рубят кедрач еще и сегодня. Предписания, отдаваемые земельной полицией и лесниками для предотвращения уничтожения этих полезных лесов, до сих пор возымели некоторое действие лишь в более или менее густо населенных местах. Но уже сегодня сильное сокращение кедровых лесов начинает оказывать на благосостояние жителей региона свое разрушительное действие. Деревни, которым раньше сбор орехов гарантировал высокие доходы — 100—200 рублей на семью, теперь почти исключительно привязаны к рыбной ловле, которая, как и другие промыслы подобного рода, доходна не каждый год. В настоящее время лишь немногие живущие в благоприятных местностях семьи, в годы хорошего урожая орехов, случающиеся приблизительно каждые четыре года, собирают 40—70 пудов и почти половину этого в те годы, когда урожай орехов был средним. Большинство же обладателей кедровых лесов получают не больше половины этого дохода. Средняя цена кедровых орешков в Тобольском округе в последние годы составляла 2 р. 50 коп. за пуд.

Животноводство вряд ли можно рассматривать как сферу деятельности остяков, ибо как крупный рогатый скот, так и лошадей они держат не для продажи, а только ради пользы, которую те приносят в каждом хозяйстве. Так, почти все молочные продукты от скота используют исключительно в качестве пищи для семьи, исключая небольшую часть масла, которую иногда продают. Лошади служат для перевозки сена и древесины и частично для доставки рыбы и ягод на рынок.

Овец остяки держат в небольшом количестве, потому что для их корма, кроме сена, нужны мука и отруби, а остяки, как нам известно, не занимаются земледелием.

Еще реже держат свиней, частично вследствие упомянутого выше обстоятельства, а частично потому, что остяки, кажется, имеют предубеждение против этого животного, возможно, сформировавшееся под влиянием соседей-татар, которым запрещает есть свинину мусульманское вероисповедание. Следующая таблица показывает число лошадей и крупного рогатого скота различных категорий и возрастных групп, а также число овец и свиней, которых держали в 1887—1888 гг. в 202 подворьях (38% от всех) в четырех остяцких волостях.

Таблица I

№	Название волостей	Сло- дер- ежь	Число дворов	Лошади			Крупн. рогат. скот			О	У ОЕИ
				О чи	Рз лошад 3-ле	Мо от лош.	Обще число	Коровы	Мол. Д НАК И бы и		
1	Назымская	5	42	104	84	20	180	91	89	108	3
2	Нарымская	2	51	153	135	18	137	92	45	47	3
3	Темлячевская	4	45	171	150	21	129	106	23	21	—
4	М.-Кондинская	5	64	205	183	22	190	133	57	4	—
	Итого	16	202	633	552	81	636	422	214	180	6

Мы можем добавить, что 30 дворов, или 14,9% всех, не имеют лошадей, 40, или 19,8%, имеют одну, 84, или 41,5%, — по 2—3, 33, или 16,3%, — по 4—6 и, наконец, 15, или 7,4% их, — до 20. Что касается молочных коров, 44 подворья, или 21,8% всех, не имеют их совсем, на 41, или 20,3%, есть одна, на 35, или 42,1%, — 2—3, на 28, или 13,9%, — 4—6 и только 4 двора, т.е. 1,9% всех, имеют от 7 до 11 молочных коров.

Эти цифры, как бы ни были интересны, не позволяют нарисовать отчетливую картину обеспеченности остяков скотом.

Поэтому мы приводим вторую таблицу для сравнения численности скота у остяков и других народностей того же региона. Приведенные здесь данные касаются только части всех дворов округа и, как и все остальные, собраны и записаны мной.

Таблица II

№	Название народностей	Число дворов	Число дворов	Лошади			Крупн. рогат. скот			Овец	Свиней
				Общее число	Рабочих лошадей	Молочных коров	Общее число	Коровы	Овец		
1	Остяки	16	202	3,13	2,74	0,39	3,15	2,09	1,06	0,89	—
2	Вогулы	8	102	2,14	1,77	0,37	2,04	0,98	1,06	0,86	—
3	Татары	41	1025	1,92	1,51	0,41	2,39	1,24	1,15	0,69	—
4	Русские	64	2739	3,37	2,68	0,69	4,24	2,38	1,86	3,67	—
	Или в среднем	129	4068	2,96	2,37	0,59	3,67	2,05	1,62	2,68	—

Как видно из таблицы, по обеспеченности скотом остяки среди четырех названных народностей занимают второе место и в этом плане обходят татар и вогулов. Но мы должны заметить, что это кажущееся богатство частично находит свое объяснение в том, что в числе отмеченных подворий были 3—4 таких, которые принадлежали более или менее состоятельным людям. Другими словами, наличие лошадей и крупного рогатого скота у населения оставляет желать лучшего. Это явствует уже из сообщенных ранее цифр: на 20% подворий отсутствуют рабочие лошади, на 15% подворий — молочные коровы. И только имелось 20% хозяйств, в которых были и рабочая лошадь, и молочная корова.

В остяках нет предпринимательского и активного духа русских и татар, поэтому среди них немного тех, кто занимается торговлей. В этой связи мы можем указать только на две семьи — **Кизелевых** в Ахтоминских юртах (Темл. вол.) и на **Пактишевых** в Красноярских юртах (М.-Кондинская вол.). Многие члены этих семей занимаются торговлей и одалживают более бедным людям муку и другой товар в качестве аванса, который последние гасят благодаря рыболовству и урожаю ягод следующего года. Иногда они также принимают участие в общинной ловле рыбы, поставляя рыбакам неводы, которые обычно дорого стоят (от 80 до 250 руб.). За эту помощь остяки-рыбаки должны отдавать им 2—3 части

пойманной рыбы в соответствии с заранее достигнутой договоренностью.

Отдельные остяки получают доходы зимой как извозчики, но число таковых ограничено, т.к. здесь лишь немногие имеют по 3—4 лошади; наконец, другие в свободное время работают плотниками и в том ремесле не уступают русским — своим учителям¹³. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь осмотреть двухэтажные, украшенные резьбой и пестро раскрашенные, дома состоятельных остяков Д.-Согомских и Красноярских юрт (М.-Конд. в.), сработанных остяцкими руками.

Эта глава была бы неполной, если бы мы не упомянули довольно важную статью доходов остяков, а именно: *сдачу в аренду земельных участков*, хотя это и не является занятием. Выше мы видели, какие значительные суммы извлекали обские и отчасти иртышские остяки из сдачи в аренду очень пригодных для рыбной ловли песчаных кос. У кого нет таких «песков», сдают в аренду отдельные реки, озера и кедровые леса за 5—100 рублей в год, в зависимости от их ценности и доходности. От лиц, не являющихся членами общины, но занимающихся в их лесах охотой и отловом животных, а также сбором орехов и ягод, остяки получают в первом случае $1\frac{1}{2}$ —2 рубля с человека, или шестую—четвертую часть стоимости добычи, а во втором — по 3 рубля, или пятую—третью часть собранного. За сумму в 8—10 рублей русский или чужак вообще может купить право пользования зимой всеми принадлежащими общине угодьями как ее член. Отдельные остяцкие юрты этого региона имеют до 8—14 таких арендаторов. Невозможно подсчитать средний доход подобной аренды для каждого отдельного иртышского остяка, потому что одни общины в этой связи очень благополучны, другие не получают ничего или почти ничего.

В целом эти, иногда довольно значительные суммы за аренду, как выяснилось, мало влияют на улучшение образа жизни и повышение благосостояния местных жителей, т.к. с легко полученными деньгами легко расстаться. Большую часть их используют для погашения долгов, нажитых в течение года, на оставшуюся сумму они покупают различные вещи, как: одежду, пшеничную муку, сладости, но прежде

всего водку и так далее. И так, пока пока не отдадут все до копейки. Затем до следующей осени все снова берется в кредит. По причине этой беззаботности многие остяки и даже те, что имеют значительный доход, как упомянутые выше костинские, вынуждены работать у своих арендаторов наемными рабочими, т.е. в течение 4—5 летних месяцев выполнять за низкую плату — в 15 рублей — тяжелую рыбацкую работу.

Ежегодная прибыль тобольского остяка среднего достатка достигает 150 рублей*, хотя у многих эта сумма достигает 200 рублей.

К самым богатым из них могут быть причислены те, кто имеет хорошие «пески» (Филинские, Ячинские и другие юрты на Иртыше, Костинские, Нялинские и другие на Оби), или те, на промыслах которых зимует стерлядь (Солянские, Варлымовские и другие юрты), или, наконец, те, у кого есть озера, где в изобилии водятся ценные виды рыб, такие, как сырок (Магатинские, Байбалинские, Дальние Согомские юрты на Конде). Ежегодный доход семьи у этих остяков достигает 200—275 рублей, или в среднем 225 рублей. Как у этих, так и у всех остальных остяков рыбная ловля и сдача в аренду рыбных промыслов и других земельных угодий являются главной статьей дохода.

* См.: Бюджет типичной остяцкой семьи. Прил. I.

Глава IV

Остатки остяцкой культуры

Предварительные замечания. — Тамги как подпись. — Значение некоторых чисел. — Умение читать и писать по-русски. — Рукоделие остячек: вышивка по самотканому полотну, изготовление украшений из бисера. — Знание цветов. — Музыкальные инструменты и музыка. — Остяцкая система мер: а) длина, б) время и его определение. — Названия месяцев. — Искусство врачевания.

В этой главе мы свели без четкой взаимосвязи различные сведения об остяцкой культуре. Поместили также данные об умении иртышских остяков читать и писать по-русски. Без изучения данного вопроса невозможно объяснение теперешнего уровня духовной культуры остяков.

Тамги. Ни одно из племен Северной Азии не имело и не имеет своего алфавита. Немногочисленные коренные жители, знакомые со славянской письменностью, используют ее исключительно для общения с русским миром. Между тем уже и раньше остяки умели передавать некоторые мысли и понятия знаками. Если кому-то из них, например, удавалось забить медведя, он вырезал на соседнем дереве определенный знак. Это могли быть несколько зарубок или грубое изображение животного. Каждый, кто видел подобный знак, будь это остяк или вогул, понимал его значение. Тот, кто приносил жертву духу (например, лошадь или олень), оставлял изображение соответствующего жертвенного животного на стволе дерева недалеко от священного места, или на двери охотничьей хижины. Тем самым он, так сказать, заключал с духом собственноручно подписанный контракт.

Особую ценность подобные знаки обретают, когда их используют в качестве подписи для скрепления сделок и договоров со стороны не владеющего письмом местного уроженца. Русское название таких знаков — тамга (от татарск-

кого *tamga*). Каждый остяцкий, вогульский или самоедский род имеет свои особые тамги, представляющие собой **изображения** животных, птиц, людей, планет, охотничьих и рыболовных снастей и т.п., причем значительная часть их из-за грубого исполнения едва ли будет понята непосвященным, т.к. имеет вид бессмысленных знаков.

Довольно интересные образцы остяцких и остяко-самоедских тамог имеются в статье Оглоблина*, материал для которой взят из древних сибирских актов и документов. В ней приводятся и пояснения к многим тамгам, представляющие для нас особую ценность, т. к. без них значение многих знаков не удалось бы выяснить: некоторые тамги мало похожи на предметы, которые должны обозначать.

Большое число тамог северных остяков и вогулов приведено также в книге покойного гельсингфорсского профессора Алквиста**. Они довольно примитивны по сравнению с теми, что описывает Оглоблин, к тому же значение их неясно. Эти знаки состоят из относительно простых комбинаций прямых, прерывистых и кривых линий. Некоторые из них похожи на русские и латинские буквы. По причине неизвестности их сути для нас они не представляют особого интереса.

Во время пребывания в Тобольском округе мне удалось, просматривая старые акты и договоры XVII и XVIII вв., найти тамги, которые могли у предков сегодняшних остяков заменять подпись. Некоторые из этих знаков (Темлячевская вол.) приведены в приложении к I части книги. Не все тамги имеют пояснения, однако часто встречаются размещенные рядом имена людей, с которыми можно было бы сопоставить эти знаки.

В настоящее время тамги в границах Тобольского округа (т.е. в области распространения юго-западных остяков), а также в прилегающих частях других районов, больше не используют, т.к. со временем родовые группы растворились здесь и распались на отдельные семьи. Они, возможно, еще сохранились в Березовском и частично также в

* *Н.Н. Оглоблин*. Остяцкие знамена XVII века//Исторический вестник. 1889. Кн. 10. С. 135—150. — См. также: Записки Уральск. общ. любителей. естествозн. 1891. Кн. XIII. Вып. 1.

** *А. Алквист*. Среди вогулов и остяков//Acta Soc. se. Fennical. XIV. 1885. Приложение.

Сургутском округе, хотя и там в связи с прогрессирующей русификацией все больше предаются забвению.

Счет и значение некоторых чисел. Уже с древнейших времен арифметической науки бесспорной аксиомой считалось, что все народы земли при счете пользуются десятичной системой. Древние почти не знали здесь никаких исключений, лишь Аристотель упоминает некую тракийскую **народность**, у которой базисом системы счета служило не 10, а другое число. Но со временем, начав исследование самых отдаленных уголков обоих континентов и знакомство с фольклором примитивных народов, выяснили, насколько необоснованной была прежняя, казалось бы, такая верная гипотеза. Открыли, что некоторые нецивилизованные народы до сегодняшнего дня располагают другими системами счета, нежели десятичная, причем величина числа, выступающего базисом, большей частью определяется уровнем развития данного народа. Так, чиквитас в Южной Америке знают только одно число — **«один»**, **ведды** на Цейлоне и бушмены умеют считать только до двух, а жители Огненной Земли в настоящее время только до четырех. В очень многих родах господствует пятеричная система, которая по сравнению со всеми упомянутыми обладает тем практическим **преимуществом**, что можно считать на пальцах руки*.

Если мы поднимемся в культуре на ступень выше, то встретим семеричную систему, которая, как показали исследования, в прежние времена была очень распространена среди урало-алтайских народов. Так, Хунфалви сообщает нам: «Цифры от 1 до 7 у финнов и угров простые. Родственные народы, таким образом, на начальной стадии своего развития считали, пользуясь семеричной системой, как это было в случае и с тюрками, и с другими народами. Возможно, они в этот период семеричной системы жили вместе — эту гипотезу подтверждает схожесть словообразовательных моделей для чисел от 1 до 7. Какое-то событие, которого мы не знаем, подвигнуло финно-

* Иногда встречаются и более крупные числа в качестве базиса системы счета, например, 20, при которой счет велся по пальцам обеих рук и ног. Самый крупный базис системы счета, а именно 60, существовал у древних вавилонян (Ann. Report of the Smithsonian Institution. Wash. 1892, July. С. 583—594).

угорские народы к принятию десятичной системы»*. То же самое говорит Вамбери: «Семеричная система, похоже, превратилась в десятичную лишь в Новое время, т.е. после тесного соприкосновения с неизвестными иранскими элементами»**.

У остяков еще сохранились заметные следы семеричной системы, хотя сегодня она полностью освободила место для десятичной. Доказательством этого может служить уже то, что в остяцком языке только для первых семи основных чисел сохранились древние названия, а именно: *ei (it), kâ t (kâ dn), xûdem, Reda, vêt, xût, tâbet*.

Числа 8 и 9 угры (мадьяры, вогулы, остяки) сформировали посредством субстракции, т.е. они выражали их приблизительно как десять минус два и десять минус один. В языке иртышских остяков это словообразование не сохранилось так ясно, как в мадьярском, вогульском и даже в других диалектах остяцкого языка; но нельзя не признать апостериорность новых образований. Так, «восемь» в иртышско-остяцком называется *nîda*, возможно, развившееся из *Reda* — четыре, в то время как девять — *a r jog* — состоит из *a r* — много и *joŋ* — десять. У остяков выше города Сургута это число называется *ei-erx-jog* — «десять кроме одного» (собственно, «один лишней в десяти»), у живущих ниже его проще — *urx (ürük)-joŋ*, т.е. «избыточное десять», или «неровное десять», в отличие от десять — *jog*, которое в действительности иногда называется *сам-jog* — «именно десять»***. Далее отдельно стоят, возможно, появившиеся позднее названия простых чисел: 20 — *xûs*, 100 — *sot*, 1000 — *taras* (такое же неопределенно большое число, как лат. *sexcenti*), которые, однако, имеют и другие значения: *xus* — звезда, *sot* — сила, *taras* — продавец.

То, что у остяков преобладала семеричная система, подтверждается еще и второй формой кратного семи, которая кое-где сохранилась в древних сказках и сказаниях. Кроме употребительных сегодня форм *Reda-xat-jog* — 14 (соб.: «че-

* *Хунфалви*. Этнография венгров. С. 154.

** *Вамбери*. Примитивная культура тюрко-татарского народа. 1879. С. 115 и послед.

*** См.: *Кастрен*. Попытка остяцкой языковой теории. Изд. 2. С. 33—34. — Но разве нельзя объяснить звукового происхождения *âr-joŋ* из *ei-erx-jog* или подобн.. «Большое десять» в любом случае есть очень неадекватное выражение для понятия «девять».

тыре второй десятки»), *xûs-ei* — 21 (соб.: двадцать один), *tâbet-jon tabet* — 77 (соб.: семьдесят семь), иногда отыскиваются более древние формы, где число 7 — *tabet* — сохранилось как множимое без изменений; 14, например, выражается посредством *kât tabet* — две семерки, 21 посредством *xûdem tabet* — три семерки; 49 посредством *tabet tabet* — семь семерок; совсем как в русском семь седмиц.

Далее стоит заметить, что угры, подобно другим народам северной Сибири, также питают особую нежность и почтение к числу 7. Так, остяки используют его повсюду, где незнакомая величина должна быть примерно определена, или где они вольны употребить любое число, т.е. в значении слова «несколько». В стихотворениях, где отразилось их мировоззрение, находим, что вода имеет семь ипостасей, или источников (*tabet teipe jemij jink* — «святая вода в семи источниках»), и семь бездн; что небо имеет семь щелей или отверстий, откуда господин неба, бог, получил название *tâbet-xulpe erkij* xoi* — «господин семиглазого неба». Мир и земля имеют не четыре, как мы предполагаем, а семь сторон света (*tabet mij sun*). В одном из записанных мною сказаний герой разламывает лошадиную ногу и разрезает мечом золотую нить на семь частей. В другом сказании побежденный герой был зашит противниками в семь лошадиных шкур и т.д.

Это же слово (*tabet*) у остяков входило в состав кратных семерке чисел, т.е. 14, 21, 49, 77 и т.д., и обозначало понятие множества. Так, например, остяки едят 7—14—21 мухомор (много мухоморов), Земля имеет семью семь сторон света (*tabet tabet mij sun*), в честь медведя сложено 77 песен и т.д.

Число, кажется, любимо и богами, ибо полная жертва, которую они требуют, состоит из семи животных; перед их изображениями делают семь поклонов головы; роща, состоящая из семи лиственниц и других древних деревьев, считается святой. Желаемым числом сыновей у остяцких героев, как и у некоторых арийских народов, было семь.

То же почитание числа 7 мы находим и у многих других народов Европы и Азии, как у урало-алтайских, так и у индогерманских родов, которые в настоящее время пользу-

* Значение слова «*erkij*» мне неизвестно.

ются десятичной системой счета. О тюрках Вамбери говорит: «Больше всего важность этого числа проявляется в религиозной и гражданской жизни, т.е. семь у тюрко-татарских народов издавна было священным **числом**»*. Приблизительно то же самое можно сказать об индоевропейцах, во всяком случае почитание числа семь нашло выражение в их мифологии, космогонии и **мировоззрении****.

Расшифровав письмена **аккадийцев**, мы убедились, что это имело место и у некоторых доисторических народов Передней **Азии*****.

Что же это был за предмет, состоящий из семи частей, который произвел такое впечатление на детский ум древних народов, что они сделали его базисом для счета? На этот вопрос нелегко ответить, т.к. число семь и кратные ему редко встречаются в природе, и есть куда более удобные **группы** чисел, например, число пальцев одной (5) или обеих рук (10). Потанин, долгое время занимавшийся этим вопросом в отношении древних обитателей северной Азии, высказывает весьма содержательное мнение: «На севере Сибири мы видим, что связанные с почитанием числа семь сказания имеют такие мощные корни в религиозных взглядах народов и так тесно связаны с культом, что очень сложно объяснить это явление внешними влияниями. А так как число семь совпадает со звездным изображением Большой Медведицы, то именно здесь следует искать разгадку почитания этого числа на Севере. Если это предположение вер-

* «Так, у злого духа Эрлика алтайцев — 7 тронов перед дверью, предки у киргизов называются «**jeti atalar**» — семь отцов, басня алтайцев рассказывает о семи волках; мы находим то же, а может быть, еще большее почитание числа семь у тюрков, чем у всех остальных народов Азии» (*Вамбери*. Указ. соч. С. 116).

** Г. Потанин приводит многочисленные примеры этого явления, например: «По верованиям армян, души покоятся на звездном изображении Большой Медведицы. В академическом армянском словаре (Венеция, 1749) она называется *Jotn-astegian*. Что значит: 1) состоящее из семи звезд звездное изображение; 2) строение с семью алтарями; 3) семь небес и 4) небесное царство, в котором должны быть семь лучей милости Святого Духа... По древнему северному сказанию в царстве горят тени семи **костров**... Русские сказания переносят небесное царство на гору, белорусские — на железную гору, взобраться на которую можно с помощью лестницы в семь **ступеней**...» (*Гр. Потанин*. Очерки Северо-Западной Монголии». Т. IV. С. 739).

*** В русском языке семь является излюбленной группой чисел, обладающей двумя особенными именами: «седмица» и «семерка».

но, то следует признать, что до открытия планет подобного почитания не было. Но древние народы Сибири, не отличавшие планет, кроме Венеры, от ряда неподвижных звезд, уже почитали число 7. При этом нужно с сожалением признать, что такое прекрасное и выдающееся созвездие, как Большая Медведица, не оказало своего влияния на творческий дух древнего человека»*.

В самом деле многочисленные сказания, встречающиеся у всех народов севера Сибири, подтверждают мнение названных ученых, что Большая Медведица сыграла свою роль. Об одной из таких на Конде мы сообщим ниже (см. гл. VII).

Определенную, хотя и гораздо меньшую любовь, снижали также числа 3 и 40.

Сорок особенно часто встречается в записанном мною гимне в честь второстепенного бога **Pairâ xta**: в наказание за непослушание бог бросил его в пропасть глубиной в 40 сажень, где он пролежал сорок лет; струнный инструмент, изготовленный им там, имел 40 струн, а у сестры, спасшей его из заточения, были косы длиной в 40 сажень. В других поэтических произведениях, как и в повседневном языке, это число используют чаще других.

Цифры тоже не были известны остякам, и если они хотели выразить письменно какое-то число, то обозначали его соответствующим количеством зарубок. Вряд ли можно предположить, что у них были особые знаки для обозначения большой группы чисел, например, для 10, 100, как это происходит в некоторых местах сейчас, где применяются палочки с зарубками. Хотя местным уроженцам цифры чаще всего и сейчас остаются неизвестными, каждый десяток отделяют от другого двумя зарубками в форме креста. Иногда и сотни имеют особый знак.

Знание русского письма. Умеющие читать и писать остяки **немногочисленны**, их можно встретить почти исключительно в Красноярских юртах (М.-Кондинская вол.), где число их достигает 12 человек. Половина из них фактически могут только подписать свое имя и кое-что прочесть. Все эти «образованные» остяки занимались со старым солдатом в отставке, нанятым состоятельными людьми деревни для своих сыновей. В остальных остяцких деревнях нет умею-

* Гр. Потанин. Указ. соч.

щих читать и писать, исключая Ахтоминские юрты (Нялинские) на Оби, жители которых обрусели настолько, что в настоящее время забыли свой родной язык и ничем не отличаются от русских. Гораздо шире круг остяков и других местных уроженцев, которые умеют обращаться со счетной доской.

Сейчас среди подрастающего поколения нет ни одного юноши, обучавшегося чему-нибудь, потому что куратор образовательного округа, намереваясь закрыть дорогу к учительству безграмотным и безнравственным, отдал распоряжение о том, что обучением могут заниматься только те лица, которые имеют особые права и дипломы. Единственная надежда жадных до знаний остяков возлагается теперь на проектируемые церковно-приходские школы, от которых нельзя ожидать ощутимой пользы уже потому, что расстояния между деревнями остяков и приходскими очень значительны: ближайшие из них находятся в 10—15 верстах друг от друга. Поэтому школы эти могли посещать только дети самой приходской деревни.

Следует заметить еще, что при Абалакском монастыре недалеко от Тобольска есть интернат, где воспитываются около 12 мальчиков Крайнего Севера. Эта школа была переведена сюда из Кондинского монастыря (Бер. окр.).

Рукоделие остячек. Очень милы выскобленные узоры, которыми остяки украшают свои различного рода берестяные сосуды. Но еще красивее вышивки, в которых остячки (этим видом работ занимаются исключительно женщины) достигли большого мастерства. Если сравнить образцы остяцкой вышивки с русскими, любой может убедиться в том, что, несмотря на обилие общих черт, они по своему характеру отличаются друг от друга так, что едва ли можно вести речь о заимствованиях у русских. Не меньшее сходство они имеют и с рукоделием других восточно-финских родов: мордвы, зырян, пермяков, татар, влияние которых на развитие среди остяков этого искусства нельзя не признать. Самые прекрасные из этих образцов носят центрально-азиатский характер, пришедший в них благодаря посредничеству угров-савыров и татар. У остяков существует множество видов вышивки, простейший из которых называется стежками крестом *rut ханс* — «русская вышивка», потому что он

присущ русским. Для подобных вышивок используют или только красную, или красную и голубую шерсть.

Другие виды вышивки (*xanda ханс*, *lulnêŋ ханс*, *iktîm ханс*, *seum ханс*), описание которых, поскольку не специалист, не могу здесь привести, значительно красивей. От упомянутых выше они отличаются тем, что рисунок, особенно в *xanda ханс*, занимает большую или меньшую часть полотна и что при этом виде используют несколько цветов, например, красный, голубой, оранжевый, зеленый, желтый, хотя и здесь заметно преобладают первые два. В самых богатых образцах этого вида обычно встречаются изображения птиц: лебедей, глухарей и тетеревов, которые так же характерны для остяцких вышивок, как петухи для русских. Эти виды рукоделия часто упоминаются в поэзии, например, *têget-vôje ханзеп jîrnas* — «украшенная птицами рубашка», *orîŋ-vôje ханзеп tâgat* — «расшитый лесными зверями платок» и т.д.

Следует сделать еще несколько замечаний о материале, который находится в распоряжении остячек при рукоделии. Полотно, используемое для вышивания, ткется самими остячками, ибо в том, которое появляется в продаже, отдельные нити часто перевиты и спутаны, что затрудняет их счет, т.к. остячкам неизвестна канва. Это полотно изготавливают остячки из крапивы или из пеньки и льна. Мотки двух последних они покупают у русских, а крапиву собирают на временных стоянках рыбаков и на покинутых поселениях, где она в изобилии растет на богатой органическими веществами почве. При обработке крапиву не подвяливают, как это происходит в случае с другими волокнистыми растениями, а после того, как ее освободят от листьев, оставляют на холоде и высушивают, ломают руками и при этом оболочку отделяют от волокон. Крапивное полотно отличается от пенькового и даже от плохо отбеленного льняного полотна своим белым цветом, но имеет плохое свойство: оно не так устойчиво к влажности как полотно, изготовленное из названных растений, и потому изнашивается быстрее. Однако в древние времена, когда лен и пенька остякам еще не были известны, полотно, сети, веревки и т.п. делали исключительно из крапивы. Иногда готовили ткани из нитей двух растений, например, крапивы и льна, при-

чем одна служит основой, а другая — поперечной ниткой. Шерсть всех цветов, кроме красного и желтого (светло-зеленого), которые они умели получать сами, покупали остячки у русских. Больше всего им нужна была голубая шерсть, которую русские красили индиго. Шерсть оранжевого цвета, получаемая ими из того же источника, они частично перекрашивали в зелено-желтую, уваривая ее с луковыми листьями.

Очень красивы и оригинальны украшения из бисера, умело изготовленные остячками. К ним относят повязки для головы, браслеты, колье, украшения на обуви и т.д. Эти украшения вышивают не по канве, как у европейцев, бисерины нанизывают на нити, которые затем соединяют различным образом и закрепляют на куске пестрой ткани. Бисерины (кеу — *собст.* «камень») закупают в городе. Здесь, однако, следует заметить, что и бисер постепенно становится редкостью, т.к. остяцкий наряд с каждым годом все больше выходит из моды.

Знание цветов. Все этнографы и лингвисты, долгое время пребывавшие среди местных уроженцев Сибири, заметили их недостаточное знание цветов. Так, академик Миддендорф сообщает нам, что самоеды и тунгусы только после долгих размышлений были в состоянии различить ярчайшие нюансы зеленого, желтого и синего цветовой таблицы, называя при этом все более темные тона просто «**черный**»*. То же самое можно увидеть в анализе записанных Миддендорфом и Кастреном среди самоедов названий цветов, проведенного Шифнером. Ту же неопределенность можно обнаружить у чисто финских остяков и вогулов, как раньше у их западных родственников по **племени****.

Еще и сегодня, как кажется, большая часть северных и восточных остяков, живущих в отдаленных местах, может отличить друг от друга лишь некоторые основные цвета. Это, **естественно**, не относится в настоящее время к остальным группам остяков, как и ко всем иртышским остякам, которые достаточно знакомы с русской культурой, но языковые и другие признаки позволяют предположить, что в прежнее время в этой связи и у них было не иначе, чем у остальных родов северной Азии.

* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. VI. С. 649.

** А. Алквист. Слова культуры западно-финских языков. С. 90—94.

Это явление сложно объяснить, если взять во внимание, что почти все народности Севера, особенно якуты, тунгусы, самоеды, остяки в своих вышивках используют разнообразные тона и материалы.

Что касается причины этой недостаточности зрительных органов, встречающейся среди цивилизованных народов Европы лишь у отдельных индивидов, но являющейся правилом среди древних народов, то Шифнер считает, что ее можно отыскать в ограниченном опыте, имеющемся у детей природы в различении цветов, в то время как Миддендорф высказывает предположение: не может ли у людей с таким необычным зрением, как у многих древних народов, причина его крыться в неполной **ахроматии** глаза. Для будущих исследователей территории, а именно для врачей, еще существует огромное поле для интересных наблюдений.

После всего сказанного следует предположить, что в прежние времена остякам были известны не все цвета, которые они используют при вышивке сейчас, и что поэтому узоры были намного проще. Наши основания для такого предположения следующие: во-первых, остяки и сейчас самостоятельно могут получать только красный и желтый (**зеленый**) цвета и так, конечно, было и раньше; **во-вторых**, для указанных выше цветов у них не было особых названий в языке. Рассмотрим два этих пункта подробнее. Красный и желтый (светло-зеленый) цвета остяки готовят из местных трав, причем различные оттенки их зависят от способа их приготовления и от концентрации красителя. Красный цвет, например, имеет то красно-коричневый, то кроваво-красный оттенок, желтый часто приближается к светло-зеленому и т.д. Красный цвет дает им корень растения *virde tera* — «красный красящий **корень**», который они по-русски называют «**марена**»*. Желтый (зеленый) они получают из **растения** *Lycopodium complanatum*, известного у них под названием *vosta tera* — «зеленый красящий **корень**». Оба корня, вырванные из земли, сушат на печи и перед употреблением мелко толкут и просеивают. При окрашивании действуют следующим образом: зеленый корень на 1—2 дня кладут в теплую воду. Когда настой начинает

* Это растение относится к роду *Galium*, известному в России под названием «**подмаренник**».

окрашиваться, в нем в течение 7 дней держат шерсть. Тот же зеленый цвет служит основанием для красного, так что шерсть, которую нужно окрасить в красный, за 2—3 дня до этого варят с желтым красящим корнем. Красный корень перед употреблением варят в течение дня.

Интересно констатировать, что оба красителя широко используются как народами финского и татарского происхождения, так и живущими между ними русскими, так что очень сложно, если вообще возможно, ответить на вопрос, кому же принадлежит честь их открытия. В самом деле, мы находим эти красители не только у остяков и вогулов, но и у сибирских татар, мордвы, зырян, вотяков, лапландцев и даже у древних финнов*. Далее на север встречаем те же красители у тюркоязычных народов**, многие из которых, по видимости, финского или самоедского происхождения. Даже в Енисейском округе они используются русскими***. Эти красители, должно быть, были найдены на горном Алтае, предполагаемом изначальном месте урало-алтайских народов, и отсюда искусство окрашивания посредством переселения многочисленных ветвей этих народов распространилось в другие местности.

Что касается обоих названий главных цветов: красный (vjrde) и желтый или зеленый (vasta, vasta), то они, возможно, образованы от названий двух повсюду встречающихся предметов: «кровь» (vjr) и «трава» (vasa, кажется, более древняя форма сегодняшнего vanza), причем суффиксы -de, -ta здесь, похоже, имеют значение сравнительной частички -ida. Потому слово vjrde означает собственно: «кровеподобный» и vasta — «травоподобный»****. Для обозначения понятия желтый, зеленый северные остяки пользуются также другими, большей частью описательными выражениями, укрепляющими наше объяснение собственного значения слов «vjrde» и «vasta». Так, желтый в северо-остяцком (Алквист) называется также vosrem хорга — «цвета жел-

* А. Алквист. Указ. соч. С. 94-95.

** Алтай: Историко-статистический сборник. Изд. В.А. Г—ва. Томск, 1880.

*** Живая старина. 1895. Вып. III-IV. С. 359—366.

**** Частичка -ta обозначает иногда также вещество, материал, например, jix-sóxta kèlep tonx — «одетый в малицу (меховую шапку) из медвежьей шкуры бог»; karet vâxta ar nuret — «много железных балок».

чи» (собст. желчевидный), а зеленый — *tôrîñ-xôrpi* — «травоцветный (-видный)». Последнее слово по смыслу означает то же, что *vosta*.

Выше уже упоминалось, что остяки располагают особыми выражениями только для понятий красный и зеленый (желтый), не говоря о белом (*pouva*) и черном (*piġde*). Оттенки этих цветов не имеют у них особых названий (чего следовало ожидать от такого дикого народа), и обозначаются также, как главные цвета. То же самое относится и ко всем другим цветам, как синий, лиловый, каштановый и т.д., для которых в языке нет особых выражений. Потому оба слова «*vîrde*», «*vosta*» имеют каждое несколько значений, например, каштановый, оранжево-красный, кроваво-красный и другие обозначаются остяками словом «*vîrde*», а зеленый, зелено-желтый, светло-зеленый, желтый и даже синий (Алкв.) со всеми его нюансами — словом «*vosta*». В настоящее время этот недостаток соответствующих выражений у иртышских остяков возмещается названиями, заимствованными из русского языка.

Музыкальные инструменты и музыка. Музыкальными инструментами остяков являются лебеди, журавли (*tôrop jux* — *ирт., конд.*; *tôrogop-jux* — *дем.*) и домбра (*nâ res-jux*, *ч вог.: šanguġter*), домбра может рассматриваться в Тобольском округе как древнейший инструмент. Мелодии героических песен, сохранившиеся на берегах Конды, как и большинство остальных песен, имеют не более пяти тонов в соответствии с пятью струнами этого инструмента. Кондинские остяки также утверждают, что у них раньше не было лебедей, и они получили их от жителей Обской поймы. Еще и сегодня эти инструменты в районе Конды называют «обской музыкой».

Домбра представляет собой длинную коробку с тонкой крышкой из еловой древесины. Струны готовятся из оленьих сухожилий и перед использованием должны смазываться рыбьим жиром. Форма коробки (как и крышки) у струнных инструментов в различных местностях разная. На Конде длина коробки — 5 пядей, и в самой широкой своей части она имеет размер в $1\frac{1}{2}$ пяди. По своей форме он напоминает рыбу. Все струнные инструменты одинаковы и достаточно широки. В Березовском округе и на Салыме, напротив, инстру-

мент значительно уже и короче, а струны, за исключением одной или двух, сравнительно тонки. При игре домбру настраивают почти как часть мажорной или минорной гаммы.

В лебеде главную часть также составляет коробка, напоминающая корпус птицы. На одном конце перпендикулярно (Тоб. окр.) или под тупым углом (**Берез.** окр.) закрепляется длинный кусок дерева, изображающий шею птицы, переходящий в птичью или звериную голову. Между этой деревяшкой и верхней крышкой инструмента натянуты девять одинаковой толщины струн из латуни. Они настраиваются так же, как на домбре, с той разницей, что, благодаря своему количеству, составляют одну целую гамму и часть другой. Лебедь поэтому представляет собой более совершенный инструмент.

Мелодию из обоих инструментов извлекают левой рукой, а правая тем временем аккомпанирует на первых двух дисконтных струнах. Следует заметить еще, что каждая такая мелодия обычно состоит из двух или больше музыкальных фраз. Своеобразие этих мелодий в том, что они не устойчивы, а постоянно варьируют, что, в общем, и следовало ожидать, т.к. остяцкие песни и напевы, которые они сопровождают, обладают тем же свойством.

Остяцкие и вогульские мелодии имеют совершенно особый характер и не похожи ни на татарские, ни на русские. Даже среди обрусевших местных жителей они сохранились в относительной чистоте.

Большинство из записанных мной мелодий кондинских остяков очень просты и состоят лишь из нескольких тонов, что частично объясняется тем, что в этой местности **пятиструнный** инструмент домбра распространен больше, чем лебедь. Последний преобладает в пойме Нижней Оби, где мелодии действительно немного богаче. Образцы приведены у **Алквиста** в книге «Среди вогулов и **остяков**». Достаточно оригинальны также мелодии на Демьянке. К сожалению, я провел в этой местности немного времени, чтобы записать некоторые мелодии.

Об остяцкой поэзии пока не будем говорить, т.к. этому предмету посвящена вся вторая часть нашего произведения, и обратимся теперь к древним остяцким мерам, о которых располагаем некоторыми сведениями.

Меры длины. Самой большой мерой длины древних остяков был *êdip* (сург.: *etter*), который они теперь переводят словом «верста», хотя обе меры в своих значениях существенно отличаются друг от друга. В пределах территории иртышских остяков *êdip* сохранился только на Демьянке, ее притоках и, возможно, также на *Салыме*, где он под названием «остяцкой версты» все еще пользуется большей популярностью, чем простая или русская верста. Трудно сказать, откуда эта мера берет свое происхождение и из какого количества малых мер она должна состоять. К сожалению, невозможно назвать и точное число русских верст, соответствующее остяцкой, потому что расстояния между деревнями в этой местности не измерены и могут быть сообщены только по предварительной оценке, т.е. не существует эталона измерения. Если сравнить приблизительное число русских и остяцких верст, входящих в подобное расстояние, то можно прийти к выводу, что 3—5 остяцких верст (скорее миль) равны примерно 15—30 русским, или что одна остяцкая верста (скорее миля) соответствует приблизительно 5—6 русским верстам и одной зырянской миле: *ẽom-kõs* (=5 верст). В общем, можно было а priori ожидать, что *edip* является лишь приблизительной величиной. Я не знаю, одинаково ли названное соотношение обеих верст друг с другом везде, где используется остяцкая верста. Как следует заключить из словаря *Алквиста*, *edip* известен и северным остякам, хотя его величина и не сообщается. Возможно, там сохранилось лишь остяцкое название, служащее для обозначения русского размера версты. Нечто подобное можно встретить на Иртыше и некоторых других местах. На Демьянке предпочитают такую большую меру малой версте. Дело, возможно, в том, что удобнее делить неизвестное расстояние на немногочисленные, приблизительно одинаковые части, чем на большое число их и таким образом определять их относительную длину.

Остяцкая мера длины среднего порядка — это *tet* — «сажень», равная расстоянию между кончиками пальцев разведенных рук или расстоянию от земли до кончиков пальцев поднятой руки мужчины среднего роста. Так что она полностью соответствует употребительной в Сибири крестьянской сажени. Не исключено, что одно или другое из приведенных мной выше определений длины заимствовано

у русских. В поэзии эта мера иногда по-остяцки называется $\hat{\eta}\eta da$, или $\hat{\eta}\eta da-vai$ — «копье», или «собрание копий», потому что это оружие приблизительно равно сажени.

Если слово «tet» используют как синоним слова «сажень», то его эпитеты — казенная, печатная, указывающие на то, что она точно соответствует 3 аршинам, передаются выражением «xon-têt» — «царская сажень».

Следующая, меньшая, мера длины остяков — $s\hat{u}rt$ — «пядь» — соответствует расстоянию между кончиками большого и указательного пальцев, или приблизительно четверти аршина, почему и переводится русским выражением четверть. Слово «аршин», используемое остяками и сегодня, скорее всего в недавние времена заимствовано у русских, т.к. оно не встречается в древних сказках и сказаниях.

Самой малой мерой длины остяков, похоже, является $mesir$), равный ширине средних размеров руки от указательного пальца до мизинца (не считая большого пальца), т.е. приблизительно $2-2\frac{1}{2}$ вершкам.

Соотношения названных мер длины между собой, например, сколько tet входит в один $\hat{e}dip$, или сколько $surt$ равны одному tet , неизвестны остякам и сейчас, поэтому они всегда выражают расстояние или вообще длину одной мерой: для больших расстояний они пользуются $\hat{e}dip$, для меньших — tet или $\hat{\eta}\eta da-vai$, а для совсем небольших — $s\hat{u}rt$ или $mesir$.

Кроме этих более или менее точных мер, остяки иногда использовали еще и описательные обозначения, например, $j\hat{e}vd\hat{i}\eta-xoi\ j\hat{e}v\hat{e}t\hat{t}ai\ xou\ marai$ — «как далеко может выстрелить стрелок (стрелу)», что приблизительно означает расстояние в 100 шагов — $voje\ n\hat{i}a\eta\ ei\ mar$, или $voje\ mar\hat{i}\eta\ ei\ n\hat{i}n\hat{t}$ — «расстояние, которое олень может пробежать без остановки», и т.д.

Об измерении времени у остяков некоторые сведения сообщает Алквист*. Мы не можем добавить к сказанному вышеназванным автором ничего особенно нового, т.к. южные остяки в этом отношении ничем не отличаются от своих северных сородичей.

Самой небольшой мерой времени древних остяков было время, необходимое для того, чтобы вскипятить котел (put), т.е. приблизительно один час. Пример использования этой

* А. Алквист. Среди вогулов и остяков. С. 169 и послед.

меры мы находим в героическом эпосе. В одной из былин рассказывается, что дочь остяцкого князя в образе филина навещает одного героя и просит освободить ее от ненавистного жениха. Она говорит: «Man vejda namas tâ jaŋen, sisij put sised, at rane mîriŋ put mîred, at rane» — «Если ты хочешь взять меня в жены, то не оттягивай это до тех пор, пока медленный котел будет готов» (пока котел закипит). В настоящее время этой меры больше нет у обрусевших наполовину остяков, но в Березовском округе она, кажется, еще кое-где встречается.

День по-остяцки называется *xat*, *xatl*, ночь — *ât*. Период времени, составляющий 24 часа, передается выражением *xat-ât* — день-ночь, например, три дня и три ночи по-остяцки называются *xudem xat xûdem ât*. Иногда они используют соответствующее русское слово «сутка» или «sulk» (сутки), так что упомянутое выше выражение может быть заменено также *xudem sutka*.

Названный период времени может быть поделен на следующие четыре части: *âdîŋ* — утро (а также — рано), *xat* — день, *idai* — вечер (также — поздно) и *at* — ночь.

Чтобы определить время еще точнее, остяки используют описательные выражения: *xudai-xunt oxteja* или *xudai-xunt edem-kemne* — «когда занимается рассвет», *pâ ganta xat oxteja* — «во время восхода солнца», *çenk-xat* — полдень (собст. «день-жара») и т.д.

Неделя обозначается у остяков выражением *tâbet*, что, собственно, означает семь. Дни недели не имеют у них особых названий, кроме воскресенья, которое называется *tâbet-ûx-xatl* — «главный (начальный) день недели». Все остальные дни отличаются друг от друга порядковыми числами, так, например, понедельник *ôdîŋ xatl* — первый день, вторник — *kimet xatl* — второй день и т.д.

Остяцкий месяц (*tîlis*) — это лунный месяц, поэтому он состоит из 4 недель. Следовательно, в году их 13. По этой причине мы не должны удивляться выражению остяцких поэтов и авторов о том, что женщины носят детей во чреве 10 месяцев.

Четыре времени года это: *tete*, *tede* — зима, которая продолжается 5 месяцев — с ноября до конца марта; *tâvn* — весна, включающая приблизительно конец марта, апрель

и май; **tuŋ** — лето, продолжающееся три месяца, и **sus** — осень, соответствующая нашим месяцам сентябрю и октябрю. Год в некоторых местах отсчитывается от осени, в других — от начала весны, последнее происходит у иртышских остяков. Обычный год (**ôŧ**) соответствует, как было сказано, 13 остяцким (лунным) месяцам, или 52 неделям. Кроме названия **ôŧ**, для обозначения понятия год используется также слово «**tete**» — зима, потому что она длится почти полгода, так, например, трехлетнюю лошадь называют **xûdem-tete**, т.е. «трехзимняя».

Что касается названий месяцев у местных уроженцев, то они своим происхождением обязаны важнейшим явлениям природы, **происходящим** на их глазах и связанным с ними изменениями в образе жизни и занятиях людей. Эти названия в разных местностях различны, хотя их понимают везде. Я привожу здесь только те названия месяцев, которые используют в Тобольском округе, т.е. на территории иртышских остяков, причем я заимствую употребительные на Иртыше у Кастрена*, а аналогичные на Оби (Темл. вол.) привожу по своим собственным записям.

Названия месяцев.

На Иртыше:

1. **Xûjem-tiŋiŋ** — Месяц икры (соответствует апрелю).
2. **Unŋ-ele-tiŋiŋ** — Месяц еловой коры.
3. **Sûmet-ele-tiŋiŋ** — Месяц березовой коры.
4. **Var-tiŋiŋ** — Месяц нельмового запора.

* *Наброски языковой теории остяков.* С. 116. — Сначала Шифнером сообщается: (Melanges russes III, 307—342 = Bulletin hist.-phil. XIV. S. 188—204; 209—218) наряду с другими остяцкими названиями месяцев из словаря священника Вологодского. В этом случае следует заметить, что шестой месяц у Вологодского в транскрипции Шифнера **wonz-tylis** — возможно, ошибочно обозначен как «зеленый (?) месяц». *Ост.* «**vanŋa**» означает «трава», но здесь слово «**wonz**» скорее нужно понимать как *ирт. unŋ, сев. vunŋ, ост.-сам. vuenŋ, vanŋe*, что означает «**нельма**»: сравниваются названные по рыбам Оби месяцы 5—7. В «Словаре остяцко-самоедско-русском» священника Петра Петрова (а также в рукописях академической библиотеки) находятся три следующих названия месяцев: **ай** кер тылись — месяц тонкого наста (март); **ун кер тылись** (*вог. уль кер тылиз*) — месяц толстого наста (апрель); **ай тага** (*тага ост.-сам. «м. река»*) (подта тылись) — месяц, когда замерзают небольшие реки (сентябрь).

Два первых названия **Алквист**, возможно, переводит лучше — «месяц тонкого и толстого **наста**».

5. **Pûm-verda-tîliš** — Месяц сенокоса.
6. **Tunt-vâ sa-menda-tîliš** — Месяц отлета гусей и уток.
7. **Vêlek-jux-tîliš** — Месяц облетевших деревьев.
8. **Kuraŋ-xui-tîliš** — Месяц, когда ходят пешком.
9. **Tavaŋ-xui-tîliš** — Месяц, когда ездят на лошадях.
10. **Ëpe tet cenc-tîliš** — Месяц спины великой зимы (когда сильные морозы закончились).
11. **Ai tet cenc-tîliš** — Месяц спины малой зимы.
12. **Vôt-tîliš** — Месяц ветра.
13. **Varŋai-tîliš** — Месяц ворона.

На Оби

1. **Xûjem-(xui) -tîliš** — Месяц икры, или **Katt-oxta-tîliš** — Утки-сети-месяц (см. словарь).
2. **Jink-tei-tîliš** — Месяц высокой воды (когда вода сильно поднимается).
3. **Lîpet-tîliš** — Месяц листвы.
4. **Var-tîliš** — Месяц запора.
5. **Sôrox-tîliš** — Месяц сырка.
6. **Mûxsaŋ-tîliš** — Месяц муксуна.
7. **Sig-tîliš** — Месяц нельмы.
8. **As-pôtta-tîliš** — Месяц, когда Обь замерзает.
9. **Moi-xui-tîliš** — Месяц жениха (гостя).
10. **Ûna tet cenc-tîliš** — Месяц спины великой зимы (когда сильные морозы закончились).
11. **Ai tet cenc-tîliš** — Месяц спины малой зимы (когда зимние морозы заканчиваются).
12. **Kûruk-tîliš** — Месяц орла (когда прилетают орлы).
13. **Varŋai-tîliš** — Месяц ворона.

Мы должны здесь заметить, что очень часто один и тот же месяц имеет несколько названий, из которых в одних случаях употребляют те, а в других — иные. Названия месяцев на Конде, **в-общем**, совпадают с теми, что встречаются на Иртыше, хотя некоторые месяцы имеют еще и особые имена. Так, третий месяц на средней Конде обычно называется **jev-unt-tîliš** — «месяц поднимающегося **окуня**», седьмой — **Rur-juŋor tîliš** — «месяц голых **деревьев**», 11-й — **ai-xui kîndiŋ tîliš** — «месяц маленького злого **человека**»¹⁴ и т.д.

Названия месяцев у других живущих на Оби остяков приведены в книге **Алквиста** «О языке северных остяков»

(с. 143—145). Многие из этих названий совпадают с приведенными выше.

По мере обрусения остяцкая тринадцатимесячная система постепенно вытесняется двенадцатимесячной, причем месяцы все-таки сохраняют свои остяцкие названия. До сих пор, однако, даже в Тобольском округе, повсюду господствует остяцкая система.

Искусство врачевания остяков находится еще в зачаточном состоянии. Число лекарственных средств, находящихся в их распоряжении, ограничено, но и они большей частью заимствованы у русских. В Кондинском районе, насколько мне известно, применяются следующие лекарственные средства.

От простуды и желудочных спазм пьют отвар из перца, главным образом испанского, или готовят из него водочный настой.

Наросты удаляют горящим трупом.

Сифилис (*â dem kaš* — «плохая болезнь») лечится сассапарилью (*Smilax sassaaparilla*), которую они называют «дорогой травой» и получают ее от русских. Лиц, очень страдающих от этой болезни, на одну—две недели укладывают в постель, плотно укрывают, чтобы они хорошо пропотели. Среди иртышских остяков эта болезнь распространена не так сильно, как дальше на севере.

Против укусов змей используют лягушек, привязывая их к поврежденным местам. Когда лягушка умирает, берут другую и т.д., пока яд не перестанет действовать на животное и оно останется живым. Поврежденную часть тела обычно сильно перетягивают выше раны, чтобы сделать застой в циркуляции крови. Из страха перед змеиным ядом остяки обычно не едят свинины. Они предполагают, что мясо с голубоватыми пятнами происходит от свиней, укушенных змеями.

Если остяк просто плохо чувствует себя без особых причин, он идет в баню, если такая существует, и пускает кровь. Инструмент, которым он пользуется при этом, состоит из щуьей челюсти, на которой закреплена деревянная рукоятка. Практически это нельзя назвать методом лечения, потому что зубы щуки очень неровные и при ударе челюстью можно получить небольшие ранения. Мы хотели бы

добавить здесь, что, по заверениям остяков, зубы у шуки есть не всегда, а только во время лунного месяца.

Усердное табакокурение, по их мнению, является хорошим средством против заболеваний легких и горла. Поэтому родителям нравится, когда дети курят, и они снабжают их табаком.

Если кто-то что-то ломает, ему в пищу добавляют размолотую медь, что должно ускорить рост кости. Чтобы избежать неправильного сращивания, к сломанным частям тела привязывают деревянную шину. Так же лечат домашних животных, сломавших ногу.

В прежние времена в качестве лекарства против многих болезней использовали отвар из березовых грибов (us, сам отвар — us-jink).

Если ни одно средство не помогает, а больной приближается к смерти, вызывают шамана, или того, кто его замещает, который шумом и заклинаниями пытается изгнать болезнь. Так как подобный метод без содействия бога не увенчался бы успехом, ему за выздоровление обещают хорошую жертву — лошадь или нечто подобное. В местах, где остяки сильно обрусели и потому настроены более христиански, они в таких случаях не призывают шамана, но обещают в случае выздоровления совершить паломническую поездку в Абалакский монастырь недалеко от Тобольска и поставить там рублевую восковую свечу святому Николаю Чудотворцу, или другому святому, что они, если их здоровье восстановится, всегда выполняют.

Глава V

Правовые и административные взаимоотношения

Наличие и права земельной собственности. — Виды налогов и сборов. — Их распределение. — Собрания для уплаты налогов. — Общинные доходы и общинный капитал. — Ягодо- и зернохранилища и пороховые склады местных жителей. — Система кредитования. — Администрация.

Наличие и права земельной собственности. Ко времени завоевания Западной Сибири русскими вся северная половина региона принадлежала исключительно коренным жителям территории — осяткам. Так как в Сибири никогда не было недостатка в плодородных территориях, подходящих для колонизации, государство передало малообжитые территории Севера прежним хозяевам, не определяя, однако, права на них какими-либо актами или документами, какие можно в изобилии найти у живущих южнее татар. Только в некоторых прилегающих к большим магистралям местам у них забрали несколько участков, чтобы основать здесь поселения русских ямщиков, обязанных поддерживать регулярную коммуникацию между крупными точками территории. Так, здесь еще в начале XVII столетия (в 1637 г.) появились ямы: Демьянский в 250 верстах на север от Тобольска и Самаровский недалеко от устья Иртыша, которые сейчас насчитывают более 1000 жителей каждый и служат важнейшими точками всей территории. Со временем русская колонизация набирала **силу**, и осятки, привлеченные водкой и деньгами, начали продавать русским, поселившимся среди них, большие уголья за смехотворную цену или сдавать в залог, что, в общем, было одним и тем же, потому что они никогда не выкупали их.

Подобные сделки между коренными жителями и колонистами заключались в течение двух столетий, и результатом этого был переход большей части огультуренных зе-

мель к русским. Многочисленные деревни с большим населением, разделенные на пять **волостей***, развиваются теперь на оплаченных до последней копейки угодьях. Хотя их продажа здесь давно закончилась, русская собственность прирастает и сейчас через присвоение силой небольших участков соседних земель остяков, причем многочисленные предприимчивые русские не встречали почти никакого сопротивления со стороны законных владельцев. Только те территории, которые находятся далеко от больших рек и являются малообжитыми участками болот и лесов, еще и сейчас находятся в исключительной собственности остяков, требующих от посторонних, занимающихся в них ловлей животных или сбором орехов, небольшой арендной платы.

Каждая остяцкая деревня обычно имеет свои особые владения, отделенные от соседних естественными границами: реками, озерами, старыми деревьями. Хотя подобные границы со временем немного передвигают, незначительные изменения при большой протяженности этих территорий не имеют значения. Эти площади до сих пор еще не обмерены и не описаны. Распределение земли, принадлежащей отдельной остяцкой волости (деревенская собственность), датировано большей частью еще теми далекими **временами**, когда эти деревни образовывали расположенные рядом с земляными крепостями (vos) небольшие княжества, жители которых, возможно, были членами одного или нескольких небольших **родов****.

Что касается права остяков на земли, находящиеся в настоящее время в их собственности, то все они без каких-либо исключений, как и все крестьянские наделы округа, рассматриваются как земельная собственность, переданная на время ее сегодняшним хозяевам для сбора налогов. Даже упомянутые выше малообжитые лесные массивы, которые, возможно, **еще столетия** останутся незастроенными и незаселенными, на официальном языке известны под названием «казенные пустопорожние дачи» и потому тоже причисляются к государственным угодьям. По этой причине подобные казенные территории, в отличие от частной собствен-

* Уватская, Юровская, Демьянская, Деншиковская и Самаровская.

** С.К. Патканов. Сочинения в двух томах. Т. II. Тюмень, 1999. С. 41-46.

ности, не могут быть ни проданы, ни заложены. Это также является основанием того, почему соответствующие земельные службы рассматривают как нормальное явление постепенный переход земель вымиравших остяков к сильно возросшим в числе крестьянам и санкционируют эти насильственные присвоения.

Налоги, сборы и повинности, которые должны уплачивать и обеспечивать остяки, могут быть удобно поделены на следующие пять групп: 1) государственные сборы, 2) губернские налоги, 3) страховые сборы, 4) волостные налоги и 5) окружные налоги.

I. Государственный сбор (окладной сбор) состоит из:

1) ясака, размер которого колеблется в каждой отдельной волости; так, ревизская душа Верхне-Демьянской, Нарымской и Назымской волостей платит 2 руб., М.-Кондинской — $85\frac{1}{2}$ коп., а Темлячевской — 1 р. $23\frac{1}{2}$ коп.;

2) подушной подати — 10 коп. на ревизскую душу;

3) частной волостной повинности — теперь 29 коп. на ревизскую душу. До 1888 г. эта повинность была значительно выше и составляла $61\frac{1}{2}$ коп.

В целом каждая ревизская душа ежегодно платит от 1 руб. $23\frac{1}{2}$ коп. до 2 р. 38 коп. государственных сборов. Названные нормы определяются во время переписи населения по числу взрослых мужчин (от 18 до 60 лет) и почти не претерпевают изменений до следующей ревизии. В более ранние времена и частично еще в начале этого века государственные сборы (ясак) собирали мехом, каждые три года устанавливали новую норму. Этот вид уплаты налогов в настоящее время сохранился только на крайнем севере губернии, где пушного зверя добывают еще в изобилии.

II. Губернский земский сбор. В русских волостях Тобольского округа каждая десятина пахотной земли (кроме непосредственного земельного сбора) облагается 1 копеей губернского земельного сбора, а каждая волостная община должна вносить часть общей, подсчитанной для всего округа суммы этих налогов, которая соответствует числу принадлежащих ей десятин указанной земли. Так как угодья остяцких волостей не были обмерены и потому число десятин, входящих в них, совершенно неизвестно, камер-коллегия подсчитала площадь их пахотных земель приблизи-

тельно по числу налогооблагаемых ревизских душ. Предполагалось, что на каждую ревизскую душу приходится приблизительно 24 десятины, и каждая из них поэтому должна ежегодно платить по 24 коп. Этот сбор существовал уже в древние времена, затем был отменен и вновь введен с 1887 года.

III. Взимаются страховые сборы для страховки жилых домов и подсобных помещений местных уроженцев. Их оценка, как и у русских крестьян, производится выбранными для этого людьми: частично из этой же деревни, а частью из соседних поселений — в настоящее время волостными начальниками, и происходит каждые три года. Сумма, на которую страхуется здание, всегда меньше, чем сумма оценки, и страховой сбор составляет приблизительно один процент* страховой суммы. Общинные здания страхуются общиной, по причине чего эта выплата должна быть причислена к волостным повинностям. Страхование зданий обязательно.

Вот несколько примеров общинного страхования всей волости в 1888 году. В Назымской волости община платила за принадлежащие ей 61 дом и 125 подсобных помещений 9 руб. 98 коп. Все здания были оценены в 1069 руб., т.е. каждый дом с двумя подсобными помещениями приблизительно в 17 руб. 50 коп., и сумма страхования составила 961 руб. В Нарымской волости в том же году насчитали 134 дома и 287 подсобных помещений, которые были оценены в 3995 рублей (один дом с двумя подсобными помещениями оценивался приблизительно в 30 руб.). Сумма страхования составила 3341 руб., а страховой сбор — 34 руб. 16 коп. и т.д.

IV. Волостные повинности предназначены для покрытия выплат волостной администрации. В волостях местных уроженцев, то есть и остяков тоже, эти повинности по сравнению с тем, что должны платить русские, незначительны, потому что общинные писарь и волостной начальник получают свою зарплату — первый около 100 руб., последний меньше — из казны. Из волостных сумм покрываются добавки к зарплате общинного писаря (в М.-Кондинской в. — 70 руб., в Нарымской — 50 руб. и т.д.), канцелярские расходы, расходы на ремонт и страховку общинных зданий и

* За бани, больше подверженные огню, платят 2%.

подобн. Объединенные с русскими остяцкие волости имеют общую волостную администрацию, за содержание которой они также должны платить. Если темлячевские остяки должны выплачивать ту же сумму, что и **русские** в Самаровском (в 1887 году — 1 руб. 49 коп. на работающего), верхне-демьянские платят обычно меньшую сумму, которая к тому же из-за сложной местной коммуникации взимается не каждый год. В 1887 году сумма волостных повинностей в пяти остяцких волостях исчислялась 651 руб. 71 **коп.**, т.е. каждый работающий должен был уплатить по 91 коп.

V. Повинности, служащие для содержания дорог и облегчения коммуникации в округе, мы обозначили как окружные повинности. Они известны под названием «натуральные земские **повинности**». Сюда относятся починка мостов и зимников, а главным образом, обязанность доставлять окружную почту, волостное начальство, служащих, священников и других от одной станции к другой, повинность, ложащаяся тяжелым грузом на население этой малонаселенной местности. Эта повинность состоит в том, что каждый взрослый остяк (от 18 до 60 лет) зимой в течение одной или нескольких недель предоставляет лошадь для перемещения между двумя ближайшими станциями, а летом должен работать в течение определенного числа дней при транспортировке общинных лодок как гребчий. Остяки, живущие у дорог или рек, большей частью выполняют эту повинность сами, темлячевские и частично **меньше-кондинские** благодаря плате за найм, а верхне-демьянские по причине малой обжитости их территории освобождены от нее вовсе. Речь здесь, естественно, идет о коммуникациях по более или менее крупным дорогам, что касается движения между отдельными юртами, расположенными не на них, то жители деревень сами должны позаботиться об этом. Эта последняя повинность (междудворная гоньба) распределяется между жителями отдельных деревень неравномерно, из-за недостатка соответствующих данных она не может быть оценена даже приблизительно, почему и не включена в приводимую ниже таблицу.

Таблица демонстрирует суммы налогов, сборов и повинностей, уплачиваемых остяками этого региона. В 1887 году названная сумма в плате остяцких волостей Тобольс-

	г		о		о		о		о		о		о		о		о		о	
	р.	х	д	ж	р.	к	д	к	д	х	д	р.	к	д	р.	к	д	р.	к	д
X S анч O O Лих SO Гтей	Государственный окладной сбор		Губернский земский сбор		Страховой сбор		Волостные сборы		Земские натуральные повинности		В целом		Число налогооблагаемых ревизских душ		Одна ревизская душа платит в целом		Число налогооблагаемых работников		Рабочая душа платит в целом	
	1 Назымская	152	79	19	44	9	98	29	—	818	50	578	45	8	7,14	71	8,15			
2 Назымская	498	81	50	81	00	16	168	74	890	—	1641	10 1/2	207	7,98	89	8,98				
3 Верейская	116	80	11	28	6	40	57	00	—	—	192	10	47	4,08	63	8,62				
4 Ташкентская	218	88	82	64	30	20	187	96	648	72	1118	11	106	8,22	126	9,82				
5 Аннинский	268	47	82	88	—	—	—	—	750	—	1364	05	217	8,22	277	4,92				
6 Ирише-Котская	220	29	65	01	165	74	65	7	26	22	4194	2 1/2	008	7,	716	6,84				

кого округа исчислялась в 4894 руб. 21¹/₂ коп. В шестой колонке эти данные есть лишь для отдельных волостей. Колонки 8 и 10 демонстрируют суммы денег, уплачиваемые одной ревизской душой и одним работающим (от 18 до 60 лет), число которых в каждой волости можно увидеть в колонках 7 и 9.

Из этой таблицы видно, что каждый взрослый остяк в среднем должен ежегодно платить 6 р. 84 коп., причем отдельные волости обложены платежами гораздо сильнее других, имеют преимущества в этом смысле Верхне-Демьянская и М.-Кондинская волости, где остяк должен уплатить только 3 р. 62 коп. и 4 р. 92 коп., т.е. половину того, что следует уплатить в других волостях (8,15—9,89 руб.). Причина этого явления в том, что Верхне-Демьянская волость, как было сказано, освобождена от натуральных земских повинностей. Что касается М.-Кондинской волости, она платит меньший окладной сбор (1 р. 23¹/₂ коп. вместо 1,5—2,38 руб. на ревизскую душу). Так как, кроме этого, население в этой волости растет, а число работающих значительно превышает число ревизских душ, то каждый из первых с каждым годом платит все меньше. В общем, следует заметить, что обложение налогами остяков отдельных волостей Тобольского округа не так неудовлетворительно, как кажется, так как оно до определенной степени гармонирует с платежеспособностью людей. Так, в более сильно обложенных налогами волостях, как Назымская, Нарымская и Темлячевская, где более хорошие угодья, приносящие большую прибыль, чем та, что могут жители двух оставшихся извлечь из своих.

Распределение налогов и сборов. Распределение налогов среди членов остяцких общин производится ежегодно незадолго до сбора платежей волостным начальником, общинным писцом и выбранными для этого людьми. Если в волости существует общинный доход, часть суммы, которую нужно уплатить, покрывается из него. Остальную часть должны внести члены общины.

Число налогоплательщиков соответствует числу рабочих мужского пола и потому постоянно меняется. Чтобы установить его, действуют обычно следующим образом: исключают умерших за год, а также нетрудоспособных ста-

риков старше 60 лет и включают новых налогоплательщиков из подрастающего поколения общины. Каждый остяк, достигший 18-го года жизни, до 60-ти лет обязан платить все сборы и налоги и выполнять все повинности, лежащие на волости, но зато получает долю во всех земельных участках общины, т.е. на больших и малых водоемах, в кедровых лесах и черничных угодьях. Если кто-то из более взрослых* или молодых лиц хочет, как полноправный член общины, использовать принадлежащие ей участки земли, ему следует лишь уплатить окладной сбор. Иногда таким налогоплательщикам едва исполнилось 8—12 лет. В этом случае налоги за них платит отец, который может принимать участие в эксплуатации общинной собственности. В случае, если отец нетрудоспособен, не может заработать необходимую для уплаты налога сумму и вследствие этого теряет право на пользование общинной собственностью, он может использовать наемный труд, гарантируя таким образом содержание себя и своей семьи.

В Нарымской волости налогом облагаются и юноши моложе 18 лет. Они с 16—18 лет должны оплачивать половину всех налогов, губернские сборы и волостные повинности, в то время как 15-летние юноши должны вносить лишь один рубль в государственный окладной сбор.

Страховой взнос платит каждый за свое собственное жилье.

Для того, чтобы равномерно распределить повинности среди всех жителей Тобольского округа, в Тобольске каждые три года проходит собрание представителей всех волостей, на которых в присутствии окружного исправника и чиновника по крестьянским делам все входящие сюда повинности (см. выше) оцениваются заново и по числу ревизских душ распределяются между отдельными волостями округа. Таким образом устанавливается, сколько человек и лошадей и сколько дней в году должна предоставить каждая волость на относящиеся к ней станции, а эти человеко- и конедни распределяются затем на волостных собраниях между налогооблагаемыми рабочими мужского пола. Есте-

* Напр., в М.-Кондинской волости в 1887 году было 277 работающих, внесших все сборы и повинности, а также 8 стариков старше 60 лет, которые лишь платили налоги.

ственно, каждый решает сам, выполнять ему повинность или сделать это через нанятых рабочих. На это решаются не только отдельные лица, но и целые деревенские общины и даже волости, как, например, Темлячевская. В последнем случае все сборы и повинности уплачивают деньгами, так, например, в Темлячевской волости одна рабочая душа ежегодно платит **8—9** рублей.

Следует заметить, что местные уроженцы указанную повинность оплачивают выше, чем она оценивается на упомянутых собраниях в Тобольске. Так, например, **нарымские** остяки считают, что каждый рабочий стоит **7—8** рублей, а не 5 рублей, в которые его оценило собрание. В основу нашей таблицы мы частично положили данные волостных собраний за 1887 год, частично позволяем оценить упомянутую повинность общинным писарям в присутствии некоторых пожилых остяков на месте.

Кроме названных сборов, налогов и повинностей, местные уроженцы обязаны каждые три года выбирать волостного начальника и кандидата на эту службу и ежегодно сторожа для здания волостного собрания, причем выбранный может заменить себя другим лицом.

Остяки, наконец, должны нести заботы о благосостоянии своей церкви. Духовный наставник, как правило, получает зарплату 360 рублей из казны, но отопление и ремонт его служебного жилья и церкви, наем сторожа для нее, зарплату пекаря, **просвинок—женщин** и т.д. они должны обеспечивать из своих денег. М.-Кондинской волости, например, содержание церкви в 1888 году стоило 259 рублей, или по 90 коп. на работающего. Кроме того, попу оплачивают отправление служб, как: крещение, освящение брака и т.д., и **2—3** раза в год, во время паломничества по деревням своей общины, ему прихожане, в зависимости от достатка каждого, дарят рыбу, меховые **изделия**; ягоды и орехи. Эти церковные сборы не внесены в нашу таблицу.

Так как окладные сборы собираются по волостным сборам и земским натуральным повинностям, в которых они уплачиваются деньгами, то иногда случается, что часть его остается в недоимках. В 1888 году только в М.-Кондинской волости недоимки составили 992 руб. 15 **коп.**, но в прежние времена размер их был куда больше: каждый раз,

когда оставялась надежда собрать их, они гасились казной.

Уплата окладных сборов происходит раз в году, обычно в декабре. Местные уроженцы изо всех деревень собираются тогда в главной деревне волости и приносят нужные суммы денег. Бедные люди, у которых нет денег, приходят тоже, чтобы занять небольшую сумму у торговцев и крестьян, занимающихся торговлей, которых всегда в это время можно найти здесь при условии закладывания улова следующего года. Иногда они гарантируют занятые деньги тем, что обязуются тянуть у своих кредиторов невод в следующем году или выполнять другую работу за низкую плату.

В годы, когда улов плохой, волостной начальник сам объезжает деревни, чтобы призвать к долгу неисправных плательщиков, причем иногда он вынужден брать их под стражу, что, по мнению общинного писаря, должно подтолкнуть небрежных местных уроженцев к выполнению долга. Для уплаты других сборов и повинностей остяки обычно собираются еще раз ежегодно на том же месте.

Чтобы поддерживать порядок во время таких собраний, здесь всегда находится окружной голова или его **помощник**. Эти дни, как и праздник трех богов, являются **большими** ежегодными празднествами у остяков. Церковь в такие дни всегда полна, и у икон в изобилии горят восковые свечи, главным образом перед изображением святого Николая Чудотворца, которого молят об удачном рыбном улове. В богатые рыбой годы такие собрания остяков обычно очень оживлены и имеют некоторое сходство с небольшими ярмарками, как, например, собрание, происходящее в день Петра и Павла в русской деревне Селярская (Сам. в.).

Выше мы упомянули общинные доходы. Их составляет **арендная** плата, которую община получает от сдачи в аренду некоторых **из** принадлежащих ей земельных участков. Такие общинные участки земли обычно являются собственностью отдельных деревень, реже целой волости, так, например, М.-Кондинской волости принадлежит шемлинская земля. Раньше она находилась в собственности шемлинских остяков, и после их вымирания казной, которой отходят такие земли, была передана **М.-Кондинской** волости, в которую входят Шемлинские юрты. Арендная плата, кото-

рую волость получает за это, исчисляется 80 рублями в год. Другие волости при мне не сдавали в аренду никаких общинных участков.

К общинным доходам следует причислить также денежные суммы, которые остяки отдельных деревень получают от русских, принятых ими в общину в качестве полноправных членов. Этот сбор составляет около 20 руб. на взрослую душу мужского пола. Если арендные сборы обычно используют для погашения окладных, то деньги за прием, как правило, делят между налоговыми душами общины и пропивают.

Общинным оборотным капиталом располагают также мало общин. В Нарымской волости он достигает размера в 200 рублей, а в М.-Кондинской — 622 руб. $72\frac{3}{4}$ коп. Деньги хранят в Екатеринбургском (Перм. губ.) отделении Госбанка. Но используют лишь в исключительных случаях, например, когда наступает сильный голод.

Чтобы дать возможность местным уроженцам, не занимающимся земледелием, в любое время и недорого получать хлеб, государство в этой местности строит особые казенные зернохранилища. Муку выдают здесь не только за наличные деньги, но и авансом, в определенной пропорции к платежеспособности каждого. Что касается цен на муку, то она, как правило, ниже той, что требуют за свою торговцы*, потому здесь не ожидается прибыль. Взятую в долг муку нанятый магазином чиновник заносит в специальную книгу, второй экземпляр которой хранят в соот-

* Следующая таблица демонстрирует рыночные цены на ржаную муку в двух важнейших местах региона: в селах Самарово и Демьянское — в течение 1886—1888гг.

	1886		1887		1888	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Весной /Самарово { Демьянское	—	95	—	90	—	70
		70		60		70
Летом /Самарово { Демьянское	—	75	—	75	—	75
	—	60	—	60	—	80
Осенью { Самарово { Демьянское		75		70		75
		65	1			70
Зимой { Самарово { Демьянское	1	30	—	90	—	75
	1	—	—	60	—	80

ветствующей волостной администрации, чтобы ревизовать дважды в год.

Каждое казенное зернохранилище находится под присмотром особых чиновников, получающих из казны ежегодно 200 рублей заработной платы. Кроме того, казна содержит еще одного сторожа, которому платит по 5 рублей в месяц.

В Тобольском округе существует два таких казенных зернохранилища, а именно: в селах Самарово и Демьянское. С первого склада получают муку остяки Темлячевской волости и части М.-Кондинской и Нарымской, а также местные уроженцы соседних деревень Березовского округа; все остальные остяки Тобольского округа получают свою муку из Демьянского хранилища. В декабре 1887 г. последнее хранилище получило 5247 пудов 10 ф. ржаной муки на сумму 2941 руб. 71 коп. Кроме того, большое количество муки осталось у местных уроженцев в качестве недоимок, так, например, у остяков Нарымской волости — 1256 пуд. 22 ф. на сумму 1038 руб. 90 коп., у остяков Верхне-Демьянской — 389 пудов 32 ф. на сумму 331 руб. 03 коп., у остяков Назымской — 43 пуда на сумму 25 руб. 34 коп.*. Долг М.-Кондинской волости составлял 5951 руб. $68\frac{3}{4}$ коп. \ Что касается Самаровского зернохранилища, то его запасы муки в конце 1887 года составляли 5025 пудов 18 ф., а количество муки, поставленное в этом году местными уроженцами Темлячевской и Нарымской волостей и оставшееся в качестве недоимок от прежних лет, исчислялось к тому же времени (1 октября) 2965 пудами 5 ф. на сумму 1781 руб. $56\frac{1}{2}$ коп.

В двух упомянутых выше деревнях также есть казенные пороховые склады, где местным уроженцам продают необходимый для охоты порох, который иначе можно получить только в городе по средней цене (в 1888 году $73\frac{1}{2}$ коп. за фунт) и в долг. Каждый взрослый остяк имеет право на $1\frac{1}{2}$ Фунта пороха, а семья, в зависимости от числа ее членов, — на 2—8 фунтов. Запасы пороха Самаровского порохового склада в октябре 1887 года составили 2 пуда 2 ф. на сумму 60 руб. 20 коп. Местным уроженцам в течение этого

* Цены на муку постоянно меняются не только в разные годы, но и в разные времена года.

года было выдано в долг 5 пудов 6 фунтов (=150 руб. 39 коп.); кроме того, у них в недоимках осталось 2 пуда 5 ф. на сумму 62 руб. 47¹/₂ коп. Не менее значительны суммы, которые остяки должны Демьянскому пороховому складу. Так, например, М.-Кондинская волость в 1888 году имела в недоимках 384 руб. 39 коп. (1 руб. 39 коп. на работающего).

Система кредитов. Если бы остяки могли получать из казенных зернохранилищ любые количества муки и были бы в состоянии возвращать занятое вовремя деньгами, то в кредитной системе, существующей здесь, которую справедливо упрекают описывающие территорию люди, не было бы никакой необходимости. Но дела складываются так, что казна, не получающая никакой прибыли от торговли мукой, не в состоянии занимать отдельным лицам большое количество муки и сразу же закрывает кредит* неплатежеспособным, которых, как мы видели раньше, немало. Поэтому потребность остяков в муке благодаря казенным зернохранилищам удовлетворяется лишь частично, и они должны получать основную массу этого продукта питания все-таки из другого источника. Конечно, они могут продать свои товары в городе и в больших селениях местности и закупить там зерно и другие необходимые вещи, но каким бы простым ни казался выход, на его пути два обстоятельства. Во-первых, местный уроженец не всегда располагает названными продуктами в одинаковой мере, поэтому он не каждый год в состоянии купить для семьи необходимое количество муки. А во-вторых, ему не хватает транспортных средств, чтобы вывезти свои товары на рынок и доставить домой закупленную муку. Первое обстоятельство не требует пояснений; в отношении второго мы должны заметить, что хотя иные местные уроженцы и имеют лошадей, расстояния в этой местности (100—350 верст) так значительны и так сравнительно невелика сумма денег, которую остяк получает за товар, доставленный на рынок на одной или, максимум, двух лошадях, что он большую часть их

* Главным образом по этой причине мне представляется практически едва осуществимым очень гуманный проект проф. Якоби снабжать всех местных уроженцев мукой и всеми другими необходимыми продуктами и товарами исключительно из этого источника. Ср.: Изв. И. Р. Геогр. общ. 1896. Вып. IV.

должен истратить во время поездки туда и обратно и во время остановок в городе на еду и корм лошадей.

В прежние времена остяк мог полностью обходиться сырыми продуктами своей земли, но теперь, под цивилизирующим влиянием русских, его потребности значительно возросли, и ему в хозяйстве необходимы, кроме рыбы, мяса, ягод, еще хлеб, водка, чай, табак, металлическая посуда, полотно и т.д., так что если бы он сейчас был предоставлен себе самому, он, несмотря на все богатство продуктов земли, погиб бы. Особенно тяжелым его положение было бы весной, когда собранные осенью запасы на зиму кончаются или начинают портиться в тепле, а рыбная ловля еще не приносит большой добычи.

Эти трудности снимаются благодаря хорошо организованной системе кредитов на севере Западной Сибири. Целый год остяк получает теперь авансом, естественно, в соответствии со своими доходами хлеб, табак, кожи, чай и другие необходимые продукты и предметы, а также деньги для уплаты налогов и сборов, а осенью он за это поставляет своим кредиторам рыбу, ягоды и подобн. сырые продукты. В декабре, когда страда у местных уроженцев заканчивается, кредитор производит подсчет: устанавливает размер долга, вычитает из него стоимость поставленных остяком товаров. Избыток оставляет остяку в товарах, остаток же долга приписывает на следующий год. Так местному уроженцу гарантируются необходимые для его домашних нужд товары.

Дешевые товары, как, например, обычные виды рыб (щука, окунь, плотва и т.д.) торгующий крестьянин часто получает только на комиссию. Он привозит их в город и после того, как продаст их там, рассчитывается со своим клиентом. При этом он включает в счет транспортные расходы, которые составляют приблизительно 10—15 копеек за пуд и 100 верст и 20 копеек на пуд и 200 верст, и комиссионные деньги (5—15 коп. с пуда) и получает оставшуюся часть выручки для погашения долга.

Однако эта система кредитов имеет массу отрицательных сторон. Так как местные уроженцы не умеют читать и писать, долг клиента заносят только в книгу кредитора, так что записанные там суммы не могут быть проконтролированы, а жадность некоторых торгующих крестьян ничем

не ограничивается. Дальше, на севере, где сделка заключается единожды на весь год, в таких делах пользуются обычно бирками, на которых с помощью зарубок означаетс^я сумма долга. После расчета эта бирка делится, и одну половину ее на счет получает клиент, другая остается у кредитора. Здесь, однако, ничего подобного не существует. Далее цены на продукты, которые получает продавец, и те, которые он поставляет, значительно выгоднее для него, нежели для местного уроженца, который, как его клиент, не может вступать в торговую связь с другими. Он может, если недоволен своим кредитором, без разговоров оставить его, и последний не сможет ничего с него взыскать, но клиент большей частью не делает этого, потому что иначе потеряет свой кредит и в случае нужды будет предоставлен самому себе.

Выручка торгующих крестьян большая, потому все они имеют значительный оборотный капитал (от 20 до 100000 рублей), но и их потери немалы. Если, например, остяк умирает, то они при этом теряют часто весь долг, если его не перенимает сын, что мало помогает, потому что никто из них не в состоянии платить долги за себя да еще и за других. Иногда случается также, что некоторые клиенты совершенно беднеют или становятся нетрудоспособными, и тогда кредитор предпочитает потерять одолженную сумму и не иметь с ними больше никаких дел. Эта система кредитов имеет для торгующих крестьян еще и тот недостаток, что они не могут ни прекратить дело, ни ограничить, не теряя при этом значительных сумм, потому что если он кому-то однажды закроет кредит, то все его клиенты без разговоров уходят к другому, и он потерял бы часть их долгов, еще не погашенных. Потому торговое дело обычно переходит от отца к сыну.

Сумма выданного отдельному лицу кредита зависит от качества рыбных промыслов, которыми он владеет, этим, главным образом, обеспечивается большая или меньшая платежеспособность местных уроженцев. Так, жители пойм Оби и Иртыша, имеющие хорошие мели, могут рассчитывать на кредит от 70 до 150 рублей, а в некоторых местах до 200, в то время как остяки более бедного Кондинского района должны довольствоваться 40—60 рублями.

Каждому торгующему крестьянину принадлежит особый, занимающий иногда половину волости регион, где

никто не мешает ему в его делах. В самых больших русских деревнях территории (Самарово, Репалово, Демьянское и т.д.) таких торговцев 2—4. Кроме указанного дела, они занимаются и многим другим, например, поставляют древесину на причалы пароходов, занимаются торговлей и поставляют рыбакам за часть улова неводы. За невод длиной в 50—80 сажений поставщик требует обычно одну часть добычи, за невод длиной в 100—200 сажений — около двух, а за большие неводы — 250—450 сажений длиной и стоимостью в 75—120 руб. — не менее 3—3¹/₂ части. В районе Кюнды, а также в приграничной татарской Эскалбинской волости, где улов не так богат и нет дорогих сортов рыбы, остяки должны лицам, снабжающим их неводами, среди которых можно встретить и зажиточных остяков, четвертую или третью часть их добычи*.

Потому кредитная система, несмотря на свои отрицательные стороны, совершенно необходима для благополучия коренного населения и русских колонистов, и благодаря ей на территории реже случается голод, чем в прежние времена, когда эта система была еще недостаточно развита**.

Администрация. В соответствии с законом об уроженцах Сибири от 1827 года волостной начальник (голова инородческой управы) действует не только как представитель всей волостной общины, но одновременно и как судья, в юрисдикции которого находятся гражданские судебные тяжбы, например, кража, небольшие увечья и подобн., которые у русских разрешаются волостными судьями. Помощь-

* См.: Мат. для изуч. экон. быта госуд. крестьян и инородцев Зап. Сиб. Т. XII. С. 245—259.

** Подобная кредитная система существует и в других странах. Так, во время своих путешествий по Америке я встретил ее в Юкатане. Но здесь она сложилась с еще большим вредом для клиента и гарантирует кредитору еще большие преимущества. Так, индейцы майя, живущие в дворянских поместьях как работники (*moros*), не имеют, как остяки, права покидать своих покровителей, не погасив своего долга, который и здесь по причине их необразованности заносят только в книгу кредитора, и большей частью этот долг неизвестен клиентам. Погасить кредит почти невозможно из-за низкой заработной платы (1¹/₂—2 реала, теперь около =24—34 коп. в день), поэтому большинство местных индейцев являются вечными рабами хозяев отдельных поместий (*гасиенд*). Работа всех поколений этих несчастных, живущих в большой нужде и необразованности крестьян служит лишь тому, чтобы обеспечить богатым помещикам и их управляющим средства для

ником общинного головы является общинный писарь (волостной писарь), который обязан ему, большей частью не умеющему ни читать, ни писать, зачитывать соответствующие законы и вообще заботиться о правильности ведения дела. Последнее не всегда достигается, так как по причине неграмотности общинного головы его помощник практически самостоятельно ведет дела области и выступает, собственно, судьей, при этом первый лишь санкционирует приговор или судебную сентенцию. Так как место волостного писаря в остяцких волостях при незначительности заработка (около 100—150 рублей в год) может быть занято только лицами с небезупречным прошлым, случается, что число обещанных рублей или количество принятой водки решают, кто прав, а кто не прав.

В обязанности общинного головы и его помощника входит также забота о регулярной уплате налогов и сборов.

Более высокую судебную инстанцию, куда могут обратиться местные уроженцы, если недовольны сентенцией своего судьи, образуют земские участковые заседатели, которых в Тобольском округе четыре, и они одновременно выступают кураторами всех живущих в их области местных уроженцев. Эти чиновники подчиняются окружному исправнику.

строительства дворцов и ведения в городе сибаритского образа жизни. Однако следует заметить, что упомянутая кредитная система здесь не так нужна народу, как уроженцам северо-запада Сибири. Индейцу достаточно обработать небольшое поле с кукурузой и бананами, чтобы обеспечить себе пропитание на весь год, и об одежде ему в этом жарком климате особенно заботиться не нужно. Поэтому до тех пор, пока он свободен, он неохотно идет в наемные работники к хозяевам поместий, а они, чтобы не оставить свои поместья без рабочих рук, вынуждены заставлять его как должника.

Глава VI

Вымирание остяков, его причины и последствия

Моя перепись населения. — Выкладки из более ранних списков. — Сопоставление данных и выводы на их основе. — Вымирание остяков и основные причины его. — Последствия этого явления: иная группировка населения в волости и растущая колонизация русскими.

Очень много говорится о вымирании коренных жителей Сибири, но редко находятся достоверные данные для поддержки этого утверждения, потому подобные вопросы все еще вызывают массу споров. Недостаток точных количественных данных, который характерен для рассказов об этих народах, объясним. Во-первых, численность местного населения Сибири не устанавливалась со времен десятой ревизии, т.е. с 1858 года, а данные волостных переписей не настолько точны, чтобы заметить ревизские числа. Во-вторых, результаты прежних переписей населения, исключая данные трех последних лет, очень мало известны, и списки ревизий лежат в архивах камер-коллегии губернских столиц, погребенные под столетней пылью, поэтому всякий, кто хочет описать эти территории, вынужден или удовлетвориться необоснованными утверждениями, или дополнить их недостаточными и бессвязными числами.

Так как я решился немного прояснить названный вопрос, касающийся остяков и вогулов, пришлось искать доступ к данным. Чтобы определить сегодняшнее число местных уроженцев, я во время своего пребывания в Тобольском округе в 1887—1888 годах провел их перепись и извлек на свет данные прежних ревизий из упомянутых архивов. Но прежде чем сравнивать полученные данные и делать выводы из них, хотелось бы сказать несколько слов о моем подсчете.

Большую часть остяцких поселений в названном округе, а именно все деревни **Нарымской**, **Верхне-Демьянской**, **Меньше-Кондинской** волостей и большинство **Нарымских** и **Темлячевских** юрт я посетил лично и записал число дво-

ров и жителей обоого пола. Для описания деревень другой части Нарымской волости, расположенных на Салыме и его притоках в пределах Сургутского округа, и некоторых удаленных от магистрали юрт Темлячевской волости, где сам я не был, мной использовались регистры церковных служащих, в которых отмечался ежегодный прирост населения в приходе. Данные о другой части остяков и их соседей я получил от них самих, встретив собравшихся для уплаты налогов. Что касается данных волостного правительства, то я не пользовался ими по причинам, указанным выше.

Из моих подсчетов и полученных из названных источников данных следовало, что остяцкое население пяти волостей Тобольского округа в настоящее время распределяется по 72 деревням или юртам, состоящим в целом из 532 дворов. В 1887—1888 годах, когда мной были произведены подсчеты, общее число остяков обоого пола исчислялось 2527 душами, из них 1282 мужчины и 1245 женщин. Работоспособных было среди них 1421 душа (721 м. и 700 ж.), что составило 56,23% (56,24% м. и 56,22% ж.) всего населения. Под работающими подразумевались лица обоого пола, которые, по данным жителей, способны на все работы, что приблизительно соответствует возрастному периоду между 17 и 60 годами у мужчин, между 16 и 55 годами у женщин.

Одна остяцкая волость в среднем состоит из 14,4 дерев. с 501,4 жит. обоого пола. У других народов того же округа волости значительно больше, так, татарская, например, в среднем насчитывает 2003,0, а русская — 5076,4 жителя.

Остяцкие деревни тоже намного меньше, чем у их соседей: средняя деревня состоит только из 7,39 двор., в то время как татарские юрты располагают более чем в два раза большим числом дворов (11,79), а русские деревни — более чем в три (24,23). Это обстоятельство находит определенное объяснение. С одной стороны, это ограниченное число остяцкого населения по сравнению с огромной площадью территории, занимаемой ими, а с другой — болотистый характер этой территории, не способствующий возникновению значительных поселений. 58, или 80,5% всех остяцких юрт, имеют до 50 жителей обоого пола, в то время как 14, или 19,4% , — до 10; 11, или 15,3% , — до 100 и только 3, или 4,2% , —

до 200 жителей. Одна остяцкая деревня, таким образом, имеет в среднем 35,1 д. обоего пола.

Если мы обратим внимание на размеры дворов, то увидим, что и здесь остяки уступают своим соседям других наций, чего, собственно, и следовало ожидать после всего сказанного. Один остяцкий двор состоит в среднем из 4,75 д. обоего пола, 1,35 из которых — работоспособные мужчины, татарский двор насчитывает 5,38, а русский — 6 душ обоего пола.

Моя вторая работа, как сказано, состояла в том, что я извлекал из списков 1781, 1816 и 1858 годов данные о численности тобольских остяков и вогулов. Эта, казалось бы, легкая работа требовала от меня большой внимательности, т.к. некоторые деревни со временем много раз поменяли свои названия, иные полностью вымерли и уже не встречались в более поздних списках, и, наконец, новые поселения возникали благодаря переселению части населения соседних деревень на новые места. Кроме того, следовало учесть, что отдельные остяцкие юрты Березовского округа из-за большого удаления от остальных деревень соответствующих волостей и от резиденции волостной администрации были приписаны к ближайшим волостям Тобольского округа, и, наоборот, другие деревни этого округа по тем же причинам были причислены к другим округам. V Так как главной целью моей работы являлось исследование прироста остяцкого населения, то в качестве «волости» я рассматривал группу деревень, из которых она состоит сейчас, то есть не учитывая тех поселений, которые в настоящее время вышли из этих волостей, и, наоборот, учитывал те, что входят в названные волости с четвертой ревизии (1781 год). Как следствие этих комбинаций, число жителей по переписи населения не совсем соответствует общему населению этих волостей в 1781, 1816 и 1858 гг.; в некоторых случаях оно больше, чем на самом деле, в других меньше. Так, Меньше-Кондинская волость в 1781 году насчитывала 649 душ обоего пола, а в 1858 году — 871, но так как в 60-е годы к ним были причислены Согомские юрты Котского управления Березовского округа, то я увеличил упомянутые данные на число населения этой деревни в 1781, 1816, 1858 годах, так что для Меньше-Кондинской волости я получил следующие цифры: 1781 — 653, 1816 — 819 и 1858 — 930 душ обоего пола. Точно так же к числу населения Темлячевской волости я добавил число жителей Чагинских юрт,

которые были причислены к ней в это же время, но входили раньше в Котское управление Березовского округа, поэтому для данной волости я привожу большие числа, чем сообщенные в более ранних **регистрациях**, а именно: по сравнению с четвертой на 142, с седьмой — на **170**, и с десятой — на 123 души больше. Из той же самой волости перед десятой ревизией были выведены Сахалинские юрты, являющиеся теперь составной частью волости Сургутского округа. Число жителей этих юрт в 1781 и 1816 годах было вычтено мной из числа общего населения этой волости во время соответствующих переписей населения. Благодаря таким комбинациям мне удалось устранить все значительные ошибки в перечисленных данных, которые иначе наверняка снизили бы точность и ценность моих выводов. Первая из двух следующих таблиц демонстрирует число населения остяцких волостей во время четвертой, седьмой и десятой ревизий, а в **1887—1888** годах — по моим подсчетам. Те же данные относительно отдельных деревень приведены в конце этой книги. Следует заметить еще, что остяцкое население прежних семи волостей сгруппировано в настоящее время в **пяти**. Вторая таблица является дополнением первой и демонстрирует результаты, которые можно получить из первых приведенных цифр*.

Из этих таблиц ясно, что за период, на который у нас есть данные, т.е. в течение последних 106 лет, рост числа остяков колебался то в ту, то в другую сторону, хотя и в определенном направлении. За период в 35 лет — с четвертой по седьмую ревизии — население увеличилось на 209 душ обоего пола, 206 из них — женщин, или ежегодно на +5,97. Во время седьмой ревизии в 1876 году остяцкое население Тобольского округа достигло числа 3313 душ, но, начиная с этого времени, оно постепенно снижалось, и это снижение все еще продолжается и закончится, возможно, с полным вымиранием **нескольких** остяцких волостей. Так, снижение численности населения в течение последующих 42 лет, т.е. с седьмой до десятой ревизии, достигло отметки в 448 д., что равно ежегодной потере 10,69 д.

* Эти таблицы взяты из моего отчетного доклада (**Матер.** для иссл. экон. быта крестьян и инор. 3. Сиб. Т. X. С. 123). Были устранены лишь некоторые недосмотры, прокравшиеся в него. Те же **данные**, но по деревням — в приложении III.

Таблица I

И
4

№	Название остояцких волостей (Тобольск. окр.)	Число остояцков											
		во время IV ревизии (1781)			во время VII ревизии (1816)			во время X ревизии (1858)			по моим подсчетам (1887/88гг.)		
		м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.
1	Туртасская	97	85	182	74	58	132	52	54	106	} 124	115	239
2	Назымская	180	138	318	144	160	304	108	118	226			
3	Верхне-Демьянская	217	176	393	169	177	346	114	102	216	80	76	156
4	Тарханская	307	315	622	362	387	749	284	268	552	} 335	329	664
5	Нарымская	206	208	414	224	235	459	148	168	316			
6	Меньше-Кондинская	339	314	653	383	436	819	449	481	930	482	487	969
7	Темлячевская	276	246	522	269	235	504	264	255	519	261	238	499
	В целом	1622	1482	3104	1625	1688	3313	1419	1446	2865	1282	1245	2527

Таблица II

	Число лет	Рост населения обоого пола (в целых числах)	Рост в течение года	Рост или уменьше- ние населения на каждые 1000душ
За период с 1781 по 1816	35	+209	+5,97	+1,92
За период с 1816 по 1858	42	-448	-10,69	-3,22
За период с 1858 по 1887	29	-338	-11,65	-4,06
За период с 1816 по 1887	71	-786	-11,07	-3,34

С 1858 года, т.е. с десятой ревизии, до 1887 года, когда состоялся мой подсчет, остяцкое население округа потеряло дальнейшие 338 душ (11,65 ежегодно), или в течение всего периода в 71 год от седьмой ревизии, когда прирост перешел из положительного в негативный, до моего подсчета, южные остяки сократились на 786 душ обоего пола, что равно ежегодной потере 11,07 д.

Из четвертой колонки последней таблицы видно, что это снижение становится все сильнее; в течение периода с 1781 по 1816 ежегодный прирост составлял на 1000 душ обоего пола 1,92 д., а с 1816 по 1858 каждая 1000 ежегодно теряла 3,22 д., с 1858 же по 1887 — 4,06 д. обоего пола.

Если мы обратимся теперь к росту населения отдельных волостей (табл. I), то убедимся, что в этой связи они обнаруживают большие отличия: в Туртаской, Темлячевской, Назымской и Верхне-Демьянской волостях мы заметим устойчивое сильное снижение численности населения; в Тарханской и Нарымской, объединенных теперь в одну Нарымскую, прирост в течение первого периода (1781—1816) был положительным, и число жителей увеличилось с 1038 д. до 1208 д., но с 1816-го (седьмая ревизия) за 71 год их население сократилось почти наполовину, так что в 1887 г. оно состояло только из 664 душ. Меньше-Кондинская волость, наконец, расположенная в нижнем течении Конды, во все периоды обнаруживает положительный прирост; ее население, состоявшее в 1781 году из 653 душ, ко времени моего подсчета (1887) увеличилось до 969 душ обоего пола. Собственно, и в этой волости (17 деревень) прирост населения не совсем нормален, так что число жителей увеличивается здесь только в 10 деревнях (Красноярская, Пуштинская, Верхне-Согомская и др.), в остальных 7 (Алтаевской, Больчаровской, Баибалинской, Кельсинской и других) охвачено сокращением. Как следствие этого явления, можно чаще наблюдать переход от позитивного прироста населения к негативному; так, например, число жителей этой волости с 1882 года уменьшилось на 48 душ, и теперь такого размера, какой наблюдался в конце 70-х годов, так как в 1883, 1885 и 1886 годах число умерших превышало число новорожденных.

Первая таблица демонстрирует также, что в настоящее время среди остяков на 100 мужчин приходится 97 жен-

щин, в то время как в 1858, 1816 и 1781 годах женщины составляли 102, 98 и 91% общего числа мужчин.

То есть вымирание иртышских остяков не вызывает никаких сомнений, несмотря на то, что благодаря влиянию русских их жизненные условия улучшились и несравнимы с аналогичными их племенных родственников в Сургутском округе* на востоке и в Березовском округе на севере, и несмотря на то, что голод в этой местности случается все реже. Вообще из наблюдений автора и работ других исследователей очевидно, что так же дела обстоят у остяков названных округов**, самоедов, вогулов*** и частично татар****.

* *Швецов*. Очерки Сургутского края//Зап. З.-Сиб. отд. И. Р. Геогр. общ. 1888. Кн. X.

** Следующие данные дают некоторые сведения о приросте угорских остяков в других округах:

Березовский округ: в 1844 году по неполным данным: 11183 души обо-его пола, в 1868(?) году — 14115 душ обо-его пола (7312 м. и 6803 ж.). *Ср.*: Списки насел. мест Тоб. губ. по данным 1868/9. С. CLVIII; *Каст-рен*. Путевые заметки и письма 1844—45 годов. С. 126.

Сургутский округ: в 1828 г. — 2144 м., в 1844 — 4492 об.п., в 1858 — 2330 м., 1868(?) — 5714 (3076 м. и 2638 ж.), 1875 — 5914 (3127 м. и 2787 ж.). *Ср.*: Списки насел. мест Тоб. губ. за 1868/9; *Павлов*. 3000 верст по рекам Зап. Сибири. 1887.

Тогурское отделение Томского округа (Томск. губ.), иначе называемое Нарымской местностью (Нарымский край): состоящее из остяков и остяков-самоедов население этого края демонстрирует усиливающееся сокращение. С 1763 до 1816 года оно уменьшилось на 137 душ обо-его пола, с 1816 до 1832 года — на 306 душ, с 1832 до 1869 г. — ?, с 1869 до 1878 — на 484.

Следующие данные касаются только угорских (вась-юганских) остяков этого края. В 1859 г. их должно было быть 1090 душ (602 м. и 488 ж.), в 1882 г. по различным данным 726 (391 м. и 335 ж.), или 623 (334 м. и 289 ж.), в 1888 г. 502 души (259 м. и 243 ж.): *Ср.*: Списки насел. мест Томск. губ. за 1859 г. С. LXXXI; Томск. епарх. вед. 1890. № 8. С. 23; *Григоровский*. Описание Васюганской тундры//Зап. З.-Сиб. отд. И.Р. Геогр. общ. Кн. 6.

*** По моим наблюдениям вогульское население богатой дарами природы Кондинской волости (Тобольск. окр.) не сокращается, но и не увеличивается. Из числовых данных об отдельных деревнях очевидно, что некоторые находятся в стадии вымирания, другие в стадии прироста, и что число последних несколько превышает число первых. Статист, описавший экономическое положение жителей южной части Туринского округа, который в настоящее время должен рассматриваться в качестве главной резиденции вогулов (А *Кауфман*. Мат. для изуч. эк. быта кр. и ин. З.-Сиб. Т. IX. С. 18), фиксирует вымирание вогулов Кошукской (с 1858 — 6,6%) и Нижне-Табаринской волостей. Их соседи, обрусевшие крещеные татары, в противоположность им сильно увеличились в числе.

**** Из моих подсчетов очевидно, что татарское население Тобольского округа в целом увеличивается мало. В отдельных районах, напротив,

Под выражением «вымирание» мы понимаем не потерю национальности и ассимиляцию среди господствующего русского населения. Обрусевшие остяки, потомки плативших ясак местных уроженцев, обозначены, таким образом, как в ревизских списках, так и в составленном мной подсчете, так что к ним причислены все лица, кто по линии отца происходит от остяков, если не брать во внимание отдельные, очень малочисленные семьи этого рода, уже много лет вышедшие из категории уплачивающих ясак местных уроженцев и вошедшие в категорию крестьян. Такие семьи можно встретить в деревнях Репалово и Селиярская (Сам. вол.).

Одна из главных причин вымирания местных сибирских уроженцев, без сомнения, состоит в ограниченной плодовитости их женщин. Вряд ли можно предположить, что названные народы в этом смысле сильно изменились за последние столетия. Несомненно, раньше остяки были многочисленнее, чем сейчас, и причинами уменьшения их численности стали или увеличение смертности, или сокращение количества браков, а скорее всего — оба обстоятельства. Этот вопрос уже давно привлекает внимание европейских и американских ученых: почему-то стоящие на более низкой ступени развития народы рыбаков и охотников Старого и Нового Света там, где они тесно соприкасаются с образованными народами, а именно европейцами, сокращаются, и это почти повсеместный факт.

Для прояснения этого вопроса создавалось множество гипотез. Некоторые приписывают вымирание местных жителей, главным образом, принесенным сюда европейцами эпидемическим и заразным заболеваниям: оспе, тифу, дифтерии, сифилису, способствующим вырождению, а также разрушительно действующим на здоровье привычкам, заимствованным ими у первых поселенцев: табакокурению, распитию водки, которым они безрассудно стали предаваться.

Другие указывают на плохой уход за детьми у диких народов, следствием которого является их высокая смертность. Третьи ищут разгадку в том обстоятельстве, что более силь-

там, где их экономические отношения плохи, наблюдается противоположное явление, например, в некоторых деревнях Надзинской, Бабасанской, Эскалбинской, Городовой, Уватской, Истяцкой и др. волостей.

ные народы, соприкасаясь с дикими коренными жителями территории, постепенно отнимают у них лучшие рыбацьи и охотничьи угодья и вытесняют хозяев в малообжитые и небогатые рыбой и дичью местности, где они не могут добыть себе достаточно пищи для того, чтобы обеспечить нормальное развитие и оставить более-менее многочисленное потомство. Часто случающийся голод объясняется той же причиной. Наконец, прочие хотели бы видеть главной причиной вымирания первобытных народов ощутимое изменение их образа жизни вследствие столкновения с европейцами.

Мы указали лишь некоторые из главных причин, с помощью которых пытаются объяснить загадочное явление вымирания стоящих на более низкой ступени развития рас. Нет никакого сомнения в том, что эти факторы действуют одновременно повсюду, взаимно дополняя друг друга, с той лишь разницей, что в различных местностях преобладают то те, то другие. Переходя к наблюдению за действием этих факторов на сибирских финнов, мы начнем с изучения санитарного состояния территории и с заимствованных у русских вредных привычек.

Все этнографы и историки, описывавшие жизнь местных уроженцев Сибири, сходятся в том, что эпидемии и эпидемические заболевания, главным образом оспа и тиф, не только в прежние века*, но и до настоящего времени наносят большой урон нечистоплотным и часто полуголодным коренным жителям Западной и Восточной Сибири. В некоторых местах их жертвой стала половина и даже $\frac{2}{3}$ населения**. Так, еще в 1884 году некоторые племена местных уроженцев Колымского округа (Якутская вол.) из-за оспы сократились наполовину. В общем, санитарное положение этих народов еще и сегодня существенно не улучшилось, несмотря на то, что в настоящее время почти повсюду на территории введены обязательные вакцинация и медицинский контроль, но число медперсонала очень невелико, а их знания и находящиеся в их распоряжении средства

* Что остяки и до прихода русских страдали от оспы, ясно из помещенной во II части книги героической песни № 5.

** С 1763 по 1816 из-за оспы и голода вымерло около $\frac{3}{4}$ местного населения Туруханского края. Народ камчадалы насчитывал в 1744 году 20000 лиц об. пола, в 1823 — только 2760 и в 1850 — 1951 душу и т.д. (*Ядринцев*. Сибирь как колония. С. 88-93).

недостаточны. Во всем Тобольском округе, в частности, который так же велик, как Бельгия, Голландия и Швейцария вместе взятые, и имеет население численностью в 100000 душ (не считая города), есть только один сельский врач, который к тому же живет в городе и почти не покидает его, и четыре фельдшера, живущих в разных частях округа. Так как число медиков слишком мало для того, чтобы что-то предпринять: на одного приходится приблизительно 25000 душ, то они предпочитают проводить свое время в кутежах, карточных играх и ухаживаниях. Даже в том случае, когда в их районе свирепствует эпидемия, они большей частью удовлетворяются тем, что по данным волостных начальников и священников записывают число умерших. Лишь изредка они лично посещают инфицированные деревни, главным образом если те находятся в непосредственной близости. Русское население также подвержено эпидемическим и заразным заболеваниям, но его состав меньше страдает от них, потому что, во-первых, условия жизни русских лучше, чем аналогичные коренных жителей, и, как следствие, заболевания требуют меньших жертв, а также потому, что вызванное этим обстоятельством временное сокращение населения легко восполняется благодаря приросту и приезду новых жителей.

Только в 1888 году медицинский совет Тобольска спроектировал некоторые улучшения в санитарном положении населения территории.

Невоздержанное пьянство является распространенным повсюду на севере Сибири пороком, пустившим здесь такие мощные корни, что бороться с ним тяжело не только сейчас, но будет также и в ближайшем будущем. Здесь пьют все: мужчины и женщины, стар и млад, и если уж однажды начали кутить, то прекратят лишь тогда, когда запасы водки будут исчерпаны, или когда будет продано все, что можно пропить. Часто случается, что младенцы бывают полумертвы от голода и холода, пока их обычно нежные родители где-нибудь в снегу пересыпают свое похмелье. Больше всего пьют во время свадеб и тогда, когда остяки для уплаты налогов собираются в таких деревнях, где размещены резиденции волостной администрации. Во время этих гульбищ то и дело детям протягивают по полстакана

водки, чтобы вовлечь их в общее веселье, и тем самым смолу внушают им потребность в спиртном.

Многочисленные запреты на ввоз водки местным уроженцам ни в коей мере не возымели желаемого успеха, потому что поселения очень сильно рассеяны, территория слишком пустынна и безлюдна, и нет зрителей, которые следили бы за выполнением запрета. В целом такие распоряжения могли иметь действие только в местах, где масса населения состоит из местных уроженцев, как, например, на Конде, и там, где вследствие запрета нет трактиров. Запреты условны, так как остяки все равно знают, как достать любимый напиток. Летом они с этой целью предпринимают длинные путешествия по реке в соседние, в общем, достаточно отдаленные русские деревни, зимой они получают водку от многочисленных ямщиков, которые в это время посещают местности, чтобы отсюда доставить в город рыбу и ягоды в качестве оплаты за одолженную русскими купцами муку. Чтобы вынудить этих ямщиков привозить с собой водку, остяки и вогулы требуют ее за сено, которое нужно для корма лошадей, и не выдают его им за деньги. Что касается местностей на Оби и Иртыше, где остяцкие поселения и деревни сменяются русскими, то здесь местные уроженцы всегда хорошо снабжены водкой.

Вряд ли следует говорить, что упомянутый порок немало способствует ухудшению положения всех лиц, предавшихся ему, а также их семей, что можно заметить и на более образованных европейцах, и что неочищенная водка, которая продается здесь, плохо действует на здоровье. Еще хуже и вреднее водка («самосидка»), которую остяки и вогулы в малообжитых, расположенных далеко от сельской полиции местах готовят сами с помощью котлов и стволов ружей (вместо трубок).

Остяки, избегающие наслаждения водкой, мне почти неизвестны; радостное явление в этом смысле представляют собой некоторые трудолюбивые люди среди них, достигшие благодаря торговым сделкам определенного достатка, потому что они пьют сравнительно мало. В Красноярских юртах я познакомился с богатыми остяками из семьи Тахтишевых, у которых даже были запасы в доме и которые пытались противостоять искушению покутить в рабочие дни.

По воскресным и праздничным дням, напротив, каждый из взрослых членов семьи после утренней молитвы и долгого осенения себя крестами получал рюмку драгоценного напитка. Среди русских богатые тоже пьют меньше, чем бедные, а некоторые совсем не пьют. В общем, это явление можно объяснить и так, что именно эта трезвость и является отчасти причиной большего достатка упомянутых лиц.

Курение среди остяков также распространено очень сильно. Курят не только мужчины, но и многие женщины и дети. На берегах Демьянки я ежедневно видел 6—7-летних мальчиков и девочек, усердно куривших. Табаком их снабжали нежные родители, убежденные в целебных свойствах табакокурения против заболеваний груди и горла. Все это еще больше обессиливает слабый организм детей.

Что касается смертности детей, то она среди уроженцев Западной Сибири, а следовательно, и среди остяков очень высокая. Поляков считает, что в некоторых местах после рождения умирает до 75% детей. В Тобольском округе это явление больше всего бросается в глаза в районе Демьянки, и именно здесь, где богатая природными дарами земля так нуждается для своего процветания в рабочих силах, население сильно сокращается. Когда я спросил тамошних остяков о причине их вымирания, которое очевидно и для них самих, они высказали мнение, что «господин (дух) земли» («вотчинник») требует людской крови, а так как они не ведут больше войн, освобождены от военной службы и, следовательно, не могут удовлетворить его названной жертвой, то он лишает жизни их потомство и одаривает им ведущих войны русских. Такое оригинальное объяснение явления, которое легко можно понять иначе, со стороны этих диких людей не должно удивлять нас. Даже священник, самый образованный человек всей территории, ответил мне на тот же вопрос следующее: «Явление совершенно ясное: с каждым годом остяки все больше отворачиваются от своих прежних богов. Тем это очень неприятно, и они мстят, позволяя смерти свирепствовать среди них». Но едва я провел в этой местности неделю, как мне стало ясно, что за образом мстящих богов страны скрываются плохое лечение и недостаточный уход за детьми. Во время своего пребывания на территории я записал по интересующему нас вопросу следующие строчки*:

«Необычная смертность среди детей господствует здесь вследствие крайне антигигиеничных условий, в которых они растут, и недостаточной заботы, проявляемой к ним со стороны родителей. Так, их пища, как и у взрослых, состоит в основном из рыбы, лосиного мяса или сала и мороженых ягод — продуктов, которые детский желудок усваивает не полностью и которые вызывают частые боли, катары, понос и подоб. осложнения. Комнаты, в которых живет вся семья, часто топят так сильно, что от жары и сухости воздуха едва можно дышать. Этот палящий воздух еще менее переносим, когда к нему добавляется угар — по причине слишком раннего закрывания печи и неумелого обращения с самоваром угар бывает частым гостем в остяцком жилье. К утру воцаряется холод, проникающий в комнату во все щели, и нужно хорошо укрываться, чтобы не замерзнуть. Дети при этом очень легко простывают, если разделись из-за жары, и серьезно заболевают. Сами взрослые не могут без последствий переносить слишком большие колебания температуры (до 60—65°), которым подвергаются без нужды, и многие из них страдают от кашля. Во время оргий, часто устраиваемых зимой, дети забываются и остаются без пищи целыми днями. Не лучше и тогда, когда пьяные матери проявляют слишком большую заботу о своих чадах, потому что они их при этом часто роняют и ломают им руки и ноги, или давят их во время сна. Когда я, будучи в **Лымковских** юртах, спросил жителей, почему в деревне нет детей, я получил в ответ, что их было достаточно, но все они умерли. Так, в одной семье в этой деревне, **Лалтышевых**, было 15 детей, из которых только один дожил до 10 лет, но вскоре после этого утонул во время оргии своих родителей. У **Тайлаковых** тоже было много детей, которые из-за плохого лечения все умерли; последний немного пережил остальных, но был калекой, потому что мать, будучи пьяной, с большого расстояния бросила его на скамейку. Причина, почему третья семья, **Сипайловых**, не имела детей, заключалась в том, что злая свекровь так сильно избивала сноху во время беременности, что у той случился выкидыш, и она не могла больше иметь детей. Также

* *С. Патканов*. По *Демьянке*//Зап. З.-Сиб. Отд. И.Р. Геогр. общ. Кн. XVI. Вып. 2. 1894. С. 38—41. — См. также: *Патканов С.К.* Сочинения в двух томах. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень, 1999. С. 39 и послед.

мало повезло этой семье и с усыновленным ребенком: на 17-м году, уже будучи опорой приемным родителям, он утонул. Еще в одной семье, фамилии которой я не знаю, был только один сын, который умер еще в ранней юности».

Кто прочел эти строки, вряд ли удивится тому, что в районе Демьянки дети редкость и смерть уносит приблизительно 80% их вскоре после рождения. В других местах, где живут остяки, условия, в которых растут дети, немного лучше; по этой причине смертность среди них меньше, хотя почти повсюду около 55—65 и более процентов* всех детей не доживают до пятого года жизни. Более хорошие условия жизни в плане большей трезвости женщин существенно способствуют увеличению русского населения в той же местности.

Меньшее значение для вымирания остяков имеет то обстоятельство, что русские отобрали у них часть лучших земель. Хотя, как видно из пятой главы, сильное русское население на Оби и Иртыше действительно присвоило многое из прежних охотничьих и рыбацких угодий коренных жителей, частично купив их, частично силой, все-таки в этом округе последние, как остяки, так и вогулы с татарами, несмотря на их ограниченную численность, еще и сегодня владеют очень большими территориями, которые, конечно, смогли бы прокормить и более плотное население.

Голод в прошлые и в настоящем веке произвел необычайное опустошение среди уроженцев северной Сибири. Но эти местности, кажется, сравнительно мало пострадали от обнищания и обрусения населения. Во-первых, леса были богаче дичью и пушниной, водоемы — рыбой, и северные народы еще владели большими стадами оленей; во-вторых, эти при-

* Здесь некоторые данные о смертности населения Меньные-Кондинской волости, которая, как известно, увеличивается, за десятилетие 1877—1886 г. В течение этого периода из общего числа умерших лиц 30,5% были дети младше 1-го года и 23,6% дети от 1 до 5 лет, в целом 54,1%. Но если взять во внимание, что остяцкие дети иногда до года остаются некрещеными и если умирают за это время, то указанное число должно быть еще больше. После 5 лет смертность значительно снижается, так что юноши и девочки от 5 до 20 лет составляют лишь 8,7% общей суммы. В течение следующих 40 лет интенсивность смертности практически не меняется, так что число умерших лиц в возрасте от 20 до 40 лет — 11,3%, в возрасте от 40 до 60 лет — 14,7% и, наконец, в возрасте от 60 до 80 лет — 9,7% всех умерших. Люди старше 80 лет представлены только 1,6%.

родные богатства были распределены более равномерно, чем сейчас. Как частично еще и сегодня, среди обдорских остяков, чукчей и других народов, хранящих свои старые обычаи и традиции, во время голода почти все местные уроженцы оказывают помощь друг другу, не ожидая за это какой-нибудь, пусть и спустя долгое время, награды. Многие восточно-сибирские рода (якуты, чукчи, ламуты и др.) еще и сейчас делят со своими соседями и родственниками по племени почти каждого оленя и каждый улов рыбы, которые добывают. Человек, утаивший часть добычи от своих соседей, если бы его застали, наверняка прослыл бы скрягой. В Гобольском округе это золотое время давно прошло, к счастью, прошел и опасный переходный период, когда народ расстался с упомянутыми альтруистическими обычаями, не приспособившись к новым условиям; на этой стадии находится сейчас большинство северных народов Восточной Сибири.

В занимающей нас области, таким образом, голод, как фактор вымирания остяков, имеет лишь ограниченное значение, потому что упомянутые выше контрмеры (зернохранилища и кредитная система) в последнее время не позволяли достичь ему угрожающих размеров.

К сожалению, и на примере остяцкого народа, как **везде** в подобных случаях, выяснилось, что вызванное соприкосновением с цивилизацией многостороннее изменение прежнего образа жизни ужасно подействовало на их благосостояние и сопротивляемость. В прежние времена, когда в этих местностях было небольшое население, леса были еще так богаты дичью и пушным зверем, а реки рыбой, что их добычу вели без особых усилий. Если учесть еще и бесчисленные массы ягод и кедровых орехов, которые можно было собрать в этом округе до больших лесных пожаров, то потребности диких остяков удовлетворялись, и они процветали и плодились, не терпя вреда от постоянных междоусобиц. Никаких ужасных последствий не имело для них и столкновение с мало продвинувшимися по пути культуры татарами, так как эти завоеватели проникали на территорию остяков лишь очень постепенно, и у соседних остяков было достаточно времени для усвоения культуры этих чужеземцев, их одежды, языка, религии и даже слияния с ними в один народ, без особых перемен в их жизненных условиях. Совсем другой характер имело завоева-

ние территории русскими, завоевание, расширившее господство русских до Северного Ледовитого океана и до соседствовавших с Азией территорий за пару десятилетий. Сразу же после порабощения страны жадные казаки начали притеснять коренных жителей: они требовали от них дани в форме мехов и меняли их у остяков на различные бесполезные предметы. При этом, конечно, не обходилось без мошенничества. Со временем, когда сибирские уроженцы под «цивилизующим» влиянием русских стали хитрее и не хотели отдавать свои товары так легко за пару колокольчиков или медные кольца, должно было отыскаться средство, чтобы сделать их сговорчивее, и таким средством прежде всего зарекомендовала себя водка, затем табак, продукты, к которым местные уроженцы быстро пристрастились. Чтобы утолить жажду подобных благ цивилизации, нужно было охотиться гораздо усерднее, чем раньше, следствием этого было то, что уже через 70—80 лет после завоевания количество пушного зверя так сократилось, что новые подданные царя не могли больше платить свою дань. Все принуждения, которыми их пытались заставить охотиться усерднее, не возымели своего действия и имели своим следствием лишь всеобщую нищету местных жителей. А когда сильные лесные пожары уничтожили и спугнули огромную часть оставшейся дичи, многие остяки, чтобы сохранить жизнь, должны были заняться другим делом*. Этим делом могла быть только рыбная ловля. Но этот переход не был легким для дикого народа. У охотника не было ни необходимых снастей, ни знания дела, чтобы поймать столько рыбы, сколько ему было нужно, чтобы оплатить содержание своей семьи (особенно когда потребности постепенно становились все многообразнее), а часть улова продать для уплаты налогов. Один голод за другим начал свирепствовать на территории и подготовил для завезенных русскими болезней широкое поле. Государство, не так озабоченное вымиранием дикарей, как постыбно растущими налоговыми недоимками, несколько раз направляло исследовать причины, и доклады посланных чиновников описывали угнетенное положение, в котором находились остяки

Так, например, из **Нарымского** края (**Томск.** губ.) в начале этого века ежегодно вывозилось около 200000 руб. меховыми товарами, в 1844 г. эта сумма упала до 30000 руб., а десять лет спустя (1854) даже до 13000 руб. (*Павлов.* 3000 верст по рекам Зап. Сибири).

и другие уроженцы Сибири в XVII и XVIII веках. Голод, эпидемии и принуждение со стороны больших и мелких чиновников, требовавших от дикарей, кроме налогов, еще и подарков и тем самым загонявших их в нужду и непогашенные долги, — такими были первые дары цивилизации, которыми европейцы: здесь — русские, в Америке — испанцы, а в Австралии — англичане — одарили по-детски беззаботные слабые первобытные народы. Однако когда бедные затравленные люди не смогли или не хотели переносить все беды, которыми их засыпали, и начали вымирать, то даже это явление сочли верным признаком их неспособности к более высокой культуре. Но сколько времени потребовалось для того, чтобы ближайшие племенные родственники остяков и вогулов — мадьяры, финны и эстонцы — достигли теперешнего высокого культурного уровня, сколько веков прошли со времени Тацита, когда финны, по предположению известного исследователя Севера Кастрена, находились на той же ступени культурного развития, на которой теперь находятся остяки и вогулы! Какой была бы их судьба или судьба древних германцев, если бы они столкнулись с современной европейской цивилизацией? О последних историк культуры Оскар Пешель думает, что они в этом случае исчезли бы с поверхности Земли как краснокожие Америки, и вызывает большие сомнения, что судьба остальных упомянутых ранее народов была бы иной.

С тех печальных времен в жизни сибирских уроженцев, а значит, остяков и вогулов, наступило некоторое улучшение, главным образом, благодаря заботе государства о благополучии необразованных и беспомощных подчиненных, частично вследствие постепенного духовного развития русских и остяков: налоги были облегчены, благодаря строгости и лучшему отбору уменьшилось количество продажных чиновников, в населенных коренными жителями местностях сооружены зернохранилища и пороховые склады, введены обязательное прививание и медицинский осмотр и т.д. Но несмотря на эти новшества, полезность которых мы уже обсудили или упомянем ниже, сегодняшнее экономическое положение остяков, особенно северных и восточных (исключая сильно заселенные местности), очень печально. Больше число их живет в бедности, а многие едва влачат существование, по-прежнему предаваясь пьянству и подвергаясь всяким бо-

лезням. Их лучшие участки земли теперь перешли в собственность богатых крестьян, их кредиторов, которые платят лишь небольшую арендную плату товарами, мукой и водкой, и еще задолго до окончания срока снова на годы берут участки в аренду*.

Господствующая здесь система кредитов сделала остяков вечными должниками их кредиторов, или «кормильцев», как они иногда называют их здесь не без определенной иронии. Все, что добывает местный уроженец, будь это рыба, пушнина, ягоды или что-нибудь другое, принадлежит кредитору, если не за долги текущего года, то за предыдущий или следующий, или даже за долги, перешедшие от умершего отца, так что сколько бы он ни зарабатывал, у него никогда нет ни копейки. Хотя русские имеют дело с теми же торгующими крестьянами, все-таки зависят от них не так, как местные уроженцы, частично потому, что умнее и предусмотрительнее последних и не так легко впадают в нужду, и частично — потому, что они энергичнее, трудолюбивее и сильнее, чем остяки, и почти всегда работают больше. С этими качествами русских более слабые и ленивые местные уроженцы не могут конкурировать и впадают часто в нужду там, где русские живут в относительном достатке.

То, что бедность населения сказывается на числе браков и смертности детей, а следовательно, и на росте населения, понимается само собой. Конечно, остяк не настолько предусмотрителен, чтобы думать о том, чем накормить жену и детей, но заключение брака требует таких расходов в форме выкупа за невесту, платы за отправленный священником обряд и расходов во время свадьбы — в целом не менее 50—100 рублей, что бедный местный уроженец, у которого, как мы знаем, никогда нет денег на руках, не может покрыть эти расходы и должен всю жизнь прожить холостым. И в

* Это явление наблюдается в Сибири повсюду: коренные жители (самеды, тунгусы, татары, коряки и т.д.) нищают везде, как только приходят в тесное соприкосновение с русскими (см.: *Ядринцев*. Сибирь как колония. С. 96—104). Точно так же (С. 89) следующее высказывание г. Олсуфьева об экономическом положении уроженцев крайнего северо-востока Сибири: «Из древних родов северо-востока Сибири чукчи, меньше всего общающиеся с русскими, являются самыми богатыми хозяевами оленьих стад» (Общий очерк Анадырской округи//Зап. Приамурск. отд. *И.Р.* Геогр. общ. Т. II. Вып. 1. С. 94).

самом деле, число старых холостяков среди местных уроженцев больше, чем среди русских.

Также и браки между остяками и русскими женщинами, как кажется, мало способствуют приросту первых, так как эти браки не особенно плодовиты. Только в отдельных местах округа, где в жилах остяков вследствие непрерывных перекрестных браков с русскими много арийской крови, их число увеличивается, хотя такой смешанный народ, как в Базьяновских или Нялинских юртах, относится к остякам только по названию, а в действительности ни слова не говорит по-остяцки и вообще ничем не отличается от русских.

Если все наши предположения верны, то прирост остяков и вообще коренных сибирских народов в местах, где они живут в тесном соседстве с русскими, должен быть меньше, чем там, где они живут в резервациях. Точные статистические данные также доказали это: только в **Меньше-Кондинской** волости, где население преимущественно остяцкого происхождения (5% русских в 1888 г.), наблюдается их прирост; во всех остальных волостях округа, где остяки плотно окружены русским населением (1888 — 8% остяков), они, как мы знаем, вымирают.

То же явление, а именно: обнищание и быстрое **вымирание** местных уроженцев, живущих среди русских, и, наоборот, рост численности населения в отдаленных местах, где они меньше соприкасаются с цивилизацией, — было отмечено пр. Якоби в отношении северных остяков*.

После того, как мы приняли во внимание важнейшие данные и мнения относительно вымирания местных уроженцев, нам хотелось бы поднять вопрос о том, можно ли действительно рассматривать вымирание менее культурно развитых рас, а также тех, которым доступна более высокая культура, как неотвратимый закон природы, а именно, как следствие победы более сильных и способных народов над слабыми и менее развитыми духовно, в каждодневной борьбе за существование, которую ведут между собой все живые существа. И еще о том, должны ли мы предоставлять наших меньших и более слабых братьев их печальной судьбе, и не должны ли мы скорее, ведомые состраданием, которое дает приют старикам, калекам и слабоумным и распространяет

* Изв. И. Р. Геогр. общ. 1896. Вып. IV.

заботу даже на животных, создать со временем сносное существование и лучшее будущее и этим бедным народам? Мы оставляем этот вопрос без ответа и отправляем читателя к человеколюбцу и знатоку сибирской жизни Ядринцеву, посвятившему этому вопросу несколько страниц*.

Со своей стороны добавляем, что мы, в унисон с мнением только что упомянутого ученого, убеждены, что судьба остяков и вогулов была бы иной, если бы сегодняшние условия их жизни были бы немного обращены к лучшему. Потому что, во-первых, остяки абсолютно способны к принятию более высокой культуры, в чем они не уступают сибирским татарам, и, во-вторых, сокращение их числа, я имею в виду южных представителей рода, как мы видели, пугающе сильно лишь в отдельных местах, но в целом довольно медленно продолжается.

В качестве последствий вымирания остяков мы должны назвать следующие два явления: иное группирование остяцкого населения в волостях и сильное заселение Тобольского округа русскими. Изменения в делении волостей обусловлены тем, что постепенно сокращающемуся числу налогооблагаемых душ в прежних небольших волостях было все труднее поддерживать свое независимое существование. Так, например, Назымская волость с 53 и Туртасская с 27 ревизскими душами были не в состоянии больше оплачивать общинного писаря и различные сборы для администрации. Для устранения этой трудности остяцкое население округа по распоряжению камер-коллегии в 1865 году было сгруппировано следующим образом: *Меньше-Кондинская* волость осталась без изменений; *Нарымская* и *Тарханская* были объединены в одну, которая теперь носит название *Нарымской*, а ее волостная администрация находится в Цингалинских юртах; *Верхне-Демьянская* (на Демьянке) была присоединена к русской *Демьянской*, *Темлячевская* — к *Самаровской*, и, наконец, *Назымская* и *Туртасская* объединены в *Назымскую*, администрация которой находится в русской деревне *Юровское*. В то же время к некоторым волостям Тобольского округа были причислены отдельные остяцкие юрты Березовского округа, находящиеся слишком далеко от их волостных * Сибирские инородцы. 1891. С. 88—91, 147—150.

администраций, например, Чагинские, Дальние Согомские юрты (см. выше).

Но, несмотря на все эти меры, сегодняшнее группирование оставляет желать лучшего. Еще и сейчас остякам некоторых, далеко расположенных друг от друга юрт, нужно преодолеть расстояние в 100—200 и больше верст, чтобы попасть в деревню волостной администрации*. На эти поездки затрачиваются одна, две и более недель (считая дорогу обратно). Далее, некоторые небольшие волости, как, например, Назымская с 80 налогооблагаемыми душами, все еще не в состоянии содержать более-менее потребного общинного писаря. Поэтому они постоянно меняются и тем самым вносят беспорядок в сделки и документы. Также и объединение нескольких остяцких волостей с соседними русскими, как выяснилось, для обеих частей, но особенно для остяков, связано со множеством неудобств. Во-первых, многочисленные члены общины русского происхождения большинством голосов решают общие вопросы, например, службы в действующей армии, в свою пользу, во-вторых, среди местных уроженцев еще не введено «Общее положение о гражданах» (Общее положение от 19 февр. 1861), и волостной суд часто размышляет, решать ли споры между русскими и остяками по его 107 пункту или же следовать общим гражданским законам и законам об уроженцах Сибири**. К этому добавляется то, что русские очень мало знакомы с обрядами остяков, в то время как подобное знакомство совершенно необходимо для принятия правильного решения в возникших спорах.

Заметное заселение русскими территории иртышских остяков и соседних местностей Березовского округа началось лишь в начале этого столетия. Хотя почти все большие русские деревни уже существовали тогда, число их жителей было небольшим и состояло из нескольких семей, в то время как вся остальная территория или была в собствен-

* Например, деревни Нарымской (ранее Тарханской) волости, расположенные на высоких террасах, которыми богата долина Салыма, удалены на 200 и более верст от Цингалинских юрт, где находится волостное правление; Тимиковские юрты удалены на 196, Аллавердинские — на 228, а Сивохребские — на 348 верст.

** Свод законов Росийск. Империи. 1857. Т. II. Ч. 2; О управлении сибирских инородцев. 1822.

ности остяков, или лежала пустынной. В настоящее время число русских поселенцев этой местности превышает число остяков не менее чем в десять раз, и русское население увеличивается дальше благодаря переселению из южных частей округа и нормальному приросту.

В последнее время русские крестьяне начали поселяться не только в русских волостях территории, но и в остяцких, в чем им ранее по распоряжению губернатора Западной Сибири от 1857 года было отказано. Тем самым губернатор хотел защитить местных уроженцев от жадности русских колонистов, которые научились так использовать пристрастие остяков к табаку и водке, их беззаботность и безграмотность, что сделали местных уроженцев деревень, где поселились, почти своими крепостными. Теперь, однако, русских можно встретить почти во всех остяцких деревнях на Иртыше и Оби, и во многих юртах на Демьянке и Конде. Часть этих крестьян живет здесь только временно: они берут в аренду у остяков участки земли: богатые рыбой озера и реки, кедрачи и т.д., или используют их в союзе с хозяевами, после того, как уплатят последним несколько рублей за право участия.

Эти временные поселенцы относятся к различным волостям округа, исключая самые южные. Район **Конды**, главным образом, навещают трудолюбивые и энергичные жители Кугаевской волости. В этой волости немного пахотных земель, и она часто опустошается наводнениями, так что ее обитатели не находят достаточно средств для поддержания жизни семьи. Поэтому зимой почти половина взрослых мужчин переезжает на берега Конды, при этом почти добираясь до территории вогулов, живущих в верхнем течении этой реки, в пределах Туринского округа. Другая часть этих крестьян осела здесь прочно и владеет несколькими домами, вступающими в яркий контраст своим украшенным видом и комфортом обстановки с бедными хижинами местных уроженцев. В домах крестьян, занимающихся торговлей, можно встретить различные предметы роскоши, почти неизвестные в здешних местах, как мягкая мебель, большие зеркала, картины, серебро и подобн. Осевшие здесь крестьяне обычно записываются в остяцкие **общины**. Как члены общины, они имеют те же права, что и местные уро-

женцы, на принадлежащие ей земли и водоемы, но должны выполнять и повинности, выпадающие на них*. За прием в общину остяки требуют определенной суммы денег, которую тут же пропивают, — приблизительно 15—20 рублей на взрослую мужскую душу. За остальных членов своей семьи крестьянин ничего платить не должен, но если вырос сын и тоже хочет стать членом общины, чтобы пользоваться упомянутыми правами, отец должен кое-что заплатить и за него. Русские поселенцы вскоре обзаводятся домами, спустя 2—3 года после приема в общину остяков в юртах можно увидеть их новый, иногда даже двухэтажный, дом. Небольшая русская колония постепенно становится все больше, т.к. община принимает новых членов и подрастают дети колонистов, создавая новые семьи. Со временем подобная колония превращается в русскую деревню, в то время как с коренным населением происходит обратный процесс: оно постепенно сокращается и вымирает.

На Конде эта стадия превращения остяцких деревень в русские еще не заметна, но в нижнем течении Иртыша, на Оби и Демьянке, где слабые остатки остяков почти теряются в массе русского населения, можно указать множество **деревень**, ставших почти русскими, или в которых преобладает русское население. К ним относятся **Филинская**, **Ячинская**, **Деншиковская** деревни, деревня **Семейка** и юрты Семейка, удаленные друг от друга на 20—30 верст; деревня **Базьяново** на Иртыше, деревня **Шапшино** и другие на Оби. Преобладает русское население также и в **Цингалинских юртах**, центре **Нарымской волости**. В последнее время небольшие колонии русских крестьян, состоящие из 2—3 семей, образовались в **Заводинских**, **Саргатских**, **Туртасских** и других юртах, жители которых отличаются консервативным характером и долгое время не пускали к себе чужаков. -

На Демьянке, где остяки также сильно сокращаются в числе, их угодья постепенно занимают соседние русские крестьяне Демьянской волости. Прежние **Карабашевские** и **Си-**

* Так как они одновременно являются членами русской волости, то обязаны платить все сборы и выполнять все повинности, выпадающие на нее, и имеют такое же право на принадлежащие ей угодья, как и другие члены общины.

тиковские юрты (в Дем. в.) после вымирания местных уроженцев превратились в небольшие русские поселения. И в других юртах тоже есть русские колонисты, особенно женщины, живущие то в официальном, то в неофициальном браке с остяками, так что и здесь, как почти повсюду, вымирание одной части жителей облегчает обрусение другой. Так как браки остяков с русскими женщинами, как правило, не очень плодovиты, многие остяцкие семьи в этой местности берут на воспитание остяцких и русских детей для того, чтобы покрыть недостаток их и обрести в них в старости опору. Когда они подрастают, остяки показывают им все приемы охоты и рыбной ловли, совершенно необходимые жителю этой местности. Иначе те обречены на забвение.

Главная причина, почему остяки решились пустить к себе колонистов, заключается в невозможности для немногих жителей остяцкой деревни пунктуально выполнять повинности, т.е. доставлять чиновников, волостных начальников, полицейских, священников и почту от одной станции к другой. Зимой для этого нужен один человек с одной или двумя лошадьми и несколько часов рабочего времени, которое в это время года ценится невысоко. Но особенно тяжело дается остякам выполнение таких поездок летом, когда нет никакой другой связи, кроме воды. Для каждой лодки, доставляющей путешественников, необходимо 3—5 и даже 7 гребцов, если это, например, тяжело груженная барка (каюк), в которых обычно перемещаются краевой голова и высшее начальство. Если предположить, что расстояние между двумя деревнями обычно насчитывает не меньше 15—20, а часто и более верст, то люди должны потерять в езде туда и обратно целый день. А так как подобные поездки часто следуют одна за другой, то жителям небольших деревень крайне тяжело доставлять всех путешествующих самим. Поэтому они вынуждены или нанимать для этой цели посторонних людей и дорого платить им, или, если это тяжело для немногочисленных жителей, увеличивать число членов общины за счет приема посторонних элементов, а именно русских, что и делает большинство иртышских и обских остяков.

Иногда остяки чувствуют сами, что в будущем будут страдать из-за русских, которых пустили к себе, но их

угнетенное положение вынуждает подчиняться необходимости, и обильная пьянка, которая, как правило, сопровождает подобный прием в общину, на некоторое время позволяет им забыть все тревоги, как теперешние, так и будущие. В условиях приема большей частью оговаривают, что крестьяне принимаются на неопределенное время, но до сих пор, однако, не было ни одного случая, что кто-то из них по причине окончания срока должен был освободить свой дом для остяков, что, в общем, и не было бы разрешено управами. До тех пор, пока остяки в деревне перекрывают числом русских, обе части живут в добром согласии: решающее слово во всех важных делах все еще остается за остяками, и это до определенной степени сдерживает хищнические инстинкты крестьян и одновременно льстит самолюбию прежних хозяев территории. Русские после обмена несколькими словами обычно уступают им. Но если русские колонисты однажды сравнялись числом с остяками, или даже превзошли их, они тут же сменяют тон и, сознавая свою силу, настаивают на общинных собраниях на своем мнении, принимают в общину новых членов без согласия остяков и т.д. Как следствие, они распоряжаются всем общинным имуществом, как своим собственным, в то время, как остяки, прежние владельцы земель, бывают не в состоянии защитить свое дело, потому что, во-первых, они в меньшинстве, а во-вторых, многие из них, как клиенты русских, в определенной степени зависят от них. Собственно, подобная колонизация остяцкой территории русскими имеет и положительные стороны. Суетливые и энергичные крестьяне вводят новую жизнь в круг ленивых и беззаботных местных уроженцев. Вместе с ними остяки начинают самостоятельно эксплуатировать свои богатые рыбой водоемы, в то время как раньше предпочитали большую часть их за пару грошей сдать в аренду.

Глава VII

Религиозные представления иртышских остяков

Наши знания о языческом культе остяков. — Остяки как плохие христиане. — Особенности языческого культа остяков. — Их главные боги: Тырим und Pairвхта. — Менее важные боги: кул, мѣнк, тонх. — Изображение божеств. — Кровавые и бескровные жертвы. — Жилища и долины богов. — Тени героев как добрые духи. — Три величайшие святыни региона в древние времена и в настоящее время. — Tunk-rox и легенда о шестиногом лосе. — Богиня смерти Târijn. — Языческие священники. — Священные растения и животные: медведь и его почитание, лебедь Tõxтиj-Kârjс, шука и т.д. — Некоторые причины малого прогресса христианства у остяков.

Исследование религиозной жизни первобытных народов никак не является легкой задачей этнографии, потому что необразованные люди встречают вопросы из этой области с недоверием и не хотят отвечать на них. Потому лишь очень немногим исследователям в этих странах удалось получить более-менее подробные и надежные сведения об этой стороне духовной жизни остяков. Лучшие описания, которыми мы располагаем о религиозных представлениях северных остяков, принадлежат перу известного ученого Кастрена и этнографа Гондатти. Несколько интересных сведений об этом предмете можно также найти в произведениях Эрмана, Финша, Алквиста, Полякова и др.¹⁵

Что касается иртышских остяков, то они, как более обрусевшие, до последнего времени не привлекали внимание почти ни одного современного исследователя. Единственное сочинение, дающее нам некоторые сведения о религиозном культе иртышских остяков, относится к прошлому, т.е. времени, когда остяки еще были язычниками. Мы имеем в виду книгу Гр. Новицкого*¹⁶. Автор этой книги принимал участие в путешествии высокочтимого Филофея по северо-западу Сибири, предпринятом им для обращения жи-

Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остячком. Спб., 1884.

вущих там языческих народов. Его данные, как данные непосредственного свидетеля, обладают тем большей ценностью для нас, что многое в описаниях более поздних путешественников основывается на рассказах русских крестьян и потому толкуется неверно. Само собой разумеется, что и описание образа жизни и религиозных представлений иртышских остяков Гр. Новицкого сегодня не совсем соответствует действительности, потому что за прошедшие с тех пор 183 года в жизни остяков случилось много перемен. Что касается приведенных в этой главе данных, то они частично были собраны мной во время пребывания в Тобольском округе в 1887—1888 гг., частично взяты из записанных и переведенных мной образцов остяцкой народной поэзии.

Все остяки названного округа официально исповедуют христианство и крещены по греко-православному обычаю. Но живущие в отдаленных, мало подвергнувшихся влиянию русских местностях, остяки с усердием придерживаются своих языческих верований и старых обычаев, которые практически забыты обрусевшими жителями на Иртыше и Оби. Языческий культ сохранился среди этого народа так долго потому, что христианская вера не пустила корней ни в сердце, ни в душе остяков и стала известной им только с внешней, ритуальной стороны, а содержание осталось для них совершенно чужим. Всякие локальные апокрифические рассказы о **потопе***, о земной жизни Спасителя и Богоматери, распространенные в этой местности среди русских, остяки повторяют с благоговением, рассматривая их как истинное учение бога.

А путаница религиозных понятий, царящая в голове остяка и вообще обращенного уроженца Сибири и награжденная в официальной речи названием «христианская вера», становится еще пестрее благодаря многочисленным реминисценциям из древней языческой мифологии.

Чтобы привести эти остатки языческого культа в большее соответствие с учениями Святого Писания, остяки обозначают свои языческие божества именами бога, спасителя и святого отца, сохраняя все их прежние свойства. Так они идентифицируют, например, языческое божество **Pairâ xtâ**,

* Остяцкая версия сказания о потопе приведена в конце этой главы.

сына Tûrîm'a, принимающего участие в судьбах людей и фигурирующего во многих остяцких сказках с именем Иисуса Христа. As-îga — «Обской старик», или «водный царь» (Jink-xon), которому остяки перед началом рыбной ловли приносят кровавую жертву, по их мнению, то же лицо, что и апостол Петр*. Ключ, который последний держит в руке, кажется им символом его власти открывать или закрывать реки, и так, по своему усмотрению, дарить людям рыбу или наоборот.

Остяки считают, что для исполнения всех их христианских обязанностей достаточно соблюдать некоторые ритуалы греческой церкви. Так, их комнаты, как у русских, щедро увешаны ликами святых, перед которыми они усердно крестятся. Церковь они посещают редко, практически только по большим праздникам, и стараются избегать постов, исповеди и подобных им тяготных христианских обычаев, значение которых они не понимают; зато с готовностью ставят восковые свечи перед изображениями бога и святых, главным образом перед высоко почитаемым всеми восточными финнами святого Николая Чудотворца (Mikul-îga, вог.: Mikul-âncîx — «старик Николай»). В общем, здесь следует упомянуть, что они свои молитвы и жертвы приносят не из богобоязни и христианского пыла, как требует того наша религия, а из своекорыстного расчета. Они надеются таким образом вымолить богатый улов или выздоровление.

Очень многие остяки, имеющие в своих домах иконы, обладают, кроме того, еще и домашними идолами, которым приносят жертвы. В таком сплаве двух религий остяки даже находят определенное преимущество для себя, во-первых, потому что в этом случае ни христианский бог, ни их древние языческие божества не могут показать пренебрежение к ним, а во-вторых, потому что божества в этой ситуации, несомненно, должны соревноваться в милости к остякам, которые легко оставят в стороне неслужливого бога. Как с этой точки зрения остяки рассматривают свои обязанности по отношению к христианской религии, хорошо отражено в следующих словах рыбака. Когда поп упрекнул его в том, что он служит идолам и пренебрегает христианскими обычаями, поэтому рыбалка и была для него такой неудачной, ос* Петр и Павел, по их мнению, одно и то же лицо.

тяк сказал: «Нет, патька («батька»), ты лжешь! Я молился, молился, но ничего не помогло!». При этом он сделал такое движение рукой, которое ясно показывало, что с этих пор он не хочет больше иметь ничего общего с христианством.

Переходя к обсуждению остяцкого язычества, мы должны сначала заметить, что мифология остяков несколько запутанная. Как и у многих других родственных народов, у остяков нет четкой культовой системы. Это следствие, с одной стороны, низкого уровня развития народа, который самостоятельно повысить его не может, а с другой — изолированного положения различных остяцких родов, вследствие которого каждый из них своеобразно развился под влиянием других соседних народов.

Можно сделать наблюдение, что у этих народов все идо­лы и божества, как самые сильные, так и самые незначи­тельные, относительно независимы друг от друга. В этом представлении мы находим точное отражение тогдашней жизни остяков: как мы увидим далее, в древние времена вся остяцкая территория распадалась на множество мелких государственных образований¹⁷, которые по размеру и богатству, конечно, были разными. Точно так же, как их князья были совершенно независимы друг от друга и никто из суверенных князей не был ничьим подчиненным, остяки представляли каждого из своих богов или духов как неограниченного господина в своей области.

Высшим божеством остяков был и остается вла­ститель вселенной: *Tûrîm* (*Tûrum*; также *вог.*: *Tôrîm*) — «Бог». В его руках находятся судьбы богов, людей и животных. У него есть большая книга, в которой записано, кому сколько жить. Судя по сказкам и героическим сказаниям его представляют в образе досточтимого старика. Но это представление из-за неизмеримости понятия бога было у них таким неясным, что они, насколько нам известно, никогда не пытались изобразить его руками. *Tûrîm* (также *Num-Turum*) является персонификацией источника всего доброго и его трон, как и у высшего божества многих других народов, стоит на усыпанном звездами небосводе. Поэтому оба понятия «Бог» и «небо» едва различаются у остяков, и одно часто заменяет другое. Так, слова «*tûrîm*», «*tûrum*» означают не только бога, но и небо,

вселенную и отдельные явления природы, имеющие источником своего происхождения небо, как свет, погода и т.д. С другой стороны, *sanka*, собственно «ясный свет» означает также «небо» и «бог». Если *sanka* употребляется в последнем значении, то к нему обычно присоединяется один из следующих эпитетов: *jem* — «хорошо», *sorni* — «золото», *nûm* — «верхний»; так, его полные имена звучат в этом случае: *jem-sanka* (*собств.* «хороший свет»), *sorni-sanka* (*собств.* «золотой свет»), *nûm-sanka* (*собств.* «высший свет»), наконец, *tûrum-sanka*, или *sanka-tûrum* — выражение, которое используется также для обозначения светлого, Верхнего мира.

Tûrîm иртышских остяков, судя по их поэзии, не был богом гнева, разговаривавшим с людьми только голосом грома и штормового ветра, как Кастрен описывает *Tûrîm'a* северных остяков, но был добрым божеством и отцом людей. И в самом деле слово «*jig*» — «отец» — является постоянным эпитетом *Tûrîm'a* в сказаниях и сказках. Он посылает людям все самое доброе только от своего добросердечия и своей любви к ним. Из остяцкого эпоса, сказания которого обращены в далекое прошлое, не видно, чтобы он нуждался в каком-то культе, например, что он от людей требовал жертв, даров, или даже молитв и крестных знамений и поклонов, подобно низшим божествам. Он так неизмеримо могуществен, а они так ничтожны по сравнению с его величием, что считается неподобающим затруднять его своими нуждами и просьбами, так как у них есть разные, более низко поставленные божества, как *tonx*, *mênk* и др., являющиеся их непосредственными покровителями. К *Tûrîm'у* остяки обращаются только в крайней нужде, когда необходимо быстрое спасение от опасности и вообще сверхъестественная помощь. Подчиненные божества ничего не смогли бы сделать для этого, потому что, во-первых, это не в их власти, а, во-вторых, их милость нужно сначала купить жертвой или молитвой, для которых в критической ситуации нет времени. Всемиловитый отец *Tûrîm* такой жалостливый и принимает беды людей и других созданий так близко к сердцу, что слышит каждую страстную молитву и мольбу, от кого бы она ни исходила: остяка, вогула или самоеда.

Так, например, в одном из собранных мной героических сказаний рассказывается: один остяцкий герой долгое время безуспешно преследовал противника, героя-самоеда Sos-turum-iga, которому он во время сна отрубил ноги. Наконец, он был вынужден молить своего отца Sorni-sanka, чтобы он поставил на пути, которым следовал Sos-turum-iga, покрытый лесом холм. Бог выполнил его просьбу. Его противник, у которого не было ног, не мог пробраться через лес, остяцкий герой настиг его и разрубил на две части. Нижняя половина тела осталась лежать на месте, верхняя ускользнула от меча и покатила дальше. Остяк снова некоторое время преследовал своего изувеченного врага, не в силах приблизиться к нему, обратился с мольбой к богу, чтобы тот поставил на пути самоеда покрытый лесом холм. Снова нагнал он его и разрубил на две части, из которых голове удалось проложить путь сквозь заросли и убежать. Преследователь, однако, следовал за ней, уже занес свой меч, когда Sos-turum-iga в свою очередь взмолился богу, чтобы тот пустил за ним ручей из человеческой крови. Едва он вымолвил просьбу, как река уже понесла свои кровавые воды, за которыми самоед нашел спасение.

По такому поводу бога молят о помощи даже звери, и безуспешно.

Все-таки возможно, что такой добрый образ бога, как отца людей, частично возник под влиянием христианства из строгого образа прежнего Tûrîm'a.

Правой рукой Tûrîm'a и его посредником в общении с людьми является его сын Pairâ xtâ¹⁸ (конд. вог.: Poiraxša*), которого остяки в переводе на русский называют «Иисус Христос». В героических песнях он появляется под именем ar miġ-xui, kale-xui — «Человек многих земель, многоопытный человек», которое он получил за свои непрерывные путешествия по земле и среди людей.

В хвалебной песне, которая будет приведена позднее, в честь Pairâ xtâ подробно описывается лук, с которым он со-

* Он, кажется, соответствует урт-игэ — старику-герою, или старику-князю у Полякова (Указ. соч. С. 58 и далее) и Ortik (=ürt-iga) у Эрмана (Путешествие вокруг света. I. С. 679). Северные вогулы называют его Miġ-susne xum (Гондатти. Указ. соч. С. 56). У Алквиста мы находим упомянутое выше слово в форме poiġixš с сомнительным значением «господин» (Вогул. словник. С. 43).

вершает свое путешествие по семи частям света. Обо всем, что он видел и слышал, он докладывает богу; по этим сведениям бог награждает хороших и наказывает плохих. Исполнителем божественной воли снова выступает *Pairâxtâ*. Его бог каждый раз посылает на землю, если между людьми и их покровителями, подчиненными богам, возникает какое-нибудь непонимание, например, если последние не захотели или не смогли выполнить справедливые требования их почитателей. Чтобы побудить *Tûrîm'a* к милости и вниманию, или вернее вынудить, остяки подвергают непослушных богов различным наказаниям и в заключение сжигают их на костре, чтобы дым от него поднялся и «застрял комком (*śake-puļ*) в горле у бога». Этот дым и строгое наказание его любимцев, *tonx*, даже если они заслуживали того, были всегда противны богу и потому он в таких случаях посылал своего «многоопытного» сына на землю, чтобы узнать, что там происходит. Тот спускался по длинной железной цепи, свешивавшейся с неба, и спрашивал людей, что подвигло их на такие действия. В двух записанных мной героических сказаниях причина их гнева заключалась в том, что *tonx*, несмотря на многочисленные жертвы и дары, преподнесенные им, не посылали бездетным родителям сына или дочь. Узнав все, что хотел, *Pairaxta* снова поднимался на небо и рассказывал все богу, который те из просьб, какие казались ему справедливыми, исполнял. В нашем случае бог через своего посланца отправил бездетным родителям «три крошки такого размера, как зернышки черемухи», которыми насладилась женщина и забеременела.

Pairaxta и далее заботится о судьбе людей и, чтобы достичь цели, принимает при этом образы различных животных и птиц. Так, в одном из наших героических сказаний он одно время появляется как «железный волк с заиндевевшими боками» (*saiten-punđape kârt jêvra*), а в одной сказке как гусь.

Самовольно и против желания своего отца *Tûrîm'a* *Pairâxtâ* ничего не может решать или исполнять, и за каждый проступок он подвергается суровому наказанию. Так, в упомянутой выше героической песне описывается, как он один, путешествуя по земле, приносит всем жителям ее удачу в рыбалке и охоте — и тем, для кого бог разрешил подобное

счастье, и тем, кто совсем не заслужил этого. За это самоволие бог сбросил его в яму глубиной 40 сажений, где он должен был пребывать 40 лет, и в конце срока так истощал, что стал тоньше оленьего рога.

Как остяцкий Ной, это божество перед потопом выстроило себе огромное судно¹⁹, на котором вместе со своей семьей спасалось от потоков воды, вскоре после этого затопивших землю (см. дальше).

У *Pairâxtà*, как и у многих представительных остяцких князей прежних времен, было несколько женщин. Среди них упоминаются дочери царей Солнца (*xat-xon*) и Луны (*tîliš-xon*).

Из хвалебной песни в честь *Pairaxta* мы узнаем далее, что у него была сестра, дева с косами длиной в 40 сажений, спасшая его из заточения. Эта дева сопровождала гусей и лебедей в их пути с севера на юг и обратно. В героическом эпосе она не упоминается, как и «небесная мать» — *Tûrumanka*, супруга бога, имя которой, однако, часто встречается в сказках. Об остальных детях *Tûrîm'a*, если такие существовали, нам ничего неизвестно. В статье Гондатти об остатках языческого культа вогулов мы находим подробную характеристику семи сыновей, которых *Tûrîm*, должно быть, имел*

За *Tûrîm'ом* и *Pairâxtà* следует ряд подчиненных божеств, злых и добрых: *kuł*, *mênk*, *tonx*, душ героев, священных животных и птиц. Все эти духи, как было замечено выше, почти независимы друг от друга и для своего пребывания большей частью выбрали совершенно определенные регионы.

Водный дух *kuł* живет в больших необжитых озерах подземного мира (*pêtlîm êmder*) и в глубоких водоемах наземного. Внешне он похож на людей, но некоторые *kuł* имеют два лика (*kâ t-vâvmap kêdîj kul*). Он настроен враждебно по отношению ко всему роду человеческому и вредит везде, где только может, почему и соответствует полностью немецкому «Teufel» или русскому «черт»**.

Между героями и этими злыми духами идет вечная вражда, и если порой мощные герои, как, например, *Soq* * Тр. этн. отд. общ. люб. ест., антроп. и этн. 1888. Т. XLVIII. Вып. 2. С. 55 и послед.

** *Kuł* используется также как ругательство в значении «черт», например, в выражении *pigde kuł* — «черный (плохой) черт».

xus-xoi втягивают в войну жителей подземного мира и побеждают их в кровавой схватке, то в другой раз эти духи поднимаются в светлый верхний мир (*sanka-tûrum, num-tûrum*), чтобы отомстить людям за хворь своих отцов. Мистическое божество, выступающее предводителем этих полчищ Зла, называется у остяков *Xîp-nê* («призрак»). Это враждебное людям божество встречается также в мифологии многих других народов. Так, например, мы встречаем его в народной поэзии минусинских татар и алтайских тюрков (*Aina**), возможно, также в памятниках древних арийских народов, например, в Авесте древних персов в форме: *Наёпа* (*древн. Hainâ, собств. «армия»*) в значении «войско злых»**. Сильные эпидемии (*xîp* у Алкв., у Рослякова***: *xîp* — «смерть»), периодически уносившие большие массы людей, приписываются остяками нападением злых армий в земном царстве.

Mênk**** является лесным духом и соответствует русскому «лесовик, леший, лешак» (*вог.: jelblöncîx*). Число *mênk*, как и всех других духов, очень велико, поэтому аборигены могут указать в этой местности много точек, где живут эти существа. Так, в Меньше-Кондинской волости есть масса лесов, озер, деревень, называющихся *mênkîj jâgam* — «лес *menk'a*», *mênkîj têu* — «озеро *mênk'a*» и *mênkîj pûgot* — «деревня *mênk'a*»*****.

Злые духи также живут в подземном царстве, где они, как и в верхнем мире, выбирают для своего пребывания густые леса.

Судя по сказкам, *menk* почти как люди, но у них несколько звериная внешность: они густо покрыты волосами, у них длинные крепкие ногти и часто несколько голов — от одной до семи (*tâbet-ûgor menk*). Они обладают сверхчело-

* * *А. Кастрен*. Лекции о финской мифологии. С. 320; *Ядринцев*. Изв. И.Р.Г.О. 1881. Вып. IV. С. 243.

** ** *Ф Юсти*. Справочник языка цендов. С. 312; *Фр. Шпигель*. Древнеперсидская клинопись. С. 220. — Если можно сопоставить эти слова.

*** Ежегодн. Тоб. губ. музея. Вып. V. — Возможно, сюда относится и *hênansi* (*самоед.*) — «несчастье».

**** *Meik* (*Эрман*), *meaj* (*Кастр.*), *mejk* (*Алк.*), *menkv* (*Гонд.*). У *Эрмана* и *Кастрена* *menk* появляется как особое божество; *Алквист*, *Гондатти* и я рассматриваем их только как вид духов.

***** Некоторые из них приводятся в моем иртышско-остяцко-немецко-русском словаре.

веческой физической силой, им предоставлены многие скрытые от людей природные силы, так, у них есть «живая вода» (xatta-jink) и «прутья жизни» (xatta-nerem), с помощью которых можно оживить мертвого и вылечить раненых и порубленных на куски. Но при всем том они туго соображают и не обладают смекалкой и находчивостью человека; и так же, как последние, подвержены смерти. Вооружение *mênk* состояло из того же оружия, каким владели древние остяки, т.е. из топора, мечей, булавы, не хватало только кольчуги остяцких героев. Так как у них были те же занятия, что у людей, т.е. охота и рыбная ловля, то они часто ссорились с последними из-за охотничьих и рыбацких угодий. Но все-таки *mênk* далеко не такой заклятый враг людей, как *kuł*: его превосходящей силе противопоставляются ловкость и хитрость людей, и, как правило, последние покидают поле битвы победителями. По мнению вогулов, его легче всего победить с помощью ружья и медной пули*.

В общем, столкновения людей и *menk* не всегда враждебны: в сказках случается, что остяки берут прекрасных дочерей *menk* с согласия последних в жены и мирно живут с ними дальше и что, с другой стороны, иногда *mênk* имеют тесные отношения с остячками. Старые жены *menk* (*mênk-îta*) — почти все ведьмы, и враждебны по отношению к большинству мужчин и людям вообще.

Menk не требуют от людей никакого культа, хотя им и нравятся искупительные жертвы. Если им приносится такая жертва, они не только забывают свою враждебность к людям, но даже не отказывают им в поддержке в трудные часы. Потому и остяцкие герои, как это описано в четвертом героическом сказании, перед дальними и опасными походами устраивают жертвенные праздники в честь *menk* и *tonx*, чтобы «вымолить у них силу спины и живота».

Хотя *tonx* могут появляться везде, живут они, как и *menk*, главным образом в лесах. Любимыми местами пребывания им служат холмы, крутые берега, рощи из старых деревьев, искореженные и с несколькими вершинами стволы лиственниц и кедров, глубокие озера, огромные каменные глыбы и подобные предметы. Такие обжитые духами места и их ближайшее окружение называются у иртышских * *Гондатти*. Указ. соч. С. 63.

остяков *jemij pesen taga* (к. *вог.: jelpij ma*) — «святое, колдовское место»*. В таких святых местах по верованиям остяков под страхом смерти нельзя ни сорвать травы, ни повалить дерево**. Само собой разумеется, ни один остяк не осмелится каким-либо образом загрязнить место жительства духа.

Топх являются прежде всего добрыми духами, дарящими людям удачу на охоте и в рыбной ловле, а также успех во всех предприятиях и излечение от болезней. Но, само собой разумеется, они делают это не бескорыстно, а за определенную плату, называемую «кровоавой» или «бескровной» жертвой.

Топх являются или домашними богами, или духами, или духами-защитниками целой общины, или, наконец, им вместе молятся все соседствующие жители: как остяки, так и вогулы и самоеды.

Все эти боги или духи требуют одного и того же культа, или одинаковой жертвы, вся разница заключается в качестве жертвы и в размере даров. Так, домашний бог не может быть таким разборчивым и претенциозным, как куда более важный бог, слывающий покровителем целой общины.

Лесные духи, живущие в каменных завалах, кривых деревьях и подобных им местах, очень часто не изображаются совсем, потому что народ сами эти предметы рассматривает как богов (фетиши) и молится им. Однако духи, у которых нет таких, точно определенных мест обитания, например, домашние духи и те, что живут на крутых берегах, в рощах из старых деревьев, почти всегда представляются в образе людей или реже животных. Эти идолы обычно изготавливаются из дерева и имеют разные размеры: есть небольшие, не длиннее двух локтей, другие достигают высоты в две сажени, как *Adam-iga* в Цингалинских и Семейкинских юртах, представленные простой стрелой.

Что касается изобразительного мастерства, то оно составляет желать лучшего: чаще всего такой идол состоит из небольшого чурбана, верхний конец которого заострен и имеет

* Место, где духи беспокоят людей, называется у кондинских вогулов, *16l-ma*, а сами мешающие духи *lölïxar xombualej*.

** У них она называется: *jemij pesen taganâ jugot ent sévretâi, pûmet ent sôxtetâi* — «в святом, колдовском месте нельзя ни валить деревья, ни срывать траву».

несколько зарубок, придающих ему отдаленное сходство с человеческим лицом; своим нижним, также заостренным концом он вставляется в землю. В сказаниях подобный идол называется *tûrum-vâvmar jemij jux* — «священное дерево с изображением бога». Так как часто в одном месте живет несколько духов, то и их изображения в таких местах довольно многочисленны. Кастрен, Финш и другие описывают у северных остяков множество различных идолов.

Идолы, которых хранят в домах (домашние духи-покровители), обычно небольшие, тело их состоит из простой палочки, к одному концу которой привязан соболиный или беличий хвост, изображающий голову. Два укрепленных на нем же осколка стекла от обычной бутылки занимают место глаз. Корпус, т.е. палочка, плотно обернут тряпкой или платками и одет в кукольные юбки и рубашки — дары хозяев. Эти куклы хранятся обычно в деревянных, зачастую снабженных железными скобами, ящиках, под замком. Многочисленных домашних богов этого вида я видел в Цингалинских юртах, где они после ухода своих хозяев оказались ничьими.

Кое-где встречаются также небольшие идолы из меди или латуни, представляющие людей или священных животных, например, медведей, лебедей и подобн., но я таких не видел. Вызывает большое сомнение, были ли они отлиты остяками и самоедами самостоятельно, во-первых, потому, что на их территории, не говоря об Урале, нет никаких других металлов, кроме железа, а во-вторых, потому, что кузнечное дело, если им и занимались когда-то в этой местности, что можно предположить по очень многочисленным металлическим предметам, найденным здесь*, давно забыто. Уже в то время, когда территория перешла в руки русских, местные уроженцы получали все металлические при-

* Укажем здесь только на небольшой холм «Ленгпонк» или «Ленпонк» недалеко от русской деревни Скрипунова, или Торопки (Сам. вол.), где уже много лет каждое лето после схода воды находят массу небольших бронзовых и серебряных вещей и украшений одежды в виде различных местных животных и рыб, а также наконечники для стрел и копий из железа. Судя по большому числу вещей, хранящихся в холме, этот «Ленгпонк» не был надгробным холмом одного или нескольких лиц, но, возможно, служил благодаря своему высокому положению кладбищем тогдашним обитателям территории. Во время своего пребывания в названной деревне в 1888 году Ленгпонка почти не было больше, пото-

боры и оружие исключительно из России. Так как торговые отношения между остяками и вогулами и их восточными соседями — пермяками и зырянами, а еще в XIII веке и с болгарями* — существовали и раньше, то следует предположить, что металлические идолы главным образом были ввезены последними в долины Иртыша и Оби²⁰. Хотя в настоящее время большая часть всех этих народностей исповедует христианство, в этом регионе еще можно найти места, где есть литые идолов**. На востоке России, если я не ошибаюсь, их можно встретить в Казани, а может быть, и в других местах.

Эти мастерские должны были обеспечить идолами все живущие окрест финские племена. На западе Сибири мне известна подобная литейная в Тобольске. Покупателей на свои товары она находит среди христианских и языческих уроженцев Тобольской губернии. Эта литейная существует уже много лет, и ее теперешний хозяин, поляк Р., унаследовал ее от своего отца. Образцы идолов он привозит из своих, почти ежегодных, поездок на север Западной Сибири, где у живущих там остяков и самоедов кое-где встречаются древние металлические божки, большей частью, видимо, зырянского происхождения. Во время этих поездок он продает свои товары и берет новые заказы. В последние годы это занятие приносит небольшую прибыль, частично потому, что сокращается число местных жителей Западной Сибири, частично потому, что обрусение здесь совершило большой прогресс, а коренное население все больше и больше нищает и попадает в рабство к богатым крестьянам. Здесь следует добавить также, что торговлей идолами нельзя заниматься совершенно открыто.

му что воды Оби и ее рукавов, постоянно меняющие направление своего течения, постепенно разрушили холм. И в других местах этой волости есть точки, где находят подобные металлические предметы. Что касается многочисленных захоронений прежних остяков, расположенных здесь на крутых берегах — по-русски они называются «пропаший мыс», — то в них, как правило, немного предметов, что указывает на постепенное обнищание живущих здесь народов. В одной могиле чудского кладбища я нашел небольшой котел из медной жести.

* А. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях и т.д. Ибн-Даста. С. 187—189.

** Обычные русские куклы также используются в качестве идолов; ср.: Гондатти. Указ. соч. С. 53.

Каждый более или менее важный дух имеет особое имя или название, которое обозначает его внешние свойства или указывает на его функции и деятельность. Так, например, в одной из героических песен встречаем домашнего бога, носившего имя **jix-sôxtà, nos-sôxtà-kêlep tonx**, что значит «одетый в малицу (**kêle**) из медвежьих и лосиных шкур **бог**». Только этим дух и отличался от всех остальных. Общинный бог Цингалинских юрт (Нар. вол.) называется: **xûdem-pêlek-tâ gît(ta)-iga** — «охраняющий три места **старик**», так как слывет покровителем трех групп домов (одна из них теперь вымерла), из которых состоит названная деревня. В юртах Семейки той же волости встречаем общинного бога **Adam-iga** — «**человек-старик**». В качестве покровителя **Лымкоевских** юрт на Демьянке рассматривается дух **Xordagoi**, а прежний дух — покровитель **В.-Пуштинских** юрт (М.-Конд. в.) назывался **Tûrum-iga** — «**бог-старик**». Из духов, являвшихся хозяевами необжитых местностей, упомянем следующих. На озере **Vigeł** и на соседней реке **Tox-jega** (М.-Конд. в.) жил дух **Tôx-jega-iga** с именем **tâŋetta xôt iga, nôgos-lankpe iga** — «хозяин некрытого дома (потому что он живет под открытым небом), закутанный в соболье покрывало старик». На восьми верстах в пределах Бодановских юрт (М.-Конд. в.) живет дух **Pûgol-iga** и т.д.

Как видно, слово «**iga**» — «мужчина», «старик» — почти всегда является эпитетом мужского идола или бога, в то время как для женских используется соответствующее слово «**îma**» — «женщина», «старуха». Так, например, необычный камень на северо-западе М.-Кондинской волости называется **Kev-îma** — «камень-старуха» (вог. «каменная баба»), а маленькие камни рядом — **gaaurimet** — «дети», потому что их рассматривают как потомство или семью старухи. Живущий на холме **Vož-unt** у Цингалинских юрт (Нар. вол.) дух называется **Vož-unt-îma**. Если говорят вообще о женском духе, или особой отлитой из бронзы богине, из богобоязни не желая поминать ее имя, или если она не имеет его, как, например, прежние и частично теперешние божества Урманских, Есаульских и Нахрачинских юрт (Конд. вол.), то их обозначают большей частью словом «**pai**» — «дева» (соб. «благородная дева»), «красота».

Как упоминалось выше, домашние и общинные духи требуют определенного культа. Этот культ заключается в молитвах, поклонах головы, число которых должно равняться семи или кратным ему, а главным образом в жертвах, которых существует два вида. Более важная — «кровавая жертва» (jir), которую представляют собой забитые домашние животные. В прежние времена, когда иртышские остяки еще занимались оленеводством, в качестве жертв выбирались исключительно олени, что и теперь еще является обычаем на Севере среди живущих там остяков и самоедов. Что касается других домашних животных, таких как крупный рогатый скот, овцы и лошади, то в прежние времена, например, во время татарского владычества, они не были домашними животными остяков и попадали на их территорию, похоже, только как жертвенные животные. Предположение, касающееся лошадей, подтверждает и Гр. Новицкий, известный историк культуры этой страны*.

Мы не хотим сказать, что остякам в далекие времена не были известны вышеназванные домашние животные — напротив, что подтверждается схожим звучанием их названий в других финно-угорских языках. Мы только имеем в виду, что с того времени, когда остяки и вогулы были вытеснены из южных местностей на их теперешнюю северную родину, они вследствие неблагоприятных топографических, климатических и других условий прекратили разведение названных домашних животных и должны были посвятить себя разведению оленей. Так, в героических песнях и сказаниях иртышских остяков, относящихся, по нашему предположению, к XIV—XV вв., из домашних животных упоминаются только олень и собака.

Полная жертва состоит из семи жертвенных животных, не обязательно одного вида. Некогда во время общих жертвенных праздников каждый раз забивали семь оленят, потому что животные мужского пола духам, кажется, были милее. В настоящее время иртышские остяки приносят в жертву исключительно указанных выше домашних животных, главным образом мужского пола. Самым дорогим жертвенным животным является лошадь, за которую остяки

* Указ. соч. С. 51. Ср.: *Флоринский. Археолог.* музей Томского унив. 1888. С. 21.

платят 30—50 и больше рублей. Дух предпочитает прекрасное животное плохому, и потому считается неподобающим торговаться при покупке жертвенного животного. Полная жертва теперь приносится редко, потому что названные домашние животные стали намного дороже, чем олени в прежнее время. Большие жертвенные праздники проходят не более одного раза в год, чаще в день больших собраний, когда местные уроженцы сходятся для уплаты налогов, например, в Цингалинских юртах в день Петра и Павла. В такие дни обычно забивают не меньше семи животных: лошадей, жеребят, быков, овец и пару петухов. Последних за высокую цену ($1\frac{1}{2}$ —2 руб.) покупают у русских, так как сами остяки не держат кур. Однако часто даже при общих пожертвованиях удовлетворяются одним большим жертвенным животным (лошадь, жеребенок, бык), к нему еще один или два петуха, а бедные люди иногда жертвуют только петухов, что духу, похоже, не очень нравится. Кроме числа животных и их пола, следует также обратить внимание на цвет, потому что у разных богов и духов и вкус разный; если одни предпочитают пятнистых животных, другие требуют однотонных — темных, а чаще светлых. Иногда их вкус со временем меняется. Большинству духов милее всего жертва из семи животных одного вида, одного возраста и одного цвета. В качестве глашатая этих желаний богов выступает толкователь их языка, шаман или *tonx-ort* (?) (*вог.: loŋx-ort* (?), *соб.* слуга идолов).

Большие жертвенные праздники обычно проходят в ночное время при свете горящих костров. Жертвенных животных украшают пестрыми платками, тряпочками и бубенцами и несколько раз окуривают корой белых елей, или смолой лиственницы. Шаман или старый остяк, отправляющий во время праздника эту службу, поворачивается на восток и начинает читать жертвенные молитвы и заклинания. При этом он несколько раз встает на колени, семь раз протягивает руки и семь раз кланяется. Жертвенное животное поят разбавленным пивом и оглушают ударом топора по голове. После этой церемонии шаман перерезает жертве горло, три раза прерывая свою работу. При этом брызгает кровью животного на столб, к которому оно привязано, а также на соседние святые деревья, если такие есть поблизости. Предполагают, что чем

выше брызнула кровь, тем благоприятнее жертва принята богом. Кровь, собранную в берестяные сосуды, льют и в костер, возможно, как жертву огненному божеству, и смачивают ею губы бога. Потом кровь, смешанную со слабым пивом, пьют. Мясо варят, а посуду с приготовленным ставят с западной стороны перед богом или перед предметами (фетишами), которым поклоняются, например, перед каменными глыбами, древними святыми деревьями. После множества приседаний и поклонов, которыми молят духа принять участие в трапезе, вся толпа начинает есть. Шкуры принесенных в жертву зверей обычно в качестве дара духу вешают на деревья, шаман позднее их продает. Во время подобных праздничных трапез всегда пьют водку и слабое пиво (*pusa*, *вог.*: *possa**, которое готовят остяки при всех важных обстоятельствах, но перед питьем его так же, как упоминалось выше, подносят богу, распорядителю праздника, выливая чашу, полную этого напитка, на землю перед ним.

Я навещал место действия такого праздника вскоре после него. Идола там не было, возможно, он был спрятан. Хотя **такое** сложно было предположить, так как здесь росла старая береза, четыре ствола которой тянулись из одного корня и почитались местными жителями в качестве трона духа (**tonx**), или, вернее, как форма трона. Услужливый остяк, приведший меня сюда, обратил мое внимание еще на один предмет: в одном из толстых стволов этой березы было видно что-то вроде дупла, на нижнем крае которого можно было заметить остатки семи восковых свечей, возможно, церковных, которые зажигали во время праздника и были в определенной мере новшеством в языческом культе богов. На том

* Слабое пиво готовится следующим образом: в кипящую воду всыпается небольшое количество ячменной или **ржаной(?)** муки. Через некоторое время постепенно добавляется холодная вода и жидкость процеживается. После того, как она постоит некоторое время **и приобретет** сладковатый вкус, ее делят на две неравные части: меньшая хранится в особой посуде, а во вторую, большую, (около $\frac{2}{3}$) добавляют дикий хмель, получаемый от русских, и веточки *Atragene* с мужскими или женскими цветами. На другой день обе части сливают вместе, и *pusa* готова. Напиток очень мутный, имеет желтоватый цвет и обладает кисловатым, напоминающим русские щи вкусом. Хранить ее нельзя. В остяцкой поэзии часто говорится о берестяных сосудах с пенящимися отверстиями. Возможно, здесь подразумевается слабое пиво, хотя мы и не знаем, из чего оно готовилось в прежние времена.

же дереве, но выше, можно было видеть отчетливые следы крови, а недалеко от него находилось большое выгоревшее место — остатки костра. На ветке соседнего дерева я заметил еще латунный бубенчик, должно быть, забытый здесь. Это священное место находится на холме *Vož-unt* у Цингалинских юрт, сразу за вторым рвом древней земляной крепости (Тараг vos героических сказаний), занимающей переднюю часть холма.

Жертвенные праздники, устраиваемые перед началом рыбной ловли в честь водяных духов, чтобы настроить их благосклоннее, проходят на берегах водоемов. Хотя водяные духи, живущие далеко, и скрыты от человеческого глаза, но всегда имеют изображения, поэтому упомянутая выше церемония проводится и здесь. Для самого духа кровь больших животных, а также петухов выливается в воду. Конечно, не обходится и без пива. Там, где русские вместе с остяками занимаются рыбной ловлей, они также часто принимают участие в жертвоприношениях и жертвенных трапезах. Суеверные крестьяне верят не меньше остяков, что так называемый «повелитель местности» («вотчинник», «лесной старик») — властитель и защитник земли, в благодарность за преподнесенную жертву гарантирует им удачу з рыбной ловле. На Демьянке, где на остяцких угодьях зимой промысляет много русских из соседних деревень, приносят с собой головы быков, которые должны заменить дорогих жертвенных животных. Их варят и едят всей компанией после того, как, выставив их на стол, пригласили духа к трапезе множеством поклонов. При этом пьют много пива и принесенной с собой водки, часть которой выливается в прорубь — для духа. Следует заметить, что большинство крестьян не ожидает большого эффекта от подобных жертвоприношений, но обычно принимает в них участие, чтобы оказать любезность остякам — хозяевам земли. Потому на Иртыше и Оби, где русское население значительно преобладает и существует множество церквей, уже не встречаются подобные жертвенные праздники, и сами остяки нечасто устраивают их, притом всегда тайно.

Когда остяка подкашивает тяжелая болезнь, он обычно, как уже упоминалось, дает обет принести жертву тому или другому высокочтимому богу или духу. Шаман объяс-

няет ему, какого животного и какого цвета требует бог за восстановление его здоровья. Такие же обещания иногда дают и перед началом охоты и рыбной ловли, сразу же после описанных выше жертвенных праздников, так что дух, проявив свою милость по отношению к людям, может ожидать второго праздника в то же время года. Остяки остерегаются гневить духа обманом, они очень хорошо знают, что выздоравливающего ждет в этом случае новая болезнь или даже смерть, а рыбаку в будущем следует забыть об удачной рыбалке. Собственно, и дух, если однажды получил жертву, должен выполнить просьбу остяка. Если же он не делает этого, то и ему не избежать своего наказания, а его палачом будет человек. Общинного духа-покровителя увещивает и убеждает в послушании шаман, домашнего духа — хозяин дома. Однако если увещевания не приносят плодов и дух остается упрямым, то ему грозят наказанием, которое и совершается без долгих разговоров. Если и это не помогает, духа бросают на землю, бьют, пинают ногами, а иногда даже сжигают и заменяют новым, который, как живой свидетель наказания своего предшественника, старается выполнить просьбу, обращенную к нему. Собственно, сжигание виноватых перед людьми богов, как мы знаем, имело и другую цель, а именно: дать *Tûrîm*'у почувствовать непослушание своих любимчиков и побудить его самого к выполнению желаний. В настоящее время обрусевшие иртышские остяки еще только изредка предпринимают подобные наказания своих духов. Они на время отворачиваются от них и идут в церковь, где зажигают восковые свечи перед изображениями бога или святых отцов и молят их о выполнении своих просьб. Пока им везет в их предприятиях, они сохраняют верность церкви, но одной неудачной рыбалки достаточно, чтобы покончить с приверженностью к христианству и перейти к прежним языческим божествам.

До сих пор мы говорили только об одном виде жертв — о «кровавой» (*jir*), но наряду с ней есть еще и «бескровная жертва» (*por*), состоящая из различных, более или менее ценных предметов, время от времени преподносимых богам: шкур, металлических приборов, кусков ткани или сукна. Эти вещи хранятся в особых небольших амбарчиках (*tabás*), на высоких ножках, являющихся собственностью бога.

Иногда часть этих предметов вешают на соседние деревья. В одном из таких домиков, обследованных мной, находился покрытый красным сукном стол для того, чтобы во время жертвенных праздников ставить на него жертвенные чаши. В одном углу лежали кусочки коры серебристой пихты и лиственницы, служащие для окуривания перед церемонией. Внутренняя сторона стен домика была повсюду покрыта следами кровавой жертвы. Даров я здесь почти никаких не нашел, потому что домик принадлежал вымершей семье и лучшие вещи были перенесены в домики живущих. Домики известных богов, о которых мы скоро упомянем, обычно очень богато обставлены, однако чаще всего находятся в отдаленных местах посреди бесконечных лесов, где названные сокровища могут быть лучше укрыты от жадности русских. Они, как правило, защищены сооруженными здесь самострелами, поражающими каждого, кто неосторожно приближается к святыне. Несмотря на это, подобные домики порой разграбляются русскими, а на севере еще и зырянскими, и бедные местные уроженцы, поскольку значатся христианами, даже не имеют права пожаловаться на это.

К бескровным жертвам можно причислить также кусочки древесины, которые приносят некоторым божествам, чаще всего только таким, которые не сооружены человеческой рукой, например, искореженным деревьям, каменным глыбам. Пучок веточек рябины* (около двух пядей длиной) я видел на описанном выше святом месте. Они были прислонены к почитаемой березе. Из объяснения моего остяцкого проводника выяснилось, что у них есть обычай, согласно которому каждый охотник, посещающий святое место, должен преподнести божееству небольшую жертву — что-нибудь вроде монеты или палочки. Нескольким людям также достаточно пожертвовать палочку, но в этом случае следует указать число зарубками. Возможно, этот обычай произошел из прежнего — пускать в такие деревья стрелу**.

К добрым богам следует также причислить души-тени (is) прежних героев, в этом смысле называемые tonx и обожествляемые остяками. Так как герои при жизни разме-

* Веточки должны быть срезаны, а не сломаны.

** *Георги*. Описание всех в Российск. госуд. обит. народов. I. С. 87.

щались в особых городках или крепостях, остатки которых можно увидеть во многих местах еще и сегодня, то немало таких мест, как, например, *Yam-vos* на Конде, считается святыми. Как теперешние остяки представляют их прежних героев и какими качествами наделяют их, мы увидим в дальнейшем, здесь достаточно заметить, что не все они считаются одинаково святыми. Особым почтением пользуются у кондинских остяков два богатыря из города *Kari-pôspat-ûrdat-voš* («Город героев на Стерляжьей протоке») на нижней Конде, известные под именем *Yega-tei-igegen* — «древние с истока реки». Как теперешнее место пребывания одного из них рассматривается старый город *Voš-jega-voš* — «Город на городской речке», который находится в нескольких верстах от Шумиловских юрт, недалеко от зимника, тянувшегося от Пуштинских юрт. Другой богатырь, имя которого *Pit-pou-iga*, почитается на небольшом, поросшем соснами холме, недалеко (5 верст) от Нюркоевских юрт (*Pit-pou-pûgot*) в той же М.-Кондинской волости. По преданию остяков, оба богатыря-великана выбрали эти места для жительства после того, как были приняты богом на небе. К этим местам набожные остяки приходят в тяжелые моменты жизни, чтобы помолиться, и приносят духам богатырей богатые дары и жертвы. Так как в остатках других городов живут духи предков-богатырей, или, как минимум, часто навещают их, то все души-тени в определенной мере считаются святыми. Проезжая мимо, каждый остяк, не входящий в местную общину, должен принести маленькую жертву, что-то вроде медной или серебряной монеты, бронзового кольца и подобн., чем завоевывает себе не только удачную поездку, но и благоприятный исход своих предприятий. Иногда в подобных местах делают длительные остановки, готовят еду и потчуют ею, а также слабым пивом или водкой живущего здесь духа. Особенно щедро одаривают такого духа, когда мимо его жилища проезжает свадебная процессия: счастье новобрачных в супружеской жизни в некоторой степени зависит и от духов богатырей.

Кроме упомянутых выше, в Тобольском округе большим уважением пользуются два других древних героя. Это прежние вогульские князья Нахрачинских юрт: *Ai-ûrt* (вог.: *Visi-ôter*) — «Маленький богатырь» и *Êne-ûrt* — «Большой князь

(богатырь)», известный у вогулов под именем *Jâ nî-kênît-â nîx* — «старик с большой шапкой», потому что его изображают в таком виде. Хотя их подвиги ничем не отличаются от аналогичных других героев и заключались в боях с соседними богатырями и самоедами, они так же, как их мать *Ai-ûrt-anka*, считались великими святыми и защитниками человека.

Нахрачинские юрты, где они жили раньше, еще и сейчас считаются одним из центров языческого культа на Тобольском Севере. Гр. Новицкий, свидетель обращения кондинских остяков и вогулов в христианство, рассказывает, что раньше здесь был высокочтимый идол, которого он описывает следующим образом: «Кумир сей иссечен бел из древа, одян одеждо зеленою, злообразное лице белым железом обложено, на главе его лисица черная положена; чтилице все, наипаче же седалище сего украшено сукном червленным; поставлен же высочае прочих; иные же ниже около предстоят меньший кумиры, их же глаголют быти служителей настоящего кумира. Иных же утварей, кафтанов, белок и прочих пред ним полагаемо быть много...»*. Святой Филофей, посетивший это место в 1714 году, уничтожил это святилище и обратил живущих окрест вогулов и остяков в христианство. Некоторые уверяли, что вогулы спрятали собственного идола в дальних лесах и предъявили святому просветителю подделку. Существует достаточно оснований полагать, что еще и сегодня у вогулов этих юрт есть идолы, самого большого из которых называют *Rûri***.

Возможно, что описанный выше идол и *Rûri* являются лишь изображениями *Âi-ûrt*. Некоторые местные уроженцы предполагают, что идол изготовлен из бронзы.

Кроме Нахрачинских юрт, у юго-западных остяков существует другое место, высоко почитаемое за свою святость всеми местными уроженцами Западной Сибири. Это место — деревня белогорских остяков — находится недалеко от русской деревни Троицкое в южной части Березовского округа. Эти юрты были раньше резиденцией высокочтимого

* Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяком. С. 100.

** *Rûri*, *rubî* похоже означало божественное существо вообще; так Гондатти называет идолов (шайтанов) вогулов «пубы», а у Алквиста («О языке северных остяков») встречается слово в значении «медведь». Следует упомянуть также, что большая змея у вогулов Конды называется *rûri-xôr* — «образ *rûri*».

идола, имевшего образ гуся, по сведениям некоторых, отлитого из металла. В настоящее время в названных юртах нет никакого идола, но многие предполагают, что он есть в дебрях соседнего леса, по крайней мере, известно, что там есть амбарчики, принадлежащие большому божеству и очень богато обставленные. Часть этих богатств несколько лет назад была разграблена русскими.

В то время, когда остяки еще были язычниками, в том же храме, где был гусь, находился еще второй почитаемый идол, которого они, приняв христианство, перенесли в район **Конды** и спрятали его в тамошних лесах. Эти сведения подтверждаются также традицией кондинских остяков, по которой святыня *Ai-ürt* находилась раньше в Березовских юртах.

Обе святыни: одна в Нахрачинских, а другая в Белогородских юртах — почитаются всеми коренными жителями северо-запада Сибири с незапамятных времен, и теперешние остяки, хотя и обращенные 177 лет назад, также преданы им, как и их языческие предки.

Гр. Новицкий в своей книге* описывает еще и третье важное божество иртышских остяков — «Обского старика», резиденция которого находилась рядом с сегодняшней деревней Самарово, недалеко от устья Иртыша. Он был изготовлен из дерева и имел жестяной нос, стеклянные глаза и небольшие рожки. Его верхняя одежда состояла из одеяния красного сукна, нагрудная часть которого была богато украшена золотом. Вокруг него была рассыпана масса даров и различного вооружения. «Обской старик» рассматривался как бог рыбаков, в его власти было пригнать в Обь из моря большое количество рыбы и, таким образом, гарантировать людям удачу при ловле, или, наоборот, закрыть рыбе вход в реки. Чтобы настроить его более милостиво, ему преподносили богатые жертвы, если он слишком долго оказывался глухим к просьбам людей, то и ему не удавалось уйти от наказания, несмотря на свои власть и авторитет. В 1713 году он был сожжен просветителем Сибирского Севера Филофеем, и с тех пор его изображение не восстанавливалось, потому что место, где он находился, в настоящее время сильно заселено исключительно русскими. Но, по словам остяков, огонь не тронул его, «Обской старик» обернулся лебедем и

* Г. Новицкий. Указ. соч. С. 56.

таким образом спасся от пламени и живет теперь где-то в нижнем течении Оби, где люди обрусели меньше и потому более близки ему. Он и теперь еще не исчез из памяти остяков и вогулов, хотя, как сказано, не имеет больше определенного места. Среди остяков он известен под именем *As-iga* — «Обской старик», или *As-xon* — «Обской царь», а также *Jink-xon* — «водяной царь». Кондинские вогулы называют его *Âs-âncîx*, *As-xon* и *Vit-xon* — выражениями, имеющими то же значение. Как сказано, полухристиане иртышские остяки считают его и св. апостола Петра одним и тем же лицом, разве что последнее имя является якобы его русским именем.

Только что описанные боги являются самыми значительными среди всех подчиненных божеств, по меньшей мере, им приписывают самое большое влияние на судьбы людей. Как почти все божества остяков, они довольно независимы друг от друга. Поэтому недостаточно милостиво настроить *As-iga* жертвами и дарами, хотя он, как бог рыб, является важнейшим среди всех водяных божеств, но нужно еще и купить милость духа той или иной реки или озера, где собираешься заняться ловом, так как в его власти спугнуть на время рыбу со своей территории.

Крутой мыс рядом с Самарово, где находилась прежняя резиденция *As-iga*, известен еще и тем, что здесь, по преданию остяков, спустился с неба на землю *Tunk-rox**, не равнодушное к человеческому роду божество. Соответствующее христианское имя этого божества, по мнению некоторых остяков, — Илья Пророк, другие, напротив, хотели бы идентифицировать его с Антихристом, а третьи опять-таки считают, что он — римский папа. При этом следует учесть, что значение всех этих имен остякам абсолютно чуждо.

Tunk-rox предположительно является божеством Луны, потому что он, подобно ей, постоянно путешествует по миру и в соответствии с фазами Луны все время меняет свой возраст. Так, с полной Луной он достигает своего полного возраста, а с новой Луной снова становится молодым.

О *Tunk-rox* остяки рассказывают милую историю, которую мы хотели бы привести здесь. Однажды, когда *Tunk-rox* жил на небе, он затеял охоту на лосей, у которых в те

* *Rox* — мальчик, сын.

времена было шесть ног, и они могли бегать быстрее, чем сейчас. Так как такого лося на обычных лыжах нельзя было догнать даже божеству, то Tunk-rox изготовил их из священного дерева. Такое дерево отличалось ото всех остальных тем, что на нем были тонкие продольные щели, благодаря которым оно самостоятельно, безо всякой причины могло трещать и издавать различные звуки. Собака, случайно пробежавшая мимо, должна была остановиться и часами лаять на звучащее дерево, благодаря чему его и находили. Изготовленные из такой древесины лыжи могли нести своего хозяина со скоростью выпущенной стрелы, но остановить их бег было при этом делом нелегким. Чтобы управлять ими, Tunk-rox (сын-дух) вбивал несколько деревянных клиньев, которые должны были служить тормозными башмаками. Если он хотел бежать быстрее, то ему нужно было лишь вытащить несколько или все клинья из лыж; если он снова вставлял клинья в лыжи, то бег его становился медленнее. На этих лыжах Tunk-rox преследовал шестиногую жеребую лосиху через все небо. Чтобы уйти от своего неутомимого преследователя, затравленное животное на «каменном» мысу у Самарово («Каменный мыс»*) сбежало с неба на землю и было настигнуто диким охотником, отрубившим смертельно уставшему животному обе задние ноги. «Род человеческий становится все меньше и слабее, — сказал он, — где же ему добыть шестиного лося, если даже мне это нелегко. Пусть с этого момента у всех лосей и других животных будет только четыре ноги». И воля его свершилась. Лось тем временем вспрыгнул и побежал на север. Так как Tunk-rox, спускаясь на землю на названном мысу сломал одну из своих лыж, то ему пришлось продолжать охоту на одной, из которой он вытащил все клинья. У города Обдорска он снова нагнал животное. Лось был не в силах двигаться дальше и взмолил господа о спасении. Всемогущий бог, до которого доходят молитвы всех созданий, превратил его в большой камень**.

* Разрушенные кладоискателями остатки древней остяцкой крепости на этом мысу до сих пор носят название Tunk-rox-voš — «Город Tunk-rox'a».

** Этот камень достигает 5—7 сажень в длину и имеет вид сидящего лося. Остяки верят, что он обладает чудесным свойством сообщать людям, будут они жить долго или нет. Если человек измерит длину дважды и заметит, что во второй раз длина уменьшилась (напр., вме-

Следы описанной охоты можно до сих пор видеть на небе. Млечный Путь, состоящий как бы из двух линий, сливающихся в одну, кажется остякам следами сначала двух, а под конец одной лыжи, почему Млечный Путь носит у них название *Tunk-rox tōx-pjnt* — «Следы лыж *Tunk-rox'a*», или короче: *Tunk-rox pjnt* — «Путь *Tunk-rox'a*». У северных вогулов он называется *Mos xum oza loŋxa* (Гонд.), а у кондинских: *toutij loŋx* («След лыж») и *mardve tonx*. Созвездие, которое мы обозначаем именем Большая Медведица, по их мнению, является ничем иным, как изображением лося (нох)*. Семь звезд, из которых оно состоит, представляют, по их мнению, голову, глаза и передние и задние ноги. Две маленькие звездочки, находящиеся рядом с большими, должны быть следами двух отрубленных ног. Это созвездие Лося заменяет остякам, как в прежние времена шкиперам, компас. Ориентируясь по нему, они не сбиваются с дороги во время путешествий по нескончаемым лесам их дикой родины. Млечный Путь, или путь *Tunk-rox*, служит постоянной трассой для лебедей, гусей и уток во время их ежегодных перелетов с севера на юг и обратно. Следуя этому пути, они не сбиваются с дороги даже ночью**. По этой причине Млечный Путь называют также «утиной дорогой».

Насколько нам известно, *Tunk-rox* не требует со стороны людей никакого культа.

Чтобы закончить наш обзор мифологии иртышских остяков, упомянем еще одно божество — богиню огня и войны *Tarn* (*Tâ ran, Tâ rjñ; вог.: Têrn*)***. Под этим именем, не знакомым современным остякам, их языческие предки понимали предположительно злое божество, опустошавшее землю огнем и мечом. Как представляли себе эту богиню, я не знаю, возможно, некоторое понятие об этом нам может дать эпитет *ei-vetpe kî-tâ ran* — «двойственная *Tarn* с од-
ето семи пять или шесть саженей), то это верный знак того, что он скоро умрет, и, наоборот, постепенное увеличение длины камня обещает меряющему долгую жизнь.

* На севере России и в Сибири это созвездие и русскими называется «Лось».

** Та же история, но намного короче, рассказывается и Гондатти (Указ. соч. С. 71), и Григоровским (Зап. 3.-Сиб. отд. И.Р.Г.О. 1884. VI. С. 60).

*** См.: *Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. II. Тюмень. 1999. С. 32.*

ним лицом». Огонь считают персонификацией этой богини-разрушительницы, а пламя огня, съедающее предметы, слишком приближающиеся к нему, — множеством языков этого ненасытного божества. Так, слово «огонь» (nai, tut) в художественном языке героических сказаний и сказок всегда заменяется описательным выражением Ar-nâ tmapе târîп tut* — «многоязыкий рот Tarn». К этому выражению часто добавляют еще слова «nai anka» — «дева, женщина», которые здесь использованы тавтологически, но дают нам сведения о поле божества. П. Хунфалви считает, что упомянутое выражение так же, как и слово «tarn», означает «блуждающий огонек»**. Так как война опустошает страну подобно огню, слово «Târп» позднее использовалось так же, как синоним «tat» — «война, раздор», и в этом смысле встречается и в героических сказаниях остяков. Героическая песня самих остяков называется «târпп-â ra» (воз.: têrпп-êri), т.е. «песня Tarn, военная песня».

Как злая, враждебная богиня Tarn требует искупительной жертвы для ослабления ее гнева. Остяки и сейчас хранят обычай во время больших жертвенных праздников выливать немного крови забитых животных и еды в огонь, который, как мы видели, всегда зажигается в подобных случаях.

Посредниками между людьми и богами являются шаманы (tonx-ort). Одни они понимают язык духов и могут истолковать их волю. При их содействии остяк с помощью дара может узнать будущее, скрытое от людей. Они, наконец, руководят всеми жертвенными церемониями и праздниками, в которых играют первую роль. Настоящих шаманов, полностью преданных своему делу и обладающих всеми качествами, которых требует это занятие, практически нет среди иртышских остяков, так как они испытывают слишком сильное влияние русской культуры. У них, похоже, отсутствуют и многие неперенные атрибуты, как, например, волшебный бубен. В прежние времена их здесь было столько, сколько сейчас на севере. Их обязанность обычно исполняет кто-нибудь из людей преклонного возраста, более менее опытных в божественном культе. Некоторые из них по мудрости

* «Tut» означает «рот», а «tut» — «огонь».

** Essai d'une grammaire ostiаке//Revue de philologie et d'ethnographie. I. Par., 1874. С. 277.

не уступают настоящим шаманам. Так, в Есаульских юртах мне рассказывали (М.-Конд. вол.), что недавно здесь жил остяк, который в любое время мог наколдовать «хозяина края» («вотчинника»), или «хозяина земли и воды» (*migiŋ jinket iga*), как здесь называют духа — покровителя местности. При этом он отыскивал собаку с пятнышками над глазами и после чтения заклинания смотрел между ее ушами вдаль. Дух должен был появиться в виде возвышающегося над лесом старика. Его наряд был щедро расшит красными узорами. По просьбе остяков он рассказывал, какой улов ждет их в течение трех лет, и его слова обычно исполнялись. Однако старика в таких случаях не всегда можно увидеть. Иногда его присутствие выдает только сильное громохание, различные звуки и неожиданные порывы ветра.

Шаманы — хранители главных святынь местности, которые, как было сказано выше, живут в Нахрачинских и Белогорских юртах, берут свое происхождение от прежних шаманов или князей, так что эта служба переходит здесь от отца к сыну и даже наследуется родственниками со стороны. В Нахрачинских юртах хранители общинных богов вогулов происходят из семьи Пакиных (4 члена) и частично из семьи Айшеняковых, выдающих себя за потомков прежних здешних князей.

Особой платы шаманы и их представители не получают, но им достается значительная часть жертв и даров, преподносимых богам. Это является причиной того, почему они определяют размер жертв за помощь богов в каком-нибудь предприятии, или за излечение болезней; они ориентируются, как правило, при этом более или менее по средствам каждого. Если требования бога кажутся остяку чрезмерными, он просит шамана убедить бога, чтобы тот удовлетворился меньшей жертвой, что ему обычно удается, применяя то мягкие слова, то угрозы.

Чтобы быть в состоянии разговаривать с богами, шаман должен прийти в экзальтированное состояние, с этой целью он иногда съедает несколько (7—14—21) мухоморов, обладающих свойством вызывать галлюцинации*. Обычаи, отправляемые при шаманстве, мне неизвестны. Южные крещеные и частично обрусевшие остяки слишком осторож-

* После сеанса они, как правило, пьют молоко.

ны и молчаливы, чтобы посвящать посторонних в подобные дела, и тем более не позволяют им присутствовать при языческих церемониях. В отношении диких и частично еще языческих северных остяков мы по интересующему нас вопросу располагаем довольно подробными сведениями в трудах Кастрена, Финша, Гондатти* и др., на которые указываем и читателю.

Особым авторитетом среди всех шаманов округа пользуются хранители упомянутых выше больших святынь. Они повсюду желанные гости, и каждый остяк и вогул считает особым счастьем, если ему удастся оказать какую-либо услугу, например, пожертвовать шаманам что-нибудь, или приютить их у себя. К своей общине они причисляют всех местных уроженцев края, до которых только могут добраться; так, например, на севере их влияние распространяется до Обдорска, находящегося от Нахрачинских юрт на расстоянии 1500 верст. Доставляют шаманов обычно бесплатно и при этом с большой охотой, в то время как русский поп должен использовать все свое влияние, чтобы на время получить лошадей, что ему, несмотря на это, удастся не всегда. Свои поездки шаманы обычно предпринимают раз в году, под Рождество, когда устанавливается короткий зимник, и возвращаются спустя один—два месяца с богатой добычей (звериные шкуры, табуны лошадей), дарами богобоязненных остяков.

Названные выше юрты являются местами паломничества для всего севера Западной Сибири. Каждый год сюда из отдаленных местностей приходят остяки, вогулы и самоеды, чтобы принести святыням за свое выздоровление благодарность и жертву. Некоторые преодолевают при этом расстояния в 1000 и более верст. Так как многие из этих паломников не знают ни места, где находится святыня, ни русского и остяцкого языка, то они уплачивают людям, которые могут помочь им в этом смысле, 10—20 рублей за несколько дней своего пребывания в почитаемой деревне. Паломники также везут с собой богатые дары, главным образом шкуры, которыми они одаривают богов. Большая часть этих даров преподносится tonx-ort (шаманам) и только меньшая хранится в амбарчиках как собственность божества.

* *Гондатти*. Указ. соч. С. 53 и послед.

Чтобы поддержать это религиозное рвение среди их приверженцев, белогорские шаманы ввели обычай передавать паломникам, принесшим богу богатые жертвы, как ответный дар от него небольшие подарки, что-то вроде льняного одеяния или подобных предметов, которые хранятся принимающими их как святыни.

Большая часть шаманов Тобольского округа, как и все остальные остяки, сильно обрусела и потому относится довольно скептически к церемониям, которые должны проводить, и к собственной святости; несмотря на это, они несут свою службу дальше, потому что она доходна. Когда я высказал свое мнение по этому поводу одному нахрачинскому шаману, мать которого была русской и русской же была жена, т.е. он был настроен довольно по-христиански, тот ответил, смеясь: «Почему я должен оставить эти поездки, если глупый народ дарит мне при этом такие богатые подарки?».

Следует заметить еще, что в Болчаровских юртах (М.-Кондинская вол.) должность шамана неофициально должен был занять даже русский (Фомка Мокроусов), выращенный остяками.

Священные растения и животные. Кроме непосредственных богов, остяками, как почти всеми первобытными народами, обожествляются еще и некоторые растения и животные. Из деревьев, насколько мне известно, — практически только старые искореженные экземпляры их, или такие, у которых несколько верхушек. По причине необычного вида таких деревьев остяки предполагают, что они являются прибежищем бога, а чаще рассматривают само дерево как божество (фетиш). Деревья, которые трещат в, казалось бы, безветренную погоду, выдают тем самым, что укрывают духа. Среди всех видов деревьев у остяков, как и у минусинских татар, особым уважением пользуется лиственница. Старые лиственницы, как и древние березы, пользуются у них тем же почитанием, которого древние германцы удостаивали липы. Реже почести отдают кустарникам. Подобная светлая рябина в форме куста находится на небольшом холме рядом с Богдановскими юртами (М.-Конд. волость). О священных рощах речь была раньше. Сведения о подобных культах деревьев и рощ у дру-

гих, как древних, так и еще живущих первобытных народов, можно найти во многих этнографических произведениях*. Они интересны в том смысле, что демонстрируют нам, как определенные предметы и явления могут вызвать похожие мысли и образы в духе первобытных народов совершенно разных человеческих рас, живущих, зачастую, на противоположных концах земли и отделенных друг от друга столетиями.

Из животных, по мнению остяков, к священным относятся следующие: мамонт, медведь, лебедь, щука и некоторые другие.

Мамонты (*vês*, *конд. вог.: vit-kis*), кости которых (*vês-têu*) еще отыскивают в откосах крутых берегов после обвала земли, считаются одними остяками водными духами (*vês-iga*), другими — еще и сейчас живущими в земле священными животными (*mî-xor* — «Земляной бык» северных остяков), не выносящими дневного света и умирающими сразу же, как только выходят на поверхность земли. Кусочки каменного угля, найденные на берегах Вась-Югана и некоторых его притоков, слывут среди живущих окрест остяков и остяко-самоедов печенью мамонта (*ост.: vês-mûgol*, *ост.-сам.: kazar-mîj*)**. Мамонты ради корней деревьев, которыми они питаются, должны постоянно рыться в земле, при этом они подрывают берега рек и вызывают их обвалы. Они также любят находиться в глубинах рек и озер, и их нахождение там выдается волнением воды и круговоротами. Подобное место есть среди прочих на Конде, восемью верстами ниже Чесноковских юрт (М.-Конд. волость). Оно называется *Vês-oxta* — «подъем мамонта». Другое место находится 1½ верстами выше Богдановских юрт (та же волость). Конда делает здесь крутой изгиб и подмывает крутой правый берег. Омут рядом, называемый *Lul-nen miten* — «Лягушачий пуховик» (а по-русски «лягушачий омут»), рассматривается как прибежище мамонтов. Само собой разумеется, что здесь, как и в других святых местах, нельзя забрасывать сети в воду. Неодобрительно смотрят также, если здесь черпают воду для питья. Зимой мамонты на короткое время поднимаются к поверхности воды, **разламы-**

* См. также: Е. Вейденбаум. Священные роши и деревья у кавказских народов//Изв. Кавк. отд. И.Р.Г.О. 1878. Т. V. № 3.

** Томск. губ. вед. 1877. № 46, 51.

вают слой льда и тем вызывают сильный шум. Для человека мамонт безвреден и не может гарантировать ему ни удачи в ловле и предприятии, ни здоровья; тем не менее жертвы, приносимые ему во время путешествия, влекут за собой счастливый исход, предотвращая обвалы берегов и разломы льда.

По мнению темлячевских остяков, в мамонтов могут превращаться и другие звери в старости, так, они предполагают, что лоси и олени, и даже медведи, когда становятся очень старыми, меняют свою земную жизнь на жизнь в глубинах вод, при этом у них вырастают «бивни» мамонта. Это мнение разделяют и остяко-самоеды Томской губернии*. Старые щуки порой тоже выбирают для своего пребывания самые глубокие места озер, где головы их обрастают мхом, а на лбу также появляются рога, почему остяки считают возможным, что и старые щуки со временем превращаются в мамонтов**. В этом виде их называют *sort-ves* — «щука-мамонт».

Особого уважения среди всех живущих здесь существ удостоивается царь сибирских лесов — медведь. Его необыкновенная сила и разум внушили прежним, довольно беспомощным аборигенам такое почтение, что он рассматривался здесь как высшее существо. Культ медведя распространен на севере всего Старого и большей части Нового Света и встречается у очень многих живущих в этих частях света первобытных народов и племен, как остяки, вогулы, самоеды, тунгусы, гиляки, чукчи, у некоторых племен индейцев на Гудзоне и раньше у финнов.

«О медведях, — сообщает Кастрен, — у остяков то представление, что он не зверь, как все остальные, и что звериная шкура у него только маскировка, под которой он скрывает человеческий образ наряду с божественной силой и мудростью»***.

Что касается происхождения медведей, то мнения по этому поводу различны. Некоторые предполагают, что он происходит от людей. Они рассматривают его как потомка прежних героев, которые по разным обстоятельствам были вынуждены избегать близости людей и жить в дремучих ле-

* *Гр. Потанин. Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. С. 709.*

** Та же вера существует и у аборигенов Нарымского края (Томск. губ.); ср.: *Григоровский//Зап.З.-Сиб. отд. И.Р.Г.О. 1882. С. 53.*

*** *Кастрен. Путевые заметки и письма 1845—49 гг. С. 226.*

сах, или считают их помесью дочерей героев и менк, или наоборот. Так, одно предание рассказывает, что герой города Хût-voš* имел дочь (Кĭnanĭmanka), лицо которой покрывали волосы. Когда она однажды собирала в лесу ягоды, то встретила менк в образе молодого мужчины. Он понравился ей, и она стала с ним жить. Через год у них родился сын, который благодаря своей силе и дикости так отделивал юношей Колпуховских юрт, что остяцкая община выслала из деревни женщину вместе с сыном. Они укрылись в rêpĭj jâ gam — «роще на крутом берегу» (М.-Конд. вол.), где мать превратилась в огромный камень, а юноша вырос в медведя.

Большинство преданий сходятся в том, что медведь раньше пребывал на небе, где жил во дворце Tûrĭm'a. По просьбе медведя, которого очень манил вид густо покрытой лесом земли, Tûrĭm с помощью железной цепи, которая, как мы знаем, по верованиям остяков соединяет небо с землей, спустил его на нашу планету. Благополучно прибыв, медведь забыл добрые наставления, отданные ему богом, а именно: довольствоваться малым и жить в мире с людьми, и начал нападать и разрывать всякого зверя, которого был сильнее, чем принес людям много несчастий. Чтобы отучить своего любимца от этой вредной привычки, бог стал превращать зверей, на которых собирался напасть медведь, в деревья и кустарники, так что медведь, терзаемый голодом, скоро сильно истощал. Тогда бог сжалился над ним и снова научил его, что делать, чтобы быть счастливым. Он разрешил ему использовать любого дикого зверя в пищу, а из прирученных, т.е. скота, — только тех, которые принадлежат злым и несправедливым людям**. Кроме того, он приказал ему наносить таким людям всякий возможный вред и даже задирать их, если они будут приближаться к нему. Благодаря этим приказаниям богу удалось не только ограничить вредные инстинкты медведя, но и помочь распространению по земле света истины и справедливости, носителем которого с этих пор был медведь.

Во время своей земной жизни медведь часто спорит с людьми, а так как ему, несмотря на превосходящую силу,

* Древняя крепость рядом с прежними Колпуховскими и против теперешних Заводинских юрт (Нар. в.).

** Отец Tûrĭm сказал ему при этом: «Ma medoje parttam tut katte, en parttam, at xoita!» — «Что я позволю тебе, то добывай, чего не разреши, к тому не прикасайся!».

не всегда удавалось победить их, он молил бога, чтобы тот послал ему «все подавляющий» палец, какой есть у людей. Но бог, знавший жажду крови своего любимца и озабоченный благополучием людей, отвечал ему, что он выполнил бы его просьбу, но в этом случае ему пришлось бы дать собаке лук и стрелы, чтобы сохранить равновесие сил на земле. После этого медведь больше не настаивал на своей просьбе и счел за лучшее довольствоваться тем, что имел.

Существует еще много других легенд и рассказов о пребывании медведя на небе и о его жизни на земле, мы ограничимся указанием читателю на статью Х. Гондатти*, где этому вопросу посвящено несколько страниц. Кое-что об этом можно также найти в книгах С. Полякова** и Гр. Потанина***.

При всем уважении, испытываемом к медведю остяками, они никогда не упускают возможности забить его, например, если нашли его берлогу. При этом они обычно действуют следующим образом: несколько, чаще двое или трое, охотников окружают берлогу, выгоняют медведя и стреляют в него из ружей. Если его упускают или ранят, его приканчивают копьем или охотничьим ножом. Если охота удачно завершилась, охотники кидают друг в друга снегом, а летом — землей, или брызгаются водой, обычай, значение которого мне непонятно. Забитому медведю оказывают высочайшее внимание, потому что его душа требует того. В его адрес не произносят язвительных слов и не делают непочтительных жестов, потому что он все видит и слышит и наказывает без сожаления людей, позволяющих себе подобное. Менее строго он судит человека за свою смерть, позволяя убедить себя доводами охотников, что ружье изготовил русский, они убили его непреднамеренно и т.п., в их невиновности.

Забитого медведя кладут на спину и медленно разрезают ему шкуру на груди. Человек, выполняющий эту работу, прерывает ее почти при каждом разрезе, в любом случае не менее семи раз с криком, он расстегивает первую, вторую, третью и т.д. пуговицу (застежку). Гондатти сообщает, что перед этой операцией на грудь медведя кладут небольшие деревяшки, ко-

* Указ. соч.//Тр. Этн. отд. общ. люб. ест., антр. и этн. 1888. С. 78 и послед.

** С. Поляков. Путешествие в долину р. Оби. С. 62 и послед.

*** Гр. Потанин. Указ. соч. С. 754 и послед.

торые потом разрезают. Таким способом охотники намекают, что они «снимают меховую одежду» с медведя, а не «сдирают шкуру» с него, как с других зверей. Из страха перед злобой медведя ни один остяк не решится сказать об упомянутой операции что-нибудь вроде: «мы содрали с медведя его шкуру (xorem)», или сказать: «забили медведя (vedem, pãgdem)». Вместо этого он скажет: «мы с «него» сняли (enxem) его священный мех (малицу)» и «священный зверь умер (sütem)». Даже слово «медведь» (ošniga) нельзя произносить без необходимости, и даже тогда его заменяют личным местоимением «он» (tu), или льстивым описательным выражением jig— «отец», jemij-vôje (воз.: jelpij-ui) — «святой зверь», jem-vôje — «добрый зверь» и т.д. Собственно, и другие имена медведя: kunžen-iga — «обворованный старик», ošniga — «старик с содранной шкурой» — являются не чем иным, как эпитетами.

В шкуре оставляют только голову и кончики передних лап. Медвежатина является лакомством остяков, хотя подобные трапезы по указанным выше причинам устраивают тайком*. Медвежий жир обычно срезают и хранят, лотому что он может сослужить хорошую службу при лечении полученных от медведя ран. Обычай требует также, чтобы туша или отдельные части медведя ни в коем случае не оставались в лесу на съедение зверям и тем более не сжигались, что повлекло бы за собой ужасные последствия. Останки медведя подлежат погребению, если в мясе нет нужды.

* Е. Филимонов (Мат. для изуч. экон. быта крестьян и инородцев Зап. Сиб. Вып. XVII. С. 52) сообщает нам об этом из Томской губернии следующее: «Остяки стараются обмануть забитого медведя, чтобы он вовсе не узнал, что люди съели его мясо. Глаза убитого хорошо закрывают корой, мясо готовят в полной тишине, и трапеза, на которую приглашается вся деревня, кроме детей, проходит также тихо. После званого обеда, когда все удаляются в свои палатки, к котлу приближается седая старуха, которой недолго осталось жить. После того, как откроет глаза у отрезанной головы медведя, она спрашивает последнего: «Кто убил тебя, мой дорогой? Кто съел твоё мясо?». В этот момент к старухе отправляют детей, которые проинструктированы взрослыми. Когда старуха замечает детей, она спрашивает: «Вы не знаете, правдолюбивые дети, кто съел медвежье мясо?». Правдолюбивые дети возражают: «Мы знаем это, бабушка, мы это видели: это вороны, влетевшие сюда и расклевавшие своими клювами тело медведя» — «Ох гадкие! — говорит бабушка. — Их нужно наказать, куда они улетели?» — «Этого мы не знаем, бабушка, мы этого не видели, но мы думаем, что это далеко». На том комедия и заканчивается.

Шкуру медведя с почестями приносят в деревню. Один из охотников держит ее на своей груди. Лапы скрещены, а голова покоится на плечах несущего. В то время, как этот шагает, охотники несколько раз кричат. Если забитый медведь был медвежонком, три или четыре раза, если самкой — четыре, а если самцом — пять раз — *tivi jox* (или *ja*), слова, значение которых местные уроженцы не смогли объяснить мне. Они столько же раз стреляют из ружей и поют песни в честь забитого «раздетого старика», примеры которых приведены во второй части этой книги. Едва жители деревни слышат этот шум, все они отправляются навстречу охотникам и возвращаются вместе с ними торжественным ходом. При вступлении в деревню в районе **Конды** поют медвежью песню.

Шкуру медведя приносят в дом одного из охотников, но не через дверь, а через окно или какое-нибудь другое отверстие. Затем снова устраивают упомянутую выше игру с водой. Мы обращаем внимание на то, что обычай заносить и выносить шкуру медведя не через дверь, а через окно в комнату и обыкновение вогулов класть при том топор под порог дома, как сообщает Гондатти, являются погребальными обычаями сибирских **финнов**²¹, которым остяки следуют еще и сегодня. Это предположение подтверждается также и упомянутым выше погребением туши медведя.

В комнате убитому медведю оставляют почетное место: его сажают в передний угол, где висят изображения богов, и парой деревянных подпорок удерживают его в вертикальном положении. Глаза его закрывают серебряными монетами, а на когти иногда надевают кольца. Медвежий праздник длится несколько дней: если забитый медведь взрослый самец, то его смерть празднуют пять дней, если это самка — четыре дня, а медвежонок обычно должен довольствоваться тремя днями. В продолжение этого времени хозяин должен обслуживать всех гостей, и потому остяки, до которых дошли слухи о празднике, устремляются со всех сторон, чтобы принять участие в пире, что гарантирует им разнообразие в их монотонной жизни. Само собой разумеется, на таких праздниках не должно недоставать пива и водки, а так как этот напиток редко можно найти в остяцких деревнях, его за счет хозяина привозят из русских поселений, иногда с расстояния в 100—150 верст.

Медвежий праздник устраивается вечером и длится до поздней ночи. Каждый гость, входящий в комнату, целует нос медведя и склоняется перед ним. Если собралось много гостей, из толпы выступают два—три остяка и запевают после упомянутых только что почестей песни перед медвежьей шкурой, которые продолжаются обычно больше часа. Кроме обычных песен, они поют также гимны в честь медведя, которых должно быть «семь и семьдесят». При том их часто сменяют другие певцы. В медвежьем танце, который время от времени прерывает песни, принимают участие и женщины. Если мужчины при этом накидывают какую-нибудь странную одежду, вроде вывернутой наружу шкуры, то женщины, которым запрещено смотреть в лицо медведю, как и вообще священным духам и предметам, например, идолам, должны укрыть голову платком. Танец исполняется отдельными людьми и состоит из различных жестов и вращений на месте. Женщины при этом поднимают вверх согнутые в локтях руки, периодически опуская их, как и запястья. Само собой разумеется, такой танец медведя, исполняемый под сопровождение местных струнных инструментов, не является ни красивым, ни грациозным. После того, как усталые певцы и танцоры освежатся рюмкой водки, начинается драматическая часть вечера.

Эти драматические постановки представляют простые эпизоды и картины из повседневной жизни местных уроженцев и медведя. Актерами выступают почти исключительно мужчины, одновременно исполняющие и женские роли, покрывая себе при этом голову платком. Они переодеваются и для мужских ролей и покрывают голову берестяной маской, имеющей обычно большой нос. Некоторые актеры у вогулов имеют еще и небольшое деревянное оружие, вроде топора и копья, и носят на теле пояс из липовой пеньки, к которому прикреплен большой мужской член из дерева, изображенный в состоянии эрекции. Эти актеры представляют среди прочих и очень неприличные сцены из жизни зверей, воспринимаемые, однако, не только мужчинами, но и прекрасным полом и детьми со всеобщим удовольствием и ликованием. Эти драматические представления, похоже, менее развиты у сильнее обрусевших южных остяков, нежели у их северных родственников по племени и у вогулов, которые живут относительно более изолирова-

но от русских*. Описание подобных представлений можно найти в книге Алквиста «Среди вогулов и остяков»** и в названной выше статье Гондатти***, рассматривающего медвежий культ северных угров.

После того, как медвежий праздник продлился названное число дней, остяки считают, что душа медведя полностью удовлетворена, и хозяин шкуры отныне может обходиться с ней по своему усмотрению: пожертвовать ее богам или продать. Большинство выбирают последнее, чтобы немного покрыть расходы, которые потребовал медвежий праздник. Те остяки, кто строго придерживается древних обычаев и нравов, хранят шкуру еще приблизительно 40 дней после праздника, чтобы устроить праздник, хотя и тихий, на 9-й, 16-й и 36-й день после смерти священного зверя.

В общем, следует заметить, что медвежий праздник достигает своей цели только тогда, когда выполнены все относящиеся к нему формальности. Так, в одной из моих медвежьих песен описывается, как священный зверь сожрал ребенка одной матери, потому что она во время праздника танцевала в честь забитого зверя в плохой одежде, состоящей из коры кедра и ели. Ребенка другой матери, которая забыла его в лесу, медведь не только пощадил, но и постарался укачать его — все из благодарности за почести, которые она оказала ему: она выступила перед ним в своих лучших одеждах. Точно так же смертельная опасность грозит каждому остяку, не оказывающему медведю достаточного внимания, будь он жив, убит или вовсе отсутствует, и который дает клятву над медвежьим клыком или медвежьей мордой, а потом нарушает ее, как мы увидим в следующей главе.

Когда торжества в честь медведя закончены, душа его поднимается по упомянутой выше железной цепи обратно в царство его Небесного Отца****.

* Подобные драматические представления и маскировку можно встретить и у многих родов Северной и Южной Америки, например, у атов, колошей и других народов на северо-западе этого континента, у текунов в Бразилии и т.д. (О. Пешель. Этнография).

** А. Алквист. Среди вогулов и остяков. С. 124—127.

*** Гондатти. Указ. соч. С. 80—87.

**** Сравнивают описания Шренком медвежьих праздников у гиляков и их соседних народов: Путешествия и исследования в Приамурье. III. С. 696—737.

Лебеди (xôdij), как частично и гуси (tunt), являются священными птицами, вид которых, по мнению сибирских угров, нередко принимают различные духи и божества. Выше мы видели, что сын Tûrjîm'a Pairâxtà среди людей часто появляется в виде гуся, и что одно из самых больших божеств остяцкой территории, находившееся в Белогорских юртах, имело вид той же птицы. Из этого сопоставления Гондатти* считает возможным сделать заключение о том, что упомянутое последним божество должно было представлять Pairâxtà (по Гондатти: Mir susne xum).

В виде лебедя спасся из огня известный «Обской старик», когда русские миссионеры положили его в костер.

Несмотря на все уважение, оказываемое местными уроженцами лебедю, весной остяки усердно собирают его яйца, представляющие собой вкусное и питательное блюдо. Едят ли они самих лебедей, мне неизвестно, ясно только, что подобное действие рассматривается как грех. Так, остяки Темлячевской волости приписывают вымирание Майковских юрт такой фривольности: лебедей они во время ежегодных перелетов забивали массаами и наслаждались этим.

Почитание лебедя мы находим также у многих других урало-алтайских народов, а также финских и тюркских племен (сибирских татар). У вотяков-язычников в честь этого представителя богов ежегодно устраивается праздник, который проходит в священных, состоящих из древних деревьев рощах (kiremet). Главный бог Soltan приносится на это торжество двумя лебедями**.

Определенным авторитетом, похоже, пользуются среди иртышских остяков ястреб (xardagàn) и ворон (xûlox). Образ первого иногда принимают боги, например, когда покидают свои оскверненные жилища, а второго остяки используют для предсказаний. Если, например, в начале предприятия в поле зрения показывается ворон, иртышские остяки следят за его полетом и с нетерпением ждут его крика. Если он быстро прорежет воздух и выкрикнет «kultúk» или «kultj'k», то это, по остяцким суевериям, недоброе предзнаменование (kultúk=galtag [گالتاق] — *там.*: о! горе!) и предприятие откладывается. Спокойное парение птицы и ее крик: «Koram!

* Гондатти. Указ. соч. С. 56.

** Афанасьев. Изв. И.О.Г.О. 1881. Вып. V. С. 281.

Ќорам!» — напротив, указывает на счастливый исход любого дела.

Филин (jiba) в прежние времена из-за своего необычного вида считался высшим существом. Судя по остяцкому эпосу, благородные девы, т.е. дочери князей и героев, часто принимали вид филина, например, когда нужно было незаметно от родителей, братьев и сестер достичь жилья избранника, чтобы открыть ему свое сердце. Само собой разумеется, что такой «филин с человеческим лицом» (xoi-vâvmar jiba) обладал человеческим разумом и языком. Следует упомянуть еще, что бронзовые фигуры в виде филина, иногда с расправленными крыльями, нередко отыскивали вместе с другими металлическими вещами на прежних поселениях и кладбищах угорского Севера. Некоторые из этих фигур, например, в этнографических музеях Тобольска и Томска, имеют еще и человеческое (?) лицо на груди.

Остяки и вогулы охотно изображают птиц: так, столб, к которому привязывают лошадей и жертвенных животных, часто покрыт небольшой крышей, на которой можно увидеть грубо вырезанную фигуру птицы. Такие крыши можно еще и сегодня встретить во многих юртах района Ќонды (в Нюркоевских, Камовских, Болчаровских и др.)^{*} Интересно констатировать, что идолы в виде посоха с сидящими на них деревянными птицами встречаются* также у некоторых языческих народностей Алтая, например, у телеутов (karsit) и самоедов (sonxor).

Мы должны упомянуть еще одну чудесную птицу у остяков, а именно — мифическую Tõxtiŋ-Kârîs (конд. вог.: Taurim-Koarîs), соответствующую жар-птице у русских, хотя остяки уверяют, что их Tõxtiŋ-Kârîs больше последней. По-немецки она была бы обозначена именем «гриф, феникс». Эта мифическая птица живет только в фантазии народа, наградившего ее всеми возможными колдовскими свойствами. Так, эта птица огромна и имеет человекоподобную голову с большим клювом. Сразу за руками у нее на плечах выросли два сильных крыла, а на кистях — длинные и острые когти. Tõxtiŋ-Kârîs обладает необыкновенной силой: ей не стоит никаких усилий нести человека на спине. Кроме того, эта птица отличается разумом и может говорить как человек.

* Гр. Потанин. Указ. соч. С. 79.

Родиной ее являются теплые моря и водоемы южных местностей, откуда она периодически отправляется на Север.

Среди обитателей воды особенно ценится щука (sort), известная на Севере также под именем *jêñij-xuŧ* — «священная рыба». Среди иртышских остяков священной считается не каждая щука, а только старая, живущая на большой глубине и имеющая большую голову, почему такие почитаемые щуки называются также *jûr-sôrt* (вог.: *jût-sârŧ*) — «голова(?)-щука»*. Они достигают длины в $1\frac{1}{2}$ аршина. Является ли это особым семейством щук, или указанными свойствами отличаются лишь отдельные представители *Esox lucius*, мне неизвестно.

Из других водных животных священным считается еще небольшое животное: *jug* (вог.: *jug* и *jelpij jûr*). Что за животное подразумевается под именем *jug*, я не знаю, потому что ничего подобного не видел, однако остяки уверяли меня, что оно не похоже ни на рыбу, ни на четвероногое. Его нельзя считать раком, так как эти твари не были найдены в Конде и потому, что они лишь в самое последнее время показались в нижнем течении Иртыша, куда они распространились из среднего течения этой же реки. Скорее можно предположить, что под именем *jûr* подразумевается большой водяной жук из рода *Dytiscus*, потому что он, по данным остяков, имеет шесть ног, округлую форму и черный или красноватый цвет. Некоторые считают *jug* тем же животным, что и *xamal-xai*, которое, наверняка, означает водяного жука. Другие же, напротив, считают, что *jug* — большой зверь, у которого есть рога, и он может зимой прорывать мощный слой льда. Подобное водяное чудовище появляется также в одном из записанных мной сказаний.

Некоторыми остяками как священное животное рассматривается и змея (*vâ xte-vôje*)** (*jêmij voi* — сев. ост., *jelpij ui* — вог.). Это особенно относится к чудесному созданию, которое, как кажется, имеет вид двух сплетенных друг с другом змей и носит имя *vâ xte-vôje-xon* — «змеиный царь». Он, должно быть, очень ядовит, но для знающего человека очень полезен, так как может превращать бронзу и медь в золото и серебро. Женщинам нельзя его видеть.

* *jug* — зыр.: «голова, глава».

** Дословно означает: «пресмыкающееся животное».

***

В заключение этой главы приводим легенду остяков о потопе, которую мне удалось записать во время своего пребывания в Темлячевской волости. Содержание ее следующее. Когда *Pairâxtà* жил на земле, он узнал от своего отца *Turim'a*, что скоро будет потоп (*jêmijjink*, *вог.*: *jelrij vit* — «священная вода»), который скроет большую часть земли. Чтобы спасти свою семью, своих людей, спастись самому, он начал строить большой корабль (*karèp*, *рус.*: корабль) и потому постоянно отсутствовал. Его жена, не знавшая причины его отсутствия, немало печалилась. Вдруг появился злой дух (*kuł*), вскоре сблизившийся с женщиной. Он посоветовал ей вместо того, чтобы грустить, поднести мужу побольше пива и вина, и он, таким образом, скоро выдаст свою тайну. Так она и сделала, и узнала, что корабль, который он строил уже тридцать лет, был почти готов. Злой дух, подслушивающий за дверью, уловил эти слова, поспешил к кораблю и разрушил плод большого труда *Pairâxtà*. Когда тот очнулся от хмеля и пришел к кораблю, он нашел лишь обломки его и был безутешен, особенно потому, что приближалось время, когда должен был наступить потоп. Он взмолился к господу, своему отцу, о содействии, и с его помощью ему удалось отстроить корабль заново за три дня и спастись от воды вместе со своими близкими.

Некоторые люди, видевшие, как строилось судно, но не понимавшие, как сделать это самим, делали плоты из стволов деревьев (*por*) и пытались спастись на них. Волны разнесли их по разным краям. Так, жители Тренкинских юрт (у Самарово) уверяют, что были в это время отнесены из Сургутского округа к их теперешнему месту жительства. Нельзя отрицать, что эти деревенские жители отчасти могут быть правы. Во-первых, потому, что они по своему типу отличаются от соседних остяков и имеют определенное сходство с самоедами, а во-вторых, потому, что на этой низменной территории каждую весну случаются наводнения, достигающие в отдельные годы очень значительных размеров.

В качестве доказательств потопы некоторые остяки и даже русские из деревень Демьянской, Юровской и южной части Нарымской и Денщиковской волостей считают ви-

денные ими остатки кораблей на возвышенных террасах правого берега Иртыша.

После прочтения этой главы у читателя, возможно, уже стерлось из памяти, что это языческая мифология еще и сегодня составляет вероисповедание народа, уже более чем 182* года назад принявшего христианство. Если мы сравним сведения о религиозной жизни иртышских остяков со времени, когда они еще были язычниками, с их теперешним религиозным уровнем, то увидим, что три их великих божества, которых рисует нам Гр. Новицкий, еще и сегодня считаются священными, а места их прибежища еще и в настоящее время служат остякам и другим местным уроженцам северо-запада Сибири целью для паломничества. Их религиозные обычаи также почти не изменились. Единственное отличие, существующее в религиозном смысле между сегодняшними и прежними остяками, заключается в том, что если последние были настоящими язычниками, первые почитают своих богов тайком и избегают разговоров о лих, и что остатки языческого культа смешаны у них с поверхностным знанием слова Господня и отдельных фактов из жизни святых.

С этими остатками языческого культа и языческих обычаев здешнее русское духовенство ведет жестокую борьбу, которая до сих пор принесла сравнительно мало плодов, если учесть, как долго она продолжается. Одним из главных оснований ужасного успеха этой борьбы является не безупречный состав священников, живущих среди остяков. Некоторые из них в религиозном смысле настолько снисходительны, что безмолвно разрешают местным уроженцам даже жертвенные праздники в честь богов, если получают свою долю от жертвенного животного. Священниками являются или молодые, неопытные люди, едва окончившие духовный семинар, или недавно перешедшие из должности дьякона в священники, или, наконец, неспособные люди и такие, которые были высланы духовной инстанцией в эти пустыни.

* Выше указывалась другая цифра — 177 лет (С. 150). Скорее всего, она привязана к моменту написания работы, т.е. к 1891 году. Вторая же цифра — 182 года, вероятно, к предполагаемому моменту издания книги — 1896 г. — (Прим. изд.).

ные и отдаленные местности в наказание за какой-нибудь проступок. Потому все они очень мало заботятся о духовном благе своей общины и только и ждут того момента, когда по истечении обязательных трех лет получат право перевестись в более заселенную местность.

Жалованье, получаемое духовным наставником остяцкой общины из казны, выше (360 руб.), чем то, что причитается живущим в русских волостях духовникам, зато остальной доход священника вследствие бедности и рассредоточенности населения значительно ниже, да и служба здесь труднее: духовный наставник здесь вынужден несколько раз в год проделывать большие путешествия по пустынным и безлюдным территориям, в некоторых местах даже на собаках (на Салыме), во время которых должен страдать от морозов и снежных бурь и неделями пребывать в бедных хижинах аборигенов, довольствуясь непривычной сырой пищей.

В целом обрусевшие наполовину остяки на Иртыше и Оби в последнее время постепенно оставляют свои языческие божества и становятся лучшими христианами.

Глава VIII

Некоторые обычаи иртышских остяков и их представления о потусторонней жизни

Брак и свадьба. — Погребение. — Представления древних остяков о душе и потусторонней жизни. — Преисподняя. — Обычай присвоения имен живым существам. — Обычаи при даче клятвы.

Брак и свадебные обычаи. 300—500 лет назад* у остяков, похоже, было два вида браков: более древний и грубый вид, при котором невесту крали в других племенах и даже родах, и более поздний и мягкий, но в большинстве случаев также экзогамный брак, при котором девушку выкупали у отца. В период создания героических песен и сказаний, т.е. 300—400 лет назад, нравы смягчились, и торговля девушками стала преобладать. Силу применяли только тогда, когда отец невесты не хотел добровольно отдавать свою дочь жениху или требовал за нее слишком дорогую цену. Так как подобные переговоры между двумя сторонами часто заканчивались ссорой, сваты из княжеского рода обычно приводили с собой войско. Если они превосходили силой отца невесты, то разрушали его город и уводили деву**. Как видно отсюда, брак у древних остяков был социальным институтом и только с введением христианства стал признаваться как священнодействие. Возраст, в котором девушка считалась на выданье и способной к вступлению в брак и семейную жизнь, начинался раньше, возможно, с 12—14 лет, как это еще и сегодня происходит на севере губернии, однако сейчас у иртышских остяков, как христиан греческой конфессии, является обычаем, что девушки не выходят за-

* Это могло существовать и в более древние времена, о чем у нас нет никаких сведений.

** Более подробно об этом смотри в моем сочинении: Тип остяцкого богатыря. 1891. С. 52 и послед. (Патканов С.К. Сочинения в двух томах. Т. П. Тюмень. 1999. С. 83 и послед.).

муж раньше 16 лет, но, как правило, они становятся замужними еще позже, в возрасте 17—20 лет. Что касается возраста мужчин, то у северных остяков, которые еще являются язычниками, как и у сургутских, молодые люди женятся, когда достигают 15—18, максимум 19 или 20 лет, а иртышские остяки не выбирают себе подруг жизни, не достигнув 21—26 лет. Вряд ли это было у них иначе и в прежние времена, когда юноше нужно было добывать невесту с мечом в руках. В героических сказаниях нередко появляются женихи, которые уже носят бороды.

На Оби, в пределах того же Тобольского округа (Темл. вол.), как и далее на север и восток, у остяков частично еще встречается обычай сватать девушек 13—15 лет, признаваемых русской церковью несовершеннолетними, и после уплаты части калыма за невесту вступать с ними в супружеские связи. В этом случае пара шла венчаться только спустя 2—3 года, когда жена достигала своего 16-го или 17-го года, а иногда и еще позже. Одновременно для крещения в церковь приносят и их детей (1—3). Поп делает недовольное лицо, упрекает будущих законных супругов в их грешной жизни, но тем не менее венчает их. Его старания в этом случае обычно и оплачиваются лучше: он получает, как минимум, две шкурки соболя, другие меха и подарки.

Свадебные обряды крещеных остяков представляют собой смесь языческих и христианских обычаев, причем у южных остяков согласие невесты не является предварительным условием для заключения брака, у иртышских остяков девушка сама выбирает мужчину по сердцу. В целом в обоих случаях жених вступает в права над своей избранницей лишь после платы калыма (на юге *tan*, на севере — *kaļim*). Размер калыма зависит как от богатства отца невесты, так и от внешних и внутренних достоинств последней. Состоятельные отцы, у которых красивая, упитанная и при этом добродетельная дочь, получают за нее деньгами, скотом и одеждой сумму в 150—300 рублей, в то время как более бедные должны довольствоваться 40—80 руб., коровой и парой платьев. Кроме того, жених должен нести расходы по свадебному торжеству, в чем отец невесты добровольно помогает, но ведро водки, без которого нельзя представить ни один праздник, жених должен приобрести на

свои средства. Богатые люди, конечно, выставляют больше ведер «плохой воды» (pigde jink), что при ее цене (в 1888 году это было 9 руб.) уже составляет значительную сумму (50—100 руб.). Попу за венчание платят 5—12 рублей, реже больше*. Состоятельный молодой человек обычно дарит своей невесте красивое праздничное платье.

Приданое, которое невеста приносит с собой, как правило, состоит из женской одежды и белья. Далее на эти предметы, как и на постельные принадлежности, расходуется часть калыма. Отец невесты со своей стороны делает жениху ответные подарки, которые, конечно, не достигают размера калыма, рассматриваемого как вознаграждение за воспитание дочери.

Степень родства между женихом и невестой, при которой в настоящее время может заключаться брак у остяков, определяется предписаниями русской церкви. В некоторых местах, однако, избегают браков между лицами, носящими одну фамилию, если даже между ними существует лишь отдаленное родство. Это остатки прежних экзогамных браков остяков, когда они искали жен в других племенах и даже родах.

Хотя целомудрие невесты оценивается достаточно высоко, оно не является необходимым качеством ее, особенно такой, за которую уплатили небольшую сумму. А так как в большинстве остяцких деревень поведение каждой девушки достаточно известно, то и, наоборот, цена, которую дают за нее, определяется ее репутацией. Девушками, ведущими веселую жизнь, более-менее состоятельные женихи пренебрегают, и они становятся женами бедных людей, которым часто достаются даром. Некоторые женихи даже радуются, если невеста приносит в его дом ребенка, потому что остячки часто бывают бесплодными. В целом в качестве похвалы остяцким девушкам на Конде следует сказать, что они держатся строже и целомудреннее, чем русские на Иртыше. Так, они не позволяют шутить с ними, и уж тем более, чтобы к ним прикасались, особенно перед другими, в то время как русские крестьянские девки охотно терпят это. На Салыме мо-

* Если невеста происходит из другого прихода, то ту же сумму получает и тамошний поп за оформление необходимых документов (*выдержка из материала*).

лодые женщины должны в присутствии свекра и некоторых родственников мужского пола закрывать свое лицо.

Еще недавно в распоряжении бедных остяков было другое средство заполучить невесту за небольшую цену. Этим средством было похищение невесты с ее согласия и заключение союза в первой попавшейся церкви. Затем проходило примирение с родителями невесты посредством вручения им небольших подарков. В настоящее время вследствие распоряжения духовного начальства священники избегают венчать молодых людей без согласия родителей, и этот вид браков уходит в историю.

Многие остяки женятся на русских, предпочитая их по красоте своим соплеменницам. За них также нужно платить калым, так как сибирские русские заимствовали этот обычай от своих азиатских соседей. В целом русские довольствуются меньшим калымом. Однако обычно русские девушки не разделяют вкусов остяков и избегают связи с ними, так что только очень бедные русские девушки, терпящие нужду дома, или такие, которым плохая репутация не дает шансов на русского жениха, решаются стать женой остяка. Остяки, как было замечено, более снисходительны в этом смысле, особенно если за таких невест не надо платить калым.

На Демьянке, где наблюдается недостаток в мужчинах, очень многие русские девушки живут с остяками в неофициальном браке, который они из-за свободы предпочитают законному. Интересно наблюдение, что среди этих женщин многие говорят по-остяцки, чего не бывает с русскими, являющимися законными женами остяков.

Переговоры между женихом и отцом девушки ведут с помощью определенных посредников или посредниц (*рус.*: сваты, свахи), известных в героическом эпосе остяков под татарским именем *ханım* (*соб.*: «госпожа»). Если переговоры успешные, определяется день свадьбы, и венчание происходит по правилам греческой церкви. Перед венчанием одна или две девушки, выступающие защитницами пояса целомудрия невесты, держат в руке ее косу. Маршалл («дружка»)* платит им, в зависимости от средств, 50 коп.—

* Обычно он по русскому обычаю опоясан полотенцем и держит в руке необходимую плеть.

3 руб. и тем самым покупает у них это право. Девушки удаляются, и он проводит невесту к жениху.

У сильно обрусевших обских остяков молодожены после венчания едут к родителям невесты, но только в том случае, если она девственница. Если она утратила свою девственность, то ход отправляется в дом жениха. Таким образом обходится необходимый в таких случаях обычай показывать пьянствующим гостям рубашку новобрачной.

Собственно, супружеские отношения между женихом и невестой часто начинаются задолго до венчания, сразу после уплаты части калыма. Однако в дом своего мужа она приезжает только после выплаты всего калыма. На Конде она обычно и в этом случае проводит в доме своего отца еще некоторое время, около 1—2 месяцев, в течение которых она готовит приданое. Здесь часто происходит, что молодую женщину к большому неудовольствию попа перевозят в дом своего мужа во время Великого поста.

Остяцкий свадебный ход имеет довольно праздничный вид. В нем принимают участие родители, родственники, подруги невесты и гости, поэтому он и состоит из целого ряда нарт. Невеста в своей лучшей одежде занимает особые крытые нарты, на крыше которых лежат расправленные платки и одежда, предназначенная в подарок свекру, свекрови и духу земли. Эти вещи связывают шнуром из пестрой шерсти (*хаңзең сунза* — *конд.*, *сirt* — *ост.*), свитым самой невестой, он после праздника разрезается на куски и раздается на память гостям. Как только свадебный ход приходит в движение, молодые люди из деревни невесты удерживают ее нарты с помощью привязанного к ним каната, чтобы получить выкуп. Невеста бросает им деньги, и они отпускают веревку, но тут же снова хватают ее и вынуждают заплатить выкуп еще раз; это происходит три раза, после чего ее отпускают.

Во всеобщем ликовании участников подобного хода легко угадывается действие сильной дозы водки: все кричат, поют песни и стреляют из ружей.

Если свадьба проходит летом, нарты заменяются лодкой, также богато украшенной. На весла обычно крепят колокольчики и бубенчики, которые во время гребли издадут приятный звон.

При входе невесты в деревню ее будущего мужа ей навстречу выходит все население и приветствует; в ответ невеста бросает собравшейся толпе пригоршню медных монет.

Завершающий переезд праздник обычно продолжается дольше одного дня — гуляют, как минимум, два—три дня, в зависимости от запасов водки, которым располагает молодой супруг.

Нашей целью не было более точное описание всей свадебной церемонии и вообще брачных обстоятельств, поэтому мы обращаем внимание читателя на произведения Новицкого, Кастрена, Брема и других*, где он может найти более подробные сведения об этом. Мы хотели бы здесь только сделать замечание о супружеской жизни южных остяков, которые, по нашим наблюдениям, хорошие мужья и нежные отцы и делят со своими семьями радость и горе, в отличие от своих северных братьев, которые женщин рассматривают как более низшие и грязные существа и обходятся с ними почти как с рабынями.

Погребальные обычаи. Под влиянием христианства меньше изменились погребальные обычаи остяков, что, похоже, зависит от того обстоятельства, что в силу большой рассредоточенности их деревень и значительных расстояний, отделяющих их друг от друга, священники не всегда имеют возможность навестить умирающего и прочесть заупокойную. Поэтому погребение часто проводят по остяцкому обычаю. В поездках (от 1 до 3), которые поп ежегодно предпринимает по населенным пунктам, он обычно посещает кладбища, если община незадолго до этого потеряла одного или нескольких своих членов, и читает необходимые для успокоения их души молитвы. За эти старания, как и за постоянное упоминание покойных по имени в поминальных молитвах (поминование), он получает от ближайших их родственников корову.

Погребальные обычаи иртышских остяков следующие.

Как только покойного положат на стол, рядом с ним ставят табакерку, а иногда и еду. Каждый человек, входящий в комнату, берет из упомянутой табакерки щепотку табака, нюхает и кладет щепотку своего табака в табакерку покойно-

* Ср. также: Томск. епарх. вedom. 1890. № 9. С. 24 и послед.

го, думая, что оказывает последнему одолжение таким образом. В гроб, который по сибирскому обычаю состоит из выдолбленного ствола дерева, покойного кладут в лучшей одежде. Чем он богаче, тем больше рубах на него надевают; иногда покойного закутывают в меха, что было, например, при погребении богатых остяков из Красноярских юрт. Женщины по такому случаю, как в праздничные дни, украшены плетениями из бисера. Кроме того, усопший получает массу предметов, которыми он пользовался и ценил их при жизни: мужчины, например, табакерку, нож, огниво и т.д., женщины — их швейные принадлежности в берестяной коробочке, а девушки, кроме того, еще и ленты. Раньше покойного снабжали самыми ценными вещами, которые наполовину обрусевшие остяки теперь предпочитают оставлять себе. Так, кладоискателям при раскопках старых остяцких могил удавалось найти медные и железные наконечники стрел, ножи, украшения из серебра и бронзы и подобн. предметы, имевшие раньше большую цену, чем теперь. Часть их, похоже, предназначалась для умерших ранее. И теперь еще умершему в гроб кладут деньги, особенно если его скончавшиеся родственники являлись во сне как нуждающиеся.

Погребение обычно, как и у христиан, происходит на третий день после смерти, однако раньше его нужно было проводить в тот же день.

Когда покойника выносят из дома, все жители деревни предпринимают меры, чтобы закрыть мертвому вход в их жилища: под порог дома они кладут нож или топор* и приколачивают к стене кусок древесины, возможно, для того, чтобы у мертвеца, если он решит пробраться в дом, сразу же появилось бы более мирное занятие.

Остяцкое кладбище обычно находится на некотором расстоянии от жилища и занимает более или менее возвышенное, поросшее лесом или свободное место. Эти кладбища не обнесены оградой и вообще не охраняются с такой тщательностью, как «мазарка» татар**. У северных остяков и вогулов гроб опускают в могилу. Он не покрыт слоем земли, а над могилой делают сооружение из небольших

* Тот же обычай существует у алтайских тюрков: Изв. И.Р.Г.О. 1881. Вып. IV.

** Рус. «мазарка» (из *tat.* مزار), что, собственно, арабского происхождения.

бревен, досок и бересты, в которых хранятся различные пожертвованные покойному вещи*. Возможно, тот же обычай был распространен и среди древних иртышских остяков. В старых остяцких могилах можно видеть следы таких сооружений. Они еще не совсем исчезли и из памяти старых людей. Живущие на Обской губе остяки и почти все самодеды совсем не кладут своих мертвецов в землю, что, в общем, связано с почти всегда, даже летом, замерзшей землей, значительно затрудняющей такой способ погребения. Гроб ставят прямо на землю, покрывают его берестой и сооружают над ним крышу.

В настоящее время иртышские остяки хоронят своих покойных по обычаю русских. Они покрывают гроб берестой и зарывают его в землю примерно на аршин. Крыши над могилой больше не строят, зато у сильно обрусевших остяков небольшой деревянный крест занимает свое место. Чтобы лучше разговаривать с покойным и время от времени передавать ему еду в берестяной коробочке, в могиле оставляют небольшое отверстие. На могилу кладут весло, иногда продырявленный котел, а на севере еще и сломанные нарты, чтобы покойный мог использовать их в том мире²².

Остяки основательно печалются о своих умерших: так, они долгое время рыдают. Если кто-то скончался, то его ближайшие родственники женского пола (мать, жена) иногда берут какой-нибудь принадлежавший ему предмет и плачут, держа его в руках и глядя на него. По остяцкому обычаю печальщуюся жену не принято успокаивать, ей необходимо дать выплакаться. Древний остяцкий обычай требовал, чтобы жена посещала могилу своего умершего мужа в течение первых пяти ночей после его смерти, тогда как мужчине полагалось грустить на могиле своей жены только четыре ночи.

Символом *екорби* у остяков является «траурный платок» (*piġdeŋ oxam*, *русс.* «кручинный плат») и красная шерстяная нить (*viŋdepan*). Первый предмет — это пестрый платок с черной каймой, или льняной платок с ситцевой каймой, который жена умершего, как символ скорби, во все солнечные дни носит на голове. В пасмурные дни она

* *Гондатти*. Указ. соч. С. 66—67.

хранит его под подушкой умершего, где лежит и прочая его одежда. По истечении года черную кайму отделяют и закупают ее в могилу; сам платок дарят бедным. Вообще, иногда для таких целей используют простой платок, который носят изнаночной стороной наружу.

Красную шерсть обматывают вдоль тела умершего, пока он еще лежит дома. Перед выносом ее снимают, режут на куски и раздают родственникам. Эти шерстяные нитки они носят на щиколотках, а также на запястьях до тех пор, пока те не свалятся сами.

Гондатти приводит еще один пример скорби: вогулы несколько дней носят свои волосы распущенными, мужчины во время первых пяти дней, а женщины — во время четырех; затем они в течение нескольких месяцев заплетают свои волосы (мужчины — 5, женщины — 4) в косы, которые носят спереди*. Как упомянуто выше, одежда и постельное белье умершего некоторое время после смерти остается лежать на его постели, а первую обычно хранят под подушкой. Каждый раз, когда устраивают трапезу в честь души умершего, ее достают и кладут на кровать. Середину ее занимает небольшая подушка, которая, вероятно, должна изображать самого умершего. Раньше южные остяки после смерти родственника делали его изображение (куклу) из дерева, и на ночь клали его на кровать умершего. Если у него была жена, то она спала с куклой. Во время трапез эту куклу усаживали на место умершего. По истечении года куклу тоже зарывали в могилу, и время траура заканчивалось. Этот обычай, похоже, еще сохранился на севере губернии. У иртышских остяков эта кукла в настоящее время, как было сказано, заменяется подушкой и вещами. И эти предметы жена ночами кладет рядом с собой. Следует заметить еще, что вещи даже не стираются, и если умерший скончался от заразной болезни, то жена может легко заразиться.

Обычай класть покойному в гроб предметы, которые были ему необходимы при жизни, основывается на вере остяков в потустороннюю жизнь, которую они представляют иначе, чем христиане. По верованиям иртышских

* *Гондатти*. Указ. соч. С. 67.

остяков, а также северных остяков (Гондатти), духовная сущность человека (у европейцев — «душа») состоит из двух частей: из *tît* и *is*. Мы не можем дать более-менее точную характеристику двух этих составных частей души, потому что от местных уроженцев трудно получить сведения по таким специальным вопросам. *Tît*, собственно, есть «душа», принцип, которым живущее существо отличается от мертвого, почему слово «*tît*» фигурально означает также «жизнь», так, например, эпитет кольчуги: *tît ôtetai* têt* можно перевести как «охраняющая душу одежда», или «продлевающая жизнь одежда». От этого же выражения образовано прилагательное *tîdij* — «живущий, живой», что подтверждает наше предположение.

A is — это скорее «тень», которую, однако, нельзя путать с верным спутником человека во время его жизни, видимой тенью — *jêpîl*. Из слов «*is*» и «*xor*» — «образ, форма, вид» — образуется композиция: «*is-xôr*», что, собственно, значит, «образ *is*», то есть «образ тени», так как тень очень часто обманывает, она может означать и «призрак». В выражении «*vôr-is-xôr-iga!*» оно используется как ругательство в значении «обманщик!».

Похоже, теперь, возможно, под влиянием христианства, этот дуализм души у иртышских остяков постепенно передается забвению: *tît* больше используется в значении «жизнь», а *is* — в значении «душа, дух». В поэзии иртышских остяков только *is* играет определенную роль, судьба *tît*, напротив, после смерти человека остается нам совершенно неизвестной. Сведения об этом находим у Гондатти, он говорит: «После смерти человека она (т.е. душа) переходит в тело новорожденного, того же племени, членом которого был умерший; если племя полностью вымерло, она переходит в детей других племен и, наконец, других народностей»**.

Если Кастрен и Гондатти описывают царство теней северных остяков и вогулов как находящиеся в лоне земли, то у иртышских остяков прибежище душ, или теней (*is*), судя по их поэзии, было на небе. Возможно, они обязаны

* *bttetai* — собст. «прикреплять, вставлять, припаивать».

** *Гондатти*. Указ. соч. С. 65.

этим представлениям христианскому учению, оставившему у них некоторые, хотя и слабые, следы.

Что касается жизни души, или тени, после отделения от тела, то она, несмотря на разницу мест нахождения, почти везде одна и та же. По верованиям иртышских остяков, тени умерших людей и медведей по высоким — в 100—300 ступеней — лестницам или по свешивающейся сверху железной цепи поднимаются на небо. Их новую родину — небесное царство — они представляли себе так же, как и земное, только природу там они видели куда более роскошной: леса очень богаты дичью, а водоемы кишат рыбой. Обитатели тех мест должны быть избавлены ото всех бед и несчастий, которые выносят люди во время своей земной жизни. Так, их не мучает ни голод, ни болезни, и они освобождены от любых сборов и военной службы. В этих благословенных местах тени ведут тот же образ жизни, что и на земле: рыбаки и там забрасывают свои сети, а охотник прочесывает дремучий лес, а потому им годятся снасти, ножи, весла, положенные их родственниками в могилу. В целом души и во всем остальном похожи на людей, только что тела у них нет: они также испытывают голод и жажду, об утолении которых должны позаботиться родственники умерших; подобно людям, они могут чувствовать, испытывать радость и горе, смеяться и плакать, наконец, они могут говорить. Так, в героической песне о князе *Soŋ-xuś* находим следующий милый эпизод. Умерший еще ребенком сын героя однажды в образе тени посетил дом своей матери. Едва он, терзаемый голодом, положил в рот кусочек приготовленной для него пищи, как услышал рыдания и заметил в комнате свою мать, грустившую о нем. Растроганная этой картиной тень мальчика начала горько плакать, а кусок, который он положил в рот, остался «как твердый ком торчать у него посреди горла».

Как видно из этого эпизода, тень иногда покидает свое небесное прибежище и спускается на землю, чтобы навесить тех, кого любит. В другой героической песне человек еще при жизни известил о таком визите своей тени. В ней рассказывается, что два молодых человека оплакивают своих убитых отцов и решают отомстить за их смерть. Чтобы дать единственному оставшемуся в живых родственнику —

их дяде — знать об исходе похода, который они хотели предпринять, племянники обозначили два срока, когда смогут вернуться. Далее говорится: «Если мы не придем, то, когда листья деревьев упадут на смертную, кожистую и шершавую землю*, жди наши тени (души) с руками и ногами».

Чаще всего тени общаются с землей сразу после отделения от тела, как будто им тяжело расставаться с земной жизнью и любимыми людьми. Однако со временем, когда они приживаются в потустороннем царстве, они реже показываются на земле, и через год, максимум два, когда люди забудут умерших, в тенях угасает чувство, тянувшее их на землю.

Потому родственники умерших устраивают званые обеды для их теней сначала часто, а постепенно все реже: в день смерти, 9 дней спустя, на 16-й день, затем спустя 36 дней, через полгода и через год. Эти сроки они, без сомнения, заимствовали у русской церкви, причем лишь некоторые были немного изменены: так, между определенными остяцкими и русскими сроками есть разница в четыре дня. Чтобы не пропустить названные дни, под подушку умершего обычно кладут палочку, на которой каждый день делают новую зарубку. Число зарубок показывает число дней, прошедших со дня смерти. Эти званые обеды не имеют значения русских «поминок», под которыми понимают праздник поминовения умершего, они устраиваются как раз для освежения тени. В названные дни ранним утром в комнате, где покойный испустил дух, стол накрывают различными блюдами, которые приносят родственники. Достают вещи и подушку умершего и кладут на середину кровати, и к этим предметам поворачивают ручки ложек в чашках, чтобы облегчить тени, всегда пребывающей на месте, где она обычно была в своей земной жизни, прием пищи. Вечером того же дня, когда, по мнению остяков, тень достаточно насытилась, сами скорбящие садятся за стол.

В прежние героические времена остяки не знали таких определенных дней, когда ожидали визит тени, и должны были обращаться к колдовскому искусству, в котором в то время были сведущи многие женщины. С помощью «свет-

* Поросшая лесом земля сравнивается здесь со шкурой.

лого, освященного богом дерева» (tonx jâ nxem sanka jux) в одной из моих героических песен рабыня предсказывает появление духа. Вскоре после этого на нее напала сильная зевота как символ того, что тень вошла в комнату. В общем, и собаки могли узнать о приближении духа (они по запаху чувят человека и зверей) и возвестить об этом ужасным воем и лаем. Насколько они любили человека при жизни, настолько же чужда им его тень, и они с яростью бросаются на чудесного гостя и хотели бы его как чужака схватить за икру. Но они не могут причинить никакого вреда бестелесному духу: холод, исходящий от него, скоро сбивает их с толку так же, как «горсть замороженной рябины, брошенная на пол».

Тень (îs) может и в течение жизни на некоторое время покинуть свою телесную оболочку, например, в бессознательном состоянии или в глубоком сне. В одной из наших героических песен рассказывается, что героя Xû sasîltem tav-tancem jûtmaŋ ûrt во время схватки рукояткой меча ударили по голове, и он потерял сознание, в это время тень его поднялась на небеса и через некоторое время вернулась обратно, потому что тени его убитых братьев сказали ей, что его время еще не пришло. Это путешествие на небеса описывается упомянутым героем следующим образом: «Я шел по усыпанному листочками и травой узкому пути; начал подниматься по высокой лестнице в 300 ступеней. Так я карабкался (все время вперед). Когда до неба оставалось только три ступени, ко мне навстречу вышли три красноногие белки. «Старший брат, куда ты идешь?» — «К вам иду я!» — «Наша речь такова: мы едим наш обед с человеческой кровью и пьем воду с человеческой кровью. Возвращайся назад!». Я повернулся, спустился и пришел на землю. Узким, усыпанным листочками и травой путем я пришел назад, сел в свои нарты и проснулся».

В одном из героических сказаний кто-то молит бога, чтобы тот вернул ему тень его только что убитого дяди. По своей милости бог исполнил эту просьбу, и тень умершего спустилась с неба и оживила тело.

Как мы знаем из предыдущего, тень умершего имеет вид человека, но по усмотрению или по приказу всемогущего может принимать вид зверей, птиц и расте-

ний. Так, в упомянутом сказании тени трех братьев Хй *sasıltem tav-tancem jütmañ ûrt*²³ появляются как красноногие белки. В героической былине о князе *Sõñ-xus* его умирающий сын выступает в различных образах. Сначала он по приказу *Pairâxta* превращается в красный чертополох; когда олениха съедает его, он переселился в одного из трех ее телят, которых она родила. Этот олененок вырос и был убит охотниками; пока он лежал в лодке, к той же реке за водой пришла девушка и похитила сердце и язык. Придя домой, она сварила их, поела сама и угостила женщину. Пища скаталась в клубок в их желудках, как «клубок из золотого шелка», и через десять месяцев девушка родила одного, а женщина двух сыновей, которые выросли и стали героями. Так тень сына героя, когда спустилась на землю, принимала по очереди вид растения, оленя и, наконец, снова человека. Короче говоря, мы видим здесь действительное переселение души, хотя и не можем, как в буддийском учении, например, предположить постепенное избавление от грехов и совершенствования как цели его.

Из того же сказания и некоторых других мы видим также, что, по мнению древних остяков, тень кроется в сердце и, возможно, также в языке и печени, и что она может перейти в тело тех, кто съел эти части. Из подобного представления происходит обычай древних угров Сибири (остяков и вогулов) съесть сердце и печень убитого врага*; благодаря этому как их жизненная сила, так и мощь и мужество переходили в победителей. Далее заслуживает признания то, что тень может делиться, а затем снова объединяться в целое. Потому что в часто упоминавшемся сказании олениха принесла на свет трех телят, в одного из которых, похоже, перешла одна из главных частей тени. Съев немного от сердца и языка этого животного, обе женщины родили трех сыновей, трех братьев. Так что тень сына богатыря жила в трех людях. Точно так же обычно несколько мужчин ели сердце врага и каждый приобретал часть его тени.

* См. мое сочинение: Тип остяцкого богатыря. 1891. С. 66 и послед. (Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. II. Тюмень. 1999. С. 83 и послед.).

Некоторые намеки в остяцкой поэзии, похоже, указывают на то представление, что тень оскальпированного человека умирает совсем. Поэтому, возможно, и герои были озабочены тем, чтобы защитить от врагов кожу своей головы и, наоборот, снять кожу последних: обладание скальпами прославляло. В одном героическом сказании герой, предпринимая поход со своим братом в вражеский стан, опечален слабой надеждой увидеть снова свой родной город. Он говорит: «Удастся ли нам, устремляющимся к плодородным источникам чужих земель и богатым рыбой водоемам чужих земель мужчинам, вернуться с нашими прекрасными головами, украшенными косами, домой или нет? Или наделенные руками тени нас, наделенных руками мужчин, и наделенные ногами тени нас, наделенных ногами мужчин, придут в наш Та пар-город *Jâvetta-kêtre-xui*? Или переливающаяся кожа нашей головы где-то будет оскальпирована сыновьями какого-то человека?». Последняя фраза, кажется, означает, что в этом случае даже их тени не могут вернуться на родину.

Прямого ответа на вопрос, считались ли тени у остяков бессмертными или нет, мы не находим ни в одном из известных нам текстов, но следует предположить, что они рассматривались как смертные. О судьбе тени Гондатти (Указ. соч. С. 65) сообщает следующее: «Там (в преисподней) она живет столько, сколько жил человек на земле... затем тень постепенно становится меньше, достигает размеров (водяного)[?] жука *ker xomlax* (по данным других, она в него превращается) и, наконец, совсем исчезает». Лишь тени некоторых героев (см. выше), живыми попав на небеса, обладают, похоже, вечной жизнью, потому что приняли образ добрых духов, которые вообще бессмертны.

Преисподняя, выступающая царством теней северных остяков и вогулов, известна и иртышским остякам. В противоположность земному — светлому верхнему миру (*sanka-tûrum, tûrum-sanka*)* *nûm turum* называется «преисподней» (*it turum*), или *pêtlim êmder* — «темное озеро», возможно, последнее только часть преисподней. Преисподняя, по их

* Также *xanda jagij sankatûrum* — «светлый мир остяцкого народа».

мнению, устроена точно так же, как и верхний мир, только что там все мрачнее и печальнее, почему и у попавших туда вскоре наступает тоска по «человеческим водоемам верхнего мира»*. Людей там, внизу, нет, только ку́ле живут в воде, в лесах — *mênke*. Вход образует пещера на поверхности земли. Из жителей верхнего мира только сильные герои посещают это печальное царство во времена своих походов против названных врагов рода человеческого.

Только когда героический эпос остяков и родственных им народов будет изучен лучше, чем сейчас, мы сможем рассчитывать на более точное знание представлений, которые они составили себе о потусторонней жизни, потому что те лучше всего сохранились в поэтических произведениях. Кое-что об этом можно также найти в произведениях Кастрена, Новицкого, Гондатти и др., и совсем свежие ценные сведения, касающиеся северных остяков, у господ Бартенева** и Рослякова***, которые провели на севере Сибири три года. Что касается сообщений обрусевших наполовину христиан-остяков по этому вопросу, то их нельзя оценивать высоко, так как они большей частью незначительны и рождены фантазией отдельных лиц. Частично в этом свете нужно рассматривать и то, что, по данным остяков, сообщает о потусторонней жизни Поляков****.

Прозвища. Все иртышские остяки крестятся по христиански, по ритуалу греческой церкви, и крещение не имеет ничего оригинального. Только из-за рассредоточенности деревень и больших расстояний между ними поп не всегда в состоянии совершить обряд вовремя, и дети часто остаются некрещеными до восьми месяцев, а то и до года.

Кроме христианских имен, большинство из менее обрусевших остяков имеет еще и особые прозвища, которые среди них практически используются чаще, чем собственные имена. Особое значение эти прозвища имели среди прежних уроженцев северо-запада Сибири, так как в то время здесь не было никаких христианских имен, и не только люди, но и звери, реки и даже предметы отличались друг

* *Nùm-tûrum xujaŋ jink*.

** Жив. старина. 1895. Вып. III—IV. С. 487—492.

*** Ежегодн. Тобольск. губ. музея. 1895. Вып. V.

**** *Поляков*. Путешествие в долину р. Оби. С. 64 и послед.

от друга благодаря таким прозвищам. Они присваивались лицу или вещи, обычно на основе выдающегося качества, а людям также вследствие примечательного поступка. Многие из них непонятны для нас, да и для сегодняшних остяков, потому что неизвестно их происхождение. Это присвоение имен раньше не сопровождалось никакими церемониями и не ограничивалось, как сейчас, определенным возрастом, а именно детским, но могло произойти на протяжении всей жизни. Так, сказочный герой *Poi lipetta tamplat-xui, poi lipetta kaplat-xui* — «Подобно осиновому листу верткий муж, подобно осиновому листу беспокойный муж» получил свое прозвище, едва выйдя из мальчишеского возраста. В сказке № 1 рассказывается, что у него до той поры не было имени, и он обратился с мольбой к своей бабушке. Та выполнила его просьбу и сравнила его из-за непостоянной и живой природы с листком осины.

Другой герой, звавшийся *Xû sasiltem tav-tancem jütmañ ûrt* — «Долго сушеное конское бедро раздробивший богатырь», получил свое прозвище, когда уже был мужчиной, полным сил. Это произошло при следующих обстоятельствах: в одном княжеском доме собравшиеся герои устроили соревнование, кто из них способен переломить на своем колене высохшую лошадиную ногу. Когда большинство понапрасну истратило свои силы, герой «свирепых рук и ног суставами» схватил лошадиную ногу и тут же разломил ее своими руками на семь кусков, не кладя на колено. «Благодаря этому, носящий имя герой получил свое прекрасное прозвище», — говорит песня, из которой мы заимствовали этот эпизод. Его братья получили свои имена за их вооружение: один звался *Nilek tui kûvlanj têt âtta urt* — «Звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь», другой — *Pus teipe na rep tonx* — «Богатырь с остроконечным мечом» и т.д.

Рабы имели прозвища, указывавшие на их занятия: один, например, звался *Anet ôtiñ âttada xui, soñnet ôtiñ âttada xui* — «Муж, несущий край блюда и край туеса», потому что его главной обязанностью было обслуживание стола. Лица, ничем не отличавшиеся от себе подобных, имели, как правило, общеупотребительное имя, например, почти все девушки-рабыни звались *Xôt vêr-kürdem* (или *vêrantem*) *ort nêñ ima* — «Работающая в доме девушка-рабыня». Очень

употребительным эпитетом остяцкой княжеской дочери был *Jintpet katterm tui tei vërmaŋ nai* — «Держащая иголку, работающая кончиками пальцев дева»; также *Môrda-miğ-xoi sorni-sêm xuŋmaŋ nai* — «Златоглазая бровастая дочь мужа полуденной страны», хотя, само собой разумеется, одна или другая могла носить и особое прозвище. В качестве примера прозвищ животных упомянем таковое для оленя: *Sot mox ômdem vur-xonop neŋ* — «Родившая сто детенышей голобрюхая самка».

Как сказано, реки и многие безжизненные предметы, кроме обычных обозначений, имеют и постоянные эпитеты, под которыми они большей частью известны в поэзии. Река Обь (As) имеет следующее прозвище: *Sat (Sit) keu pidem keviŋ As* — «перекатывающая камешки гравия каменная Обь», или *Sat keu pidem têri As* — «усеянная мелкой галькой чистая Обь». Полное прозвище Иртыша (*Taŋát t*): *Tantij Taŋát nouva jink* — «богатый пищей Иртыш, белая (мутная) вода» и т.д. Из эпитетов предметов упомянем аналогичный кольчуги (*tâgár, tâxr*): *tît ôtтетай têt* — «продлевающая жизнь одежда», *âr-miğ tâgat pêtmaŋ tet* — «страх внушающая кольчуга из полотна многих земель» и т.д. Подобные прозвища людей, животных и вещей присущи и народной поэзии других народов урало-алтайской и индогерманской группы. Из первой назовем вогулов, самоедов и татар*, из последней — русских** и древних персов***. Повод для подобных прозвищ среди сегодняшних остяков часто следует искать во внешности или привычках ребенка или взрослого. Некоторые дети получают свои прозвища благодаря первому попавшемуся человеку, которого ро-

* В одной из приведенных Кастреном самоедских легенд герои зовутся: *Waije Tjilje Hâbt* — «Олень с коротким рогом», *Jêse Njt Sjaduta* — «Железный пояс с лицом» и т.д. (Путев. зам. за 1845—49 гг. С. 179 и послед.). В татарской встречаем следующие имена коней: *Ai-kar*, *at alten tüktü* — «Лунно-черный, златовласый конь», и *Us kulag ag oi at alten tüktü* — «Златовласый бело-голубой конь с тремя ушками» и т.д. (Кастрен. Этнолог. лекц. С. 181 и далее).

** В русских сказках встречаем героев и героинь со следующими прозвищами: «Василиса — золотая коса, непокрытая краса», «Буря-богатырь, Иван — коровий сын», «Баба-яга, костяная нога». Коней иногда называют «Сивка-бурка, вещая каурка» и т.д.

*** Три сына Феридуна получили свои имена перед свадьбой с дочерьми короля Йемена, которые в то же время получили свои. Феридун руководствовался при этом в первом случае — характером своих сыновей,

дители встретили во время рождения или вскоре после него, или благодаря какому-нибудь предмету, попавшемуся им на глаза в то же время. Так, в одной из юрт М.-Кондинской волости мальчика назвали Махмудка, потому что татарин, носивший это имя, был в тот день первым гостем в доме, а девочка получила прозвище Pûsa потому, что ее ближайшие родственники в это время по случаю готовили пиво.

Если у остяка умирают дети, то он при выборе прозвища для новорожденного предпочитает названия вредных и назойливых животных, а также бесполезных предметов всем остальным, потому что считает, что дети в этом случае будут жить дольше, как говорит об этом и немецкая поговорка: «Сорняки не исчезают». Так, они, например, называют ребенка «мясная мука», или кладут ему на 1—2 часа мусор на голову и называют его *tâpir* — «мусор»*.

Иногда такое прозвище возникает в результате искажения христианского имени, так, например, крепкого остяка из Байкалинских юрт называли Прокоп (Прокопий), хотя он звался Кор-ига (ига — «мужчина, старик»), Спиридон — Pîrka, Иван — Еранка, Евдоксия (Авдотья) — Avda и т.д. Причиной, почему остяки еще и сегодня придерживаются прозвищ, является то, что, по их мнению, лица, имеющие два имени, должны жить дольше, чем те, кто носит только одно**.

Здесь следует упомянуть еще, что собаки у иртышских остяков носят имена диких животных, например, sos-xoi — «самец-горностай» и sos-nêŋ — «самка-горностай», в зави-

а во втором — внешностью и нравом снох (*Le livre des rois par Firdousi, trad. par J. Mohl. I. С. 105 и послед.*). Герой Sam получил свое прозвище после того, как победил дракона. Так как он разбил ему голову ударом своей дубинки, то его назвали «Сам, который бьет только один раз» (Там же. С. 245).

* Подобный обычай существует в Индии: «Девочкам-хинди дают имя различных богинь: Лакиима, Ханса и т.д., кроме того, каждый ребенок имеет свое астрологическое имя. Если дети, рожденные ранее, умерли, то новорожденных называют именами, вызывающими сочувствие: Стрдание, Печаль и т.п. в надежде с их помощью настроить смерть сочувственно, если она придет». (А. Молчанов. Женщина в Индии// Истор. вестн. 1889. С. 479. Имя Лакиимы представлено искаженно (Лакшпи).

** Об именах и прозвищах остяков восточной ветви см.: Томские епарх. вedom. 1890. № 9. С. 23.

симости от пола собаки, *vaxsát* — «лиса», *vogos* — «соболь» и т.д.

При даче клятвы (*rut, šar*) древние остяки имели обычай целовать нос щуки и тлеющую щепку, возможно, как знак того, что вода и огонь уничтожили бы нарушителя клятвы. Кроме того, существовал раньше и есть еще и сейчас среди них обычай призывать при клятве в свидетели медведя — представителя справедливости на земле. Дающий клятву целует морду медвежьей шкуры или режет ее ножом, говоря при этом следующие слова: «*jêmij-vôina sâptem togui manimâsa*» — «чтоб мою шею разорвал священный медведь», — в случае нарушения клятвы. Также слова «*osniga sêmata!*» — «перед глазами медведя» — являются крепкой клятвой, которую не решится нарушить ни один остяк или вогул. Медведь строго следит за тем, чтобы клятва, принесенная с призывом его имени, не нарушалась, и наказывает клятвopреступника. От этого наказания не может уйти никто, куда бы он ни обращался, потому что не только живое существо, но и силы природы: огонь, вода, ветер — в этом случае вступили бы в заговор против него: в лесу он бы стал жертвой диких зверей, во время поездки утонул бы или заблудился, дома ему грозят огонь и болезни. Названная клятва намного крепче, чем возникающая, возможно, под влиянием христианства: *Tûrum sêmat!* — «перед очами господ», соответствующая приблизительно немецкому «*Bei Gott*» и русскому «ей-богу», которую, как они считают, можно нарушить без особого вреда для себя.

Бюджет остяцкой семьи среднего достатка**Члены семьи**

Василий Яковлевич Каскин, хозяин дома, остяк из Цингалинских юрт Нарымской волости (Тоб. окр.). Ему 48 лет, у него есть жена и сын 15 лет.

Земельные владения

Кроме земельных угодий на Иртыше и его притоках, богатых лугами и лесами, которыми он может пользоваться как платящий член Цингалинской общины, Каскин владеет вместе с тремя другими семьями участком земли, омываемым рекой Вочков, впадающей в Калмадаевское озеро. Земля эта богата болотами и лесами, но наибольшую ценность представляет собой богатая рыбой река.

Рядом с домом Каскин огородил небольшой участок, где он ежегодно сажает 2—4 четверика картофеля и собирает в среднем 12—14 четвериков.

Строения

Дом построен из балок и имеет две комнаты, которые связывает коридор; рядом находится небольшая кладовая. Скотный двор расположен на некотором расстоянии от дома и состоит из ограды, в которой есть два небольших сарая для коров и овец. Лошади свободно бегают по двору. Все постройки сделаны из дерева и имеют стоимость около 80 руб. При страховании дом был оценен в 40 рублей, скотный двор — в 8 рублей, а сараи — в 6 рублей, т.е. все строения вместе в 54 рубля.

Скот

4 лошади по 15—20 р.....	60—80 р.
1 жеребенок.....	5 р.
4 коровы по Юр.....	40 р.
2 телки по 6 р.....	12 р.
2 овцы по 1½ р.....	3 р.

Итого 120—140 р.**Доходы****1. От рыбной ловли:**

- а) весенний лов сетями: 200 шт. плотвы (*Cyprinus rutilus*) и пара десятков щуки — 8 р.;
 б) летний лов неводом. У него в этом две доли (своя и сына), каждая стоимостью примерно в 30 р. — 60 р.;
 в) зимний лов карасей неводом (2 доли) — 20 р.;
 г) лов в реке Вочков вершой, которых у него 12. Доход около 50 р.

Итого — 138 руб.

2. От охоты: он забивает несколько десятков белки, зайца, куропатки и утки, часть их продает приблизительно за 5 рублей.

3. От разведения скота: молодой бык или корова (молоко и масло расходуется дома) — 8 руб.

4. От сбора ягод: он собирает 10 пудов брусники по 1 р. — 10 р.

5. От сдачи земли в аренду: он отдает реку, которой владеет, в аренду 7 человекам (по 1 р.) — 7 р.

Средняя сумма доходов — 168 рублей.**РАСХОДЫ**

85 пудов ржаной муки по 75 к. (сред. цена) — 63 р. 75 к.

1½ пуда перловой крупы по 1 р. 30 к. — 1 р. 95 к.

3 пуда мяса по 1 р. 20 к. — 3 р. 60 к.

10 плиток чая по 1 р. 50 к. — 15 р.

2 ведра (ведро) водки по 7 р. — 14 р.

4 пуда соли по 40 к. — 1 р. 60 к.

12 фунтов сальных свечей по 18 к. — 2 р. 16 к.

5 фунтов мыла по 12 к. — 60 к.

1 $\frac{1}{2}$ Фунта табака на месяц по 30 к. — 5 р. 40 к.
 20 сажений плотной нити для сетей по 15 к. — 3 р.
 60 сажений плотной нити для сетей по 5 к. — 3 р.
 1 пуд липового лыка — 50 к.
 1 пуд пеньки — 4 р.
 1 ведро смолы для лодки — 60 к.
 1 $\frac{1}{2}$ ведра дегтя — 50 к.
 5 циновок для нарт по 12 к. — 60 к.
 посуда — 1р. 80 к.
Итого — 122 р. 06 к.

Одежда

1 полушубок (6 р.) на 4 года — 1 р. 50 к.
 1 меховая шапка (80 к.) на 4 года — 20 к.
 1 оленья или собачья шуба (гусь, 6 р.) на 6 лет — 1 р.
 1 шабур, легкое пальто из пеньки и шерсти (1р. 50 к.), на 2 года — 75 к.
 2 рубашки по 50 к. — 1 р.
 2 брюк из льна по 50 к. — 1 р.
 1 $\frac{1}{2}$ кожи для обуви (бродни) — 3 р. 25 к.
 1 пара валенок (1 $\frac{1}{2}$ р.) на 2 года — 75 к.
 кожаные рукавицы (50 к.) на 2 года — 25 к.
 шерстяные рукавицы (50 к.) на 2 года — 25 к.
 одежда и обувь для сына — 8 р.,
 для жены* — 7 р.
Итого — 24 р. 95 к.

Сборы с одной взрослой рабочей души:

окладной и губернский сборы — 2 р. 87 к.
 волостные повинности — 90 к.
 страховые сборы — 50 к.
 сборы с одного полуработника — 1 р.
Итого — 5 р. 27 к.

Непредвиденные расходы около 12 р.

Общая сумма расходов — 164 р. 28 к.

Превосходство доходов над расходами: 168 р. — 164 р. 28 к. = 3 р. 72 к.

Долги

1. За муку авансом из зернохранилища — 9 р. 43 к.
 2. Торгующему крестьянину Толстых — 30 р.
 3. Торгующему крестьянину Воронцову — 25 р.
Итого — 64 р. 43 к.

С торгующими крестьянами, у которых он берет товары в кредит, он рассчитывается осенью каждого года, и если улов был удачным, он оплачивает им или весь долг, или большую часть его.

В этом году (1887) Каскин, как и почти все его соседи, потерял значительную часть добытой рыбы (около 20—25 р.) вследствие сильной бури, полностью засыпавшей снегом рыбные склады.

* Одежда жены состоит из двух ситцевых платьев, двух платков, один из которых из ситца, а другой из сукна, и двух пар обуви. На выход она надевает подбитую ватой кофту, а если ей предстоит дальняя дорога, она оборачивается старой шубой мужа, реже женщины имеют собственные шубы из белки или зайца. Часть полотна готовят дома из крапивы, из него делают белье. Праздничные платья составляют часть их приданого.

Тамги темлячевских остяков XVII столетия

Эти тамги* служили подписью не умеющим писать остякам при заключении актов о продаже земли. Писари указывали рядом с ними имена людей, которым они принадлежали.

А. Тамги остяков Шапшинских юрт (Темл. в.) 1687 года

1. Тамга Волимовых (лук).
2. Тамга Алешкиных (солнце).
3. Тамга Ноймовых (ловушка).
4. Тамга Пирченых (лошадь).

В. Тамги остяков Майковских и Апринских юрт (Темл. в.) 1687 года

5. Тамга Кубековых (солнце).
6. Тамга Лопаревых (угольные щипцы).
7. Тамга Чердимовых (лук).
8. Тамга Переломковых (лук и стрела с двумя наконечниками).

* Публикуются в уменьшенном виде.

Остяцкое население Тобольского округа

I. Туртасская волость (на Иртыше) (ОСТ.: Turtas-mir).

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим подсчетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Туртасск.	50	37	87	33	23	56	23	21	44	24	20	44
2 Уватские	33	29	62	26	21	47	15	18	33	13	10	23
3 Алымские	14	19	33	15	14	29	14	15	29	11	9	20
В целом	97	85	182	74	58	132	52	54	106	48	39	87

II. Назымская волость (на Иртыше) (Nasym-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим подсчетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Кошелевские	25	13	38	18	25	43	19	20	39	9	13	22
2 Буренские	62	65	127	45	43	88	28	37	65	6	8	14
3 Солянские (раньше Магучаков.)	27	26	53	18	23	41	13	10	23	25	25	50
4 Варлымовские	27	13	40	38	42	80	33	33	66	9	9	18
5 Лебаутские (раньше Назымск.)	39	21	60	25	27	52	15	18	33	18	15	33
В целом	180	138	318	144	160	304	108	118	226	(76 124)	(76 115)	(152) 239

III. Верхне-Демьянская волость (на Демьянке)
(Num-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим под- счетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Коринские	4	4	8	1	2	3	—	—	—	—	—	—
2 Романовские	32	29	61	20	24	44	7	5	12	7	9	16
3 Карабашевские	30	18	48	15	11	26	8	2	10	—	—	—
4 Потыревские	3	2	5	2	4	6	4	2	6	6	4	10
Г 5 Мерхушинские	20	19	39	21	17	38	21	17	38	6	9	15
6 Соровские (по X ревизии)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6	8
7 Урманские	4	4	8	2	3	5	1	—	1	—	—	—
8 Лымкоевские	22	11	33	14	15	29	6	4	10	6	6	12
9 Черемкоевские (с III рев.)	8	8	16	9	8	17	3	3	6	1	2	3
10 Саргатские	32	29	61	8	12	20	5	4	9	1	3	4
11 Янышковские (с V рев.)	—	—	—	12	12	24	10	9	19	3	2	5
12 Цингинские	14	9	23	14	15	29	15	14	29	13	11	24
13 Ескинские (Пагилские)	9	9	18	14	13	27	10	11	21	12	6	18
14 Тайлаковские	—	—	—	8	5	13	4	3	7	—	—	—
15 Кокуевские	11	11	22	14	18	32	6	11	17	3	5	8
16 Мурзинские	28	23	51	14	16	30	13	15	28	18	12	30
17 Барютинские	—	—	—	1	2	3	1	2	3	2	1	3
В целом	217	176	393	169	177	346	114	102	216	80	76	156

IV. Тарханская* волость (на Иртыше [1—8] и на Салыме [9—15]) (vo3-itpa-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим подсчетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Денщиковские	11	9	20	14	10	24	6	8	14	12	10	22
2 Филинские	41	39	80	36	40	76	27	23	50	22	15	37
3 Цингалинские (Voġ-itpa-pûgot)	61	74	135	88	87	175	56	55	111	51	66	117
4 Сотниковские	39	29	68	12	19	31	16	15	31	46	47	93
5 Саргатские	-	-	-	54	53	107	35	41	76	29	20	49
6 Заводинские (р. Колпуховские)	25	39	64	42	40	82	30	31	61	40	38	78
7 Репаловские	8	7	15	5	5	10	8	4	12	35	33	68
8 Тюлинские (šogr-oŋ-pûgot)	27	26	53	23	32	55	17	19	36	11	10	21
9 Алабердинские I				10	17	27	8	6	14	4	3	7
10 Байманковские (Āi-Sô dom-pûgot)				28	24	52	31	24	55	2	2	4
11 Вагликовские (Vaglik-pûgot)				6	5	11	3	3	6	23	25	48
12 Соровские (Tôr-pûgot)	95	92	187	10	12	22	16	12	28	11	11	22
13 Кондызовские (Toxt-jega-pûgot)				11	18	29	13	12	25	13	11	24
14 Тишиковские (Jem-pûgot)				13	15	28	13	8	21	7	9	16
15 Айдаровские				10	10	20	5	7	12		2	2
В целом	307	315	622	362	387	749	284	268	552	(306)	302	(608)

* Составляют теперь с Нарымскими Нарымскую волость.

V. Нарымская волость (на Иртыше) (Тарар-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим под- счетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Коринские	34	33	67	27	27	54	9	13	22	6	7	13
2 Субботинские	16	19	35	10	20	30	3	9	12	-	-	-
3 Ячинские	25	31	56	27	25	52	20	22	42	10	9	19
4 Цингалинские*	44	37	81	33	45	78	28	26	54	-	-	-
5 Семейские (Юз-оу-р.)	16	28	44	22	20	42	13	18	31	13	11	24
6 Сотниковские*	22	25	47	43	39	82	33	34	67	-	-	-
7 Заводинские (р. Колпуховские)*	19	16	35	25	26	51	18	22	40	-	-	-
8 Репаловские	27	17	44	35	30	65	24	24	48	-	-	-
9 Салымские	3	2	5	2	3	5	-	-	-	-	-	-
В целом	206	208	414	224	235	459	148	168	316	(29 335)	27 329	(56 664)

VI. Меныпе-Кондинская волость (на Конде) (Хунда-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим под- счетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1 Болчаровские (Êne-jega-p.)	53	60	113	39	53	92	33	43	76	8	11	19
										IV агатекские Болчаровские		
										19	25	44
2 Чесноковские (Sanxim-ô-tij-p.)	15	10	25	19	23	42	24	22	46	17	18	35
3 Шемлинские	2	4	6	6	4	10		1	1			
4 Нюркоевские (р. Нер- гинские) (Pit-pou-p.)	2	7	9	10	8	18	25	27	52	34	32	66
5 Челикановские (Tonx-xot-p)	10	15	25	23	18	41	14	18	32	23	11	34

* См. Тарханскую волость.

VI. М.-Кондинская волость (продолжение)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим подсчетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.	м.	ж.	об.п.
6 Пуштинские	57	44	101	50	55	105	86	77	163	Зимние Г ₁ ушт. (teda-pûgot) 28 27 55		
7 Шумиловские (Tunk-jega-p.)	34	26	60	44	50	94	59	52	111	Летние Пушт. (tâv-pûgot) Pigden=p. 63 60 123		
8 Емальдинские	11	6	17	1	3	4	5	4	9	-	-	-
9 Ермаковские (Топх-xôt-p.)	6	4	10	4	2	6	5	2	7	9	10	19
10 Киндалинские	8	6	14	15	20	35	25	25	51	Есаульские (Емалд и Киндал) Pigden=p. 24 23 47		
11 Шауровские	2	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12 Умынские (Камовские)(Каміп-p.)	29	24	53	39	36	75	27	35	62	34	32	66
13 Алтаевские (Mênket-pûgot)	15	16	31	14	18	32	11	16	27	3	3	6
14 Красноярские (Хатхол-pûgot)	18	21	39	34	46	80	54	62	116	75	84	159
15 Яркинские	6	8	14	6	12	8	-	1	1	-	-	-
16 Байбалинские (Voibet-pûgot)	23	21	44	20	28	48	23	31	54	Келъзинские (Lôx-pûgot) 15 14 29		
17 Сиглинские (р. Кумышевские) (Mort-oл-p.)	8	10	18	15	14	29	13	17	30	Байбалинские 9 10 19		
18 Богдановские (Jega-lôx-p.)	13	10	23	13	16	29	14	19	33	17	18	35
В целом	312	293	605	352	406	758	418	453	871	446	450	896
19 Дальне-Согомские (с 60-х годов входят в М.-Конд. Тоб. окр.)	27	21	48	31	30	61	31	28	59	36	37	73
В целом	339	314	653	383	436	819	449	481	930	482	487	969

VII. Темлячевская волость (на Оби и Иртыше)
(Terek-mir)

Названия юрт	По IV ревизии в 1781 г.			По VII ревизии в 1816 г.			По X ревизии в 1858 г.			По моим подсчетам в 1887/8 гг.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об.п	м.	ж.	об.п
1 Шапшинские (Savşim-pugot)	29	20	49	21	20	41	27	21	48	11	14	25
2 Козаревские (Kosaf-p.)	12	5	17	7	4	11	6	9	15	5	5	10
3 Ельковские (Elkou-p.)	2	1	3	2	3	5	3	3	6	3	2	5
4 Алекинские (Lukit-p.)	14	10	24	9	6	15	17	17	34	16	12	28
5 Чебыковские (Şebik-p.)	13	7	20	14	12	26	16	18	34	16	16	32
6 Апринские (Jogin-p.)	31	24	55	32	27	59	11	15	26	6	6	12
7 Ахтоминские (Нялинские)	4	2	6	9	3	12	19	15	34	21	23	44
8 Нейпинские*	6	5	11	8	5	13	11	5	16	7	3	10
9 Чучелинские (Mösom-p.)	21	18	39	10	11	21	16	11	27	27	23	50
10 Кышиковские	9	10	19	7	5	12	12	11	23	14	7	21
11 Иванушковские	15	16	31	6	6	12	1	2	3	-	-	-
12 Кузнецовские*	15	10	25	14	19	33	9	14	23	9	12	21
13 Больше-Вершинские юрты (Большие юрты) (Sörtin-p.)	23	27	50	18	15	33	15	19	34	14	12	26
14 Базьяновские (Basian-p., Сулма-p.)	15	16	31	21	20	41	38	35	73	56	45	101
В целом	209	171	380	178	156	334	201	195	396	212	192	404
15 Чагинские или Согомские (с X ревизии вход. в Самар. в. Тоб. окр.) (Sögom-jax-p.)	67	75	142	91	79	170	63	60	123	49	46	95
В целом	276	246	522	269	235	504	264	255	519	261	238	499
Во всем округе	1622	1482	3104	1625	1688	3313	1419	1446	2865	1282	1245	2527

* Няйпинские и Кузнецовские юрты в настоящее время образуют одну деревню под названием «Ташкинские юрты» (Tonxlon-pugot).

Часть II
Остяцкие тексты
в переводе на русский
и объяснения к ним

Раздел I **О народной поэзии иртышских остяков**

Введение **Об изучении языка и поэзии остяков**

Большинство ученых, посетивших Северо-Западную Азию, сделало свои экономические и этнографические наблюдения во время сравнительно коротких путешествий по этому краю, что и стало причиной того, что множество сторон духовной жизни местных уроженцев, таких как язык и поэзия, остались почти незамеченными. Ученые, избравшие их целью своих исследований, немногочисленны, и первое место среди них по достоинству принадлежит финским и венгерским исследователям, руководимым в своих предприятиях чувством патриотизма. Благодаря изучению обычаев и нравов, языка и поэзии родственных им, но находящихся на другом уровне культуры народов, они надеются прояснить многие темные стороны духовной жизни своих собственных народов, давно преодолевших стадии развития, на которых находятся сейчас остяки, вогулы и соседствующие с ними народы. К этим исследователям Севера относятся известные финнологи: М. А. Кастрен, завоевавший большую известность благодаря своим лингвистическим исследованиям, и ушедший недавно из жизни профессор Гельсингфорсского университета А. Алквист. Первый, посвятивший большую часть своей жизни исследованию многочисленных диалектов самоедов, языков тунгусов, тюрков и других алтайских народов, мог уделить лишь несколько недель угорским остякам, и, как результат этих краткосрочных исследований, появилась его опубликованная на немецком языке книга «Наброски

лингвистического исследования остяцкой грамматики с небольшим словарем» (1849*), остающаяся и сегодня единственным исследованием южных и восточных диалектов. Несмотря на несомненную внутреннюю ценность, например, прекрасное объяснение правил фонетики этого языка, данное произведение тем не менее не характеризуется богатством материала, о чем нужно упомянуть особенно в связи с сургутским диалектом. Другой недостаток, на который автор и сам обращает внимание, состоит в отсутствии языковых примеров, которые могли бы отдельные части предложения и предложений связать между собой.

С момента выхода в свет этой книги прошло уже более 40 лет, а наши знания об обоих названных диалектах не продвинулись вперед ни на шаг. Что касается третьего ведущего диалекта — северо-остяцкого, то им занимался покойный профессор Алквист, посетивший с этой целью северо-запад Сибири дважды — в 1858 и 1877** годах. Из опубликованных произведений, явившихся результатом его сибирских исследовательских путешествий, назовем интересные, но несколько популяризаторские издания, например, «Среди вогулов и остяков», в которой можно найти также некоторые сведения об угорской народной поэзии, и первую часть книги «О языке северных остяков», содержащую многочисленные тексты и сравнительно большой словарь. Грамматику упомянутого диалекта, которая должна была составить вторую часть его произведения, автору, к сожалению, не удалось опубликовать в силу большой занятости делами своей службы. Но и упомянутые его произведения имеют для нас большую ценность. Часть опубликованных во второй книге текстов, а именно сказки и песни, записаны или самим автором под диктовку местных уроженцев, или другими людьми под его руководством. Это первые образцы народной поэзии остяков, появившиеся в печати. Другую часть текстов Алквист взял из рукописи, которая находится в собрании манускриптов Императорской Академии наук Санкт-Петербурга. Они включают десять первых глав Евангелия от Матфея, 10 заповедей и Завет, пере-

* 2-е издание А. Шифнера. 1858.

** В третий раз в 1880 г. — район кондинских вогулов.

веденный давно умершим священником Вологодским из Березовского округа на северо-остяцкий. Эта вторая часть текстов не представляет для нас большого интереса, потому что она уже дважды ранее выходила в печати, а именно в 1868 г. в издании Лондонского Библейского общества и семью годами позже в трудах венгерского ученого Пауля Хунфалви.

Лингвистическими исследованиями в среде угорских народов занимались затем четыре венгерских языковеда: Антон Регули, названный уже Пауль Хунфалви, Б. Мункачи и К. Папай*. Первый посетил северо-запад Азии в 1843 году, когда ему удалось собрать богатый этнографический и лингвистический материал, большая часть которого состояла из сравнительно обширной коллекции образцов остяцкой и вогульской народной поэзии. Финнологи с нетерпением ожидали публикации этого исключительно интересного материала, который существенно пополнили бы наши знания о духовной жизни этой самой крайней ветви финно-угорского племени на востоке. К сожалению, эти ожидания не сбылись: в бумагах, оставленных Регули, не было ключа для верного понимания обширного материала, который в связи с этим попал нерасшифрованным в архив Венгерской академии наук в Будапеште. Все попытки, предпринятые учеными для расшифровки упомянутых текстов, долгое время оставались безуспешными, так как для этого были необходимы специальные начальные знания перечисленных языков. Кое-что из этих материалов использовал покойный профессор Пауль Хунфалви — автор вышедшей в свет в 1875 г. книги о северо-остяцком языке**. Основным материалом для этого произведения ему служили упомянутые выше переводы Вологодского, и главным образом им обязан своим происхождением прилагаемый к грамматике словарь. Кроме того, эта работа сопровождается подробным введением, содержащим короткий исторический обзор прежних отношений Европы с угорскими племенами и массу других интересных сведений о них. К сожалению, эта книга, как и

* Существует много финских и венгерских ученых помимо этого (Е. Доннер, Д. Европеус, Буденц, де Уйфальви и др.), занимавшихся обработкой уже опубликованных материалов.

** Az esszaki osztjak nyelv. Budapest. 1875.

многие другие, была почти недоступна для меня, потому что Венгерская академия наук все свои издания публикует на сравнительно мало известном в других европейских странах мадьярском языке.

Прошло много лет с тех пор. Никто не сумел перевести остяко-вогульские материалы Регули полностью, пока в 1888 году Венгерская академия наук не решила отправить человека в Тобольскую губернию с поручением расшифровать их на месте. Выбор пал на языковеда Бернхарда Мункачи, блестяще выполнившего свою задачу. Он провел в Пермской и Тобольской губерниях почти год, в течение которого не только расшифровал и перевел все записанные Регули вогульские языковые образцы*, но записал и многие другие. Не говоря о большом интересе, который представляют для ученого мира, в частности финнологов, публикации исследований Мункачи, мы благодаря им пополнили и наши знания языка, а также народной поэзии остяков. Общим этим североазиатским народностям, как близко родственным ветвям одного и того же рода, присуще очень похожее мировоззрение. Все, что мы узнаем о мифологии и языке, обычаях и традициях одной, тем самым пополняет наши знания о другой.

Одновременно с Мункачи Венгерской академией в ту же область был отправлен еще один молодой этнограф Карл Папай, главной задачей которого был сбор этнографических и антропологических материалов об уроженцах Западной Сибири, преимущественно остяках и вогулах. Таким образом, работы обоих венгерских ученых должны были всесторонне дополнить друг друга и существенно продвинуть исследования об угорских народах.

В наследии этого талантливого, но, к сожалению, слишком рано вырванного у науки смертью ученого были и лексические материалы, которые он записал во время своих путешествий по странам восточных финнов и которые были в 1896 году опубликованы его другом Б. Мункачи**. В этом собрании особого интереса заслуживает лексика, записанная в области

* 4 тома этих текстов с венгерским переводом недавно вышли в свет в Будапеште под названием: «Vogul nepkoltesi gyatemeny» (Собрание народной поэзии вогулов). I—IV kotet 1891—1896).

** *Dr. Papai Karoly, Dr. Munkacsi Bernat.* Deli osztjak szojegyzet. Budapest. 1896.

рек Вась-Юган, Вах и т.д., так как указанные местности до сих пор не посетил ни один профессиональный ученый.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходим к выводу, что наши сегодняшние знания о языке и народной поэзии остяков очень недостаточны. О трех главных их диалектах мы располагаем только краткими языковыми исследованиями, которые некоторым образом знакомят нас с фонетикой и склонением отдельных частей речи и несколькими, не очень обширными собраниями слов, но в нашем распоряжении нет ни одной коллекции северо-остяцких текстов. Из двух других главных диалектов — сургутского и иртышского — у нас нет ничего подобного. Целью предлагаемой книги является, по меньшей мере, частичное заполнение этого пробела.

Прежде чем я перейду к рассмотрению своеобразия остяцкой поэзии, хотелось бы сказать несколько слов об обстоятельствах, в которых осуществлялись мои исследования. Возможность подобного рода занятий предоставила мне моя поездка в Западную Сибирь, предпринятая в 1886 году по служебным делам. В течение почти трех лет, что я провел там, я был вынужден много месяцев находиться среди остяков и вогулов Тобольского округа. Но так как я не занимался раньше этнографией сибирских народов, мне ничего не было известно о существовании довольно разнообразной поэзии у жителей этой малообжитой, убогой местности. У меня не было оснований особенно обращать на нее внимание, так как Финш в своем описании немецкой экспедиции в Западную Сибирь придерживался того мнения, что у остяков почти нет народной литературы, и они в этом плане занимают ту же ступень развития, что и самоеды. Но, столкнувшись с представителями остяцкого рода и в таких местах, которые по причине сильного обрусения народа обходились этнографами и лингвистами, **выезжавшими** преимущественно после Кастрена, я скоро убедился в неверности взгляда, которого придерживался Финш.

Главная цель моей сибирской поездки состояла в исследовании экономического положения русских крестьян и местных уроженцев Тобольского и Тюменского районов, и в мою программу лингвистические исследования не были включены совсем, а этнографические лишь частично, по-

этому у меня не было возможности посвящать им много времени. Что особенно привлекло мое внимание, так это эпическая поэзия остяков. Я не владел в то время остяцким языком, поэтому большую часть героических сказаний записывал на русском и должен был следить за тем, чтобы в этом виде они не потеряли половины своего своеобразия и привлекательности. Причина была в том, что недостаточно владевшие русским языком остяки в своем переводе только передавали мне содержание какой-нибудь истории и оставляли при этом без внимания все трудно поддающиеся переводу эпитеты, фигуры и тропы, придающие поэзии народа ее особый колорит. Потому я решил на время отложить это занятие и ограничиться сбором экономических и этнографических материалов. Возможностей для этого во время моего многомесячного пребывания среди русских крестьян и местных уроженцев — обско-угорских и татарского народов у меня было предостаточно.

Когда моя задача была наполовину выполнена, я ненадолго отправился в Санкт-Петербург. Поэзия сибирских угров доставляла мне истинное удовольствие, и я познакомился с кастреновской грамматикой южно-остяцкого диалекта и с прилагаемым к ней словарем, что впоследствии значительно облегчило мои дальнейшие этнографические и филологические исследования.

Только незадолго до своего возвращения из Сибири, в декабре 1888 года, мне представилась возможность в течение двух недель полностью посвятить себя изучению остяцкого языка и народной поэзии. В этот небольшой период мне удалось записать целый ряд образцов народной поэзии остяков и перевести их на русский. Эти языковые образцы, первые подобного рода появившиеся в печати*, включали 4 сказки, 3 былины, 2 героических сказания, 3 медвежьи песни, 4 традиционные песни, гимн, молитву и 12 загадок, и предлагаются в этой книге на снисходительный суд заинтересованных читателей.

Последние дни моего пребывания в стане остяков я провел в Шумиловских юртах — расположенной в дельте реки

* «На языке южных остяков, который к тому же делится на многие диалекты, у нас нет ни листочка связной литературы» (*Б. Мункачи*. Вен. ревю. 1890. №№ V—VI. С. 372. Прим.).

Конды деревне. За час до отъезда, т.е. 24 декабря 1888 г. в 11 часов вечера, я узнал о существовании мифологической поэзии остяков. Вообще говоря, мои служебные обстоятельства позволяли остаться еще на несколько дней в этом интересном месте и, кроме упомянутых гимнов, записать и другие подобные песни, но после более чем двухмесячного путешествия по этой малообжитой местности, во время которого я мог останавливаться только в бедных и грязных хижинах местных уроженцев и страдал от плохой еды, чада, насекомых всех видов и т.д., я очень тосковал по городу, где, окруженный почти европейским комфортом, мог не только отдохнуть, но и провести большой праздник в интеллигентном обществе.

Моими учителями в проделанной работе были исключительно простые остяки, потому что на их языке, по крайней мере в Тобольском округе, не говорит ни один сколько-нибудь образованный человек. Русские крестьяне, десятилетиями живущие среди местных уроженцев, не были в этой ситуации подходящими посредниками, хотя по уровню духовного развития и превосходили их, но, как я сам убедился на месте, их язык и произношение оставляют желать лучшего на предмет наличия в нем чужих идиом. Следует заметить в этой связи, что это и было одной из причин того, почему в произведениях многих образованных путешественников сибирско-угорские слова записаны с таким количеством ошибок. Для меня это обстоятельство не имело большого значения. Местные жители указанного региона в большинстве своем были достаточно сведущие в русском языке.

Среди моих учителей были как владевшие письмом и чтением, так и безграмотные остяки, но, как выяснилось, и те, и другие подходили для упомянутой работы, последние часто переводят так же хорошо, как и первые. Мне не удалось привлечь никого из владевших письмом к записи текстов. Это обстоятельство требует пояснения: в языке остяков есть несколько звуков, не встречающихся в русском. При передаче их они пользовались по усмотрению приблизительно похожими знаками русского алфавита, поэтому подобные языковые образцы правильно могли читать только те, кто сам их записал, но если это было проделано кем-то другим, смысл их большей частью оставался непонят-

ным. Поэтому все тексты записаны моей рукой. Раньше я пользовался для этого русским алфавитом, который, благодаря изобилию знаков для различных слогов, лучше подходит для передачи остяцких звуков, чем другие, и я ввел в него лишь несколько новых букв: две из армянской письменности (*с - ի* , *г - ց*) и четыре из немецкой (*ј* , *а* , *и* , *б*), которых в языке аборигенов не доставало. Впоследствии я с большим успехом применял латинские буквы, некоторые из которых снабдил диакритическими значками.

Перевод записанных языковых образцов требовал немало усилий, потому что многие остяки, знавшие огромное количество сказок и песен, не могли выполнить эту работу. Даже у самых просвещенных из них иной раз было очень трудно получить точное значение той или другой фразы, потому что их нельзя было заставить переводить каждое слово в предложении отдельно, а меня, с другой стороны, не устраивал близкий к смыслу перевод. Чтобы достичь желаемой цели, я начал требовать от них перевод не всего предложения, а смысл каждого отдельного члена предложения, который я с основной формой рассматриваемого слова записывал на отдельный лист. Если мне было известно значение всех слов фразы, я с легкостью переводил ее на русский при помощи моих учителей. Отдельные архаизмы, заимствованные слова и поэтические выражения остались, однако, непереуведенными, потому что об их значении я не мог получить у своих учителей никаких сведений, некоторые из них были незнакомы и самим учителям.

Большая часть взятых мной языковых образцов происходит из бассейна реки Конды, т.е. из М.-Кондинской волости — героическое сказание (№ 4) и большинство сказок я записал в Красноярских юртах; две героические песни (№№ 3 и 5), медвежью песню (№ 2), еще одну песню (№ 1) и гимн — в Шумиловских юртах, которые в этой связи оказались самой интересной точкой всей местности; две медвежьи песни (№№ 3 и 4) и еще две песни (№№ 5 и 6) — в Есауловских и одну сказку (№ 3) — в Нюркоевских. Записанные в Красноярских юртах сказки могут рассматриваться как образец нижнекондинского диалекта, который близок иртышскому (ср. песню № 7, молитву). Собранные в других

деревнях той же местности тексты дают нам представление о среднем кондинском диалекте. Из окрестностей Демьянки у меня одна героическая песня (№ 1) и одна былина (№ 2), первая из них была записана в Лымкоевских, а вторая — в Ескинских юртах Верхне-Демьянской волости. При этом следует заметить, что перевод их большей частью был сделан на Конде, поэтому многие формы и слова демьянского диалекта, не понимаемые там, были переделаны на кондинский манер. По этой причине данные поэтические свидетельства не могут рассматриваться как совершенно типичные языковые образцы демьянского диалекта, хотя они и приближаются к нему.

Что касается транскрипции текстов, то необходимо принять немного неустойчивую, но как можно более близкую к моим записям орфографию. Главная причина этого в том, что я при сегодняшнем нашем знании остяцкого языка не мог решиться в пользу правильности исключительно того или иного способа написания и последующей адаптации, тем более что и соседние деревни аборигенов в Сибири обнаруживают заметные особенности в произнесении отдельных слов.

Алфавит Кастрена, выбранный мной для транскрипции текстов, очень прост и прекрасно подходит для южно-остяцкого языка. Но я был вынужден дополнить его двумя новыми знаками, необходимыми, на мой взгляд, для того, чтобы все звуки названного диалекта могли быть переданы. Это следующие знаки:

1) «*i*» — для обозначения особого звука, соответствующего (в основном короткому) русскому «*ы*». Он признан и Алквистом, а Кастрен заменяет его безударными гласными (а, о, у, е, *i*).

2) «*z*» произносится как русское «*ж*» и французское «*j*». Это довольно редкий звук, который подобно «*з*» является из ставшего звонким между гласными смягченного «*s*», так можно, например, из «*vos*» — «город» — образовывать «*vozemem*» «*vozemem*» — «город нас обоих», «зрелый» в средне-кондинском звучит как «*pošim*», «*rozim*», «*rožim*».

Что касается звука «*g*», который произносится то как смычный согласный, то как спирант, то я, как Кастрен, не

снабжал его никакими особыми значками, потому что его произношение, как правило, обусловлено соседними гласными.

Немецкий и русский переводы как можно более точно придерживаются текста оригинала, хотя верная передача смысла слова возможна и не везде. В этой форме она может быть полезна не только лингвисту, но и историку культуры и этнографу.

Многочисленные примечания в конце переводов предназначены для лучшего понимания темных мест в текстах, или таких, которые могут быть переданы на русском или немецком с большим трудом, в то время как приложение первое исследует родство образцов остяцкой музыки с русскими сказками, которое большей частью объясняется заимствованиями со стороны остяков.

Наконец, во втором приложении²⁴ к книге помещены записанные мной остяцкие и вогульские мелодии, служащие для сопровождения героических и простых песен. Более подробно о музыке остяков и вогулов — на страницах 77-78 первой части данной книги.

Глава I

Общие замечания о народной поэзии остяков

Значение изучения поэзии сибирских угров. — Ее бесцветность и причины этого явления. — Типы и группировка поэтических образцов по возрасту. — Обстоятельства, при которых были прочитаны различные образцы остяцкой музыки.

Каждый народ в своем поэтическом творчестве отражает явления своей материальной и духовной жизни, поэтому поэзия народа является тем средством, с помощью которого можно с большей или меньшей уверенностью судить о мировоззрении его самого и даже соседствующих с ним народов. Благодаря тому, что поэтические произведения переживают своих авторов на сотни и тысячи лет, появляется возможность более точного знакомства как с жизнью давно исчезнувших с лица земли наций и народностей, так и с ранними стадиями развития ныне живущих. Долговечнее всего литературные произведения, которые дошли до нас в письменном виде, будь то наскальные письмена или увековеченные на папирусе, пергаменте или бумаге сказания. При благоприятных условиях они в течение бесконечного ряда лет сохраняются без изменений, благодаря чему потомки народов, которым принадлежат письмена, получают возможность прочесть наследие своих предков в оригинале.

Такой долгой жизнью не может похвастать ни один устный источник. Переходя из уст в уста, они подвергаются постоянным изменениям, так как **рассказчик** не всегда передает услышанное теми же словами, при этом часто заменяя выскользнувшие из памяти эпизоды и картины произведениями своей собственной фантазии. В этом и кроется причина того, что нередко родственные народы берут за основу для сказаний и сказок один и тот же материал, в то время как форма, в которой они передаются, носит свой истинно национальный отпечаток. Что каса-

ется мало продвинувшихся по пути цивилизации племен, не располагающих памятниками письменности, то всестороннее изучение их поэзии вместе с исследованием поэтических образцов родственных племен является надежным средством в составлении представления об их сегодняшнем и более раннем мировоззрении. Главным образом с этой точки зрения знакомство с народной поэзией коренных обитателей Северо-Западной Сибири представляет огромный интерес независимо от того значения, какое оно имеет для наук о языке. Это особенно верно в отношении героического эпоса, который присущ не только цивилизованным народам, но и отсталым — а в Сибири почти всем, — и который как у тех, так и у других составляет базис национальной поэзии.

Народная поэзия остяков, которой мы займемся сейчас, так же бедна и однообразна, как и природа, окружающая ее. На самом деле характерная черта и своеобразная прелесть этих малообжитых северных регионов заключается не в сочетании грациозных холмов и высоких гор с веселыми лугами, пересеченными ясными ручьями и реками, не в бросающемся в глаза цветовом контрасте темно-синего небосвода над всеми возможными оттенками зеленых лугов и пастбищ и золоте нив, но и в подавляющем однообразии ландшафта: страшные, мрачные, лишь иногда чередующиеся с лиственными хвойные леса, серые болота, медленно убегающие вдаль реки с их многочисленными рукавами и притоками, более высокий правый берег, который образует террасы того же однообразного сосняка, а левый, более низкий, занят часто затопляемыми лугами, которые тянутся сотни верст и занимают, как правило, весь горизонт. Еще более однообразной кажется эта местность зимой, когда все неровности почвы, как болота, озера, реки, совершенно исчезают под двухаршинным слоем снега, укрывающего и деревья толстым белым покрывалом.

Природа земли остяков кажется беднее, печальнее и однообразнее, чем северная природа суровой Финляндии. В самом деле ей недостает живописных гор и скал, журчащих ручьев и рокочущих водопадов, бушующего моря с его бесчисленными островами и утесами, так сильно повлиявших на силу воображения древних финнов.

Главным образом по этой причине и остяцкая народная поэзия значительно беднее цветом, чем аналогичная у финнов в *Калевале*, хотя, конечно же, более высокое духовное и социальное развитие последних сыграло при этом далеко не последнюю роль. Описания прелестей природы у остяков завоевали лишь незначительное место.

Другой причиной упомянутого своеобразия поэзии остяков является бедность их земли камнями, металлами и ценными сортами древесины и т.д., которые могли бы служить им строительным материалом, а также отсутствие у древних остяков предметов роскоши из слоновой кости, драгоценных камней и ценных металлов, дорогих тканей и множества других предметов, которые придали так много цвета и привлекательности поэтическим произведениям восточных народов. Наконец, не меньшим было и влияние недостаточного знакомства с различными цветами, характерными как для древних остяков, так и для почти всех народов севера Сибири. Как мы уже видели раньше (Ч. I. С. 74-77), они далее не были в состоянии отличать все главные тона друг от друга, и для большинства их в языке нет адекватных выражений.

В народной поэзии остяков можно различить следующие типы: 1) Эпическая поэзия (былины и героические сказания); 2) мифологическая и космогоническая поэзия (гимны, мифологические и космогонические саги); 3) медвежьи песни; 4) сказки; 5) лирическая поэзия (песни); 6) загадки.

Особую ценность и интерес для нас представляют относящиеся преимущественно к древним временам первые три вида остяцкой народной поэзии, т.к. в них наиболее четко представлено мировоззрение народа. Поскольку они не гармонируют с полухристианским религиозным мировоззрением сегодняшних обрусевших иртышских остяков, то постепенно предаются забвению, и подрастающее поколение все реже перенимает их у своих отцов. Их неотъемлемые лавры поэтому скоро исчезнут совсем.

Сказки и лирические песни, напротив, развиваются еще и сейчас под влиянием произведений русской народной поэзии, проникающей с каждым годом все сильнее в эти отдаленные местности. В некоторых местах русские сказки и

песни даже полностью вытеснили остяцкие, и обрусевшие остяки в них отводят душу. При всем этом и здесь нельзя не осознать общий упадок народной литературы остяков, т.к. новые формы поэзии не имеют ничего оригинального, и если сказки при тех метаморфозах, что должны присутствовать в них сейчас, приобретают красоту, то новые песни нельзя назвать эстетическими ни за их содержание, ни за форму или язык. Таким образом, абсолютно ясно, что народная поэзия остяков, как минимум у южных их групп, давно прекратила свое дальнейшее развитие в национальном направлении и теперь быстро и неотвратно идет навстречу своему упадку и полному исчезновению, поэтому каждый потерянный для ее изучения день невосполним за счет последующих и тем самым влечет за собой определенные потери для науки.

Но при каких обстоятельствах декламируются произведения народной фантазии остяков? Лирические песни абсолютно подходят для обычных явлений, картин и эпизодов повседневной жизни, чего нельзя сказать о героических песнях, которые из-за серьезности своего содержания требуют от певца временного освобождения от повседневных мыслей и забот и перемещения в древние времена. При этом объем этих эпических произведений так значителен, что они могут быть прочитаны только в состоянии душевного подъема. Поэтому они поются редко, только несколько дней в году, а именно на свадьбах, больших празднествах или во время уплаты налогов и сборов, являющихся причиной возбужденного состояния.

Сказания и сказки рассказываются гораздо чаще, потому что они не занимают так сильно мысли рассказчика и не требуют речитатива. Местные уроженцы, неделями занимаясь в лесах и на озерах охотой или рыбалкой, считают дни, когда находятся дома, праздниками. Эти дни, которые отмечены ими зарубками в календаре, остяки проводят в своих бедных хижинах, валяясь на врезанных в стены нарах и покрытом еловыми ветками полу. Пресытившись этим любимым занятием, они собираются вокруг мерцающего костра, который поддерживается для сохранения тепла постоянно, и наслаждаются сказками и былинами давно прошедших времен, которые рассказывают седобородые старики.

Тот, кто проведет некоторое время в таких затерянных в лесах охотничьих или рыбацких хижинах, узнает, какую привлекательность приобретают подобные рассказы в торжественной и одновременно жуткой тишине, лишь изредка нарушаемой отдаленным воем волков или шумом ветра, с силой швыряющего снег в дверь. И можно убедиться, как прочно в этих условиях держится в памяти каждое слово рассказчика. Этому обстоятельству мы отчасти обязаны и тем, что столько былин и сказок из далекого прошлого спасены от забвения и, несомненно, доставят будущим поколениям еще много радости и развлечений.

Глава II

Эпическая поэзия

Возраст эпоса остяков. — Своеобразие стиля. — Эпитеты. — Варианты, содержание и происхождение героического эпоса.

Под эпической поэзией остяков мы понимаем их героические былины (сказания) и героические песни (*târnîj-âret*). Последнее выражение состоит из двух слов: «*ara*» (мн. ч. *aret*) — «песня» и «*târnîj*», прилагательного от слова «*Târn*», предположительно означающего имя богини огня и войны (ср. Ч. I. С. 153-154), так что все выражение может звучать как «песнь войны». Эта форма народной поэзии остяков ото всех других отличается своим почтенным возрастом. По нашему мнению, большая часть героических песен относится к периоду между XIV и XVI веками и берет свое начало частично еще в XIII веке, одним словом, в те времена, когда территории остяков еще не были завоеваны татарами, не говоря о русских. Главным доказательством является то, что ни в одной из этих песен нет речи о татарах и русских, хотя сотни стихотворений рисуют нам войны остяков между собой и с самоедами. Остяцкие князья при этом являются в образах абсолютно независимых властителей и совершают военные походы в местности, которые в конце XIV — начале XV вв. уже были в руках татар, а в конце XVI в. попали под власть русских*. Солидный «возраст» былин выдает их древний язык: многие выражения и обороты его не понятны сегодняшним остякам и сохранились только в силу традиции. Язык этот также намного чище современного и почти абсолютно свободен от русизмов, в связи с чем остяцкая эпика обнаруживает определенную аналогию с известной эпопеей персов, Шахнамэ.

* Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. II. Тюмень, 1999. С. 27-31.

Разница между древними былинами и героическими сказаниями состоит в том, что первые обладают поэтической формой, а последние написаны прозой, но язык как первых, так и последних один, а именно богатый образами и украшениями древний язык остяцкого эпоса. По мнению остяков, в котором заключено многое, часть героических сказаний также имела раньше связную форму былин, но с постепенным обрусением народа стихотворный размер забывался, хотя все черты, придававшие своеобразие: эпитеты, образы и речевые обороты, — верно сохранились.

Есть сказания и рассказы периода татарского и частично русского владычества, но у них иное происхождение, они носят другой характер: во-первых, существуют исключительно в прозе, а во-вторых, стиль их не отмечен ничем из повседневной речи за исключением некоторых заимствованных из древнего языка выражений. Образцы таких современных рассказов я не записывал.

Былины остяки поют в сопровождении местных струнных инструментов: лебеда, или журавля (*tôrop-jux*) и домбры (*nâres-jux*). Похожим на домбру инструментом — кантеле пользовались также и древние финны, читая свои поэтические руны, основные формы которых, по верному замечанию Кастрена, должны были соответствовать былинам сибирских угров.

Более подробно о богатырском эпосе остяков мы говорим в статье журнала «Живая старина», где этому явлению уделено больше внимания.

Остяцкие былины не имеют строго установленного ритма, хотя и похожи чем-то на стих; так, например, каждая фраза у них обычно заканчивается словом, ударным на предпоследнем слоге, чем напоминает европейский стих с хореем на конце строфы. Кроме того, в песнях практически не встречается скопления нескольких односложных ударных слов, но ничего не значащие частички или удлинения слов включением гласных — не редкость. Длина отдельных фраз очень различна: короткие и длинные стихи следуют друг за другом без всякого порядка и в соответствии с этим постоянно меняется стихотворный размер и длина музыкальной фразы.

Красоту речи остяцкий певец стремится усилить тем, что сходно звучащие и похожие по смыслу слова, выражения и целые фразы ставит рядом. Этот прием поэтического мастерства в той же мере используется в сказках и героических сказаниях. Он не является своеобразной чертой поэзии азиатских финнов, его можно встретить также в собранных академиком Радловым образцах народной литературы тюрков, в русских сказках и героическом эпосе.

Эти постоянные повторения одних и тех же слов с разными эпитетами и разных слов и выражений с одним значением до определенной степени осложняют перевод поэтических произведений остяков и делают их непростыми. Другой причиной, почему перевод остяцкого героического эпоса на европейские языки дается тяжело, является недостаток собственных имен как для людей, так и для природных объектов — рек, озер, которые заменяются длинными — от четырех до десяти слов — описательными обозначениями. При этом смысл их часто понятен лишь тем, кто знает мотивы присвоения такого имени.

Остяцкие героические песни и сказания изобилуют эпитетами, образами и тропами, присущими также и поэзии других народов. Кроме случайных эпитетов здесь есть и **устойчивые**, так называемые *epitheta ornantia*: так, например, земля — *mig* — всегда сопровождается определениями *sogoŋ* и *pûŋŋ* — «кожистая» и «шерстистая», потому что ее покрытая лесом поверхность сравнивается с телом зверя. В качестве устойчивого эпитета слова «доска» выступает: *pûsŋ* — «выстланный половицами», откуда происходит выражение «*pûsŋ xat-xaŋ*» — «половая доска», слово «*kâ ttŋ*» — «место посадки» почти всегда сопровождается эпитетом: *ŋŋŋ* — «для сидения» или *ar-ŋŋŋe* — «состоящий из множества жердей», и *epitheta ornantia* от *seger* — «цепь» является *kart* и *va x* — «железо» и «металл»: *kart-sêger*, *va x-seger* значит по-ненецки «железная цепь» и т.д. Что касается таких поэтических троп, как сравнения, то здесь остяцкую поэзию давно оставили позади произведения других народов Востока.

Форма богатырского эпоса постоянно меняется, хотя материал для него остается один и тот же. Это происходит потому, что песни эти учат не наизусть слово в слово, а запоминают только их содержание и основные выражения

и словосочетания, все остальное варьируется по усмотрению и дополняется фантазией певца. Поэтому случается, что одну и ту же песню в разных местах поют по-разному, причем красота и элегантность той или иной версии единственно зависит от способностей певца и его искусства облекать мысли в привлекательную форму. По причине большого объема героической песни, которая может насчитывать часто 300 и более строф, последняя часть обычно, а иногда и половина сочиняется в прозе. Длинное стихотворение подобного рода требует такого напряжения голоса, что декламирующий иногда хрипит.

Материал для былин и героических сказаний дают в основном военные походы, которые остяцкие князья предпринимали против других остяцких или самоедских владетелей для того, чтобы могучей рукой добыть прекрасную невесту, или войны с соседями, которые нападали на них по той же причине, или осуществляя кровную месть. Гораздо реже поводом для таких предприятий была простая тяга к грабежам. Это творилось в то время, когда в стране не было ни верховного правителя, слова которого было бы достаточно для установления порядка среди жителей, ни законов или трактатов, которые могли хоть каким-то образом защитить их жизнь и собственность от вторжений врагов. Это было время, когда единственное, что регулировало отношения с соседями, так это право кулака, когда вся страна подчинялась силе меча и лука и существовала, по меткому выражению Кастрена, по принципу «война всех против всех». Каждый воин княжеского рода, которому удалось отразить нападение врагов и спасти свой город от разрушения или счастливо вернуться домой из военного похода с добычей и прекрасной невестой, рассматривался как герой, а его имя и дела увековечивались в песне. Поскольку подобные геройства не имели никакого значения для всего остяцкого народа, идея национального единства никогда не занимала их голов*, а обретала славу и временный покой лишь для жителей отдельных городков, поэтому каждая героическая песня относилась лишь к небольшому княже-

* Выражение Реклуса о том, что остяки с приходом русских утратили национальное единство, неверно поэтому (*Е. Реклус*. Т. VI (рус. пер.). С. 526).

ству, центром которого был этот город и составляла, так сказать, его особую эпопею. Большое число городов или земляных крепостей говорит нам о том, как многочисленны должны были быть раньше в стране героические песни.

Остяцкий герой, образ которого отражен в остяцкой эпике, скорее несет черты мифической, чем реальной личности, т.к. народная фантазия щедро наградила его множеством сверхъестественных свойств и способностей. Но если абстрагироваться от этих поэтических украшений, мы увидим перед собой остяцких князей, мало чем отличающихся от тех, кого встречали русские, завоевывая страну.

Теперь нам хотелось бы сделать несколько штрихов к той материальной и духовной жизни древних остяков, какой она отражена в богатырском эпосе, былинах и сказаниях. Собственно подобное описание уже было дано мной в указанных выше сочинениях, но так как содержащиеся в них данные важны для верного понимания текстов, а упомянутый набросок смог бы устранить многочисленные примечания к ним, то думаю, что короткое их резюме в первой части (с небольшими исправлениями и дополнениями) на немецком не покажется бесполезным и любителям финской этнографии и истории культуры*.

* Подобная работа, касающаяся первой части указанного сочинения, уже опубликована фон П. Стенином в 1892 г. (Глобус. № 62. С. 233). Подробное резюме этого произведения на венгерском языке можно найти: Этнография. 1894. V. evf., V. füzet (С. 352—368). *Dr. Munkacsi Bernat. A régi osztjak tarsadalom.*

Глава III

Образ прежней жизни иртышских остяков из их героического эпоса

Княжества и их центры, крепости. — Крепости и их оборудование. — Деревни. — Деление древних остяков по родам. — Прежние волости соответствуют княжествам. — Головные украшения. — Мужской костюм. — Вооружение. — Частные и общинные жилища. — Занятия. — Домашние животные. — Питание. — Посуда. — Напитки.

В то время, откуда берут начало записанные мной героические песни и древние героические сказания, т.е. приблизительно в XIV—XV вв., страна южных остяков, или северная половина Тобольского округа и приграничные части Березовского, распалась на ряд мелких, независимых друг от друга государств. Центром подобного мини-княжества был городок, или скорее небольшая крепость (*voš, voc, vas; vog.: us*)*. И возглавлял его правящий князь (*ûrt; vog.: â ter, ô ter*), иногда называемый «городским главой» — *voc-ux*, или «городским князем» — *vocum-vôrt-iga*. Остальные жители небольшого государства, не входившие в княжескую семью, известны в героическом эпосе под именем: *migdat-jax* — «люди земли», часто их называют более просто — *jax*: «люди», «народ». В качестве третьего сословия следует упомянуть немногочисленных рабов (*teu, ort*), состоявших, по-видимому, из военнопленных**.

Число княжеств и городов раньше было очень большим, я во время своего пребывания в Тобольском районе-отметил

* Русское название этих земляных укреплений («городок») побудило некоторых описателей этих мест страны ошибочно считать и их городами, но так как сегодняшние остяки не живут более в подобных укреплениях, то считают, что можно утверждать это как шаг назад в культурном развитии (*ср.: Д. Е. Реклус. // Краеведение. Т. VI. С. 526. Рус. пер.*)

** Эти сословия, или касты, существуют также у некоторых других коренных народов Сибири и Америки, у алеутов еще и в конце XVIII века.

их 63 и занес их на свою карту. Не менее $\frac{2}{3}$ их находятся в обжитых осяками районах.

Во времена, когда работал Кастрен, об этих крепостях остяков было известно немного. О том, как сооружались эти так называемые чудо-города, говорит упомянутый ученый, и сейчас нельзя сообщить об этом больше. Традиция указывает лишь на то, что крепости располагались на высоких крутых мысах и других труднодоступных местах. Там, где раньше стояли такие города, мы теперь встречаем лишь холмы земли, сломанные стрелы, ржавые наконечники стрел и копий, кольчуги и другие свидетельства войны*.

Теперь мы можем сказать об этом больше. Во время моего пребывания в Западной Сибири мне удалось посетить много подобных остяцких городов и осмотреть их. Поскольку записанные мной героические песни и сказания остяков, а также зафиксированные на русском сказания и легенды давали много сведений о жизни древних остяков и об их способе ведения войн, сделать картину того, как строились подобные города, пусть и грубыми штрихами, было несложно**.

Подходящими местами для таких крепостей древние осяки преимущественно считали возвышенные мысы на берегах рек. Если подходящий мыс не отделялся от расположенной за ним равнины оврагом, то они рыли один, два или, как у живущих на юге татар, далее три крепостных рва, сооружая при этом из вырытой земли небольшие валы, и крепость была готова. Чтобы облегчить восхождение на эти укрепления, которые порой достигали высоты в 30 сажень и больше, сооружался подъем, образующий с поверхностью земли весьма пологий угол. Городки на более низких поверхностях, которые природой были мало защищены от врагов, обычно окружались одним или двумя почти кругообразными рвами.

Размеры крепостей, их валов и рвов на юге Тобольского региона, где в настоящее время живет татарское население, значительно больше, чем на севере, собственно на территории остяков. Там встречаются крепости с площадью от 300 до 700 квадратных сажень между валами, как, например, *Sibir-ga'alá*, или *Iskär, cuvas* и т.д., в то время

* Путевые доклады и письма 1845—1849 гг. С. 102.

** Живая старина. 1. Вып. III. С. 98—103.

как на севере крепость средних размеров не занимает больше 100—150 квадратных саженей земли, а иногда и едва достигает этих размеров.

На валах большей частью сооружались также деревянные, оборудованные воротами (vošxôtoŋ) палисады (sitaŋ-voš). В героических сказаниях остяков и самоедов* описываются также фантастические «медные крепости» (piŋir-vâx, voš), которые были небольшими (этакие высокие и покрытые медной жостью городки, прославившие неприступными). Сооружались ли все земляные крепости остяками самостоятельно — нам неизвестно. Мы не исключаем возможности, что все они, или часть их, были наследованы остяками у бывших аборигенов земли (Sâ baren, Siŋiren; Ar-jax — см. Прил. I, 33), о которых мы до сих пор ничего не знаем. Если принять во внимание, что на северо-западе Сибири в древние времена существовали некоторые ремесла (кузнечное дело, гончарное)**, утраченные столетия назад, то это загадочное явление скорее объясняется исчезновением аборигенов, чем предположением о культурном регрессе остяков. Собственно говоря, и последнее мнение не лишено оснований, ибо, как мы увидим далее, древние остяки должны были в свое время оставить разведение рогатого скота и овец (а может быть, и земледелие).

Небольшие размеры крепостей остяков наводят нас на мысль, что они были только резиденцией князей, где обитали также их семьи и слуги, и лишь во время войны были укрытием для всех жителей окрестностей. В мирные времена последние жили в особых, состоящих из относительно большого числа землянок деревнях (pûgot; vog.: paur), расположенных часто у подножия речной террасы, на которой находилась крепость. В героических сказаниях и сказках по этой причине, если речь заходит о населении городка, одновременно упоминается и деревня. Отсюда они делали вылазки в соседние леса,

* *Кастрен*. Указ. соч. (С. 177.)

** Почти во всех земляных городах остяков находят остатки железного шлака, который сегодняшние жители этих мест используют для утяжеления рыболовных снастей, потому что камни в Тобольском регионе, за исключением севера его, большая редкость. Об украшенных осколках глиняных сосудов, которые встречаются в крепостях остяков, как и во всех местах ранних поселений в большом количестве, смотри ниже.

где проводили несколько недель, а то и месяцев за охотой или рыбной ловлей.

Вполне вероятно, что раскол территории остяков на отдельные независимые княжества произошел по причине деления народа по родам. Это предположение можно сделать, исходя из остатков ранних форм прав собственности на землю у местных уроженцев. Остяцкие и вогульские деревни, расположенные в малообжитых местностях с населением, до определенной степени не подвергшимся русскому влиянию, и сегодня состоят из одного или двух родов, которым принадлежат все окрестные земли.

Отдельные остяцкие княжества были очень разных размеров. Вполне возможно, что они совпадали с состоящими в основном из одного-двух городков остяцкими волостями и улусами, находившимися под властью татар. Ко времени завоевания территории русскими в названном регионе были следующие остяцкие волости, начиная с юга: Туртасская (с Уватской), Назымская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская на Иртыше, Демьянская в нижнем течении Демьянки и на Иртыше, М.-Кондинская на нижней Конде и еще одна или несколько в устье Иртыша и прилежащих районах Оби, т.е. в местности, где сегодня находится Темлячевская волость. Некоторые из этих волостей распались на две или три меньшие, так, например, Демьянская волость разделилась на две, одна из которых захватывала область Иртыша, а другая — земли на Демьянке. Северная часть Тарханской волости раньше составляла особую небольшую волость — Кальпакутскую, состоявшую из не менее 10 облагаемых налогом душ и т.д. В настоящее время каждые 2—3—4 волости объединены в одну. Так, бывшие Туртасская и Назымская волости сегодня образуют Назымскую, а Цингалинская, Нарымская и Тарханская волости слились в одну Нарымскую.

Можно предположить, что число жителей небольшого южно-остяцкого княжества в среднем насчитывало от 60 до 300, максимум, 400 душ обоего пола.

Головные украшения древних остяков были довольно оригинальными и имели некоторое сходство с аналогичными у древних мадьяр: они брили переднюю часть головы и сплетали волосы сзади в косы, возможно, в две, как это принято еще и сегодня у северных остяков и вогулов и час-

тично у остяков-самоедов в Нарымском районе (Томская область). Поэтому воины и наемники в героических сказаниях носили имя: *ûgot endem, venžet endem* — «со стриженной головой», «со стриженным лбом», и каждый герой сопровождался эпитетом: *sever*) — «заплетенный» (*sever*) *ûrt* — «заплетенный герой»).

В качестве одежды древним остякам служили снабженные капюшоном шкуры оленей, к которым свободно крепились сапоги (*nîr*) и рукавицы (*pôs*) из того же материала, что и сегодня составляет наряд северных остяков, вогулов и самоедов. Гр. Новицкий сообщает нам, что главным образом одежда остяков его времени, т.е. в начале XVIII века, состояла из обработанной особым образом рыбьей кожи, например, налима, осетра и стерляди. Паллас (Зуев) также докладывает в конце того же века (1772) о дождевиках и обуви остяков из кожи налима. В настоящее время эта одежда вышла из моды и ее вряд ли можно встретить даже в самых отдаленных уголках северо-запада Сибири. Что касается Восточной Сибири, то там еще используется одежда из кожи кеты, лосося, налима и щуки среди гиляков и некоторых тунгусских племен. Кроме того, кажется, и сибирские воины готовили себе одежду из кожи лебедей, гусей, уток и т.д. или использовали их для оторочки шуб, сшитых из оленьих шкур, как это и сегодня еще делается у местных уроженцев Восточной Сибири. В героических песнях и сказаниях остяков довольно часто упоминаются «хорошо содранная» и «хорошо обработанная» кожа различных птиц. У князей и героев по героическому эпосу были также дорогие наряды из сукна (*nui*), тонкого шелка (*vôgot jermak*) и шерстяного бархата (*pûñij barxat*). Для покрытия головы остякам служили шапки (*mit kijnit*), которые также шили из меха. Рукавицы (*pôs*), по всей видимости, шили из меха оленей или собак, как это происходит и сегодня. Княгини располагали, кроме того, тонко расшитыми фигурами зверей и людей платками из крапивного полотна и различными украшениями из бисера. Мы должны здесь упомянуть еще непременно атрибут костюма героев — «шелковый платок» (*jermak oxčám*), которым они закрывали глаза в случае опасности или из скромности.

Вооружение остяцких князей состояло из кольчуг (*tâgar, têt; voz.: jûntip-tâut*)*, мечей (*âtta-kêže, nâri*), лука (*jôgot*), колчана (*tivet*) и стрел (*not*). Кроме того, они использовали следующее вооружение: копья (*ônda*), топоры (*tâjem*) и дубинки из лиственницы и ели (*nîr nânk, nîr xût*). У простого народа кольчуг не было, кажется, не было и мечей, представлявших исключительное вооружение князей. Кольчуга в древние времена, известная почти всем народам Западной и частично Центральной и Восточной Сибири, является в этой связи интересным обмундированием, т.к. ее изготовление предполагало высокую культуру и искусство, которые можно было ожидать от большинства народов севера Сибири (остяки, вогулы, самоеды, частично тюрки). Хотя в отдаленные времена жители этих местностей были довольно искусны в кузнечном ремесле и изготовлении холодного оружия, что явствует из многочисленных находок металлических изделий и украшений, кольчуги, возможно, происходят из тех местностей, жители которых в своей культуре продвинулись дальше. Может быть, они получили их частично благодаря посредничеству волжских и камских народностей с Востока, или, скорее, от живших на юге тюркских племен, которым кольчуги были хорошо известны (نوباق — алтайцы и сиб. татары; *torgaut* — татары). Что касается остяцкого названия, то оно может быть и **местным**¹⁷. Лук был главным оружием как высокопоставленных, так и простых воинов; копья же использовались не только на войне, но и при охоте на медведя, а топорами работали преимущественно при взятии крепостей для разрушения деревянных палисадов.

Зимними жилищами древних остяков были землянки, очень похожие на финские *sauna's* и известные здесь под названием *xôt xât*, в северных районах они и сегодня еще встречаются повсюду, а в Тобольском округе (называемые

* «*Tagar*», «*taxr*», кажется, родственны глагольному корню, звучащему, похоже, со значением «толкать, цеплять, застревать» (отсюда глаголы: *tâxrem, tâgaradem, tâgarxindem* или *tâxrxindem*). Кольчуга защищала князей от оружия противника, смягчала удары меча, а стрелы застревали в ее кольцах. По аналогии с вышеупомянутым словом образуется форма *tâgara*, под которым известно растение *Lycoperidium clavatum*. Если веточки этого растения опустить в молоко, то все находящиеся там волоски, соломинки прилипнут к ним.

теперь *miġ-xô t*) строятся лишь на некоторых водоемах, чтобы служить временным убежищем рыбакам во время сезона. Землянки представляют собой четырехугольные ямы, иногда обшитые деревом. Крыша сооружается из балок, на которые затем укладывают дерн, землю и мох, в центре или сбоку оставляют достаточно большое отверстие для выхода дыма и доступа света (*xô t-xô nġ-vi s*).

Внутри простейших землянок, к которым относятся и упомянутые рыбацкие хижины, все делается из земли: пол (*xâ t-xar*), скамьи (*vat-xar*), печь (*tô gol*), которая в этом случае сооружается в углублении одной из боковых стен прямо под дымоходом. В более хороших жилищах лавки и пол делают из дерева, по причине чего при описании княжеских домов они сопровождались эпитетом *ru sġ* — «дощатый».

Вход в землянку закрывает дверь, сколоченная из досок (*xô tô ġ, xâ tá u*). Небольшая площадка перед дверью, для защиты от ветра огороженная с обеих сторон жердями, называется сенями (*tê bġ*). Рядом с жилищами, как и сейчас, находились на высоких столбах небольшие амбарчики (*kġma, kama; сейчас: tabás*), где хранились провизия и разные вещи. Один из амбарчиков предназначался для домашнего бога, и в нем хранились его сокровища.

Кроме частных домов, в некоторых поселениях были также особые большие общественные здания для народных собраний, которые, подобно летним юртам, сооружались из жердей, покрывались корой (летом) или шкурами оленей (зимой) и, предположительно, имели коническую форму. Они назывались: *tat tankta ene хот, moi tankta êne хот* — «большой дом для собрания воинов и мирян»*.

* Интересно констатировать, как похожи в основных чертах образы жизни почти всех полярных народов. Так, например, следующее описание частных и общественных зданий алеутов Аляски почти полностью подходит для описания жилищ сегодняшних остяков: «Они, подобно большинству народов арктической Америки, живут в землянках, крыша которых с дымоходом едва поднимается над землей. Вход в землянку — узкий коридор, в который нужно вползать. Интересно, что, кроме землянок, служивших жилищами, сооружались помещения больших размеров для работ, требующих пространства, где жители деревни собирались для обсуждения дел общины, пиров или танцев, куда каждая семья по мере сил приносила свою часть сушеной рыбы и ягод» (*Вымпел*. Путешествия и приключения на земле Аляски//Изд. И.Р.Г.О. Т. V. 69. С. 161).

У древних остяков были те же занятия, что и у современных: охота, рыбная ловля и разведение оленей.

Охота главным образом осуществлялась с помощью лука и стрел. Добычей была крупная дичь, т.е. лоси и олени, далее — пушные звери, лесные и водные птицы. Уже тогда была известна большая часть используемых сегодня западней, силков и подобных им ловушек. Следует предположить, что и до появления в этой местности русских многие из названных предметов уже существовали (*katt*, *sêse*, *pit* и т.д.).

Не менее важным средством поддержания жизни была рыбная ловля. Она велась при помощи вершей, изготовленных из прутьев (*run*), сетями из крапивного волокна (*xôdip*, *sôjer*), заповей из тонких шестов (*var*, *voem*) и т.д.

Разведением оленей остяки занимались на своей территории больше, чем сейчас, и в то время стада оленей держали и жители северных районов Тобольского региона, тогда как сегодня полудомашних оленей можно встретить лишь далеко на севере, а именно: в районе Березово. Что касается диких оленей, то их много на всей территории остяков. Олени являлись основным средством передвижения в этих заснеженных областях. Кроме того, мясо их употребляли в пищу, из шкур шили одежду, из жил делали тетиву для луков, а во время жертвенных праздников, в большинстве случаев, именно оленей забивали во славу богов. Так же остяки держали собак (*âmp*, *löŋa*), с помощью которых охотились на лосей, оленей, пушного зверя и медведя. Собаки частично использовались и для перевозки добычи из отдаленных участков леса, для чего их запрягали в небольшие нарты.

Что касается других домашних животных, которых можно встретить у современных жителей этих местностей, то они, за исключением лошадей, были мало известны остякам героического времени, да и в более ранний период не играли существенной роли. Но вполне вероятно, что предки остяцких богатырей умели обращаться с упомянутыми домашними животными и прекратили их разведение только после того, как были вытеснены более сильными народами на их сегодняшнюю негостеприимную родину. Это предположение укрепляется благодаря частично исконно остяцким, частично заимствованным у соседей названиям этих животных. Так, у остяков для рогатого скота существуют как свои: «*mis*» — «корова», так и та-

тарские названия: «sagar» (*tam.*: صغر, صغر) — «корова» и «uges» (*tam.*: اوكوز) — «бык». Слово «6s» — «овца», хотя и родственно алтайскому «es» и зырянскому «yz», «ys», но (по Н. Андерсону) является исконно остяцким, а «puris» — «свинья» совпадает с зырянским названием этого домашнего животного. То же можно сказать о слове «лошадь» — «tau». Название это, как уже говорилось, известно остякам. Его можно встретить и в языке венгров (16), которые отделились от азиатских угров более 1000 лет назад. В общем, лошадь не была домашним животным остяков XIV—XVI вв., она использовалась только как жертвенное животное в период создания **сибирско-угорского** героического эпоса, для чего, возможно, выменивалась у соседних, живущих южнее, народов (с XV в. у татар).

Домашней птицы у древних остяков не было, и она стала известна им в более поздние времена. Южно-остяцкое «tâvax» (курица) — заимствование из татарского, где оно звучит как: «tavuk». «Tunt» и «vasa», как остяки называли домашних гусей и уток, были перенесены на них от диких представителей этих видов птиц.

Как следует из сказанного, остяки жили за счет охоты, рыбалки и разведения оленей. Мясо у них в отличие от самоедов, поедавших его главным образом в сыром виде, обычно готовилось в больших чугунах или котлах (put, saġan), которые, как свидетельствует героический эпос, иногда имели до семи ручек (tâbet-pîdep saran). Рыбу ели сырой, замороженной, сушеной или вареной. Любимыми блюдами были осетровый жир и олень сало, любимыми лакомствами — кедровые орешки и различные ягоды: черника, брусника, рябина, шиповник, которые можно было в изобилии найти на их территории.

Посуда, используемая остяками для жидкостей, жира и мяса, изготавливалась из березовой коры в виде туесов и сосудов различной формы и размера (xaint, jînet, kuç, kit и т.д.). Эти сосуды из бересты повсюду используют еще и сегодня. Что касается глиняной посуды, не глазированные, но украшенные осколки которой можно в изобилии найти во всех остяцких городах и **поселениях***, то сегодняшние остяки уже не делают ее. Это явление едва ли можно объяснить **вытесне-**

* Осколки очень похожи на те, что были найдены проф. Иностранцевым на Ладожском озере вместе с каменными орудиями из каменного века.

нием местных изделий русскими, т.к. посуда последних долго не находила применения в домах остяков. Интересно заметить, что подобное загадочное явление наблюдалось и среди живущих далеко от остяков айнов на Ецо*.

Всю твердую пищу ели руками и только в случае с жидкостями использовали большие или маленькие деревянные ложки (*tji, nâla*). Для забоя оленей, разделки мяса и т.д. использовали большие и маленькие ножи: *keže, poła* (ср.: *сам.*: *paly* — шпага); *rakî* (ср.: *ост.-сам.*: *ragi*; *каз.-там.*: *بکی* — маленький нож, бритвенный нож).

Слово «*tant*», достаточно часто встречающееся в героическом эпосе и означающее сегодня «зерно», «ячмень», наводит нас на мысль о том, что этот продукт был немного известен остякам и, возможно, получался ими от живущих южнее соседей, занимавшихся земледелием. Ибо, если бы они сами выращивали зерно, то непременно оставили бы это занятие еще до того, как заняли свои теперешние места жительства, т.к., если в героическом эпосе и сказках заходит речь о еде, никогда не упоминается хлеб. Даже сегодня земледелие среди занятий южных остяков играет очень незначительную роль (см.: Т. I. С. 75). Им больше занимаются их соседи — татары (не говоря о русских), которые, как остяки, сеют, главным образом, **ячмень** (от 50 до 60% общей площади посевов). Возможно также, что слово «*tant*» в более ранние времена имело другое значение.

Что касается напитков древних остяков, то в героических сказаниях часто упоминаются чаши и берестяные туеса с пенящимися отверстиями (*nâ urîŋ-оŋîр ana, nâ urîŋ-оŋîр jînet*). Самый распространенный напиток, не имевший в поэзии особого названия и готовившийся, возможно из березового сока, заменяется теперь светлым пивом (*pusâ, pûssa*), которое варят из ржаной и ячменной муки и дрожжей. Кроме того, древние остяки, как и сегодняшние жители крайнего севера Западной Сибири, пили отвар из березовых грибов (*us-jînk*), которому приписывались целебные свойства от множества болезней.

О жизни князей, простых людей, рабов, о положении женщин и искусстве ведения войн древних остяков смотри мои сочинения, указанные выше.

* Р. Хичкок. Аины с Ецо, Япония//Апп rep of the Smithson. Inst. 1890. (С. 435.)

Глава IV

Мифологические песни и сказания

Наше ограниченное знакомство с этим видом поэзии остяков. — Космогонические сказания. — Остяцкая молитва.

Куда хуже обстоит дело с изучением мифологической поэзии остяков по сравнению с героическими песнями и сказками. Так как большая привязанность к древним обычаям и их равнодушие к христианскому вероучению являются постоянным основанием для упреков со стороны русских священников, местные уроженцы этих районов неохотно идут на раскрытие чужакам своего мировоззрения, осаживая настойчивых и подозрительных интервьюеров фразой о том, что у них все точно так же, как у русских. Особую осторожность они проявляют, отвечая на вопросы об их языческих религиозных обычаях и дальнейшем существовании и влиянии их прежних богов, что составляет главный предмет мифологических песен и сказаний. Мне удалось узнать о существовании этого рода поэзии среди остяков лишь за час до отъезда в резиденцию (см.: Ч. П. С. 208). Поэтому я мог записать по-остяцки только одну мифологическую песню, гимн в честь *Paigrâxtà*, сына *Tûrîm*, кроме зафиксированных ранее по-русски сказаний о потопе (Ч. I. С. 169) и о шестиногом лосе (Ч. I. С. 152).

Вследствие этого наши знания о мифологической поэзии остяков очень ограничены. Нам известно только, что подобные песни отражают героические поступки высших божеств, каждое из которых воспевается в одной или нескольких песнях. Мифологическая поэзия остяков довольно разнообразна, но сохранилась у южных остяков лишь в немногочисленных местах, среди них — в упомянутой выше Шумиловской деревне. Это обстоятельство достойно тем большего сожаления, что мифологические песни подобно

героическому эпосу имеют особую важность для реконструкции духовной жизни древних остяков. Собрание мифологических песен и гимнов вогулов, напротив, довольно богато и опубликовано в настоящее время доктором Б. Мункачи*.

По форме мифологические песни остяков имеют некоторое сходство со стихами без ритма и скорее являются речитативами. Они поются под сопровождение струнного инструмента лебедь. Выражение «*râ ik-sau*», под которым оно известно среди остяков, состоит из слов: «*râ ik*» или «*rô ik*», «*rô jek*» — «просьба, мольба» и «*sau*» — «тон, мелодия, музыкальная фраза», так что все выражение означает приблизительно: «песня-молитва, гимн».

В очень тесной связи с мифологическими песнями находятся космогонические сказания остяков и вогулов. Эти сказания, например, упоминаются в сказке № 4, где называются «*jis-aiket*» — «древние сказания». Их содержание здесь передается следующим образом: «как появилось небо, о том говорила она, как появилась неподвижная, похожая на мех, и шерстистая земля, о том говорила она». Несколько таких сказаний приведены на русском у Гондатти**. В них нельзя не заметить сильного влияния русских религиозных, а именно апокрифических преданий. То же можно сказать об упомянутом выше сказании о потопе.

К этой категории поэзии остяков мы можем причислить также стоящую особняком молитву, которую я записал в Цингалинских юртах (Нар. вол.). Эта молитва представляет собой остяцкий вариант, или парафраз, «Отче наш», которую они слышали в русской церкви. Естественно, каждый поворачивает названную молитву по своему усмотрению.

* Док. Мункачи Бернат. *Ystenek hosi enekei reger is idezo igei*. Будапешт. 1892.

** Изв. Имп. общ. любит. естествозн., антроп. и этногр. Т. XLVIII. Вып. 2. Москва, 1888.

Глава V

Сказки

Характерные черты остяцких сказок. — Типы сказок.

Сказки (mont) остяков не представляют собой четко выраженный тип, как, например, героический эпос. Под словом «mont» понимаются рассказы из жизни простого народа и героев, а также высших и низших божеств. Они почти всегда более или менее приукрашены народной фантазией и тем самым немного отличаются от собственно богатырского эпоса и мифологических сказаний, из которых они частично берут свое происхождение. В противовес героям героического эпоса персонажи сказок являются не реальными историческими личностями, а имеют более или менее фантастическую природу, почему и место действия описанных в них событий никогда не обозначается точно, как это часто бывает в произведениях эпической поэзии. Несмотря на это, остяки иногда пытаются угадать в фантастических персонажах сказок некоторых из полюбившихся им героев. Так, например, кондинские остяки считают сказочного героя Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta laplat-xui идентичным древнему нахрачинскому князю и полубогу Ai-ûrt (вог.: Vis-ôter).

Также малотипичны появляющиеся в сказках высшие божества, воспеваемые обычно в специальных песнях и сказаниях. Это можно, например, сказать о сказке № 2, имеющей мифологический характер. В ней среди прочего рассказывается о путешествиях по земле и сватовстве Pairâxtà, сына Tûrîm'a, почему эта сказка частично относится к мифической поэзии.

Излюбленной темой остяцких сказок являются отношения людей с лесными духами (mênk). Эти отношения,

судя по сказкам, чаще всего имели характер встреч с врагом, в которых обычно остяки, благодаря своей мудрости и хитрости, побеждали сильных, но наивных лесных чертей. В одной из записанных мной и приведенных в текстах сказок (№ 3) лесные звери и птицы выступают союзниками человека и облегчают победу над его заклятым врагом. Более широко подобные сказки распространены у северных остяков, как следует из изданных А. Алквистом языковых образцов северного диалекта*.

В последнее время среди иртышских остяков в ходу особый вид сказок, которые представляют собой не что иное, как пересажанные на остяцкую почву русские сказки. Очень часто герои этих рассказов и их окружение бывают так похожи на оригиналы и несут в себе так мало остяцкой специфики, что вступают в дисгармонию с так хорошо описанными в героическом эпосе условиями жизни сибирских финно-угров древних времен.

К таким сказкам относятся в нашем собрании текстов самые объемные и интересные (№ 1 и № 4), которые по указанной выше причине наименее типичны. Они представляют собой модифицированный пересказ русских сказок, почему здесь встречаются короли, священники, корабли, церкви и другие незнакомые древним остякам вещи. Главные герои в них во время разговора иногда называются напрямую: *Rut-miǵ-xui (nêŋ)* — «Мужчина (женщина) из русской земли».

* А. Алквист. О языке северных остяков. С. 3—16.

Глава VI Песни

Импровизации и традиционные песни. — Медвежьи песни, их виды и содержание.

Песни (*âra*), за исключением медвежьих, представляются самой малоразвитой и несовершенной формой остяцкой музыки. Материал для них предоставлен различными эпизодами повседневной жизни остяков, как события во время рыбной ловли или охоты, любовные приключения и т.д. Так как эти песни очень часто являются результатом фантазии подвыпившего аборигена или его второй половины, то как по форме, так и по содержанию не могут быть названы прекрасными, т.к. состоят обычно из отдельных, часто совершенно не связанных между собой бессмысленных предложений, которые сопровождаются такой же убогой мелодией. Это следует особенно сказать о северных остяках, у которых традиционные песни развиты слабее и заменяются импровизациями. Певец, как правило, поет не готовую песню, а при каждой возможности складывает новую, которую забывает с такой же легкостью. Поэтому неудивительно, что такие в спешке импровизированные песни часто представляют собой не что иное, как простое нагромождение ничего не говорящих фраз, очень неэстетичных и часто кишачих русскими словами и выражениями. Четыре песни, приведенные у А. Алквиста (С. 22—26), — все подобного происхождения, и то же самое — собранные мной №№ 1, 5, 6, 7, особенно последняя песня.

Иртышские остяки в общем менее склонны к подобным импровизациям, почему их песни имеют более устойчивый характер, и каждая из них известна нескольким людям. Эти песни обычно содержат имена своих героев, которыми являются абсолютно обыкновенные остяки и остячки. Так, во

время своего пребывания в районе Конды я слышал остяцкие рыбацкие песни о Луке Терентьевиче, Матрене Семеновне, Василисе Павловне, Софье Фокеевне и других людях с подобными именами. Отдельные песни произошли от обских остяков, а их импровизациями увлечены живущие южнее родственники по племени. Все, как правило, относятся к недавнему времени, почему и не представляют для нас особого интереса ни по форме, ни по содержанию.

Особый подвид остяцких песен образуют так называемые «медвежьи песни» (*jêmtiŋ-vôje âra*), т.е. песни, исполняемые в честь убитого медведя, во время переноса его туши из леса и устраиваемого затем праздника. Очень богатое собрание подобных медвежьих песен вогулов недавно опубликовано док. Б. Мункачи*. Здесь мы находим многочисленные песни, описывающие нам сходжение медведя с неба и его смерть от руки зрителя мира, сына *Tûrŋm'a*, затем — утренние песни, прощальные песни, песни-предсказания, медвежьи клятвенные, песни гнева и другие, посвященные этому священному животному, поэтические произведения с венгерским переводом. Несравнимо более бедная, но все-таки единственная в своем роде наша коллекция медвежьих песен остяков, включающая, к сожалению, только три номера. Песни 3 и 4 поются во время доставки туши медведя (№ 4 — при входе в деревню), а песня № 2 — искусно сложенная легенда о сходе «священного животного» с неба, о его земной жизни и ранней смерти. В этой песне медведь предстает в возвышенном облике, как защитник справедливости на земле. Без сострадания заламывает он злых и гнусных людей, всегда шадя хороших и справедливых. В то время, когда из благодарности он пытается качать ребенка женщины-остячки, которая в честь забитого медведя танцевала в своих лучших платьях, он чувствует приближение охотника. У него есть время спастись, но он предпочитает не оставлять свой пост и готов успокоить покачиванием плачущего малыша. Вскоре после этого он падает жертвой своего прямодушия. Его незаслуженная, с

* *Medveenekek, saját gyűjtése es Reguly Antal hagyományal alapjan kozzeteszi Munkacsi Berndt. Budapest. 1893* [Медвежьи песни на основе собрания и наследства Антона Регули, опубликовано Б. М.].

этой точки зрения, смерть будит в сердцах слушателей неподдельное сочувствие (см.: Ч. I. С. 130 и послед.).

Эта песня характеризуется также сравнительно совершенной для остяцких норм формой, хотя отдельные фразы не имеют рифм, они не лишены все-таки определенного стихотворного размера и интонации, благодаря чему обретают некоторое сходство с европейскими стихами. Что касается большинства других остяцких песен, какого бы вида они ни были, то это скорее речитативы, и напрасно искать в них рифму, ритмы и стихотворный размер.

Эти песни обычно поются в сопровождении струнных инструментов. Образцы мелодий остяков и вогулов Конды приведены в Приложении II²⁴.

Глава VII Загадки

Материал для загадок (*môjêr*, *mûjêr*), за которыми остиаки коротают длинные зимние вечера, берется из окружающей их природы, из домашнего обихода и их занятий. Как мог убедиться читатель, загадки не всегда отмечены остроумием; кроме того, одна и та же загадка может быть отгадана разным образом. У док. А. Алквиста также можно встретить массу подобных загадок на северном остяцком диалекте (*Указ. соч.*: С. 17—21).

Раздел II
Иртышско-остяцкие тексты

Богатырский эпос

1. Былина про богатыря

«Kui muruxta sever) ûrt, kui mûruxta vegej ûrt»

Kui muruxta* sever) ûrt, kui muruxta vegej urt
(«Подобный болотной морошке косатый богатырь,
подобный болотной морошке сильный богатырь»)

Смотрел на северную сторону:

Чёрное¹ облако поднималось**.

Его братья сказали (ему): «Не приближается
ли (вражеский) отряд?».

Его братья говорили: «Мы идём в (свой) город».

ОН же сказал: «Я не уйду со своего места,

Я сел строгать стрелы, 1000 стрел я настрогал».

Пришло семь богатырей. Богатыри говорят:

«Будем ли мы рубиться или стрелять (друг в друга)?».

К. м. s., k. м. v. сказал: «Будем стрелять
(друг в друга)!».

Три дня и три ночи они сражались.

К. м. s., k. м. v. сел плакать:

Свои стрелы он совсем расстрелял.

Он сказал: «Теперь станем бороться!».

Они схватились, чтобы бороться:

К. м. s., k. м. v. поборол шестерых богатырей,

Седьмой же богатырь свалил его на землю.

Его богатырские доспехи (соб.: кольчугу и меч) -
снимали с его груди,

Его богатырские доспехи взяли от него прочь,

В семь конских кож его зашивали,

* Способ передачи остяцких слов и выражений при помощи русского алфавита см.: Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень, 1999. С. 22.

** См.: Прил. I, 1. — [Прил. I помещено на С. 363-374. — (прим. изд.)].

Нагревай воду, чтобы она закипела,
 Чтобы богатырь К. т. s., к. т. v. (мог) вымыться.
 Теперь ты узнаешь мою красоту (соб.: силу)!».
 В короткую (?) ночь, в долгую ночь

(когда ночь наступила),

Богатырь К. т. s., к. т. v. преобразился:
 Так восходит утренняя заря*.

Бабушка её сказала:

«Ах ты, безродная девица!

Если сюда к тебе придут твои братья,

Что (соб.: как) ты (им) скажешь?

Затопи (соб.: поставь) чувал (очаг), ты

безродная девица!

Как рассветёт, придут твои братья».

Когда она через окошко прислушивалась на улицу,

Звонящий, бряцающий шум раздавался —

Это шёл её брат.

Её брат сказал: «Ах ты, безродная девка!

Мужа ты себе добыла, сильного мужа!».

Её брат отворял двери,

На кровать у задней стены он бросил взгляд:

Его сестра сидит голая с обнажённой грудью.

Он устыдился своей сестры, повернул назад,

Бросил дверь и плюнул.

Он сказал: «Этим ты (нас) не пугай!».

И возвратился в свой дом.

Вот пошёл второй брат.

Когда его сестра прислушалась,

Звонящий, бряцающий шум был слышен.

Это приближался её второй брат.

Его сестра сидит нагая (соб.: без одежды).

Он устыдился своей сестры, плюнул

И бросил дверь.

Дверь (сорвавшись) с петли, упала на улицу.

Второй брат вернулся назад.

Вот шествует третий брат.

Сестра его прислушивалась,

У окошка она прислушивалась:

Звонящий, бряцающий шум раздаётся —

* См.: Приложение I, 2.

Это её брат приближается.
Он к сестре приближался,
Вошёл к сестре в дом.
Его сестра сидит нагая.
Он устыдился своей сестры,
Бросил дверь, плюнул назад
И вернулся в свой дом.
Дверь вместе со стеной упала на улицу.
Вот пошёл четвёртый брат,
К своей сестре он приходил,
Его сестра сидит в обнажённом виде.
Её брат устыдился, плюнул
И возвратился в свой дом.
Дверь рухнула вместе с углом дома.
Тогда пятый брат сказал:
«Что это (соб.: какая такая) у меня за сестра!
Сильного мужа она себе добыла,
Сюда не приходит моя сестра,
Я пойду (сам) к своей сестре!».
К сестре в дом он вошёл,
Устыдился своей сестры
И вернулся в свой дом.
Тогда шестой брат рассердился:
«Ты у нас безродная сестра!
Раз тебе удалось добыть (себе) мужа,
То ты к нам не идёшь, не слушаешься!
Пусть сегодня богатырь К. м. s., к. м. v.
придёт на «ток» (площадь для игр)!*».
К. м. s., к. м. v. сказал:
«У меня нет ни кольчуги, ни меча⁴!».
И раз вздохнул из глубины своей души.
Потом К. м. s., к. м. v. стал шагать.
(Под его ндгами) изгибались семь половиц.
«Зять, зять! Зачем ты идёшь с пустыми руками?
Я тебе принесу кольчугу и меч», —
Так сказала старая бабушка.
Кольчугу и меч она принесла
И на К. м. s., к. м. v. надела (соб.: набросила).
Тогда он пошёл к ним,

* См.: Приложение I, 23.

У них на столе стоят семь бутылок вина (водки)⁵,
И (там же) стоят семь налитых стаканов.

Богатыри говорили: «Пей вино!».

А он сказал: «Как я буду один пить вино?»

У меня есть жена, я пойду её позову».

Они сказали: «Беги туда скорей!».

Он побежал, позвал её.

Его жена сказала: «Я скоро приду, быстро переоденусь!»

Ты же скажи, что я приду».

Он побежал домой (т.е. в их дом).

Скоро пришла его жена.

Они сели рядом, плечо к плечу.

Братья разливали (соб.: давали) вино.

К. т. s., к. т. v. пил вино.

Вот они сидели трое дней и трое ночей,

На третью ночь они пошли домой.

Когда они пришли домой, (К. т. s.) сказал своей жене:

«Делай поклоны (соб.: клади голову) на семь сторон

(соб.: углов) земли, на шесть сторон земли,

Теперь закрой окошко,

Ложись ничком и не отворяй твоих глаз!».

В короткую (?) ночь, в долгую ночь,

когда ещё не светало,

Пришли деверья и сказали:

«Брат, что вы так долго спите?».

Жена его встала и сказала:

«Друг, на улице слышно, (как будто) кто-то говорит».

«Иди, — сказал он ей, — твои деверья пришли».

Тогда жена его вышла на улицу.

Деверья были ею взяты за руки и введены в дом.

Поставили (соб.: сделали) столы и давай пить,

Худую воду (водку) они стали пить.

Богатырь R. т. s., к. т. v. сказал жене:

«Иди, ступай к морю за водой!».

Его жена вышла на улицу,

Скоро вернулась, посмотрела туда и

Сильно испугалась: города нет.

Место, где стоял город, поросло травой.

Его жена вбежала в дом

И сказала мужу: «Куда делся наш город?»

Только остался наш дом,
Ещё уцелел дом моего старшего брата.
(Уцелели) только наши два дома».
Его братья сказали:
«Мы отправляемся на нашу родину (соб.: место),
Ты же останься (здесь), где ты взял жену.
Теперь тут и живи! С нас довольно
(т.е. мы удовлетворены),
Мы идём в своё место».
Они сказали ему: «Прощай, брат!».

2. Двое внуков старика с вершины речки, откуда бежит вода

«Сделай моей двоюродной сестре шёлковый полог с изображением месяца и солнца!» — «Ты [мне] что за человек? Моя дочь имеет золото (?), серебро и много мягкой рухляди». Племянник разгневался: «Разрубим наш город пополам топором и ножом!». Палисады города и берёзовую пристань они разрубили надвое. (Гарнизон его) поделили (на две части), по 25 человек (каждому). Его старый дядя сказал: «Соболиные и бобровые одеяла наложите (друг на друга) толстым (слоем), подушки положите высоко, (посмотрим), что мне приснится?». Он спал трое суток, потом встал. То слово (т.е. проклятие), которое он (племянник) сказал, не упало на кожистую мохнатую землю*. К ним пришли сваты со стриженными лбами. Сырое мясо едящие оленные самоеды выпрыгнули (на берег) сватать косатую красивую девицу. Жених сказал: «Какая у тебя дочь? (Напоминает ли она) стоящий на небе месяц или восходящее солнце?» — «Не знаю, право, я спрошу (об этом) четверо углов дома!». Посланец при свадебных переговорах ушёл, опять пришёл и сказал (родителю девицы): «Что у тебя на уме?» — «Наносите (столько)

* Рассказ начинается спором между дядей и племянником (или между старшим и младшим братом, так как јаја означает тоже «старший брат»), которые совместно правили городком. Под влиянием этого спора они решили поделить как городок, так и его гарнизон на две части. Племянник проклинает своего дядю и желает ему несчастья. Его желание вскоре исполняется. Самоеды, приехавшие сватать дочь старика, рассердившись на чрезмерную плату, которую он за неё потребовал, напали на него, победили и убили его. Племянник выступает в качестве защитника своей двоюродной сестры и начинает воевать с самоедами, которые хотят её увести насильно.

когтистой белки, чёрного и красного пушного товара, чтобы в них утонула моя голова, когда я буду стоять, выпрямившись, во весь рост, тогда я дам мою дочь (в супружество), не взяв за неё калыма»*.

На пиру начали пить. Семь месяцев ели, пили. Настало время ехать домой. Невеста надела семь рубашек и семь суконных кафтанов**. Её сажают в середину лодки. Её отец вышел её проводить и потребовал у жениха золотистую кольчугу (*соб.:* славную одежду): «Я был на 177 свадьбах (отвечал жених), и от меня не требовали золотистой кольчуги. Будем сражаться топором и мечом (*соб.:* ножом)!». Они повернули (назад) свои большие лодки с раздвоенной кормой и начали сражаться. Старый дядя выставил 25 человек, и (их) 25 стрелами было убито на месте 25 человек; ещё они сразили 250 человек. (Вот) пальцы его устали*** (от натягивания лука). Тогда он стал сражаться с богатырями. Кольца его кольчуги были прострелены. Трижды он харкнул кровью. За воинами стоит (т.е. прячется) теть, его (враги) схватили. Было приказано: «У мужа, носящего кольчугу и меч, снимите кольчугу!». Мужа, носящего кольчугу и меч, сразили и положили в доме. Девуцу взяли и посадили в середину большой лодки (с) раздвоенной (кормой).

Племянник его вышел на улицу, закричал: «Ах вы, безродные ребята! Большой стрелой, величиной с весло, я бы выстрелил в середину вашей огромной лодки с раздвоенной кормой, в куски бы она разъехалась, (но) мне жаль моей двоюродной сестры». — «Птицеголовый утёнок, где ты был раньше? Твой старый дядя был сильнее тебя и то его убили. Ты что за человек? Посадить тебя на ладонь, так ты превратишься в (каплю) крови». Они опять повернули назад свои лодки с раздвоенной кормой и стали сражаться. Он (племянник) выставил 25 человек, жених выставил 300 человек. 25 стрелами его 25 воинов было убито на месте 25 человек. Долго ли сражались, коротко ли сражались, на третью неделю его ум отяжелел. Он умолял Бога, (чтобы он спустил) вниз душу старого дяди. Его старый дядя сел на своё седалище: «Что со мной случилось?». Он прислушался на улицу: «Что это за шум (*соб.:* крик) слы-

* Последние слова добавлены в виде шутки.

** Богатые остяцкие невесты отчасти и поныне имеют обыкновение надевать несколько верхних одежд одну поверх другой.

*** *Букв.:* «сила его пальцев кончилась».

шится?» — спросил он. Его жена сказала: «(Это) тетивы луков скрипят». — «Кто здесь воюет?» — спросил он. — «Здесь сражается твой племянник с каменными (уральскими) самоедами». — «Жена, — сказал он, — подай мне сюда мою кольчугу и мой меч, я их накину на себя». В руку он взял свой лук и стрелы и вышел на улицу. «Старый дядюшка! Отчего у тебя лицо в крови?» — «Кукушку с маковки твоей головы* пошли к дедушке: у нас не хватает сил (для борьбы) с каменными самоедами, они нас здесь убьют!».

Кукушка с маковки головы полетела и прибыла к старику с вершины речки, откуда вода бежит. Она ударилась головой о стену дома и проспала трое суток, потом пробудилась и сказала старику с вершины речки: «Твои внуки находятся в положении, близком к смерти (соб.: они едва не убиты)». Он сказал: «Где ты была раньше? Зачем ты прилетела (соб.: пришла) (так) поздно?». Он сделал из дерева в три обхвата лодку 5 сажений длины и взял в руки золотое весло. Он сел в лодку, гребнул (веслом) и тремя взмахами весла (соб.: тремя ямками в воде, оставленными веслом) он проехал три обских плёса. Он прислушался назад: что это за ветер слышен?**. От волн, (произведённых) его (вёслами), бывшие в Оби крупные осетры и нельмы поднялись на поверхность (соб.: вверх). Он сказал: «Теперь я знаю свою силу!». Он прибыл на жердяную пристань города, состоящую из многочисленных жердей. (Ударом весла) его унесло на 25 сажений в глубь суши. Он пришёл к своим внукам (и сказал): «Зачем вы так поступаете? Давно вы должны были послать (ко мне) кукушку с маковки головы». Он схватил обоих каменных самоедов за ноги и ударил их (до смерти) об угол дома.

* «Кукушка с маковки головы» — шляпа. Вещие богатыри умели превращать в животных разные неодушевлённые предметы, например, им стоило бросить вверх шапку, чтобы превратить её в кукушку, которая могла исполнять для них разные поручения (См.: Тип остяцкого богатыря...//Патканов С.К. Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 78).

** Ветер произошёл от чрезвычайно быстрого движения его лодки.

3. Былина про богатырей города Эмдера

На незамерзающих берегах инейного Эмдера*
 в богатырском городе мы проживали.
 Какой муж с крепкими суставами ног
 родился у меня на краю того города?
 Хи sasıltem tav-tancem jütmaŋ** ūrt («Долго сушёное
 конское бедро раздробивший богатырь»,
 мой брат (здесь) родился.
 Богатырь, носящий имя,
 откуда он добыл своё славное имя?
 Когда в доме, наполненном собравшимися (князьями),
 вследствие их хвастовства возник
 великий спор, что
 Если бы какого-нибудь мужа сын,
 хотя бы полный мужчина,
 И положил на свои два колена (конское бедро),
 То где бы ему удалось разломать
 его быстро на .7 частей!
 Хи sasıltem tav-tancem jütmaŋ urt, мой брат,
 Свирепых рук [и ног] суставами он его схватил,
 В середину хорошего обхвата своих обеих рук
 он его взял
 И быстро раздробил на семь кусков.
 Подобно самкам дятлов и щелкуньям,
 они застряли в четырёх углах дома.

* Город Эмдер (в старых актах «Ендырский городок») находился на Ендырской протоке или речке (ост.: Эмдер), впадающей в Обь в юго-западной части Березовского округа. В этой местности расположены ныне Ендырские юрты (Котск. вол.), населённые остяками (в 1890 г. — 131 д. об. п.).

** От глагола jüdem (самод.), jütem (М.-Конд.) — тереть, мять, дробить рукой.

Через это мой брат, имя носящий богатырь,
 приобрёл своё славное имя.
 После него какой муж с крепкими суставами ног
 родился у меня на другом конце города?
 Ônet sôt-nêger* têt atta ûrt («Кольчугу с сотней
 торчащих* рожков⁶ носящий богатырь»),
 мой брат (там) родился.

После него кто у меня родился?
 Nîlek tui kûvlaŋ tet atta ûrt («Звенящую кольчугу
 из блестящих колец носящий богатырь»),
 мой брат (здесь) родился.

После него кто у меня родился?
 Rûs-teïpe-nârep tonx («Богатырь с остроконечным
 мечом»), мой брат (здесь) родился.

После него [моё] имя:
 Xôrum-kurpè nit-sot urt kudiva pirijîdem sêvet patŋem
 sever) Jag («Из среды 80 богатырей с оленьими ногами
 избранный, с опущенными косами, косатый Яг»)
 мне даётся.

Ещё едва светает, (как) встают незамужние девицы.
 Подобно тому, как стрела пробегает пространство
 (перед) луком (?) (так быстро) и я встаю**. V

Когда (наступила) ночь, располагающая
 к беседам и разговорам, и стемнело,
 Быстрой потребностью крепкого желудка
 я был выведен на улицу.

К северной стороне, к славному краю я прислушался.
 С севера пронзительный голос я слышу.
 Это приближается филин с человеческим ликом, я знаю.
 Посреди города стояла обломанная ветром
 кожуристая лиственница с толстым стволом.
 На её славной вершине едва уцелел сук
 толщиной с ручку скобеля.

Сев на эту ветвь, он повернулся к северу.
 И как будто (он собирался) съесть человека***,
 так он здесь раздул своё горло.

* nêger — адъективиз. слова «nega» — «насторожка» при ловушках.

** Стихи 23 и 24 (этот и предыдущий — *прим. изд.*) показывают, что автор былины ещё холост. Он, как видно из предыдущего, младший из братьев и вообще родственников, т.к. её означает также двоюродный брат, племянник.

*** *Соб.:* женщину и мужчину.

(Обратившись) ко мне, он так стал говорить*:
 «Sêvet patĵem sever) Jag [сущий],
 (Подобно тому), как встают незамужние девицы,
 До каких пор ты будешь (так быстро) вставать,
 как стрела пролетает пространство перед луком?».
 «Девушка такой красоты,
 что я бы её взял (в жёны), ещё не родилась».
 Но филин сказал: «Про девушку такой красоты,
 что ты бы её взял (в жёны)
 Я своим долгим ухом хороший слух слышал».
 Я сказал: «Где ты слышал про девушку такой красоты,
 что я бы взял её (в жёны)?».
 Он отвечал: «Потекли вперёд богатырские воды
 инейного Эмдера с незамерзающими берегами**.
 В обширные воды чистой (?) Оби,
 усеянной мелкой галькой, они пали.
 Обширные воды чистой Оби, усеянной мелкой галькой,
 вперёд потекли.
 В священные воды Иртыша, раздвоенного наподобие
 расходящихся (контуров) песцовой морды (?), они пали.
 Раздвоенного Иртыша священные воды
 вперёд потекли.
 В красноводные богатырские воды Kêver-xuš-xoi-я
 (в Конду) они пали.

* *Букв.*: он сделался ртовым и язычным. Под видом филина здесь является остяцкая княжна из города Karĭ-rôspat vos, которая, заочно влюбившись в молодого князя, наводит его на мысль о женитьбе и сообщает, где ему следует искать себе невесту; при этом она указывает, как добраться до её города.

** В дальнейшем изложении филин передаёт тот путь, который князь должен сделать, чтобы добраться из города Эмдера до города Karĭ-rôspat vos («Богатырский город у Стерляжьей протоки»). Сначала спускаются по Эмдеру до Оби, потом поднимаются по Оби до дельтообразного (?), *букв.*: «раздвоенного») устья Иртыша (Ierĭĵ Sar), потом по Иртышу до «Красноводного потока» Конды, самое нижнее течение которой именуется «Больше-Кондинским сором» (здесь в бытине — Topx siv pîdem jemĭĵ tog). Весной и в первую половину лета этот сор вследствие разлива реки представляет огромное водное пространство длиной в 60 вёрст и шириной в отдельных местах до 7 вёрст. На южном берегу этого сора, в 7 верстах книзу от Реденьского станка, находятся, по словам остяков, следы прежнего города Karĭ-rôspat voS. Выражение «они пали» не следует понимать буквально, так как, очевидно, не Обь впадает в Иртыш и не Иртыш в Конду, а наоборот. Здесь это выражение следует понимать в смысле «приходят в соприкосновение».

Красноводные богатырские воды Kêver-xuš-xoi-я
 вперед потекли,
 В священный сор, на который опустился
 божественный туман, они пали.
 Священный сор, на который опустился божественный
 туман, простёрся (?) к полудню, к славной стороне.
 Karî-rôspat ûrdat vos-y («Богатырскому городу при
 Стерляжьей протоке») здесь принадлежит главенство.
 Старый князь: Xûdem sot bt tittidem luleŋ mox, toxtiŋ
 mox, kîneŋ ûrt iga*
 Строгает (здесь) черен двуконечной стрелы.
 В оглашаемом песнями доме** семь сыновей
 там укачивали.
 Главы дома — старшие три сына, имя им даётся:
 Jinka vêgettai jink xut tâxpëŋ urt xudem pagat («Трое
 юношей, спускающихся к воде и крючащих рыбу»);
 Среднему сыну имя дано:
 Iden jûguttai it moje simet tubai kêzeŋ nâr-puŋdep tonx***.
 (Этот юноша (у него)) вырос.
 После семи сыновей в берестяной зыбке
 с красивой спинкой кого пинали****
 Златоглазую бровастую красавицу (дочь) мужа
 полуденной страны, её (здесь) пинали.
 Про девицу такой красоты, что ты бы её взял (в жёны),
 Здесь я своим длинным ухом хороший слух слышал.
 Отправляйся (туда), если у тебя есть (к ней)
 какое-нибудь дело,
 Снаряжайся на военную ногу, на сватовскую ногу!».

* Это прозвище состоит из следующих частей, которые я не решаюсь перевести вместе: Xudem sot ôt tetidem (или tittidem) — «гнивший 300 лет»; luleŋ-môx, toxtiŋ-môx — «детёныш малой гагары, детёныш большой гагары»; kîneŋ ûrt-iga — «гнилой (?) богатырь-старик».

** *Соб.:* песенного дома семь сыновей.

*** Это прозвище состоит из следующих частей: iden jûguttai — «поздно приходящий», it moje simet tubai — непонятно; kêzeŋ nâr-puŋdep tonx — «богатырь с [ножевой] саблей на боку». Слово «tonx» означает собственно: «божок», «дух». Богатыри (urt) у прежних остяков тоже нередко считались людьми сверхъестественными (См. Тип остяцкого богатыря...//Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 77-78; 110), чем и объясняется их наименование: tonx.

**** Сопхом — пинать, т.е. толкать ногой, здесь — качать люльку ногой, приводя её в движение при помощи привязанной к ней верёвки.

— Если женщина неплотно шила, то неплотный шов
из пряжи распарывается* —

У нас возгорелась война (двойственная Тарн
с одним ликом).

В то время как мы (таким образом) сражались,
Моего брата Pus-teïre-nârep tonx-a один муж сразил:
Подобно крышке с отверстия лукошка или кузова
На том же месте его совершенно растоптали.

— Напрасно (только он, муж, с) силою
в славных суставах рук** родился! —

После того мы, четверо богатырей, четверо братьев,
Во время нашего бегства находились
на колотливой дороге.

Когда мы добрались до высокого мыса
Самарской «горы»***

И мой брат Xû sasîltem tav-tancem jûtmaŋ ûrt
Со своими двумя оленьими быками взбирался вверх,
подобно тому, как карабкаются летние белки,

Они****, догнав нас на славных крылоногих
животных (мужа) полуденной страны

Окровавленного мужа две половины тут положили.

Когда мы достигли высокого мыса Сарайской «горы»***

И мой брат Ūnet sôt-nêger têt atta urt

Со своими двумя оленьими быками взбирался вверх,
подобно тому, как карабкаются летние белки,

Они, подоспев на славных крылоногих животных
(мужа) полуденной страны

Окровавленного мужа две половины там положили.

Когда мы добрались до высокого мыса «горы» Тюнка***

И мой брат Nîlek tui kûvlaŋ tet atta urt

Со своими двумя оленьими быками взбирался вверх,
подобно тому, как карабкаются летние белки,

* Стих 109 (к которой относится сноска — прим. изд.) показывает, насколько внешний мир между богатырями покоился на шатких основаниях.

** Можно перевести также: с силою в суставах славных рук.

*** Под словом «unt» следует подразумевать возвышенный нагорный берег крупных рек, здесь Иртыша и Оби. В Сибири такой берег зовётся яром или горой. Самарская гора находится в 25 верстах от устья Иртыша, над самым селом Самаровским. Остальные два места в точности неизвестны, хотя и находятся поблизости.

**** Богатыри из города Kaŋi-rôspat vos.

Они, подоспев на славных крылоногих животных
 (мужа) полуденной страны,
 Окровавленного мужа две половины там положили.
 Чтобы мой город не остался без отцовского имени,
 без главы, меня оставили.

Я всё продолжал путь. Двое мужей*
 мне попались навстречу.

Они меня спрашивают: «Куда ты увёл наших отцов?».
 Я сказал: «(Чтобы видеть) глаза ваших отцов,
 смотрите на меня!»**

Старший муж схватил меч, хотел меня ударить,
 А младший муж (стремился) схватить меч.
 В то время, как они оспаривали меч друг у друга,
 Ручка меча упала мне на маковку головы,
 И свет моих (глаз) померк (соб.: плотно завесился)***.
 По узкой тропинке, усеянной листочками
 и травками, я пошёл

На ступенчатую лестницу, высотой
 в 300 ступенек, я стал взбираться.****

Я всё взбирался и взбирался.

Когда до неба осталось все три ступеньки,

Идут мне навстречу три белки с красными бёдрами*****

— Старший брат, куда ты идёшь?

— Я к вам иду!

— Наше слово таково: мы пищу едим
 с человеческой кровью,

Воду мы пьём с человеческой кровью. Вернись назад!

Я повернул назад, спустился вниз, достиг земли

* Сыньювья убитых эмдерских князей, его племянники.

** Смысл этой фразы следующий: «Ваших отцов нет в живых. Если вы желаете воскресить в вашей памяти их портрет, то взгляните в меня, который в качестве их брата представляю родственное с ними сходство».

*** Другими словами: «у меня потемнело перед глазами». Князь и автор былины впал в беспамятство, во время которого ему показалось, что он совершает путь на небо. Придя в себя, он принимает виденный им сон за действительность и передаёт его в виде рассказа о своём путешествии.

**** См. примечание *** на С. 258. — (прим. изд.)

***** Здесь под видом белок с ним встречаются души его убитых братьев. Они ему сообщают, что они в самом деле убиты и все едят с кровью, его же час ещё не настал. Относительно эпитета белок заметим, что в осеннее время белка меняет свой летний мех на зимний, начиная со спинки, и некоторое время сохраняет красные ноги.

И обратно пошёл по узкой дорожке,
 усеянной листочками и былинками,
 Сел на свои сани и пробудился.
 Мои оба племянника стояли плача
 по обе стороны саней.

Они мне говорили:

«Когда древесные листья достигнут
 величины уха бобра,
 Жди нас тогда. Если мы не придём, то
 Когда древесные листья приобретут тёмный цвет
 (соб.: лицо) испорченной рыбы,
 Поджидай нас тогда. Если мы не пришли, то
 Когда листья деревьев падут на мёртвую
 кожистую, мохнатую землю,
 Тогда жди души (от) нас, мужей, обладающих
 руками и ногами!»*.

Мы простились и направились в две разные стороны**.

Хотя оба мужа и добрались до богатырского города *Karj-rôspat-voš*, старый князь *Xûdem sot 6t tittîdem lulej mox toxtij mox, kînej ûrt* (оттуда) бежал. Дорогу вдоль *Конды*, по которой он бежал, они выслеживали, подобно собаке, приученной (к охоте) на соболя. Вот перед ними город *Xârda**** высотой в семь лиственниц. Туда он бежал. В этом городе, в медной кре-

* Племянники, отправляясь мстить за смерть своих убитых отцов, назначают своему дяде два срока, к которым они предполагают вернуться, и третий, когда в случае их гибели к нему возвратятся лишь их души. В дальнейшем изложении они фигурируют под именем эмдерских мужей.

** Отсюда былина некоторыми сказителями излагается прозой, другими, напротив, поётся до слов: «двое мужей...».

*** Город *Xârda-voš* находился на р. Иевре, или Евре, в бассейне средней Конды (в самой восточной части Туринского округа). Река Иевра впадает в самое верхнее из трёх крупных озёр («туманов») этой местности, называемое Сатыжинским туманом. Вся окрестная местность населена вогулами. В былине ничего не упоминается о последних, вероятно, ввиду того, что остяки и вогулы считают друг друга как бы за один народ. Возможно, однако, что поселения остяков прежде простирались несколько далее к западу, на что может указывать название реки *Jêvra* — «Волк», легко объяснимое при помощи остяцкого языка. Упоминаемый дальше богатырь *Jêvjr* — «Волк», вероятно, был князем города *Xârda* и владельцем прилегающей местности. Отметим ещё, что на р. Иевре ныне расположено несколько небольших селений и между ними Иевринский паул (селение), населённый вогулами, может быть, потомками жителей упомянутого городка.

пости* было сделано одно отверстие, через которое мог бы пролезть человек в кольчуге. В медной крыше было оставлено одно отверстие для света. В этот *Xârda* город был введён народ, и *Jêvîr*⁷-богатырь запер город. Вследствие недостатка в пище голод одолел всё население двух городов**. Так как у этих же двух мужей речка *Jêvra*⁷ (как бы) кипела⁸ (вследствие изобилия) рыбы, то (случилось, что) в то время, как ворон, заклюнув рыбку, нёс её через город, его заметили внутри города, и народ из двух целых городов вываливает наружу. Оба эти мужа лежали в виде змей по обеим сторонам городских ворот. Когда они посмотрели сквозь трёх братьев *Jinka vêgettai jink xut tâxpeŋ ûrt*, то видно было на солнце, как (у них) внутренности (?) и кишки лежат. *Jêvîr*-богатыря, хотя они и осматривали и снизу и сверху, он, как бы покрытый корой из золота (?) и серебра, имел вид доброй глыбы***. Они начали черпать краснопёрого язя. Много куч величиной с землянку они начерпали. Богатырь *Jêvîr* сказал: «Вы, три брата, делите!». Три брата сказали в ответ: «Мы не станем возиться со скользкою, хорошо резвящейся рыбой». После этого богатырь *Jêvîr* начал делить. Он делил, делил и бросал своим людям промеж ног краснопёрого язя. Богатырю *Jêvîr*-у стало жарко, он снял кольчугу и передал её пяти мужам: «Не оставляйте моей кольчуги далее, чем на расстояние двух-трёх человек». Эти мужи смотрят: вот кольчуга осталась далее, чем на расстоянии двух-трёх человек. Тогда старший муж выстрелил. Как раздался шум тетивы лука, богатырь *Jêvîr* присел. Хотя второй муж и выстрелил, *Jêvîr*-богатырь прыгнул вверх⁹. Вот к богатырю *Jêvîr*-у принесли его кольчугу. Как он её надевал, старший муж (опять) выстрелил: кольчуга совсем закрыла его уши, он не слышал шума тетивы лука. Тут в него (стрела) и попала. Когда он был поражён, он сдёрнул кольчугу вверх, бросил её тем двум мужам и сказал трём братьям: «Из-за того, что было съедено вашим обжорливым брюхом, меня убили».

* О подобных «медных крепостях» упоминается и в самоедских былинах, приводимых Кастреном (Reiseber. u. Br. 1845-49. С. 177).

** Городок, как мы знаем, принял в свои стены и всё население города *Kari-rôspat-voš*.

*** См.: 1 Былина, прим. * на С. 243, а также Тип остяцкого богатыря... // *Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 51* Стих 178 (здесь идет речь о предыдущем предложении — *прим. изд.*) *букв.*: кишки, как они лежат, на солнце сквозь видны.

Двое мужей начали с тремя братьями вести войну (*соб.:* одноликую двойственную Тарн). Они воевали, воевали. Вот у трёх братьев кольчуги сделались негодными*. Когда их кольчуги сделались негодными, они израсходовали свои стрелы. (Тогда) они стали поражать друг друга листовничными и еловыми дубинками.

Они дрались и дрались. Старший эмдерский муж, схватившись со старшим из трёх братьев, начали бороться. Они упали поперёк реки Катыма**. Эмдерский муж упал с верхней стороны реки, тот муж с нижней. Они лежат, обхватив друг друга. Эмдерский муж спрашивает (того): «Ты вот лежишь, каково тебе лежать?». Он отвечал: «В то время, как меня прижимает быстротою сильного течения, у меня отнимается добрая спинная сила». Тот муж встrepенулся (и принял) образ ерша. Эмдерский муж встrepенулся (и, приняв) вид щуки***, гонится за ершом. Как он его (хочет) клюнуть, ёрш поворачивает к нему хвост и взъерошивается. Они выходят на сушу. Три брата вымолили у Бога железную, металлическую плоть. Старшие двое мужей обросли железной, металлической плотью. Когда же у младшего мужа железная, металлическая плоть дошла до середины тела, эмдерский муж ударил его мечом. Младший муж застрял (на месте в виде) спущенной на землю кочки. Тогда оба брата после того, как убили их брата, вознеслись к Золотому Свету, своему Отцу****, и поразили обоих эмдерских мужей, опустив на них в виде грома каменные стрелы¹⁰.

* *Соб.:* израсходовались, кончились.

** Р. Катым — приток Конды с правой стороны.

*** См.: Прилож. I, 5.

**** Ныне оба эти богатыря чествуются кондинскими остяками как святые. Называют их обыкновенно Jega-tei-igejen — «Двое стариков с вершины речки».

4. Сказание про двоих сыновей (мужа) Jâvetta-kêtre хуи и Tâpar-ской женщины

Двое сыновей Javetta-ketpe хуи («Мужа с размашистой рукой») и Tâpar-ской женщины жили долго, жили коротко. Старший муж не имеет жены, у младшего есть жена. С какого-то отдалённого (?) конца земли (прилетел) огромный филин величиной с деревню*, сел на вершину лиственницы и качался в эту сторону (соб.: сюда) и качался в ту сторону (соб.: туда). В то время, как (младший муж) выделяет (соб.: делает) худые нечистоты, носимые женщинами и мужчинами, и сидит, ему были брошены (филином) две рукавицы из шкурок филина: «Ar miġ tâgat petmaġ têt tâtte jôr («Страх внушающую кольчугу из полотна многих земель носящий богатырь»), в тот же день, как ты родился, я родилась; в тот же день, как я родилась, ты родился. Кровь от наших пуповин попала в одно место. Нашим Небесным Отцом, нашей Небесной Матерью нам предопределено быть вместе. Если ты имеешь намерение меня взять (в жёны), то не медли, пока вскипит (?) кипящий (?) котёл, не мешкай, пока поспеет долговременный котёл. Мой отец Nânk-xuș xoî vîriġ ûrt iga («Кровавый богатырь, старый муж Nank-xuș») желает меня отдать без калыма к многочисленным мужам самоедской стороны».

* Город Tâpar-voș князей Javetta-ketpe хуи и Tâpar-ской женщины находился на возвышенном мысу одинокого холма (чугаса) около нынешних Цингалинских юрт (Нар. вол. — Tâpar mir). Городище это и поныне существует. По нему указанный холм назван Vozîġ (Vožîġ) unt или Vož (Vož)-oxta — «Городская гора (холм)», а лежащие у её подножия Цигналинские юрты — Vožitra — «(селением) впереди города». (Ср: Прил. I, 33).

Под видом филина к князю прилетела княжна, дочь богатыря Nank-xuș xoî (Ср.: Был. 3. Прим. * на С. 256), город которого находился где-то на нижней Оби. «Величиной с деревню, с город» — излюбленное сравнение в остяцкой поэзии для указания крупных размеров того или другого предмета.

Обе рукавицы из кожи филина он вертит в одной (*соб.:* этой) руке, вертит в другой (*соб.:* той) руке: как шов шился, не видно, как работа (*соб.:* работанное) работалась, не видно, или они в таком виде были созданы. Он вошёл в дом, и туманной ночью, тёмной подобно глазу духа, он лёг спать на вшивое место, он лёг спать на блошиное место*; (он не мог спать и думал), как он пойдёт к своему брату (сыну) *Jâvetta-kêtre xui* и *Tâpar*-ской женщины. Когда загорелась (*соб.:* поднялась) утренняя заря, он (к нему) пошёл. Его невестка услышала первое произнесённое им слово, (когда он находился) на площади города, имеющего площадь. Вторично сказанное слово она услышала, (когда он находился) в жердяных сенях, где лежат собаки. В третий раз произнесённое им слово она услышала, (когда он находился) на славных половицах дощатого пола. Как он вошёл в дом, его брат мигнул исполняющей домашние работы рабыне большим глазом, мигнул малым глазом. Когда рабыня, исполняющая домашние работы, принесла полное блюдо славного кушанья, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Его брат ему сказал: «Брат, начало той вести, которую ты принёс, начало той речи, которую ты принёс, изложи?». Брат сказал: «Прилетел (*соб.:* пришёл) большой филин величиной с деревню, величиной с город и сел на прочный городской столб. Им были брошены две рукавицы из шкурок филина: как шов шился, не видно, как работа работалась, не видно, или они так и были созданы (*соб.:* родились). Большой филин величиной с деревню, величиной с город сказал: «*Ar miğ tâgat petmañ têt tâtte jôr!* К моему отцу, Кровавому богатырю, старику *Nânk-xus xoi*-ю, прибыли воины со стриженными головами, прибыли сваты со стриженными головами. Ко многочисленным мужам самоедской стороны он меня хочет отдать без (всякого) калыма. Если ты имеешь намерение взять меня (в жёны), не медли, пока вскипит (?) кипящий (?) котёл, не мешкай, пока поспеет котёл, требующий время, (чтобы вскипеть). Быстро одевайся, быстро приходи! Поспешно одевайся, поспешно приходи!». Его брат ему сказал: «Твоих многочисленных мужей изо всего города, твоих многочислен-

* То есть он не мог спать от забот, как будто он лежал на месте, избилуемом насекомыми.

ных мужей изо всей деревни созови вместе, приведи семь оленей, привязанных (*соб.:* нанизанных) к одному ремню, привяжи их к прочному городскому столбу, чтобы жертвенной* рукой, чтобы рукой, готовой к пиру*, принести там (жертву) для похода к мужским водам чужестранцев**; для того, чтобы созвать туда сотни добрых духов, (которые живут) на многочисленных мысах, чтобы созвать туда сотни лесных духов, (которые живут) на многочисленных мысах***, и (от них) [там] просить спинную силу и (от них) [там] просить брюшную силу¹¹».

Его брат пошёл домой и созвал вместе своих многочисленных мужей изо всего города, изо всей деревни в большое помещение, (предназначенное) для собрания (*соб.:* входа) воинов, (предназначенное) для собрания сватов. Семь оленей, привязанных к одному ремню, было там привязано. Многочисленные мужи изо всего города, изо всей деревни поставили туда берестяные сосуды с пенящимся отверстием, берестяные сосуды с обручем в отверстии. Они опускали (свои) колени на площадь, поросшую травой, они вставали на площадь, производящую траву, и с жертвенной рукой они там стояли и с рукой, готовой к пиру*, они там стояли. Они сняли (с животных) их кожи, варили мясо и клали в блюда и (берестяные) кузова. Они взошли в большое здание, (предназначенное) для собрания воинов, (предназначенное) для собрания сватов, ели мясо и пили. Многочисленные седоголовые (?) старцы открыли тогда (*соб.:* туда) начало речи, открыли начало слова: «Княгини нашего города и князья нашего города! На какой отдалённый конец земли вы сосредоточили ваш ум, речи вашей начало, слова вашего начало, вы (нам) изложите. В какой отдалённый конец мира вы желаете направить (ваших) сватов со стриженными головами, воинов со стриженными головами?». Младший муж сказал: «Мы снаряжаемся в город Кровавого богатыря, старого *Nânk-xuš xoî*-я, ради Кровавого богатыря *Nânk-xuš xoî*-я младшей дочери, девицы». Многочис-

* Прилагательное от *jig* — кровавая жертва и *rogî* — жертвенный пир, т.е. пир, сопровождающий жертвоприношение; всякое пиршество.

** То есть к водам, по берегам которых живут люди (мужи).

*** *Букв.:* чтобы созвать туда сотни многочисленных духовых мысов, чтобы созвать туда сотни многочисленных лесовиковых мысов.

ленные седоголовые (?) старцы сказали: «В город Кровавого богатыря, старого Nānk-xuš xoī-я отправлялось много мужей, (но) как они опрокинули свои глубоко сидящие лодки с водяной кормой, в которых они имеют обыкновение сидеть, на деревянные колья, подобные журавлиным ногам, (так) они и поросли оленьим мохом высотой в пядь». Младший брат сказал: «(Если) мы, двое сыновей Jâvetta-kêtre xui и Тараг-ской женщины, отправившись в город Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoī-я, и опрокинем нашу грузную лодку с водяной кормой, в которой мы сидим, на деревянные колья, подобные ногам журавлей, то каким это образом случится, что она порастёт оленьим мхом высотой в пядь?».

Младший муж встал, взял из-за угла чувала полено, нарезал на нём три грани и отметил зарубками 150 мужей со своей стороны: (где) был плох отец, зарубался сын, (где) был плох сын, зарубался отец. Также и старший брат взял из угла за чувалом полено, нарезал на нём три грани и отметил зарубками 150 мужей со своей стороны: (где) был плох отец, зарубался его сын, (где) был плох сын, зарубался его отец. Там, где был зарублен отец*, плачет сын, там, где был зарублен сын, плачет отец. Младший муж приказал: «Когда появится утренняя заря, когда взойдёт солнце, спуститесь к жердяной пристани, состоящей из множества жердей!». Всем многочисленным мужам, которые были отмечены зарубками, младший муж сказал: «(Когда) вы ляжете в туманном месте, (чтобы спать) крепким сном, то не спите долго!». Наступила туманная ночь, тёмная, как глаз духа, и они легли в туманном месте, (чтобы спать) крепким сном.

Старший муж пробудился: где-то (слышен) шум шагающего (богатыря), идущего (богатыря). Он вошёл в сени. Если бы хороший плотник во время постройки не положил (туда) множество железных полос, не положил (туда) множество жестяных кусков, половицы сеней не выдержали бы (его тяжести). Войдя в дом, его брат, (сын) Javetta-ketpe xui и Тараг-ской женщины, сказал: «Брат, зачем спят так долго мужи, (намеревающиеся) завоевать хлебородные источники¹² чужой земли, (намеревающиеся) завоевать изобилующие рыбой источники чужой страны, (мужи), кото-
* Соб.: у мужа, у которого был зарублен отец.

рые легли на туманном месте, (чтобы спать) крепким сном?». Старший муж встал и мигнул рабыне, исполняющей домашние работы, большим глазом, мигнул малым глазом. Она принесла полное блюдо славного кушанья. Младший брат взял концами пальцев один кусочек, взял концами пальцев два кусочка. Младший брат сказал: «Из твоих многочисленных складов, где у тебя лежат металлические вещи, из твоих многочисленных складов, где у тебя лежит (разный) товар, в изобилии выложи золотые (?) и серебряные глыбы и в твою глубоко сидящую лодку брось в изобилии красное сукно и чёрное сукно для того, чтобы мы не увидели стеснённого края земли, чтобы мы не узнали края земли, полного лишений!». Когда (*соб.:* хоть) старший брат пошёл в свои многочисленные склады, где у него находились металлические вещи и (разный) товар, уже давно (занятое ими) место стало пустым. *Anet ôtiŋ attada xui, soŋnet ôtiŋ attada xui* («Муж, несущий край блюда и край туея») уже давно положил, уже давно набросал (в лодку) глыбы золота (?) и серебра.

Он поднял свою голову с пробором, с которой падали роскошные волосы, надел кольчугу и то, что было (необходимо), и стал шагать по полу: и он живёт, как князь, и он живёт, как боярин (*соб.:* муж). Его малые дети пугаются (леденящего) холода, (идущего) от железа, холода, (идущего) от металла. Он шагал по полу, на какую половину он ни наступал, она гнулась наподобие обруча; если бы хороший плотник во время работы не положил (*соб.:* набросал) бы (сюда) множество листов жести, если бы он не положил (сюда) множество полос железа, половицы не выдержали бы (его). Когда работающая в доме рабыня принесла полное блюдо славных яств, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Из его глаз потекли (*соб.:* спустились) слёзы (длиной) в семь пядей, из его глаз потекли слёзы (длиной) в шесть пядей: «Удастся ли нам, двум мужам, отправляющимся в хлебородные земли чужестранцев, в изобилующие рыбой (*соб.:* рыбные) земли чужестранцев, вернуться с нашими косатыми головами или нет, или наши души, обладающие руками и ногами, от нас, мужей, имеющих руки и ноги, придут в наш *Tâpar*-ский город мужа *Jâvetta-kêtre xui*, или же наши отливающиеся (?) головные кожи будут где-либо сняты каким-нибудь мужем^{13?}».

Когда он спустился к жердяной пристани, состоящей из множества жердей, он своим домам, хорошо построенным (*соб.:* сделанным) из дерева, хорошо крытым (*соб.:* сделанным) травой, много раз отвесил поклон, (изогнувшись) подобно многочисленным дужкам из черёмушника, подобно многочисленным обручам из прутника*. Многочисленные мужи из всего города, многочисленные мужи из всего селения между тем собрались вместе. Младший брат посмотрел: в его глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой он обыкновенно сидит, лежат глыбы золота (?) и глыбы серебра.

Также и он (старший брат), когда садился в свою глубоко сидящую лодку с водяной кормой, огляделся вокруг себя: и у него лежат глыбы золота (?) и у него лежат глыбы серебра. Мужи, идущие на войну, отчалили (от берега), мужи, идущие сватать (девицу), отчалили (от берега). Оставшиеся дома многочисленные седоголовые (?) старцы крикнули громкий (*соб.:* большой) крик, который принято кричать при отчаливании воинов; до вершины низкого дерева и до середины высокого он достиг. Когда они крикнули во второй раз, до пути пёстрых облаков, [туда] достиг (их крик). (Крик), крикнутый в третий раз, до Золотого Света — Отца¹⁴ — [туда он] достиг. Младший муж сказал: «Послушай, брат, теперь выступим с нашими воинами со стриженными головами, с нашими сватами со стриженными головами: до нашего Отца, Золотого Света, достиг (наш зов). Где (*соб.:* когда) теперь наступит для нас день поражения и смерти?».

Они сели в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца. В то время, как они едут, всюду, где у жён (и мужей), живущих на семи [многих] мысах, расположенных по сю сторону (реки); где у мужей (и жён), живущих на семи [многих] мысах, расположенных по ту сторону (реки)**, хватает ума, хватает сердца, они выставляют (для проезжающих воинов) берестяные сосуды с пеня-

* *vuǰet-juxta* из *Vut* — прутик из черёмухи, тальника и т.д., *jux* — дерево и *-ta* частица, выражающая вещество, а также носящая характер сравнения (Ср.: *vox-sùxta-kêler tonx*).

** *Букв.:* (где) на семи многочисленных девичьих мысах, расположенных по сю сторону (реки), где на семи многочисленных богатырских мысах, расположенных по ту сторону...

щимся отверстием, берестяные сосуды с обручами в отверстии. В таком месте они проезжают, даруя (*соб.*: бросая, брызгая) им счастье в добыче рыбы, даруя им счастье в добыче пушнины. (Здесь) ими закалываются в виде жертвы кровавые олени, здесь ими закалываются в виде жертвы кладеные (?) олени. Там, где у людей не хватает ума, не хватает сердца, они проезжают, распространяя разные болезни: ледяных покойников тащат (прочь), холодных покойников тащат (прочь). Местами они оставляют (*соб.*: ставят) позади себя площади, (усеянные) кусками женщин, площади, (усеянные) кусками мужей. Когда они приехали к какой-то протоке, многочисленные седоголовые старцы сказали: «Муж, едущий на войну, муж, едущий сватать (девицу), (пусть) здесь приготовят мёртвое (?) жито и питающее жито¹⁵, (пусть) здесь поставят блюда и кузова, чтобы просить здесь о спинной силе, чтобы молить здесь о брюшной силе».

Пристали к берегу. Многочисленные прозябшие мужи принесли в руках режущее железо с острым клинком¹⁶ (т.е. топор), многочисленные прозябшие мужи развели при помощи дерева огонь (многоязычный рот девы Тарн). Многочисленные проголодавшиеся мужи принесли в руках котёл с железной ручкой, приготовили мёртвое (?) жито и питающее жито, поставили блюда и берестяные кузова, чтобы созвать туда (добрых) духов, (живущих) на сотнях возвышенных мысов, чтобы созвать туда лесных духов, (живущих) на сотнях мысов и (от них) просить [там] спинную силу и от них [там] просить брюшную силу.

Многочисленные седоголовые (?) мужи, многочисленные белоголовые (?) мужи сказали, (что здесь надо) прожить два дня, (что здесь надо) прожить три дня. Прожили (там) два дня, прожили (там) три дня. Наступил день для сбора на войну, наступил день снаряжаться на свадьбу. Младший муж сказал старшему: «Одень 150 мужей с твоей стороны в дорожную обувь и дорогие одежды, и я одену 150 мужей моей стороны в дорожную обувь и дорогие одежды (для того, чтобы) когда мы прибудем в город Кровавого богатыря, старика Nānk-xis хоі-я, нельзя было бы узнать [то обстоятельство], кто из нас богатыри, чтобы нельзя было бы узнать [то обстоятельство], кто (из нас) простые люди, чтобы богатырь не был

принят за богатыря. Когда мы проедем два плёса, когда мы проедем три плёса, будет виден сор Кровавого богатыря, старика Nânk-xuš xoi-я. Перед нами будет простираться столь широкий сор*, что его глаз не охватывает, как будто там небо и вода пришли в соприкосновение».

Ехали, ехали, посмотрели назад: (как будто там) протянута черная нитка, посмотрели вперед: (как будто там) протянута черная нитка. (Опять) поехали, поехали вперед (и перед ними) показался город Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я¹⁷. Дальнозоркими они были замечены, чутким ухом услышаны. (Они сказали своему князю:) «Кровавый богатырь, старый Nank-xus xoi, выслушай нас как князь! К нам приближаются или воины со стриженными головами, или к нам приближаются сваты со стриженными головами!».

Когда Кровавый богатырь, старый Nânk-xuš-xoi спустился к жердяной пристани, состоящей из множества жердей, (он видит, что) действительно приближаются воины со стриженными головами, действительно приближаются сваты со стриженными головами. (Его сын) Tavet jirtai, vòjet jirtai·sui ânket («Привязывающий коней, привязывающий оленей к заиндевелому столбу») спустился к берегу, посмотрел, посмотрел и сказал: «Послушай, батюшка, к нам приближается безголовая свадьба**, не имеющая головы, к нам приближается безвозвратная свадьба, при которой нет возврата». Младший сын (князя) Jâvetta-kêtre-xui и Tâpar-ской женщины подъезжает (между тем к городу), свистя из широкой глотки, свистя из узкой глотки***. Он повернулся сюда, он повернулся туда, и, подобно выдре с заострённым телом, он извивался в своей глубоко сидящей лодке с водяной кормой в эту сторону и извивался в ту сторону и показывал все уловки и все хитрости, какие только есть.

* Сор здесь в смысле: низменные места по берегам крупных рек, залитые речной водой. Подобные соры имеют местами от 1-5 вершков ширины и 5-10 и более вер. длины. К осени вместе с падением вод в реках и размеры соров уменьшаются. Таков Б. Кондинский сор в низовьях Конды (См.: Был. 3. Прим. ** на С. 256), таков и сор Nânk-xuš-xoi-я, находившийся где-то по нижнему течению Оби.

** Поездки с целью сватать девицу в те времена сплошь да рядом кончались войной, во время которой не один богатырь оставлял свою голову на чужбине, поэтому поездка за невестой называется здесь безголовой, безвозвратной.

*** То есть беря низкие и высокие ноты. Свистел он от избытка удал.

Они подъехали к пристани. Приблизившись (к берегу) на расстояние выстрела, младший муж поставил конец лука (на землю), выпрыгнул на берег и пошёл (вперёд) как беззаботный юноша, будто он был местный житель в том городе, будто он был местный обыватель в той деревне. Их пригласили в большой дом Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoi-я, предназначенный для собрания (*соб.:* вхождения) воинов, в большое помещение, предназначенное для собрания сватов. Им дали женщину, чтобы носить воду, им дали женщину, чтобы варить котёл, им дали мужчину, чтобы рубить дрова. Для них готовят мёртвое (?) и питающее жито, их кормят и поят. Ar mığ tâgat petmaq têt tâtte jôr сказал: «Брат, ту весть, которую мы привезли, ту речь, которую мы привезли, начало (этой) вести, начало (этой) речи пошлём туда!». Младший брат сказал: «Дадим растаять инею, (покрывающему) нас, мужей, пришедших издалека. Когда мы проведём туманную ночь, тёмную, как глаз духа во время зародившейся зари при взошедшем солнце, тогда пошлём (к ним) нашу весть, нашу речь».

Всякий раз, как на одной стороне (один) муж ложится, на другой стороне (один) муж бодрствует, как только спящий муж пробуждается, бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах ими вследствие неизвестности (*соб.:* когда они не знают) овладевает страх. Когда стало светать, они позвали одного мужа из туземцев и выставили одного мужа из прибывших мужей, чтобы передавать (*соб.:* бегать) вести. Они пришли к Кровавому богатырю, старому Nank-xus xoi-ю, и сказали: «Кровавый богатырь, старый Nank-xus xoi, выслушай нас как богатырь, выслушай нас как муж, (к тебе) прибыли воины со стриженными головами, к тебе прибыли сваты со стриженными головами. Относительно младшей дочери Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я, девицы, какая у тебя весть, какое слово, эту весть, это слово ты (нам) изложи!».

Старик сидел, сидел и сказал: «Моей младшей дочери, Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я девицы, обратившееся в прах тело (*соб.:* зад) я уже давно похоронил. В ту страну, столь отдалённую, что не добраться туда и зверю, кто мог бы отнести вам мою весть, моё слово и вашу весть, ваше слово кто бы доставил ко мне? Эту мою весть, это моё слово

отнесите им». Они вернулись и там сказали: «Младшей дочери Кровавого богатыря, старого Nānk-xuṣ xoī-я девицы, обратившееся в прах тело (?) уже давно предано земле».

Двое сыновей Jâvetta-kêtre xui и Tapaг-ской женщины сказали: «Если её обратившееся в прах тело похоронено, пусть он даст десять человек с лопатами, пусть он даст десять человек с топорами. Мы её выроем и принесённое для неё золото (?) и серебро и предназначенные для неё дорогой шёлк и дорогую парчу мы ей положим в (могилу). Пусть тогда славные суставы её тысячи костей пропадут в том виде, как их мать родила. Эту весть отнесите Кровавому богатырю, старику Nank-xus xoī-ю». Ему отнести эту речь. Кровавый богатырь Nank-xus xoī, опустив голову, сидел, сидел и сказал: «Моя младшая дочь Кровавого богатыря Nank-xus xoī-я, девица, ещё сосёт материнское молоко». Эту весть отнесли туда. Оба сына (мужа) Javetta-ketре xui и Tapaг-ской женщины сказали: «В нашем Tâpaг-ском городе (мужа) Javetta-ketре xui много седоголовых (?) женщин, много белоголовых (?) женщин, пусть она там питается молоком из груди, пусть она там питается молоком из рожка (соб.: из руки)». Эта весть была отнесена к Кровавому князю, старику Nank-xus xoī-ю. Он сказал: «Моей младшей дочери Кровавого богатыря Nank-xus xoī-я, девицы, растущие суставы рук ещё не выросли, растущие суставы ног ещё не выросли». Двое сыновей Javetta-ketре xui и Tapaг-ской женщины сказали: «Её растущие суставы рук, её растущие суставы ног мы сами там вырастим». Кровавый богатырь, старик Nank-xus xoī уступил. (Он сказал:) «Все мои сваты в (числе) 300 человек приходите (сюда), я не знаю [того обстоятельства], кто из вас князья, я не знаю [того обстоятельства], кто из вас простые люди; вместо князей не выставляйте простых людей, вместо простых людей не выставляйте князей». Сваты послали обратно весть; «Ты уроженец этого города, ты уроженец этого селения, что тебе необходимо, у тебя имеется в изготовленном виде, у нас же, (происходящих) из селения, (расположенного) у рыбного источника чужой стороны (соб.: чужестранцев), не готово то, что нужно».

Оба сына мужа Javetta-ketре xui и Tapaг-ской женщины, приказали многочисленным мужам всего своего

воинского отряда, многочисленным мужам всей своей толпы сватов измерить (расстояние) между домом Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoi-я и их домом, (чтобы узнать), до какого места приходится на их долю устлать (дорогу) красным сукном, устлать (дорогу) чёрным сукном.

Tavet jirtai, vòje jirtai sui ânket-у приказал его отец: «Послушай, сын мой, твои оба свата не имеют желаний идти по смертной кожистой земле, по мохнатой земле. И ты устли пространство (*соб.:* место), которое пришлось на твою долю, красным сукном, чёрным сукном». (После этого сватам) была послана весть: «Мои сваты, приходите!». Младший муж (сын) Jâvetta-kêtre xui и Tâpar-ской женщины, выступил со своей толпой сватов в 300 человек по направлению к дому (будущего) тестя (*соб.:* свата), он (сам шёл) впереди и повесил себе через плечо меч. Кровавый богатырь, старик Nank-xus xoi, сказал своему народу: «Займите хорошую дорогу, по которой должны идти воины, по которой должны идти сваты. Если (жених) неопытен в свадебных делах, он не сумеет занять пути, по которому ему придётся идти; если он опытен в свадебных обстоятельствах, он безостановочно пойдёт по дороге, по которой ему следует идти». Он (со своим народом), дошёл до (места, приходящегося на долю) сватов. Народ действительно совсем занял дорогу, по которой им нужно было идти. Он схватил меч и стал махать сюда, и стал махать туда: коснётся он руки мужа, его уносят (изрубленного) в куски, коснётся он ноги мужа, его уносят (изрубленного) в куски. Народ разделился (*соб.:* раскололся) на две части; образовался путь, (по которому можно) идти. Они подошли к дому своих сватов.

(Будущий) тесть с сыном (*соб.:* их сваты*) вышли на улицу, обнимались в семь обхватов, обнимались в шесть обхватов, целовались, миловались. Их берут за руки и вводят в дом. Приготавливается стол с брагой, приготавливается стол с мёдом. Они пьют пиво, они пьют мёд¹⁸. Оба брата стали осматривать Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я, (начиная) с головы и оканчивая (*соб.:* отламывая) у ног. Он же со своей стороны начал их осматривать с ног и качал голо-

* Здесь обе стороны: т.е. князя, приехавшие сватать девицу, и её отец и брат называются сватами (xanĭm, *мн. ч.:* xanimet).

вой. Жениху прислали полное блюдо славных яств. Жених взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Он оделся, принарядился и плотно завязал (*соб.:* завесил) глаза шёлковым платком. Его ввели в дом будущего тестя, взявши его за руки. Когда он вошёл (в дом, перед ним) висит (*соб.:* стоит увешанный) колокольчиками занавес, (увешанный) бубенчиками полог. У входа за полог сидит седоголовая старуха, сидит бело(?)головая старуха. Взявшись за (край) полога у входа, он его пошевелил три раза. Старуха оставила вход за полог свободным. Он ей дал золотые (?) и серебряные деньги (?). Он вошёл за полог, обнялся и поцеловался со своей женой. (Когда) рабыня, исполняющая (разные) работы в доме, принесла полное блюдо со славными яствами, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Бывший в доме народ вышел на улицу, и дом опустел. Её муж положил на её жилистую шею имеющую много жил, свою руку с пятью сосчитанными пальцами. (Его жена) оттолкнула его прочь. Немного спустя он опять положил на неё свою руку с пятью сосчитанными пальцами, жена его опять оттолкнула. Он ещё посидел, посидел и в третий раз положил на неё свою руку с пятью сосчитанными пальцами. Его жена стала говорить (*соб.:* выкладывать) острые (*соб.:* зубные) слова, стала говорить колкие (*соб.:* когтистые) слова. Её муж сказал: «(Теперь) ты говоришь острые и колкие слова. В Тараг-ском городе мужа *Jâvetta-kêtre xui* ты в виде огромного филина величиной в город, в виде огромного филина величиной в деревню села на прочный городской столб и бросила две рукавицы из кожи филина, (у которых) не было видно, как [твой] шов был шит и каким образом производилась работа. (Ты сказала:) «В тот день, как ты родился, я родилась; в тот день, когда я родилась, ты родился». Кровь от наших пуповин попала в одно место (*соб.:* соединилась). Зачем ты обманываешь меня (мужа, пришедшего) в страну, куда не добраться даже зверю, чтобы (я напрасно) потерял (?) своё золото (?) и серебро! Тебя, женщину, говорящую острые и колкие слова, я разрублю на две части, чтобы ты плавала в крови!». Его жена сказала: «Или в тебе сидит (*соб.:* или ты ходишь, имея в себе) живой дух, или в тебе сидит живой леший: я женщина, ходящая в простой (?) обуви, я женщина, ходящая в простой (?) одежде.

Уже прошла неделя, как младшую дочь Кровавого богатыря, старого Nânk-xus xoi-я, девицу, увезли к многочисленным мужам самоедской стороны».

(Его брат) прислушался: в каком-то месте распространяется шум от идущего богатыря, у неподвижной (*соб.*: сидящей) кожистой земли, мохнатой земли концы рукавов начинают дрожать, концы пол начинают дрожать. Он вошёл в сени. Если бы хороший плотник во время их сооружения не положил множество железных полос, не положил множество жестяных листов, половицы сеней не выдержали бы (его тяжести). Он подошёл к дверям, схватил дверь и, когда стал её отворять за кольцо, вырвал её совсем, вместе с петлями и со всем, что было на ней, и поставил её к сторонке. Когда он вошёл в дом, он сказал своему брату, (сыну) Jâvetta-ketre xui и Тараг-ской женщины: «Каких рабынь, исполняющих в доме разные работы, у нас нет в Tâpar-ском городе мужа Javetta-ketre xui? Жил ли (я, муж, обладающий) силою в славных суставах рук, с какой-нибудь рабыней, исполняющей домашние работы*? Уже неделя прошла с тех пор, как Кровавого богатыря Nank-xus xoi-я младшую дочь, девицу, увезли к многочисленным мужам самоедской стороны. На гладком песке, намытом «соровыми» волнами, она* [там] написала¹⁹: «К многочисленным мужам самоедской стороны меня увезли, ломая мне руки, ломая мне ноги. Когда придут оба сына Javetta-ketre xui и Тараг-ской женщины, пусть они не ждут, пока вскипит (?) кипящий (?) котёл, пусть они не ждут, пока поспеет долговременный котёл».

Он стряхнул (с себя сон) и встал. Он пошёл в большой дом, (предназначенный) для собрания воинов, и приказал своим воинам и сватам: «Возьмите ваши лодки с берега!». Они спустились (к реке), сели в лодки и отчалили. (Жених) сказал своему (будущему) тестю (*соб.*: свату): «Эй, тесть (*соб.*: сват), выслушай (меня) как тесть! Пока мы вернёмся с нашими косатыми головами, выстрой (*соб.*: поставь) суставчатой рукой (новый) частокол у твоего города из свежего дерева на место (старого), который иструхнул». Его тесть (*соб.*: сват) крикнул в ответ: «Сваты мои, выслушайте меня в качестве сватов. Ваши головные кожи не везите напрасно

* Он негодует на то, что ему вместо княжны передали рабыню. Судя по всему, князя не устаивали рабынь чести брать их в жёны.

к многочисленным мужам самоедской стороны, чтобы они их у вас содрали; с вашими косатыми головами вам не вернуться домой». Младший муж обернулся: «Эй, тесь (соб.: сват), твой город Кровавого богатыря, старого Nânk-xus xoi'я я (весь) пройду, извиваясь подобно выдре с заострённым телом, и в таком виде его оставляю». Старший муж ему сказал: «Брат мой, (сын) Jâvetta-kêtre xui и Tâpar-ской женщины, пока ты будешь извиваться в городе Кровавого богатыря Nank-xus xoi-я, подобно выдре с заострённым брюхом, многочисленные мужи самоедской стороны удалятся (соб.: будут лежать дальше) от того пункта, где они теперь находятся (соб.: лежат) на стену невода, удалятся на стену сети». Тогда младший муж опять повернулся назад. Они сели (и стали) грести пальчатыми вёслами, снабжёнными перекладинами наподобие пальцев, (направляясь) к многочисленным мужам самоедской стороны. Оба князя опускают (соб.: ставят) весло (в воду) у носа лодки и вынимают его у кормы. В ямках, (образованных в воде) веслом, целую неделю вода кипела от собравшихся в изобилии ершей и чебаков.

Они ехали, ехали и у места, где ногами самоедских мужей протоптана дорожка, там они пристали. Многочисленных сыновей самоедских мужей глубоко сидящие лодки с водяной кормой лежат там перевёрнутые. И они вытащили свои лодки на берег, опрокинули их и пошли пешком. Младший муж бросил со своей головы шапку, она полетела в виде кукушки и скрылась из виду. Многочисленные мужи самоедской стороны лежат около огня (многоязычного рта девы Tarn) и спят. Впереди, в пологе у корня кедра, лежат двое богатырей-самоедов. И у (самоеда) Sos tûrum iga²⁰ имеется там свой полог у корня другого кедра. В этом пологе он держит младшую дочь Кровавого богатыря Nank-xus xoi-я, девицу. Кукушка с маковки головы вернулась обратно и сказала: «[Это] так и [это] так». Младший муж сказал многочисленным мужам своего воинского отряда, многочисленным мужам, (составлявшим его) свадебный поезд: «Когда вы, мои 300 мужей, пойдёте, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка!». Когда он прислушался, как они идут, (действительно) не шевелится соринка, не шевелится былинка. Он сказал: «Многочисленными мужами самоедской стороны высечен огонь (соб.: многоязычный рот девы Tarn) и поставлены многие чаши с дымящимся отверстием и

многие берестяные сосуды с дымящимся отверстием. Не пошевелите края чаш, не пошевелите края берестяных сосудов!». Они пошли туда, и были там выстроены. (Им было приказано:) «Не делайте столько шума, сколько комар (делает), не совершайте какого бы то ни было дела!». Он пошёл со своим братом уда. Младший муж сказал: «Полог Sos turum iga находится там, у комя того кедра. Там он держит младшую дочь Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoi-я, девицу; прокрадись туда. В том (другом) пологе находятся двое самоедских богатырей, я уда пойду».

Старший муж направился туда крадучись. Когда он добрался до полога Sos turum iga, то тот борется со своей кеною. Жена его говорит: «Как мать меня родила, мой (нетронутый) девственный пояс я не дам тебе развязать в тёмно-древесном урмане. Когда мы прибудем в священный год, в котором живут самоедские мужи, там развяжи мой девственный пояс, (нетронутый), как мать меня родила. Многочисленные седоголовые старухи, многочисленные бело(?)головые старухи поставят мне чашу с дымящимся отверстием и дадут мне золотые (?) деньги и серебряные деньги (?)». Они боролись в пологе: в какую сторону (соб.: куда) они повернутся, они падают в один и тот же угол. Когда ноги мужа упали в другой угол, (остяцкий князь) ударил (по ним) мечом и отрубил их по колени [в куски]. Xui-sos («Горностай самец»), видевший лицо Тагн и (лицо) рыбы*, выскочил с задней части полога на улицу (и воскликнул): «Воровским образом меня лишили (моих членов) подобно гому, как тайком (лишают) соболя его членов. Пока я (муж, обладающий) силою в славных суставах рук и силою в славных суставах ног, не жил с младшей дочерью Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я, девицей, и я был богатырём, и я был мужем. Где (соб.: когда) бы наступил для меня смертный день моего поражения!». Sos turum iga побежал. То, что там в том (другом) пологе произошло и что потом случилось, (остяцкий богатырь) не знал.

И он погнался за Sos turum iga, побежал (за ним). В то время, как он бежит (соб.: идёт), он разбрасывает иней во все стороны (соб.: сильно). (Видя, что ему не догнать врага), он

* То есть прошедший сквозь огонь и воду: Тагн — олицетворение огня (Часть I. С. 153-154), а рыба, вероятно, символ воды.

стал усердно молить Бога: «Золотой Свет, Отец, почему ты не спустишь на пути, по которому должен идти самоед, покрытый дубравой холм?». Богом-отцом был ему спущен поросший лесом холм. Самоед не имеет ног, он не имеет возможности идти. (Богатырь) подоспел к нему сзади и рассёк его пополам. Нижняя часть туловища упала (*соб.:* легла) (на землю) и осталась на месте, (верхняя) половина туловища опять поспешила вперёд. (Тот) её преследует, но не может догнать. Он разбрасывает во все стороны (*соб.:* в изобилии) иней. Снова он обратился с мольбой к Богу-отцу, чтобы он опять спустил (на землю) покрытый дубравой холм. Бог-отец спустил ему покрытый дубравой холм. Самоед со своим отрубком тела идти не может. Старший муж подоспел сзади и ударил его по шее: плечевая часть тела упала и осталась на месте, головная же часть опять начала двигаться вперёд. Хоть он её и преследует, но не может настигнуть. Опять он попросил у Бога-отца поросший дубравой холм. (Бог) ему спустил дубраву. Самоедская голова не имеет возможности идти: как она заденет за дерево, она отскакивает назад. Она стала молить Бога о речке, текущей женской и мужской кровью. И ей была дарована (*соб.:* спущена) речка. Когда (остяцкий богатырь) собирался её ударить (мечом), она сразу бросилась в речку, всплеснув (воду). (Остяк) стоит на берегу речки. Голова самоеда вышла у нижнего конца речного плёса на поверхность (и сказала:) «Ar miġ tâgat petmaj têt tâtte jôr, зачем ты пришёл в эту страну, куда не добраться даже зверю? Убегая от тебя, я прятал от тебя мою отливающуюся (?) головную кожу, прибегая к сотням уловов, прибегая к многочисленным выдумкам. Раз ты сюда войдёшь в воду, то ты, муж, живущий в светлом миру, войдёшь на много-много лет. (Если ты имеешь намерение) вернуться домой, то возвратись в (свой) дом со своей косатой головой. Что же касается до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда пожертвованные (*соб.:* поставленные) мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостастые собаки, шерстистые собаки*. Когда ты повернёшь к дому свою косатую голову, то в доме, наполненном

* Обычай приносить в жертву богам собак существовал и у родственных эскимосам намоллов (айгуан) на Чукотском носу; чукчи же, как и прежние остяки, признают жертвенными животными лишь оленей.

собравшимися жёнами, наполненном собравшимися мужами, не говори, что тебе удалось содрать с (богатыря) *Sos tûrum iga* его отливающуюся (?) головную кожу». Возвращаясь домой, он повернул назад свою косатую голову и ушёл.

(Между тем) простые люди многочисленных мужей самоедской стороны сражаются с простыми воинами его страны. Из многочисленных мужей самоедской стороны они убили с половину, изрубив их в куски. Его же 300 мужей все на ногах, все ходят. Он начал сражаться. Младшая дочь Кровавого богатыря *Nank-xus xoi-я*, девица, зацепилась за него: его рука отяжелела, его нога отяжелела. (Он воскликнул:) «Неужели Золотой Свет, мой Отец, предопределил, чтобы простые воины содрали с меня мою отливающуюся (?) головную кожу?». Младшая дочь Кровавого богатыря *Nank-xus xoi-я* сказала: «*Ar miġ tâgat petmaŋ têt tâtte jôr*, твой брат, (сын) *Jâvetta-kêtre-xui* и *Tâpar-ской* женщины, ушёл вместе с двумя сыновьями живорождённого живого духа, пошёл ли он по живой гривке или по мёртвой гривке*? Отчего ты не пойдёшь надставить изломанные черенки его стрел, заменить новыми разорванные перья его стрел?» Он ушёл. В то время, как он идёт, если ему попадётся лесистое место, он подвигается вперёд, прорубая (себе путь), подобно тому, как охотник на гусей, охотник на уток (вырубает) просеки для перевесов. Когда ему встречается чистое место, он идёт, вырывая (ногами) землю на три аршина глубины. Он шёл, шёл и услышал бряцающий шум (как бы) от волочащейся полы кольчуги; он встал по другую сторону редкого леса за высокоствольным лесом и спрятался. Только конец лука незаметно для него торчал наружу. Оттуда ему сказал его брат: «Муж, собравшийся в путь на войну, собравшийся в путь на свадьбу, сам спрятался, только журавлиная шея торчит». Он сошёлся вместе со своим братом. Старший брат сказал: «Ты пошёл с двумя сыновьями живорождённого живого духа, какое ты дело (сделал) и как поступил?». Младший брат сказал: «Когда я померился (соб.: встретился) с двумя самоедскими богатырями, ни я не мог их убить, ни они не смогли убить меня. Мы

* То есть жив ли он или мёртв; гривкой в Сибири, между прочим, называется удлинённая возвышенность между логами и низинами, в которых обыкновенно держится вода.

разошлись в противоположные (*соб.*: две) стороны, давши (друг другу) клятву: не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом на мужской век. Кто из (нас), богатырей, сделается нарушителем клятвы, у того пусть будет содрана его отливающаяся (?) головная кожа!». Старший муж сказал: «Самоед (всё равно, что) стриженная (?) собака: когда он желает сохранить (*соб.*: надставить) свою душу, какой клятвы он не делает, какого он зарок не даёт! Пойдём и убьём обоих самоедов!». Младший муж сказал: «Я не нарушу своей клятвы. Если самоед желает её нарушить, то пусть он её нарушает!». Они повернули назад свои косатые головы, чтобы возвратиться домой. Младшую дочь Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi'я, девицу, они увели (с собой). Они подошли к лодкам и сели, чтобы грести пальчатыми вёслами, (имеющими на рукоятках перекладыны) наподобие пальцев. Муж и жена (сидят), если на шее жены лежит рука мужа, то на шее мужа лежит рука жены, (а) простые воины их везут, работая вёслами. Когда стал виден город Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi-я, их заметили дальнзоркие, их услышали чуткие слухом. (Они сказали:) «Кровавый богатырь, старый Nank-xus xoi, выслушай (нас) как богатырь, выслушай (нас) как муж: двое богатырей, которые ушли с многочисленными мужами самоедской стороны, обернулись назад со своими косатыми головами, чтобы возвратиться сюда (*соб.*: домой)». Кровавый богатырь, старый Nank-xus xoi, сошёл со своим сыном Tavet jirtai, vòjet jirtai sui ânket к пристани. Они посмотрели (и видят, что) их девицу везут обратно, на затылке (*соб.*: на шее) у жены лежит рука мужа, на затылке у мужа лежит рука жены; немного проехав, они целуются, ещё немного проедут, (опять) поцелуются. Из глаз старика Кровавого богатыря Nank-xus xoi-я стали течь слёзы (длинной) в семь пядей, шесть пядей.

Когда его брат, сын Jâvetta-kêtre xui и Tâpar-ской женщины, подъехал на расстояние, на которое стрелок может попасть (в цель), он поставил конец лука (на землю) и выпрыгнул на берег. Он сказал брату: «Город Кровавого богатыря, старого Nank-xus xoi я пробегу (всё) извергающей (?) и выравнивающей ногой. Не выходи из твоей глубоко сидящей лодки с водяной кормой на берег, (иначе) мой гнев не

пройдёт, моя злоба не пройдёт, не за мой же воинский отряд мне приняться?». Он задел за пояс большой топор величиной с лопатку оленьего быка, взял с собой свои стрелы и свой лук. Город был окружён (палисадом) из нового дерева при помощи суставов суставчатой (?) руки. Он начал рубить (дерево) и откалывал огромные щепы величиной с деревню, величиной с город. (Вот) он прорубил отверстие только достаточное, чтобы ему пролезть. Кровавый богатырь, старый Nank-xus хoi вышел со своим сыном на улицу. Tavet jirtai, vòjet jirtai sui ânket, его сын, положил стрелу на (тетиву) лука, натянул тетиву и спустил. Попав в середину между двумя лопатками у рубящего мужа, его стрела изогнулась подобно (дереву), которое ложечник (гнёт) на канграсе*. У Nank-xus хoi, Кровавого богатыря, стали течь из глаз слёзы (длиной) в семь пядей, (длиной) в шесть пядей. Во второй раз он наложил стрелу на тетиву лука, натянул (его) и спустил. Она опять попала (рубящему) в самую середину между лопатками и изогнулась сильно, подобно тому, как у ложечника (дерево) изгибается на канграсе. Кровавый богатырь, старый Nank-xus хoi начал сильный плач, (равный по величине) воротам города, (равный по величине) воротам деревни. (Сын его) положил третью стрелу на тетиву и спустил её. (Произведённым ею ветром) был сметён в кучу (соб.: вместе) изобильный сор со всего селения, был сметён в кучу весь обильный сор всего города. Попав рубящему мужу в самую (соб.: хорошую) середину между двумя лопатками, она сильно изогнулась, подобно тому, как у ложечника (гнётся дерево) о канграс. Её черенок раскололся и изломался (при этом) в мелкие куски, подобно игрушке маленьких детей. Его брат (сын) Jâvetta-kêtre хui и Tâpar-ской женщины сказал: «Эй, сват, выслушай свата! Эту твою волосяную стрелу, травяную стрелу, когда она попала в лёгкое (?) моей груди, я еле почувствовал, как будто меня укусил комар, (и то только) потому, что я надел долго держанный ржавый лоскут мережи**, (взятый) от обских остяков. Если бы у меня была снабжённая верхом (соб.: головой) и рукавами (соб.: руками) кольчуга, которая у меня

* Инструмент для выделки ложек.

** Соб.: кусок морды (рыболовный снаряд). Дырявая кольчуга здесь сравнивается с куском сплетённой из ивовых прутьев морды.

имеется в городе (мужа) Jâvetta-kêtre xui и Тараг-ской женщины, я бы не почувствовал твоей волосяной стрелы, твоей травяной стрелы. А если бы я твою волосяную стрелу, твою травяную стрелу (всё-таки) заметил, когда она попала в лёгкое моей груди, у меня (от радости) на голове вырос бы золотой рог»*. Он схватил лук, наложил стрелу, натянул (лук) и спустил. (Ветром, произведённым) тетивой лука, был сметён в одно место весь изобильный сор селения, был сметён в кучу весь многочисленный мусор города. Попав в самую середину между лопатками Кровавого богатыря, старика Nânk-xus xoi-я, стрела увлекла его к стене дома и туда вонзилась: этот старик не имеет возможности шевелиться. Он положил на тетиву другую стрелу и спустил её. Попав в самую середину между лопатками Tavet jirtai, vôle jirtai sui ânket, стрела его увлекла к стене дома и туда вонзилась: (и) он не имеет возможности шевелиться. Хотя в них стреляют и в них попадают стрелы, они всё не падают. Многочисленные мужи всего города, всего селения Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoi-я, выйдя на улицу, выдернули [прочь] стрелы и, взявши (их) за руки, увели их. Они пали к обоим ногам своего свата (т.е. жениха) и стали его умолять (о помиловании). Их сват оставляет их лежать два дня, оставляет их лежать три дня. Вот (соб.: однажды) пришла младшая дочь Кровавого богатыря, старика Nank-xus xoi-я, девица, обняла (соб.: схватила) его руки, обняла его ноги (и сказала:): «Деверь мой, (сын) Jâvetta-kêtre-xui и Тараг-ской женщины, (хотя) я тебя и не кормила молоком из моей груди, и ты, мой деверь, вскормлен из рожка (соб.: ты муж, вскормленный молоком из руки), скажу ли я одно слово, выслушай это слово, скажу ли я два слова, выслушай два слова, (так как) я (ведь) княжеского (рода), царского (рода). Когда ты отправишься в твой Târar-ский город мужа Javetta-ketpe-xui, и твоё дорогое платье, украшенное бисером, и твою дорогую одежду, украшенную металлическими (поделками) износишь [в худое платье], раз ты сдерёшь с моих родных (соб.: отцов) и братьев их отливающиеся (?) головные кожи и сделаешь меня круглой сиротой, то кто оденет приведённый тобою отряд воинов в 300 человек

* Рог — символ радости и счастья у прежних остяков (См.: Тип ост. бог.// Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Т. П. Тюмень, 1999. С. 75).

в дорогую обувь, в дорогие одежды, и мне, чтобы нарядиться, как (подобаает) невесте, кто доставит мне дорогую обувь и дорогие одежды?». Сват (тогда) их поднял, они обнялись и поцеловались. Тесть (богатыря) (*соб.*: сват) позвал их к себе (т.е. в глубь страны), (он сказал): «Устроим большой пир для (населения) всего города, устроим большой пир для (населения) всего селения». Они пришли к нему. (Там) был устроен большой пир для населения всего города, для населения всей деревни²¹. Сколько имеется в месяце многочисленных и длинных недель, они пили и ели. Зажиточная женщина, зажиточный мужчина брали концами пальцев один кусочек, брали два кусочка, пошли и удалились. Бедная женщина, бедный мужчина ели и пили, сколько многочисленных длинных недель не имеется в месяце.

Когда прошёл девичий пир, когда прошёл отроческий пир, наступил день выступления воинов, настал день выступления сватов. Кровавый богатырь, старик Nânk-xuș xoî сказал: «Мои сваты, послушайте свата! Я живу у источников семи речек, шести речек, откуда я возьму дорогую обувь и дорогие одежды, чтобы одеть ваших триста мужей? Дорогую обувь и дорогие одежды я pošлю на берег (реки), пожди (только), пока вскипит кипящий котёл, повремени, пока не поспеет котёл, требующий много времени». Они прожили два дня, прожили три дня. Ar miġ tãgat petmaġ têt tãtte jôr-у велел (его) брат: «Научи твою жену, чтобы, когда наступит день выступления воинов, день выступления сватов, твоя жена, схватив себя за волосы (*соб.*: за головную кожу) бросила себя на половицы дощатого пола и потребовала от своего отца семиушковый котёл, из которого могут есть 300 человек. Когда мы достигнем пристани и наступит время садиться в лодку, пусть она, (схватив себя) за волосы, бросит себя на землю и просит от своего отца серебряный кровельный лист*, под которым могут укрыться 300 человек. Наступил день выступления воинов, наступил день выступления сватов. Его жена, (схватив себя) за волосы, бросила себя на половицы дощатого пола (и сказала): «Батюшка, я иду, чтобы направиться к хлебородным источникам чужой земли, я иду, чтобы следовать к рыбным источникам чужой страны. Буду ли я носить в своём чреве девочек, или буду ли я носить в

* xôt tonda — береста, которой кроют жилища.

своём чреве мальчиков, когда я прибуду в Тараг-ский город мужа Javetta-ketpe-xui, многочисленные седоголовые (?) женщины и многочисленные белоголовые (?) старцы будут меня спрашивать, что я привезла с места, куда отправлялись на войну, куда отправлялись сватать. Батюшка, если ты мне дашь твой семиушковый котёл, то я пойду; не дашь, так пусть меня, окровавленную женщину, разрубят на две половины»*. Из глаз её отца потекли слёзы семь пядей (длины), шесть пядей (длины). (Он сказал): «Дочка, зачем садишься ты со злобы на твоё седалище, состоящее из двух половин? Ты мой Тараг-ский город Кровавого богатыря, старика Nânk-xus xoi-я сокрушаешь, опрокидываешь». Он приказал двадцати мужам: «Ступайте, чтобы снести на берег семиушковый котёл». Двадцать мужей пошли и снесли семиушковый котёл на берег. Мужы, отправившиеся сватать, спустились к реке и намеревались сесть в лодку, (в это время) невеста, (схватив себя) за волосы (соб.: головную кожу), бросила себя на гладкий песок, намытый волнами сора: «Батюшка, буду ли я носить во чреве девочек, буду ли я носить во чреве мальчиков, когда для отряда воинов и для толпы сватов наступит день прибытия в Тараг-ский город мужа Javetta-ketpe-xui, многочисленные седоголовые (?) женщины, многочисленные белоголовые (?) мужчины будут меня спрашивать (соб.: говорить) в Târag-ском городе мужа Javetta-ketpe-xui: «Младшая дочь Кровавого богатыря, старика Nânk-xus xoi'я, молодлица! То, что ты привезла из отцовского дома, дай [это] сюда!». Батюшка, что я тогда дам? Дай мне серебряный кровельный лист, под которым могут укрыться 300 человек, тогда я отправлюсь; не дашь, то не пойду, и пусть меня, окровавленную женщину, разрубят на две половины!». Её отец начал (соб.: предпринял) большой плач величиной с ворота города, величиной с ворота селения и велел принести серебряный кровельный лист. Двадцать мужей пошли, схватили его и принесли на берег. Они обнялись и поцеловались со сватами, попрощались, сели в лодки и отправились, посвистывая из широкого горла (полным голосом, басом) и посвистывая из узкого горла (тонким голосом).

* Другими словами: «пусть меня разрубят на две части, чтобы я плавала в крови», сир — кусок, часть, половина (поперёк тела) в противоположность к рёлек — половина (вдоль тела).

Ехали, ехали и доехали до катящей гальку каменистой Оби: (через неё) плотно сооружена плотина из мамонтов и юров²². Младший муж работал вёслами в глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой он сидел; ему едва удалось прорваться через плотину из мамонтов, через плотину из юров. Он сказал, (обернувшись) назад: «Брат, и ты в твоей глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой ты сидишь, поднимай хорошо заострённое весло к носу (лодки), поднимай хорошо весловище весла, снабжённого весловищем». И старший муж едва проскользнул через плотину из мамонтов и юров. (Те) лодки, в которых находились простые воины, опрокинулись в воду, и (они) были съедены мамонтами и юрами. Ar miġ tġat petmaġ têt tâtte jôr сказал: «Брат, пробьём (*соб.*: расколем) эту плотину из мамонтов и юров. Как иначе будет иметь возможность какая-нибудь женщина или какой-нибудь мужчина проехать по поверхности катящей гальку каменистой Оби?». Они оба вышли на берег, опрокинули на невесту семиушковый котёл и покрыли (его) серебряным кровельным листом. Они вошли в семибездную священную воду и начали махать мечом. Куски мамонтов и куски юров стали относиться (течением). Они пробили плотину из мамонтов и юров, сели в лодки и начали грести пальчатыми вёслами, снабжёнными пальчатыми перекладами.

На острове Кун-авыте* было собрано (вражеское) войско столь многочисленное, что нет столько деревьев (в лесу), нет столько былинки (на лугу). Пристали к берегу, женщину покрыли серебряным кровельным листом и накрыли семиушковым котлом. Они надели свои кольчуги, плотно завязали глаза** и стали сражаться: они махали (*соб.*: клали) мечом в эту сторону, они махали мечом в ту сторону. (Враги) падают (*соб.*: ложатся), как сто куч весеннего сена, как сто куч осеннего сена. Они рубились и толкали. Оба

* Остров Кун-авыт или Кон-авыт находится в р. Оби к северу от Берёзова; *ср.*: р. Куноват и вол. Куноватская в Березовском округе.

** Вероятно, чтобы избежать действия чар самоедов-кудесников, их врагов. По мнению прежних и отчасти нынешних остяков, на священные предметы и на лиц, а также животных, обладающих сверхъестественными способностями (каковыми являются знаменитые шаманы, божики, медведи и т.д.), нельзя безнаказанно смотреть непосвящённым лицам, в особенности женщинам, из риска ослепнуть.

самоедских богатыря, которые раньше поклялись и ушли, (эти) оба самоеда тут оказались налицо. (Остяцкие воины им говорят): «Самоеды, вы дали столь великую (соб.: такой величины) клятву, столь великий зарок, зачем вы (опять) пришли сражаться?» — «Самоед (все равно) что собака с отрезанным (хвостом)*: если он намеревается продлить (надставить) свою жизнь, какую клятву, какой зарок он не даёт (соб.: не делает)?». Опять стали сражаться. (Остяцкие воины) отсекают и отталкивают их чёрное** мясо и их чёрные кости, но они (постоянно) превращаются в свой прежний вид (соб.: величину). Хотя они их и рубят, и толкают, они постоянно вновь воскресают.

Брат Javetta-ketpe-xui и Тараг-ской женщины взял шапку с маковки головы*** и бросил её: «Поди позови P̄it-pou-iga, позови Num-iga заменить новыми изломанные черенки стрел, приделать новые перья к стрелам, у которых они изорвались». Кукушка полетела (соб.: ушла) и дала весть P̄it-pou-iga, улетела, прибыла к Num-iga, села у верхнего отверстия очага и прокуковала. Старик сидит, строгая (черенки) стрел, и прислушивается, что такое выкрикивает кукушка. Кукушка сказала: «Оба сына Javetta-ketpe-xui и Тараг-ской женщины так пострадали от двух самоедских богатырей, что они еле живы, что они близки к смерти». Num-iga снарядился, положил (в лодку) мёртвое (?) жито и питающее жито, сел в глубоко сидящую лодку с водяной кормой и отправился. (По дороге к нему) сел P̄it-pou-iga. Оба старца стали грести: огромные волны, (производимые) лодкой, идут через речные заливы и через «пески». Достигли они устья Кюнды. Старуха и старец (духи) с устья Кюнды (им) сказали: «Мы жили и зимой, мы жили и летом, (но подобного не видели). Что за богатыри, что за силачи едут, какой великий гнев, какую великую злобу они везут с собою?». Они вышли на поверхность воды. «Num-iga, P̄it-pou-iga, куда вы едете?» — «На остров Кун-авыт, (там) двое сыновей Javetta-ketpe-xui и Тараг-ской женщины так пострадали, что они еле живы, мы едем (доставить им) брюш-

* sig(et) неизвестное слово. Здесь я для удобства перевода заменил его словом «tiget» (tig — хвост), а в немецком переводе вовсе выпустил.

** pigde означает не только чёрный, но и скверный, худой.

*** См. выше: Былина 2. Прим. * на С. 253.

ную силу». Старцы с устья Конды совещаются (и решают): «И мы отправимся, столкнём остров Кун-авыт в воду и съедим обоих самоедских богатырей». И они снарядились в путь: они ударялись в речные заливы, они ударялись в пески, они повреждали речные заливы, они повреждали пески. (Когда) Num-iga и Piĭ-pou-iga достигли острова Кун-авыта, кукушка, которая отправилась подать весть, только теперь летит через Обь. Оба сына Jâvetta-kêpe-xui и Tâparской женщины сошли к ним на берег и сказали: «Каких богатырей мы встречаем, каких силачей мы встречаем! Двух самоедских богатырей мы рубим и толкаем, их отлетающее прочь мясо и их отскакивающие прочь кости садятся на своё прежнее место, мы их не можем убить». Num-iga сказал: «Начинайте опять сражаться, мы посмотрим». Они опять стали сражаться. В самом деле: они самоедов рубят и толкают, их отскакивающее мясо, их отскакивающие кости вновь оживают. Num-iga подбежал и схватил кожаный мешок, который (самоеды друг другу) бросали* и, когда у обоих мужей истощилась сила, он им его бросил, (сказав): «Толкайте и топчите его ногами». Оба самоеда стали на колени на равнину, производящую траву, стали (во весь рост) на равнину, производящую траву, (и сказали): «Сыновья княгинь и князей, не убивайте нас и не причиняйте нам какого-либо зла, родится ли у нас дочь, не будем вместе сражаться, родился ли у нас сын, не будем вместе сражаться, поклянёмся на женский век, на мужской век не воевать между собою». Старший муж сказал: «Самоед (все равно что) собака с отрезанным хвостом: когда он (имеет в виду) сохранить свою жизнь, какой клятвы, какого зарока он не делает?». Они бросили кожаный мешок на землю и толка-

* Самоеды считались в прежнее время, как считаются отчасти и в настоящее на севере Сибири, людьми вещими, которым доступны многие тайны природы, скрытые от других. В данном эпизоде они, по-видимому, имели запас силы в мешке, который они друг другу бросали по мере того, как кто-нибудь в ней нуждался. В бытность мою в Сибири мне от местных жителей, остяков и русских, приходилось слышать немало рассказов о кудесничестве самоедов. В особенности интересны были рассказы благочинного, проживающего в с. Самаровском. Все сверхъестественные явления, которые он у них видел, он приписывал общению их с дьяволом. Состояли эти фокусы в появлении разных шумов и звуков, сильного ветра, дувшего в тёмной юрте, в полосовании себя ножом по голому телу, совершенно безнаказанно для себя, в угадывании разных несложных предметов или фактов и т.д.

ли, и топтали его ногами. Самоеды упали на землю и сами собою (?) умерли. Их сожгли на огне. Поднимется (соб.: произойдёт) южный (соб.: верховой) ветер, он несёт их пепел на север; поднимется северный (соб.: низовой) ветер, он несёт их пепел к югу (соб.:верху).

Все металлические вещи и пушнину, которые они только привезли с места, где они сражались, они поделили пополам со старцами. Поехали обратно, им встретились старики с устья Конды. (Богатыри им сказали): «Выходите (на берег), куда вы едете?». Старуха и старик сказали: «Мы едем на остров Кун-авыт. Оба сына Jâvetta-kêtre-xui и Тараг-ской женщины так пострадали, что они еле живы, что они близки к смерти. Мы отправимся к острову Кун-авыту, столкнём его в воду и съедем обоих самоедов». — «Вы, старуха и старик, возвращайтесь назад, мы вот везём обратно обоих сыновей Javetta-ketpe-xui и Тараг-ской женщины». Старуха и старик воротились назад. Они достигли устья Конды. (Старики) их попросили на берег. Они пили брагу и мёд. Оба мужа ту часть (добычи), которая прихлась на их долю, поделили (с ними) поровну на две части. Они собрались домой. Многочисленные мужи всего города, всего селения обоих сыновей Javetta-ketpe-xui и Тараг-ской женщины спустились на берег. (Горожане) их встретили, обнялись и поцеловались с ними. Они устроили большой пир для населения всего города, для населения всего селения. Богатая женщина и богатый мужчина взяли концами пальцев один кусочек (пищи), взяли концами пальцев два кусочка и ушли, бедная женщина, бедный мужчина ели и пили, сколько многочисленных и продолжительных недель не заключается в месяце. И Pîť-pou-iga и Nûm-iga снарядились по направлению к своей земле. Многочисленные мужи всего их города, многочисленные мужи всего их селения их обнимают и целуют. На то благосостояние и на то богатство, (которое они приобрели), они теперь живут и будут потом жить.

Всякий из многочисленных мужей, который слышал (этот рассказ), пусть он (его) слушал (на счастье) добыть рыбу, пусть он (его) слушал (на счастье) добыть пушнину.

5. Былина про богатырей города *Soŋ-xuš-a*

В большом городе *Soŋ-xuš-e*²³ мы проживали.
 На краю того города какой муж
     с крепкими суставами ног вырос?
Soŋ-xuš-xoi, сильный богатырь, мой отец (там) вырос.
 На семь концов земли сватать
     косатых девиц за хороший выкуп он ходил.
 После того, как он обошёл многие страны, на
     сотворённой (*соб.:* посаженной) Богом священной земле
 Едва осталась площадь суши и поверхность воды,
     (им не изведанная).
 Когда он достиг самого отдалённого конца
     мрачного озера, (т.е. подземного царства),
 И на многочисленных двуликих рукастых чертей²⁴ пошёл
     войной (*соб.:* нанёс двойственную Тарн с одним ликом),
 Он в двуликих рукастых чертях
 За их убитых отцов возбудил (к себе)
     весьма сильную ненависть.
 С семи концов света он взял семь девиц, семь жён.
 И от семи девиц, семи жён, ни от одной женщины
 У него не родился ни сын, муж-богатырь,
     державший лук в руке, (привычной) к луку;
 Ни дочь-девица, держащая иглу и работающая
     концами пальцев, у него не родилась.
 После этого" божку, одетому в малицы из медвежьих
     и лосиных шкур, которого он имел,
 На боровой стороне (реки)* он пожертвовал
     семь амбаров, изобилующих пушным товаром.

* Боровая сторона рек та же, что и луговая, так как между её заливными лугами, озёрами и болотами в изобилии встречаются плоские песчаные холмы, поросшие редким сосняком и брусничником. Нагорная, или урманная, напротив, всегда сплошь покрыта хвойным лесом. На

И на урманной стороне он (ему) пожертвовал
 семь амбаров, изобилующих пушниной.
 Торчавшие наружу соболя хвосты были обвеваемы
 ветром, как шкурки весенних чаек.
 Торчавшие наружу беличьи хвосты были обвеваемы
 ветром, подобно шкуркам весенних чаек.
 В настоящее время, когда ему, (уже) старику,
 приходилось сидеть,
 Он клал (*соб.*: приготавливал) сухое сено в изъеденный
 червоточиной промежуток (лодки между кокорами)*.
 После этого он зажѣг огонь
 (*соб.*: многоязычный рот девы Тарн).
 Многочисленную пушнину из семи амбаров
 с боровой стороны
 Он положил на огонь и,
 Массу пушнины из семи амбаров с урманной стороны
 Он положил на огонь.
 После этого, хотя к старому божку, одетому в малицы
 из медвежьих и лосиных шкур,
 И приблизились пять мужей с телом,
 облечѣнным в кольчуги,
 Одетый в малицу из медвежьих и лосиных шкур божок
 шевелит вместе с собою и кожистую землю**.
 (Тогда) сильный богатырь, старик Соҗ-хуш-хои,
 с гневными руками и ногами, отправившись (туда) сам,
 Схватив одетого в малицу из медвежьих
 и лосиных шкур божка,
 За голову, поросшую роскошными волосами,
 Выворотил его вместе с кожистой землёй,
 волосатой землёй.
 После этого он его положил на огонь²⁵.
 Хоть он и был положен на огонь,
 Он, сделав скачок, подобно самцу-горностаю, -
 упал в сторону***.

севере Сибири, где крупные реки текут приблизительно с юга на север, луговой стороной чаще всего является левая, а нагорной — правая сторона.

* Другими словами, в настоящее время богатырь стал уже стариком, требующим больших удобств.

** То есть его не могли выворотить из земли.

*** Как иногда с треском подпрыгивает кусок сырого дерева, положенный на огонь.

Тогда пришло пятеро мужей с телом, облачённым в кольчуги. Принесли туда железную палку и железный клин. Вставив (железный клин) в его седалище, они ударили его железною палкой, и он раскололся (соб: распался) на две половины, подобно прямому куску дерева. Его положили на огонь (соб: многоязычный рот девы Тарн), как (кладут) жито на дно желудка (соб: живота). Когда первый дым поднялся вверх, он, подобно шероховатому куску (пищи), застрял посреди горла Золотого Света²⁶, Отца. Тогда Золотой Свет, Отец, сказал своему сыну *Ag-mig-xoi, kale-xoi*-ю («Много странствовавшему, много блуждавшему мужу»): «Спустись на смертную кожистую землю при помощи неотрывающегося сиденья (соб: спинки) дорогого конца железной цепи». Вот *Ag-mig-xoi, kale-xoi*, его сын, спустился на землю. Сильный богатырь, старец *Soj-xuš-xoi*, (стоя) у огня (соб.: у многоязычного рта девы Тарн), поворачивает (к нему) то спину, то поверхность груди. Сын его (т.е. Бога) *Âr-mig-xoi, kale-xoi* [он] сказал: «Как будто (здесь) что-то приключилось вследствие гнева и злобы: у моего Отца, Золотого Света, дым застрял [у него] посреди глотки, как шероховатый кусок (пищи)». Старик *Soj-xuš-xoi*, сильный богатырь, сказал: «Моему божку, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур, я пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром, на боровой стороне (реки) и семь амбаров, изобилующих пушницей, на урманной стороне и (несмотря на это) не родилось у меня ни сына, мужа-богатыря, держащего лук в руке, (привычной) к луку; не родилось у меня дочери-девицы, держащей иглу и работающей концами пальцев. Тогда я вследствие этого (обстоятельства) положил его (божка) на огонь (соб.: многоязычный рот девы Тарн)». *Ag-mig-xoi, kale-xoi*, сын его (т.е. Бога), опять поднялся к Золотому Свету, Отцу, и отвёз туда дважды сложенную складчатую весть. Золотой Свет, его Отец, дал ему три зёрнышка величиной с косточку черёмуховой ягоды, чтобы он отнёс их сильному богатырю, старику *Soj-xuš-xoi*-ю, а (тот) чтобы их дал съесть своей любимой жене. Сын его (Бога) *Ag-mig-xoi, kale-xoi* дал старику *Soj-xuš-xoi* три зёрнышка величиной с косточку ягоды черёмухи. (Богатырь) дал их съесть своей любимой жене. Тогда в углу её обжорливого живота свернулся (как бы) дорогой клубок из золотистого шёлка. Десять целых (лунных) месяцев,

которые женщины носят (плод), она его носила. После того, как она его носила, она разрешилась от бремени у комля дерева, у которого женщины рожают. Там родился у ней сын, муж-богатырь, держащий лук в руке, (привычной) к луку.

(Когда) мы проживали на кожистой земле в большом городе *Soŋ-xuš-xoi-я*, Ангел смерти (*соб.:* Хейна) пришёл на нас с огромным войском. Ещё не светает (день), как шум от переноски ледяных мертвецов, холодных покойников, громко раздавался подобно гоготанию гусынь, подобно гоготанию уток²⁷. Также и сильный богатырь, старик *Soŋ-xuš-xoi*, лежал в горячке на высокой подушке. После того, как он пролежал целую неделю, он умер и затерялся (*соб.:* смешался) среди многочисленных мертвецов с заплесневелыми одеяниями. Многочисленные мужи города закопали (этот) клад с земляным телом (*соб.:* задом) в передней части города, имеющего фасад*. Родившийся от него сын, муж-богатырь, держащий лук в руке, (привычной) к луку, стал расти, но ещё будучи мальчиком с хрящеватыми руками, умерши, потерялся в среде многочисленных мертвецов с заплесневелыми одеяниями. Многочисленные мужи города похоронили его, (этот) клад с земляным телом, в передней части города, имеющего фасад.

Однажды этот ребёнок в (том мире) проголодался. Сильный богатырь, старик *Soŋ-xuš-xoi*, сказал (ему): «Ступай в благодатный дом мужа *Xôt-jijet-xoi-я*, в котором я жил, пойди к работающей в доме рабыне *Megał-nink-saxare têt-nêŋ*, она о тебе узнает по семи щелям светлого дерева, в которое вселился дух»**. Когда этот отрок, муж-богатырь с (привычной) к луку рукой вошёл в середину города, построенного из дерева, многочисленные собаки с говенным ртом сильно схватили его за его толстые жилы икр, как будто это были кровавые кости. Когда он вошёл в дом, на рот работающей в доме рабыни *Megał-nink-saxare têt-nêŋ* нашла сильная зевота. Работница-рабыня сказала (своей госпоже): «*Ŋamplaŋ-sêmpre xôr-jirjŋ nai* («Оленья самоедка с иловатыми глазами»), поставь туда полную чашу хороших яств:

* *mût, müt* (*Адъект.:* *mudjr, müdijŋ*) — передняя или лицевая, т.е. обращённая к улице часть дома, комнаты, города, деревни.

** При помощи гадания.

славная душа рукастого мужа *Xudem sagem videt vot atten tiven*, держащего лук в руке, (привычной) к луку, спустилась по цепи домой». Когда она поставила для *Xudem sagem videt vot atten tiven* полную чашу славной пищи, она стала складывать трёхколенный коленчатый плач. Её сын, держащий лук в руке, (привычной) к луку, хотя и взял концами пальцев кусочек (пищи), он шероховатым куском там застрял у него посреди глотки, и (мальчик) закричал благим матом. Её сын, муж-богатырь с рукой, (привычной) к луку, вышел на площадь города, имеющего площадь, и стал молиться Золотому Свету, своему Отцу. Сын его (т.е. Бога) *Ar-mig-xoi, kale-xoi* стоял там (поблизости). Сын его *Ar-mig-xoi, kale-xoi* сказал: «Не иди в могилу, сооружённую из осинового дерева²⁸, пройди у передней части города, имеющего фасад, по узкой тропинке, усеянной листьями и былинками. Когда ты придёшь к безлесной лыве, обойдённой (во время пастьбы) оленьими языками, обратись там в репейник* с красной верхушкой. После этого тебя, красноверхий вершинчатый репейник, оленья самка *Sot mox omdem vur-xonor net*) («Родившая сто детёнышей голобрюхая самка») положит на дно своего желудка (*соб.:* живота), как (кладут туда) жито».

По узкой дорожке, усеянной листочками и былинками, я пошёл и, когда дошёл до края безлесной лывы, обойдённой оленьими языками, я там превратился в красноверхий вершинчатый репейник. Когда я (в него) обратился, меня, красноверхий вершинчатый репейник, съела самка *Sot mox omdem vur-xonor nêj*. Тогда у самки *Sot mox omdem vûr-xonor nej* свернулся (в животе) в виде головки (как бы) дорогой клубок из золотистого шёлка. Десять кровавых (лунных) месяцев, которые женщины носят (плод), она нас носила, и, когда она нас сносила, мы, три богатыря и три брата, родились на белый (*соб.:* светлый) свет остяцкого народа.

Наступила продолжительная зима, держащая всё в инее. Появился малый чир, (т.е. слабый наст) (с зёрнами льда) величиной с нос куропатки. Потом из растаявшего и замёрзшего снега образовался наст, хоть топором руби. Самка *Sot mox omdem*

* Именем «*paхrant*» остяки называют и другие крупные травянистые растения.

vũg-xonop peŋ сказала своим детям: «Выслушайте вашим долгим ухом небольшую весть. Пущенный Богом железный волк с заиндевелыми боками нас заставит подняться». Вот пущенный Богом железный волк с заиндевелыми боками нас спугнул (*соб.:* поднял), мы побежали, побежали семисаженными прыжками. Самка Sot mox ômdem vur-xonop пёд (от усталости) бросилась (*соб.:* вошла) в мягкий снег. После того, как мы пробежали пространство, которое может (пробежать) олень до передышки, мой младший брат бросился в рыхлый снег. После того мой второй брат упал в рыхлый снег. Когда я пробежал расстояние, которое олень может пробежать без передышки, я стал молить Золотой Свет, Отца: пусть передо мной родится обойдённая оленьими языками безлесная лыва. Вот там родилась обойдённая оленьими языками безлесная лыва. Мы на всём её протяжении начали бежать вокруг неё, (направляясь) через её семижды семь сторон света. Вот стемнело. Я залез в середину мягкого снега. Хоть я и остерегался его, железный волк с заиндевелыми боками всё не приходит. Так я лежал. Во время утренней зари, когда зоревые звери начинают бродить, я вскочил из снега, также и волк выскочил из снега. Я сказал: «Железный волк с заиндевелыми боками, обежим опять семь прежних (т.е. тех же) сторон света». Когда волк встряхнулся, сам муж в своём собственном виде встал перед ним, в самом деле сам муж Ar-mjg-xoi, kale-xoi в своём собственном виде там стоит. Он сказал: «Что я стану делать с твоим покрытым гнидами и поганым мясом? Ступай к Осетровой речке, на самый (*соб.:* славный) её берег и повадись там (ходить), где олени имеют обыкновение водиться. Когда двое мужей одного роста, двое «дармовщиков» (охотников) сядут в плоскую лодку, ты, животное, обладающее сердцем, выстави своё сердце на показ». Когда я (туда) пошёл и повадился на том месте, где водятся (олени), вот пришли туда двое мужей одного роста. Кормовщик покачивал лодку (веслом), а муж, находившийся на носу лодки, взял лук и стрелы, положил стрелу на тетиву лука, снабжённого тетивой, и, (натянув его) так постепенно, как (летом) убывает вода в Оби, спустил её: в сердце животного, имеющего сердце, она направилась (*соб.:* стала искать). Сделав (*соб.:* прыгнув) только три [дорогих] прыжка, я упал. Вот содрали с меня кожу, подобно хорошо снятой коже дубравной сороки. Меня, оленя, притащили в крытую лодку, в [мой] большой

город мужа Соң-ху́с-а меня привезли и крытую лодку привязали около пристани, отступя от берега*. Вот работающая в доме Megałnink-saxare ort-nêŋ спустилась к воде, и когда она нашла, что олень лежит там в крытой лодке, рабыня украла сердце у животного, имеющего сердце, и язык у животного, имеющего язык. Принеся эти предметы домой, она (с хозяйкой) стала их варить. Когда они сварились и поспели, они их положили как жито на дно желудка (соб.: живота). В небольшом углу живота (хозяйки) я свернулся, как дорогой клубок из золотистого шёлка: после образовал клубок мой брат, потом мой младший брат, и он образовал клубок в небольшом углу живота рабыни Megałnink-saxare ort-nêŋ. Когда нас пронесли десять кровавых месяцев, которые женщины носят (детей), они у комля дерева, у которого ложатся женщины на сносях, разрешились от бремени. Когда они разрешились от бремени, мы, трое богатырей, трое сыновей, родились на белый (соб.: светлый) свет остяцкого народа. В то время, как мы становились больше, мы росли в девичьем городе, где много девочек, в отрочьем городе, в котором много мальчиков**.

Так мы жили, долго мы жили. Однажды пришёл ко мне мой старший брат, глава города. Когда он вошёл в деревянные сени, где имеют обыкновение лежать собаки, хоть многочисленные собаки с говенным ртом и хотели рвануть его за толстые жилы его икр, (но) как только холодный ветер, (шедший) от приближающегося славного богатыря, коснулся их своим быстрым порывом, они рассеялись во все стороны (соб.: сильно), (как брошенная на землю) горсть мороженой рябины. Ледяное отверстие двери, находящейся в отверстии, он распахнул. После этого мой брат Ćiš-võje, rôx-võje jêvettai paide-kêt, paide-kur jidat ûrt («Пташек стреляющий богатырь с суставами искусных рук и ног») пришёл (ко мне). Я наблюдал сквозь маленькую щёлку моего (согнутого) локтя, как он защебил в щёлке (двери) небольшой кончик своей пятки; слышно было, как (с крыши) песчаного дома (землянки) упало несколько (соб.: семь) песчинок***. Когда при-

* Чтобы спасти мясо от вечно голодных остяцких собак.

** После эпидемии в городе опять начало увеличиваться население, и он был полон детей.

*** Богатырь лежал и сквозь промежуток согнутой в локте руки наблюдал, как к нему входил его брат.

близился мой старший брат — глава города, я приподнялся (соб.: сел) на месте (хранения) лука, на котором имеют обыкновение лежать богатыри, и (стал) торопить (соб.: шевелить) [дорогие] концы заострённой ноги (соб.: ножных пальцев) сотни работающих в доме незамужних работниц. Моя сотня незамужних работниц-рабынь поставили на четвероногий стол благодатную чашу с оленьим салом. Мой брат сказал: «Я прихожу не из угла голодного дома. (Если) ты выслушаешь моё доброе слово, то сколько оленьего сала не находится в твоём благодатном блюде, я всё концом гранёного сустава (пальца) засуну (в рот). Если же ты не выслушаешь то небольшое слово, которое я (тебе) скажу, то я решительно (соб.: много) буду попирать край ледяной двери, холодной двери, [дорогим] концом своей заострённой ноги (соб.: ножных пальцев)». Я сказал: «Отчего ты не сообщишь, какая у тебя имеется речь, какое слово?». Мой брат сказал: «Подобно тому, как встают незамужние девицы, до каких пор ты будешь (так быстро) вставать, как стрела пробегает пространство (перед) луком? Разве ты не знаешь, что у тебя подбородок оброс бородой как у пожилого человека?». Я сказал: «Красавица девица, такой красоты (соб.: вида), что я бы её взял (в жёны), в каком конце света, где она родилась?». Он ответил: «(Если) пройти через семь вод той безлесной лывы, обойдённой оленьими языками, и пересечь семь поросших лесом гривок, то за седьмой лывой возвышается (?) город *Kâriņ nânk pandiņ âvîť* («Из кожуристой лиственницы выстроенный (сложенный) город»)! Старый князь *Tut vâtta tâdesem sôgîťpûnîvdan ūrt* строгаёт (здесь) черен двухконечной стрелы. В доме, оглашаемом песнями, там укачивали семь сыновей. После них в берестяной люльке с изящной спинкой кого укачивали, (толкая люльку ногой)? Трёх самоедских красавиц, трёх дочерей там укачивали. Там я своим долгим ухом слышал небольшой слух про девицу такой красоты, что ты бы её взял (в жёны). Ступай, если у тебя есть (там) дело, (а теперь) устрой большой пир для всего города».

Когда рассвёл следующий день, я послал слугу *An ôťiņ potetai ajar* хоі («Счастливым муж, (несущий) блюдо с мёрзнущим краем») на равнину, (поросшую) оленьим мхом. Вот мой слуга *An ôťiņ potetai ajaņ хоі* в самый (соб.: в середине) полдень пришёл к месту, где был слышен стук олень-

их копыт. Они (олени) были приведены к комлю священного дерева с изображением Бога, и (перед ним) было поставлено в качестве кровавой жертвы семь оленьих быков, привязанных к одному ремню. An ôtiŋ potetai ajaŋ xoï, мой слуга, при их закалывании перерезал острым ножом их многожилистые шеи, (затем) с них были сняты шкуры, подобно хорошо снятым шкуркам дубравной сороки. Их (самых) варили в большом котле для обеда горожан. Когда славный навар в большом котле поспел, многочисленные мужи всего города были туда созваны, как метущая рука (собирает) гусиным крылышком (сор). Мой слуга An ôtiŋ potetai ajaŋ xoï (при этом) приподнимался (на цыпочки) перед фасадом каждого встречного дома, приподнимая при этом свою грудь, (чтобы через верхнее отверстие очага звать людей). Мой жердяной дом, состоящий из 800 жердей, в котором я живу, так наполнился взошедшим (народом), сколько входит рыбы в наполненную окупёвую или плотвиную морду. Когда на большом пиру, предназначенном для населения города, славный навар в большом котле был окончен (соб.: прошёл), было принесено питающей (?) рукой мёртвое жито, были принесены многие кузова с завязанным отверстием и многочисленные угловатые лукошки с завязанными отверстиями. Они начали есть. С подбородками, грязными от сочащегося осетрового жира, они стояли как судомойки с мокрыми (?) руками. Когда они так стояли подобно судомойкам с мокрыми (?) руками, они подобно гусиному крику (?) начали (говорить) исходящее из сердца слово. Многочисленные мужи со старческими лицами (?) сказали: «Вы ещё молодёжь, не имеющая детей (соб.: вы дети места, где нет сыновей)! В прежнее время, когда мы жили с вашими отцами, (если) мы устраивали такой большой пир, чтобы на нём угощались воины, мы славными суставами тяжёлой ноги направлялись (соб.: шагали) в какой-нибудь край земли».

Вот из одного из углов дома, имеющего фасад, выскочил сын [какого-то] доблестного мужа и, схватив со дна угла за чувалом, где кончились дрова, добрую половинку колотого полена, на его стороне нарезал три грани. Себе мой брат Ćiš-vôje, rôx-vôje paide-kêt, paide-kur jîdat ûrt в качестве начальника над войском и главы свадебного поез-

да зарезал большую зарубку, (потом) он зарубил моего брата Тонх хôt pêlkal sor jôgot*. После того там, где отец был плох, зарубался сын его, там, где сын был плох, зарубался его отец. Он собрал толпу поезжан в 700 человек, воинский отряд в 700 мужей. Мой брат сказал: «Когда будет светать завтрашний день, снарядимся на военную ногу, на сватовскую ногу». Хотя я и лежал (соб.: лежал муж) на пёстром одеяле, на узорчатом коврике и спал на мягком месте, мне было, как будто я лежал на гранёной стороне ручки топора, будто я лежал на ребре (соб.: имеющем ребро месте) ручки ножа. При появлении утренней зари, когда зоревые звери начинают свой ход, я (так сильно) забылся, как сооружённый из глины семиугловый запор (держит рыбу). Вот мой слуга An ôtiŋ potetai ajaŋ xoi, подойдя ко мне на расстояние рукоятки посоха-топора**, стал толкать меня в широкий промелсуток (спины) между лопатками при помощи конца ребристого сустава (согнутого пальца). Мой слуга An ôtiŋ potetai ajaŋ xoi сказал: «У твоих многочисленных мужей, которых ты ведёшь на войну и (которые собрались) перед пристанью, (от холода) начинают дрожать концы рукавов, начинают дрожать края пол (их одежды)». Висевшую (соб.: стоящую) на гвозде божественную, удлиняющую жизнь кольчугу с прочным краем я через маковку головы опрокинул на свою высокую грудь, как будто это было три ковша холодной воды. Потом я надел одну на другую (соб.: вместе) славные одежды из пушистого бархата и из тонкого шёлка. Я принарядился красивее (всех) в городе, в стране. Я пошёл в переднюю часть дома, имеющего фасад, и в углы дома, имеющего углы. Угол дома, изобилующий товарами, где хранилась пушнина, был (стал) чист, как обработанная кожа (дубравной) сороки. Хоть я и пошёл в содержащий кольчуги угол дома, где у меня хранились кольчуги, он был (соб.: стал) чист, как обработанная шкурка сороки. Я вышел на площадь города, имеющего площадь, и перед комлем священного дерева с изображением Бога, сильно изгибаясь, положил семь поклонов [головы]. В то время, как я

* Сын рабыни, родившийся одновременно с двумя богатырями.

** Небольшой топорик, насаженный на длинную палку, употреблялся прежде, чтобы заготавливать во время пути дрова для костра; Ср.: венгер.: «fokos».

шёл к привязанным за оленями деревянным саням, вот (передо мною стоит) толпа девиц, состоящая из 10 женщин. Тогда я, муж, обладающий сердцем, думал в глубине своего сердца: «(Если бы) я вместо того, чтобы вести своих многочисленных горожан в жадную пасть мамонтов, встретился на кривой дороге, по которой бегают песцы, с толпой молодых девиц, я бы не повёл своих многочисленных горожан в ненасытную пасть мамонтов». Высокая женщина говорит: «Ты, низкая женщина, сделайся-ка ниже». Низкая женщина говорит: «Послушай, высокая женщина, сделайся **выше**»*. Мой младший брат меня громко пристыдил (за мою нерешительность). Я сел на находящиеся за оленями дощатые санки и совершенно покрылся пёстрым ковриком с изображениями людей. Начальник над войском сделал головой знак (к отправлению)**.

* Девушки хотят лучше рассмотреть князя-жениха.

** Здесь былина не оканчивается. За недостатком времени я не успел проверить на месте транскрипцию и перевод оставшейся трети былины, ввиду чего и не привожу эту часть. Обыкновенно первая часть былины, более или менее значительная, поётся. Когда певец устанет, он начинает излагать дальнейшую часть прозой.

Сказки

1. Сказка про богатыря Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui

Старик со старухой проводят дни, проводят ночи. У них нет ни дочери, ни сына. Они состарились. Старик сказал: «Жена! Я отправлюсь к моим многочисленным амбарам на боровой стороне (реки) и к моим многочисленным амбарам урманной стороны и обложу их огнём (соб.: многоязычным ртом девы Тарн). Пусть дым поднимется к Небесному Отцу и Небесной Матери: он мне не дал ни дочери, ни сына». Он отправился и обложил их огнём. Дым от них достиг Небесного Отца. Небесным Отцом был послан вниз (его сын) «Âr-mij-xui, kale-xui. (Он сказал ему): «Посмотри, как будто там что-то случилось вследствие злобы и гнева(?)».

Он спустился вниз: в самом деле муж из деревни, состоящей из одного дома, облагает огнём свои многочисленные амбары на боровой стороне, свои многочисленные амбары урманной стороны. «Старик, зачем ты обкладываешь (их) огнём?» — «Небесный Отец и Небесная Мать не наградили меня ни сыном, ни дочерью, поэтому я (их) обкладываю огнём, чтобы они не остались после меня». Тогда (тот) ему дал три зёрнышка величиной с косточку черёмушной ягоды* (и сказал): «Поди домой и дай их съесть твоей жене!».

Старик пошёл домой и дал их съесть своей жене. Долго ли жили, коротко ли жили, его жена забеременела. Однажды угол её чрева приготовился рожать дочь, рожать сына. Когда она разрешилась от бремени, то у её сына сквозь кость видна кость и сквозь мозг (костей) виден мозг**. Этот мальчик стал расти: в день на пядь, в ночь на ладонь. Он начал гулять по улице. Он стал соображать, что здесь в каком-то

* Ср.: Приложение I, 6.

** Ср.: Приложение I, 8.

веку должен был находиться бесконечно и безгранично большой город. Посреди города лежит выросшее при сотворении мира листовенничное (или) еловое бревно. Он его поднял вместе с корнем и комелем, положил на плечо, отнёс прочь и бросил на сторону. После этого они стали жить. Однажды он сказал отцу и матери: Я отправляюсь несколько (попутствовать), доколе я буду сидеть в (тесном) углу* дома?». Его отец сказал: «Ступай, (но) не ходи далеко». Он оделся, вышел на улицу и устремился в один из краёв земли.

Он шёл, шёл и пришёл к стоявшему на его пути дому и амбару. Он вошёл в сени, медведь и волк стали рычать и ворчать. В доме раздался голос старухи: «Если вам (пришедший) муж люб, то схватите его за край рукавов и за конец пол (его одежды) и введите его в дом. Если муж вам не люб, то оторвите у него бёдра, где прикреплены бёдра, оторвите у него лопатки там, где прикреплены лопатки. Они его схватили за края рукавов и за концы пол (его одежды) и ввели в дом. Старуха его обняла и поцеловала: «Сказочный муж из однодомного селения, внучек мой, куда ты снарядился?» — «Я так здесь брожу без дела». Старуха его накормила, напоила и села около него: «Внучек, куда ты собрался?» — «Бабушка (соб.: старшая тётка), дай мне имя!» — «Послушай, внучек, какое же я тебе имя дам?». Старуха сидела, сидела (и сказала): «Пусть твоё имя будет *Poi-lipetta tamplat-xui*, *Poi-lipetta kaplat-xui* («Подобно осиновому листу вёрткий муж, подобно осиновому листу беспокойный муж»)). — «Аи-аи, старушка, ты умеешь давать имена!».

Он простился (с ней) и направился домой. Он пришёл домой. Отец его спрашивает: «Куда ты, сынок, ходил!» — «Я ходил к своей старой бабушке». Старик подумал: «И я был богатырём, был мужем, (но) до того места доходил в неделю, он же в полдня туда сбегал». Он спросил у своего отца: «Есть ли у тебя давно выезженная лошадь или нет?» — «Как мне не иметь (таковой)? За семью каменными стенами* там находится мой конь золотой масти (соб.: шерсти). Ступай, сходи туда и выведи его». Он отправился к месту, где находились лошади. Хоть он кладёт на лошадей свою руку, они не выдерживают его руки; хоть он заносит

* lot — яма, угол, клочок земли.

** Букв.: за семижды каменными сводами.

(*соб.*: кладёт) на лошадей свою ногу, они не выдерживают его ноги. Он вернулся назад, пошёл во двор, (видит): лошади бродят. На какую лошадь он ни кладёт руку, и ни заносит ногу, ни одна лошадь не выдерживает (их тяжести). Один жеребёнок был весь покрыт коростой, он около него трётся: «Ах ты, безродный жеребёнок, как пойдёшь ты сюда, я схвачу тебя и замертво брошу на землю». Он схватил жеребёнка, жеребёнок не тронулся с места, на котором он стоял. Он клал на него свою руку, жеребёнок не обращал на это внимания; он закидывал на него свою ногу, жеребёнок (стоял), как ни в чём не бывало. (Он подумал:) «Бог не predetermined, чтобы у меня (была) хорошая лошадь, предназначенный мне конь вот этот»*.

Он пошёл домой и попросил у своего отца узду, кнут и седло. Отец принёс ему золотую узду, золотой кнут и золотое седло. Он пошёл на двор, поймал этого жеребёнка, наложил на него узду, он сделался двухлетним. Он вывел его из изгороди, он стал трёхлетним. Он наложил на него седло, он стал четырёхлетним, натянул переднюю подпругу, он стал пятилетним, он натянул заднюю подпругу, (жеребёнок) стал шестилетним. (Юноша) сказал своему отцу и своей матери: «Я пойду посмотреть красивых жён и красивых мужей и [пойду] себя (им) показать». Его отпустили. Он сел на коня, конь сделался семилетним. (Конь) его поднял (с земли) и увёз в один из краёв (*соб.*: углов) земли. В то время, как он подбирал рукава и полы (своей одежды), его деревня (еле) виднелась подобно зубчику гребня. Показался бесконечно большой город, показался беспредельно большой город. Он подъехал к дому старухи и старика, последних нищих** города, и вошёл в дом. Старуха и старик его обняли и поцеловали. Старуха и старик пошептались, старик вытащил из-за печки телёнка и заколол его около его колен. Кровь брызнула на него. Когда это дело было сделано (*соб.*: прошло), он сел, ничего к нему не пристало. С телёнка содрали шкуру, мясо варили и накормили и напоили его. Он (их) спрашивает: «В этом городе живёт ли князь или царь?». Они говорят: «Царь живёт». — «Есть ли у него

* *Ср.*: Приложение I, 9.

** 16x-pet(e)-iga, *соб.*: старик, (живущий) на дне угла.

дочь или нет?». Старик сказал: «У него трое дочерей». Он попрощался с ними и направился домой. Он сказал своему отцу: «Я ездил в бесконечно большой город, в беспредельно большой город. В этом городе живёт царь. Он имеет трёх дочерей. Пойди сватать (для меня) царских дочерей!». Старик снарядился, бросил в сани серебро и золото, придавил ногой (массу) Соболевых шкурок и другой мягкой рухляди и отправился. Пришёл туда к царю сватать (его дочерей). По приказанию царя его били, толкали и отпустили домой. Старик плача и воя пришёл домой. Сын его сказал: «Зачем ты плачешь?» — «Меня били, толкали и отослали домой». (Когда) стал светать следующий день, опять сын его стал гнать: «Ступай опять сватать к тому же [твоему] царю». Опять его били, толкали и прогнали домой. Рассвёл третий день. (Сын его сказал:) «Ну ступай искать (невесту) в каком-нибудь другом месте». Старик отправился в тот же город и посватал (для него) младшую дочь жреца. Ему её отдали, не потребовав за неё калыма. Старик пришёл домой, распевая и сказывая сказки. (Отец с сыном) снарядились, чтобы ехать (к невесте) свадебным поездом. Они надели дорожную обувь, дорогие одежды, принарядились и вышли на улицу. Сын его еле выглядывал (*соб.:* высовывался) из среды (нагромождённых) соболиных и бобровых одеял. Они тронулись и прибыли в тот город. (Там) был устроен пир для девиц, пир для молодых людей, и сколько в месяце не имеется недель, они ели, и в течение долгих недель они пили. Когда окончился (*соб.:* прошёл) девичий пир, когда окончился отроческий пир, они пожелали ехать домой. Они (опять) созывают многочисленных мужей всего города, многочисленных мужей всего селения, чтобы пить на девичьем пиру, чтобы пить на отроческом пиру. Они пришли домой, устроили девичий пир, отроческий пир и в течение многих недель месяца, в течение долговременных недель они пили.

Когда прошёл девичий пир, когда прошёл отроческий пир, они стали жить. Молодой (*соб.:* муж, взявший жену) стал испытывать свою жену: (когда) наступает время полудня, она не отрывает глаз от окошка. Однажды он схватил свою жену за ноги, втащил её (в комнату) и положил жене свою голову на колени. Тут жена его оттолкнула (ногой), и он, упав о край двери, пролил из носу кровь. Его жена ска-

зала: «Я не искала в голове у (живущего) там, на том конце света, мужа, именуемого Тагас-хуй, Мой-хуй²⁹ («Купец, Поезжанин»), стану я искать в твоей нечистой (соб.: говённой) голове?».

Муж побежал к своему отцу и к своей матери и сказал своим родителям: «В то время, как я положил моей жене (на колени) голову, чтобы она (в ней) поискала, она меня оттолкнула, и когда я упал о край двери, у меня из носа потекла кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у живущего там, на том краю земли, мужа, именуемого Тагас-хуй, Мой-хуй, буду я искать в твоей грязной голове?». Он простился с отцом и матерью, вышел на улицу, вскочил (соб.: упал) на лошадь и ускакал.

Его отец и его мать остались, плача и воя. Лошадь его подняла (на воздух) и понесла. В то время, как он подбирал рукава и полы (своей одежды), он [хотя и] посмотрел назад: город, в котором он жил, показался ему (величиной) с зубчик гребня. Он ехал, ехал и приехал к стоявшему на его пути дому и амбару. Он сошёл с коня и привязал коня к столбу, (предназначенному) для лошадей. На месте, где как будто (раньше) стояла лошадь с её четырьмя передними и задними ногами, лежат четыре глыбы серебра³⁰. Он также смахнул с лошади её иней и сдвинул её в сторону. И на месте, где стоял его конь, лежат четыре глыбы серебра. (Он подумал): «Этот муж не сильнее меня и не слабее меня». Он вошёл в дом, старуха его обняла и поцеловала: «Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui, внучек мой, куда ты снарядился?» — «Я так здесь брожу без дела». Она его накормила и напоила. Старуха отодвинула (соб.: взяла) стол к сторонке, накрыла его плотно белым полотенцем и села вплоть у его колен; (она сказала): «Куда ты, внучек, направился?» — «Отец мне взял (в жёны) младшую дочь священника; когда я положил моей жене (на колени) голову, чтобы она (в ней) поискала, она меня оттолкнула, и я, упав, пролил алую (?) кровь и тёмную кровь. (Она сказала): «Я не искала в голове (живущего) там, на том краю света, мужа, называемого Тагас-хуй, Мой-хуй, буду я искать в твоей грязной голове?». Я отправлюсь искать (мужа) Тагас-хуй, Мой-хуй!». Старуха сказала: «Отправлявшихся [туда], в город (мужа) Тагас-хуй, Мой-хуй, много, но нет которые бы возвра-

тились. Вернись назад!» — «Нет, я (отправился) расследовать (*соб.*: открывать) отверстия воды и земли, [вернуться обратно] с моей косатой головой я не вернусь». — «Послушай, — сказала старуха, — я тебе кое-что дам: оно тебе будет приятно и полезно». Старуха вышла из комнаты и пропала. Хоть он ждал, ждал, старухи нет да нет. От (долгого) ожидания он потерял терпение. Он толкнул дверь наружу, (в это самое время) старуха схватила дверь снаружи: «Внучек, куда ты торопишься? У нас женщин сто узлов, тысяча узлов: один узел завяжешь, другой узел развяжешь». Она ему дала связку с 60 серебряными кольцами* (и сказала): «Не дадут ли тебе чего-нибудь твои живущие там старые тётки?». Они простились, и он собрался в путь: лошадь начала его уносить. Опять он доехал до стоявшего на его пути дома и амбара. Он подвёл коня к столбу, (предназначенному) для коней: как будто (отсюда) только что уехал (какой-то) муж. В четырёх следах, (оставленных) лошадьёю, остались четыре глыбы серебра. И он привязал своего коня, смахнул с него иней и отодвинул его в сторону, и на месте, где стояла его лошадь, остались четыре серебряные глыбы. Он вошёл в дом. Старуха его обняла и поцеловала: «*Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui*, внучек, куда ты направился?» — «Я здесь так, без цели брожу». Старуха его накормила, напоила, отставила стол к стороне, покрыла его белым полотенцем и села около его колен: «Внучек, куда ты снарядился?» — «Мой отец взял мне (в жёны) младшую дочь священника. Когда я положил своей жене голову на колени, чтобы она (в ней) поискала, я был ею оттолкнут, и, упав о край двери, пролил из носа алую (?) кровь, пролил тёмную кровь. Она сказала: «У (живущего) там, на том краю света, (мужа), именуемого *Târàs-xui, Moi-xui*, я не искала в голове, ты мне что за человек, чтобы я искала в твоей голове?»»: Я отправлюсь разыскивать мужа *Taras-xui, Moi-xui!*». Старуха сказала: «Отправлявшихся туда много, но нет вернувшихся назад. Воротись назад!» — «Я стану расследовать отверстия воды и земли, (но) возвращаться назад с моей косатой головой я не вернусь». Старуха сказала: «Вот я тебе кое-что дам». Она вышла из дома и пропала.

* См.: Приложение I, 10.

[Хоть] он ждал, ждал и сказал: «Эта обманщица-старуха удрала от меня». Он встал, толкнул дверь на улицу, (в это самое время) старуха схватил дверь снаружи: «Внучек, куда ты торопишься? У нас женщин сто узлов, тысяча узлов, если один узел завяжешь, то другой развяжешь». Она ему вручила клубок ниток: «(Это) тебе должно пригодиться». Они простились. Он вышел на улицу и сел на коня, (который) его поднял (с земли) и понёс. Он ехал, ехал и доехал до стоявшего на его пути дома и амбара. Он сошёл с лошади, повёл лошадь к столбу, (предназначенному) для коней, смотрит, как будто (отсюда) только что уехал (какой-то) муж: на месте, где стояла его лошадь, остались четыре серебряные глыбы. И он привязал своего коня, смахнул с него иней и отодвинул его в сторону, и на месте, где стояла его лошадь, остались четыре глыбы серебра. (Он подумал): «Этот муж не сильнее и не слабее меня, если бы мы сошлись здесь, на славном мысу лесистого нагорного берега, то мы побегали бы здесь на своих ловких ногах». Он вошёл в дом. Старушка его обняла, поцеловала (и сказала): «Живущий там, на том краю земли муж, называемый Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui, внучек мой, куда ты направился?» — «Я так здесь брожу, без цели». Она его накормила, напоила и села вплоть у его колен. «Куда ты снарядился?» — «Отец мой взял мне (в жёны) младшую дочь священника. Когда я положил своей жене (на колени) голову, чтобы она (в ней) поискала, она меня оттолкнула, и я, упав о край двери, пролил алую кровь, пролил чёрную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове живущего там, на том краю света, мужа, именуемого Taras-xui, Moi-xui; ты что за человек (нашёлся), чтобы я искала в твоей голове!». Старуха сказала: «Много было отправившихся [туда], в город мужа Taras-xui, Moi-xui, но нет которые бы вернулись обратно. Вернись назад!» — «Я исследовал отверстия воды и земли, (но) [возвращаться] с моей косатой головой я не возвращусь». — «Постой, я тебе нечто дам». Старуха вышла на улицу и исчезла.

[Хоть] он ждал, ждал и, наконец (соб.: однажды), встал, преклонил голову и шею (для поклонения духам) и вышел на улицу. Он толкнул дверь наружу, (в это время) старуха схватила её снаружи: «Внучек, куда ты спешишь?» Она

ему дала белое полотенце: «Сядь-ка, я тебе скажу словечко: (когда) ты [отправляться] отправишься, ты доедешь до гривки столь узкой, как лезвие ножа: и сюда посмотреть — голова кружится (*соб.*: тошно), и туда посмотреть — голова кружится (тошно). В это время лошади не трогай. Когда ты проедешь это место (*соб.*: от этого места), то ты доедешь до четы (*соб.*: самки и самца) змей толщиной в (осиновый) ствол, из которого делают челноки. Когда ты взглядишься, (увидишь, что) тонкая (струйка) дыма толщиной в нитку поднимается вверх. Когда ты подъедешь и тебя узнают, то повалит густой дым. Людские кости, набросанные (здесь почти) до высоты кедра, готовы слиться (над ним) в одну массу. (Если) приложить сюда твои кости, то кедр утонет в их массе. Там тронь твоего коня поводом, который он не переносит, и пятками ног, которые он не выносит*. Раз ты отсюда прорвёшься, ты опять поедешь, поедешь и достигнешь морского берега. Мост, перекинутый через море, охраняется шестидесятью воинами (*соб.*: мужами). Когда ты туда доедешь, брось твои шестьдесят серебряных колец, и они, подобно суставам руки (?), туда соберутся. В это время ты тронь твоего коня. Раз ты там проедешь, ты достигнешь города (мужа) *Târâs-xui, Moi-xui*».

Они простились. Он ушёл, вскочил (*соб.*: пал) на коня, и он его поднял и унёс. Он плотно завязал свои глаза шёлковым платком. Однажды, когда он прислушался, лошадь еле двигается вперёд шагком. Он передвинул свои глаза до щёлочки, посмотрел: действительно (перед ним) столь узкая гривка земли, как лезвие ножа. Качаясь в ту и другую сторону (*соб.*: он качался в ту сторону...), таким образом, он ехал, ехал. Однажды, когда он прислушался, лошадь стала бежать как (бы) рысью. Вот он (опять) передвинул свои глаза, (видит): лошадь начала бежать полным ходом. Когда он посмотрел вперёд, вот клубится (струйка) дыма толщиной с нитку. Он тронул своего коня пяткой ноги, которую он не выносит, и ударил кнутом, который он не выносит. (Лошадь) его подняла до малых облаков. Когда он наехал прямо на чету змей, самец змей хоть и (попытался) его схватить, (но лишь) вырвал из хвоста коня

* В остяцком языке имеются своего рода отрицательные причастия настоящего времени на -ta, как здесь: *esta (соб.: estta?)*; *ôtijet, pedet jûgutta vos etc.: pôtta-jinkip jemij sarat* и т.д.

три волоса. Он ехал, ехал и достиг морского берега. Действительно, здесь на страже 60 мужей. Он подъехал к ним близко и бросил связку колец. Подобно суставам руки (?) этот народ собрался там в одно место(?), а он тем временем поскакал и уехал. Хоть в него и выстрелили из ружья, но лишь вырвали из хвоста коня три волоса. Он достиг города (мужа) Taras-xui, Moi-xui и подъехал [туда] к дому Taras-xui, Moi-xui. Мать (мужа) Taras-xui, Moi-xui его обняла и поцеловала. Она его накормила и напоила мёдом и брагой. Они стали жить. Однажды перевёрнутая чашка опрокинулась (сама собой). (Он спросил): «Послушай, старушка, что хотела сказать эта твоя чашка?» — «Мой сын вернулся с пути». Немного спустя стоящая (соб.: лежащая на спине) чашка опрокинулась [ничком]. «Что хотела сказать эта твоя чашка?» — «Мой сын дошёл до половины пути». Опять немного спустя опрокинутая чашка приняла нормальное положение (соб.: опрокинулась назад). «Что хотела сказать эта чашка?» — «Мой сын пришёл. Куда я тебя спрячу?». (Схватив его) за волосы (соб.: за головную кожу), она его бросила на пол, он превратился в иглу без ушка, а она его сунула в щель бревна*. Её сын вошёл в дом (и сказал): «Матушка, кто к тебе приходил? Тотчас подай его сюда: я не пролью и капельки его крови, сколько её (помещается) на донышке ложки». Мать его сказала: «Ни раньше ко мне никто не приходил, ни после (ко мне никто не будет приходиться), откуда же теперь (кто) может прийти (соб.: придёт) ко мне?» — «Матушка, если он старше меня, я его сделаю своим отцом, если он моложе меня, я его сделаю своим сыном, если он одного возраста со мной, я его сделаю своим братом»**. Его мать вытащила иглу из щели бревна и бросила её на пол. Какого роста он был, таким он и предстал (пред ним). Они обнялись и поцеловались. Они стали угощаться (?) брагой, они стали угощаться (?) мёдом***, они ели и пили. Пришедший оттуда брат сказал: «Мой отец взял мне (в жёны) младшую дочь священника; когда я положил своей жене голову (на колени), чтобы она (в ней) поискала, она меня оттолкнула, и я пролил алую (?) кровь и чёрную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у (живущего) там, на том краю

* См.: Приложение I, 11.

** См.: Приложение I, 12.

*** Эти фразы мне не ясны и переданы по смыслу.

земли, (мужа), именуемого Тага-хуй, Мо-хуй, ты мне что за человек, чтобы я стала искать в твоей голове?». Его брат Тага-хуй, Мо-хуй сказал: «В клети сеней, в которой я имею обыкновение спать, там ложись и надень мою одежду. Я тебе дам три серебряных прута, ими ты (её) бей, пока они не изломаются». Он надел одежду брата, пошёл туда и лёг. Вот слышится шум приближающейся сороки. Она влетела через окошко (в комнату), сдёрнула вверх шкурку сороки и какого роста она была, такого роста она предстала перед ним. Он смотрит на неё украдкой: действительно (это) его жена. Она вошла к нему, а он плотно закутался (в одежду). Что только она ни делает, он не обращает (на неё) внимания. Вот женщина начала (такую) речь: «В то время, как я, обладающая силою в славных суставах рук, стала жить с тобою, я сделалась женою мужа, способного схватить как (соб.: либо) птицу за её хвостовые перья, так и (соб.: либо) четвероногое (соб.: бегающего зверя) за хвост. Нашёл (соб.: взял) ли на это моего мужа коротконогий бес, я не знаю, нашёл ли на него долгоногий бес, я не знаю». В этот момент он, вскочив, схватил её за косы и стал бить серебряными прутьями*. Когда три металлических прута были изломаны (соб.: израсходованы), у неё была сломана одна нога, у неё была сломана одна рука и выбит один глаз. (После этого) он её отпустил. Она влезла в сорочью шкурку и отправилась, покачиваясь во все стороны. Он между тем пошёл к своему брату. Они ели и пили брагу и мёд.

Они жили, жили, (вот) брат его захотел отправиться в путь. Он сказал своему брату: «Ты оставайся, а я пойду воевать с семиголовым лешим. Если ты соскучишься, то ступай в мой каменный дом (соб.: амбар) в семь комнат. Шесть комнат отворяй, в мою седьмую комнату не иди: это моя священная нерушимая клятва».

Его брат ушёл, а он отправился в каменный дом с семью отделениями (соб.: семижды каменный амбар). Он вошёл в первую комнату, видит: всё здесь переполнено [этими] лягушками и ящерицами³¹. Он половину этого добра выгреб прочь. Он вошёл во второе отделение, здесь всё переполнено [этими] змеями и ящерицами. Он вошел в третью комнату, (и здесь) всё полно этим же самым. Он опять выгреб половину (этих животных) вон. Он вошёл в четвёртую

* См.: Приложение I, 13.

комнату — то же, вошёл в пятое отделение — то же. Он вошёл в шестую комнату, ничего (там) нет, (только) лоб его светится. Там он стоит, соображая: войти ли в седьмую комнату или не войти. Он думал, думал: «Однако я войду посмотрю, что там такое есть».

Он отворил замок, чуть-чуть приотворил дверь до щелочки и посмотрел внутрь (комнаты): видит, что (от света) ему нельзя поднять глаз. Тут он сильно отворил (дверь), и когда золотой свет (соб.: золото) вырвался оттуда, он отскочил назад. Девица его схватила и стала втаскивать в комнату, он же (её) тащил наружу. Когда девица брала верх, она его втаскивала во внутрь (комнаты); становился муж сильнее её, он дотаскивал девицу до заднего конца комнаты. Он поразмыслил (соб.: пошевелить умом и мыслью): «Женщина меня втаскивает, чего ради я рвусь прочь?»*. После этого они, сойдясь вместе и как бы не зная что делали, стали обниматься и целоваться.

Он стал ходить туда (соб.: там) к своей жене каждый день. Однажды (об этом) узнала его тёща. Его жена забеременела, и тёща его на него сильно разгневалась. Вечером пришёл её сын. Оба брата ели и пили. Мать его стала говорить своему сыну внушительным тоном. (Он ответил): «Матушка, зачем ты гневаешься?». Его мать сказала: «Твоя сестра, которая воспитывалась в комнате за семью каменными (стенами), забеременела, хорошего брата ты себе нашёл!». «[Ты], матушка, — сказал её сын, — зачем ты сердишься из-за пустого (соб.: напрасного) дела? Неужели муж, пришедший из столь отдалённой земли, что туда не добраться даже зверю, пришёл с истощённой силой рук и истощённой силой ног, чтобы созерцать моё прекрасное лицо? Когда будет светать завтрашний день, пусть они оба упадут к твоим ногам и (к краю) твоего платья». После этого его мать осталась безмолвна. Когда светал другой день, Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui с женою оделись, принарядились и, взявшись за руки, пошли в дом тёщи и упали к её ногам и (к краю) её одежды. Был сделан девичий пир, был сделан отроческий пир. Сколько имеется в месяце продолжительных недель, они пили и ели. Когда прошёл пир для девиц и пир для молодых людей, они стали

* См.: Приложение I, 14.

жить. Жена его родила сына. Он стал ходить каждый день в дом своего шурина. Однажды он сказал своей жене: «Сегодня я отправляюсь воевать с семиголовым лешим, скажи моему брату, чтобы он не выходил из дому пока я не приду домой». Вот он ушёл. Он пришёл туда, смотрит: народ семиголового лешего столь (многочислен), как нагорный берег, (покрытый) тёмным лесом. Он плотно завязал свои глаза шёлковым платком и начал махать мечом. Народ валится подобно сотне копен весеннего сена, подобно сотне копен осеннего сена. Хоть он и рубит, хоть он и толкает, народ всё не убывает в числе. Он обошёл народ сзади, видит: сидит муж и ударяет кремень сталью (*соб.*: железом огнива): как только падала искра, (тут же) вырастал (*соб.*: становился) муж с топором и мечом*. Он туда побежал, отнял у этого мужа огнива (*соб.*: камень для огня и железо для огня) и этого мужа самого разрубил посреди (тела) на две части и вновь стал махать (мечом). Вот он воевал, воевал, однажды его меч задел за что-то. Долго ли он сражался, коротко ли он сражался, он уничтожил этот народ и пошёл домой. Он пришёл домой и спрашивает свою жену: «Дома ли мой брат?». Жена его сказала: «Твой брат пошёл к тебе на третий день после того, как ты ушёл». Он сердится на свою жену: «Зачем вы* его пустили, поэтому-то мой меч за что-то задел». После этого они с женой одев[ал]ись и отправились. Они пришли среди этого убитого народа и начали разворачивать (убитых). Хоть они и искали, они (его) не находили. Наконец (*соб.*: однажды) они его нашли — действительно, он посреди (тела) расчлён пополам. Они его притащили домой, сделали (для него) серебряный гроб и, вырезав из кровати, на которой они спали, кусок доски, поставили его под неё**.

Однажды от тёщи пришла весть: «Тебя зовёт твоя тёща, приходи скорее!». Его жена сказала: «Тебя зовут, чтобы тебя убить. Полез бы ты на небо, (но) нет лестницы; спустился бы ты в (недра) земли, (но) нет отверстия». Он простился с женой и ушёл. Как только он вошёл в дом тёщи, в то время, как он шагал через дверь в комнату (*соб.*: домой),

* См.: Приложение I, 15.

** Здесь имеется в виду неподвижная кровать, сооружённая из досок и занимающая один из передних углов избы русского крестьянина или обруселого инородца в Западной Сибири.

он через дыру упал в подземный (соб.: нижний) мир. Там он долго ли лежал*, мало ли лежал, когда он пробудился, он (видит, что) лежит в тёмном месте. Всё залито водой. Он встал, видит: от его слёз злое место** залито водой. Он плачет и воет. Вот он зашагал по направлению к одному краю земли. Он шёл, шёл и пришёл к стоявшему на его пути дому и амбару. Когда он вошёл в дом, видит: сидит муж ростом в пять брёвен. Старуха и старик с ним поздоровались, поцеловались (и сказали): «Живущий там, на том краю земли, Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui, какой песнью, какой сказкой ты был завлечён в эту священную страну, куда не добежать (доброму) духу, в эту чудесную страну, куда не по силам добраться и бесу?» — «Я здесь брожу без дела». Потом он сказал: «Старуха и старик, не надо ли вам сына, я вам буду сыном». Старик сказал: «Мы такого-то человека и ищем». Он там стал жить. Старик (ему) сказал: «Веди своих лошадей и коров в поле, но не веди их в сторону владений лешего». Он повёл своих коней и коров в поле, посмотрел (и увидел, что) на стороне его владений не найти основания былинки, которое могло бы застрять между корнями зубов, на стороне же, где находился хутор лешего, через траву (вследствие её густоты) нельзя пробраться. Он пустил своих лошадей в сторону, где находился хутор старого лешего³².

Однажды к нему идёт одноголовый леший: «Ах вы, обманщики, старуха и старик, ваши глаза были у вас выбиты, у вашей матери в серебряном блюде [там] они лежат. Опять вы сюда привели лошадей. Этот раз я не пролью и капельки вашей крови, которая едва (орошает) донышко ложки». Он пришёл, приблизился, тот встал: «Что ты говоришь, леший? Будем ли мы рубиться (мечами) или толкаться?». Леший сказал: «Будем рубиться». Он ударил лешего мечом по шее, снёс ему голову, а туловищную часть потащил в сторону и бросил. После этого он опять спрятался. Немного спустя приходит двуглавый леший. Он приблизился, и они схватились. Он, ударил лешего (мечом) по

* adem значит: лежать или спать; pox-rëknem — встать и пробудиться.

** Если в этой фразе после tu sëm-jijedat подразумевать tu, т.е. tu sem-jijedat (tu) adem taget, то вм.: «злое место» следует перевести: «место, на котором он лежал», как и сделано в немецком переводе.

шее, двух голов нет: он их снёс прочь и бросил в сторону. Немного спустя приходит трёхголовый леший, приблизился. (Он сказал): «Будем ли мы рубиться (мечами) или толкаться?». Леший сказал: «Будем рубиться!». Он ударил его по шее и снёс три головы. Немного спустя приходит леший с четырьмя головами, подошёл к нему. (Он сказал): «Будем ли мы рубиться мечами или толкаться?» — «Будем рубиться!». Он, ударив по четырём головам лешего, снёс (все) четыре головы. Немного спустя пришёл пятиголовый леший. (Он сказал): «Будем ли мы рубиться (мечами) или толкаться?». Леший сказал: «Будем рубиться». Когда он его ударил (мечом), его пять голов были сразу снесены. Немного спустя приходит шестиголовый леший, он приблизился к нему. (Богатырь сказал): «Будем ли мы рубиться (мечами) или толкаться?». Леший сказал: «Будем рубиться». Он ударил его мечом, сразу снёс (ему) шесть голов. Немного погодя приближается семиголовый леший: «Ах вы, безродные старуха и старик, на этот раз я у вас не пролью и капельки [вашей] крови, которая (едва может покрыть) донышко ложки. У вас (уже) были вынуты ваши глаза, они находятся у нас в доме, у нашей матери в серебряном блюде. Вы всё-таки (опять) сюда привели своих коней?». Он приблизился, леший сказал: «Будем ли мы рубиться (мечами) или толкаться?». Он сказал: «Будем рубиться». Они начали рубиться. Он (с лешим) возился, возился; у него были отрублены шесть голов, осталась одна голова. Вот (*соб.*: однажды) они схватились руками, боролись, боролись. Место, на котором они сражались, сделалось топким. Вот он стал вталкивать старого лешего в землю. Он его толкал, толкал и (засунул туда) по шею*. Хоть он его и рубит (мечом), ничего ему не делается (*соб.*: никакое место у него не шевелится). Старый леший сказал: «Доколе ты будешь меня мучить? В моём кармане (находится) белое полотенце, вынь его, оберни вокруг моей шеи и потом ударь (мечом)». Он вынул из его кармана белое полотенце, обернул его вокруг его шеи и ударил мечом, голова его отпала прочь. Он повёл своих лошадей домой. Старик сказал: «Что ты долго ходишь?» — «Я (так) здесь брожу». — «Послушай-ка (*соб.*: ты!), не водишь ли ты своих коней к хутору старого лешего?». Он сказал:

* См.: Приложение I, 16.

«Мною убиты все лешие. Послушай (соб.: ты!), старик, если я вас сделаю зрячими, можешь ли ты меня отвести к мужским водам верхнего (т.е. наземного) мира?»* Старик сказал: «Если ты сделаешь такое дело, то как я тебя не доставлю (туда)?».

(Когда) стал светать следующий день, он поел, выпил и отправился. Он пришёл к дому старого лешего, видит: сидит ведьма. «Муж русской земли, ты свою плоть и свою кровь сам принёс ко мне. Я не пролью и капельки твоей крови, которая (едва может покрыть) донышко ложки». После этого они уговорились выходить (во время борьбы) три раза на улицу. Они схватились, боролись, боролись. Старуха сказала: «Дай мне выйти». Он её пустил. Старуха вышла на улицу, выпила сильной воды и вошла в дом. Они (опять) схватились. (Теперь) она отпустила этого мужа на улицу. В сених стоят две бочки с водой, он сунул палец в одну бочку — он отгнил прочь; он его сунул в другую бочку — он сделался здоровым. Из этой бочки он выпил, сколько мог. Он вошёл в дом, и они схватились. Старуха ему стала уступать. Старуха сказала: «Пусти меня наружу!». Она вышла, выпила сильной воды и вошла в дом. Они схватились, и он стал поддаваться. (Он сказал): «Дай мне выйти». Он выпил сильной воды и на место, где находился ковш от сильной воды, опустил тот (другой) ковш. Они схватились, и он бросал старуху в эту сторону и бросал в ту сторону. Старуха сказала: «Выпусти меня». Старуха вышла и выпила воды, сколько могла. Хоть она и стала махать крыльями, но лишь слабела (от этого)**. Старуха обратилась в бегство. Хоть он ждал, ждал, старухи нет да нет. (Он подумал): «Эта старуха в самом деле от меня убежала». Он вышел в сени — старухи нет да нет. Он стал её преследовать. Он гнался, гнался за ней, и, когда он почти её догнал, она раньше него вошла в дом. Он вошёл в сени, (там) стоят две бочки, он сунул палец в одну бочку — он отгнил, он его сунул в другую бочку, и он стал невредим. Он вошёл в дом, перед

* То есть к водам наземного мира, около которых живут люди. В стране остяков воды (реки, озёра, болота) занимают огромные пространства и в экономике края, живущего рыболовством, играют выдающуюся роль.

** См.: Приложение I, 17.

ним висит (*соб.*: стоит) полог, (украшенный) колокольчиками и бубенчиками. За этим пологом сидит девица. Он схватился со старухой, они боролись, боролись, и он одолел старуху. Хоть он её рубит (мечом) и толкает, ей ничего не делается. Когда он посмотрел на девицу, девица толкает рукой свой подбородок. Он ударил старуху ножом в подбородок, (направив удар) снизу, старуха вытянулась, как она была. Девица сказала: «Возьмёшь ли ты меня замуж?». Он сказал: «Возьму». (Она сказала): «Сожжём огнём мою мать, после, (когда) её тело лопнет на огне, из него в изобилии выползут ящерицы и змеи. Если какая-нибудь из них (*соб.*: что-нибудь) незаметно уползёт старуха (*соб.*: она) такого роста, как она была, предстанет перед нами. Сделаем метлы и будем их непрерывно сметать в огонь». Вот они развели костёр (*соб.*: огонь) из сушняка и из брёвен и положили на него эту старуху. Её живот лопнул, и (оттуда) в изобилии выползли ящерицы и змеи. Они начали их сметать (в огонь). Работали, работали и, наконец, (это) кончилось. Муж сказал: «(Чтобы узнать), не жила ли ты (раньше) с мужчиной, прыгнем три раза через огонь. Если ты (раньше) жила с мужчиной, то ты не достигнешь (цели)». Вот муж прыгнул через огонь, и женщина прыгнула. Во второй раз он опять прыгнул, и женщина прыгнула. В третий раз он туда прыгнул и обернулся. Когда (*соб.*: хоть) женщина прыгнула, он её толкнул назад, и она упала навзничь. Её живот лопнул на две половины, и (оттуда) в изобилии выползли ящерицы и змеи*. Он начал их сметать (в огонь). Он возился до кровавого пота, он возился до чёрного пота. Наконец (всё) это кончилось. (Если) появлялся низовой (т.е. северный) ветер, пепел (от костра) уносило к югу; (если) появлялся верховой (т.е. южный) ветер, пепел уносило на север.

Он вернулся, пришёл в дом ведьмы, взял [эти] глаза (стариков), захватил живую воду и живой прут и пошёл домой. Он пришёл к своим (приёмным) родителям. Он приказал матери приготовить кипяток. Вода вскипела. Он вымыл глаза старика и вставил туда, спрыснул живой водой и ударил живым прутом. Глаза его стали здоровее, чем они были рань-

* См.: Приложение I, 18.

те, здоровее, чем они стали потом*. Старик встал, выбежал на улицу и исчез (соб.: ушёл). Теперь он вымыл глаза старухи, вставил их туда, sprыснул живой водой и ударил живым прутом. Глаза её сделались здоровее, чем они раньше были, здоровее, чем они потом стали. Старуха выбежала на улицу и пропала. Хоть он и ждал, ждал, старухи да старика нет да нет. (Он подумал): «Эти старики от меня убежали». Старик пришёл и сказал: «Я обошёл все семь возвышенных мысов, на которых я раньше бродил». Пришла старуха и сказала: «Семь боров, в которых я раньше гуляла, я все обошла». После этого старик им приказал убить семь быков. (Он сказал): «Посолите мясо шести быков в бочках, разрезавши его на мелкие кусочки, мясо (же) седьмого быка сварите, (а) я (пока) пойду за жар-птицей³³». Старик ушёл, а они оба убили семь быков, всё мясо от шести быков они изрезали на кусочки и посолили, мясо же седьмого быка сварили. Старик пришёл, ел и пил. Утром следующего дня они вкатили на спину жар-птицы бочки с мясом. Старик делает жар-птице внушение: «Постарайся не мучить этого мужа!». Ему же он сказал: «Когда она тебя доставит наверх, напиши на её груди, как она тебя везла».

Он простился (с родителями), сел на жар-птицу и полетел вверх. Повернёт (птица) голову в эту сторону, он ей суёт кусочек; повернёт она голову в ту сторону, он ей суёт кусочек. Она его везла, везла. Когда наступило время коснуться крыльями земли (соб.: положить крылья наверх), мясо (у него) израсходовалось. Жар-птица начала опускаться вниз. Он отрезал у себя икру ноги и сунул ей, он отрезал вторую икру и сунул ей, и она его доставила к мужским водам наземного (соб.: верхнего) мира. Жар-птица ему сказала: «Вставай». Он сказал: «Каким образом я встану, если я, отрезав мои икры, скормил их тебе». Жар-птица сказала: «Если бы я (раньше) знала это обстоятельство, то во время пути (соб.: в промежутки) съела бы тебя и выпила бы (твою кровь). Поэтому-то последние два кусочка были (так) сладки». Жар-птица изрыгнула его икры, плюнула на них, и они стали здоровее прежнего**. Он написал на груди жар-птицы: «Я был доставлен хорошо и благополучно». Жар-птица отправилась в путь, а он зашагал

* См.: Приложение I, 19.

** См.: Приложение I, 20.

к своему дому. Он вошёл в дом, (видит): его жена лежит посреди между двумя мужчинами. Схватив свой меч, он его поднял, чтобы (их) ударить. В это время жена его привстала (и сказала): «Что с тобой сделалось? Эти мужи твои сыновья»*. Сыновьям жена его сказала: «Вставайте, ваш отец пришёл». Сыновья её встали и упали к обеим ногам своего отца. После этого они обнимались, ласкались, ели и пили. Стало светать. Он вынул своего шурина, (т.е. брата жены) из серебряного гроба, брызнул на него живой водой и ударил его живым прутком. Он притягивает к себе свои руки, он притягивает к себе свои ноги. Он посмотрел в эту сторону и в ту сторону и не мог видеть**. Он схватил младшего сына, разрубил его посреди (тела) на две половины и обрызгал его кровью шурина. (Тогда) он поднял свою голову, покрытую соринками и былинками***. «Меня усыпил мой шурин (т.е. муж сестры) Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui. Какого мужа сын разбудил меня в люльке, выложенной гнилым деревом?»****. Его шурин сказал: «Мною ты был усыплён и мною же ты воскрешён». Он sprysнул младшего сына живой водой и ударил живым прутком. Он поднял вверх свою голову, покрытую соринками и былинками. Они обнялись и поцеловались, ели и пили брагу и мёд. Опять шурин повёл их в свой дом. Тёща нашла своего сына. Они обнялись и поцеловались. Обоих (пришедших) она кормит и поит брагой и мёдом. Когда это дело прошло, шурин (муж сестры) отправился домой. Однажды пришла весть: «Твой шурин (брат жены) зовёт тебя на «ток» для игр». Отец с двумя сыновьями (соб.: три родственника) оделись, принарядились и отправились. Пришли туда, видят, что устроен ток для игры из меди*****.

* См.: Приложение I, 21.

** Соб.: и не смотрел.

*** См.: Приложение I, 22.

**** Люльки для детей остяки делают из бересты и выкладывают их гнилушкой и мхом отчасти, чтобы ребёнку было мягко лежать и отчасти, чтобы в них впитывалась их моча. В люльках дети находятся в полусидячем положении, опираясь на высокую спинку, которой они снабжены. Детей покрывают шкуркой или одеяльцем, которые привязывают к краям люльки. От последних же идут верёвки к особой деревяшке, которая в свою очередь прикрепляется к потолку. Качают детей чаще всего ногой за привязанную к люльке верёвку (Ср.: Былина 3. Прим. **** на С. 257).

См.: Приложение I, 23.

Они встали (*соб.:* стояли) на одну сторону, те стояли по другую сторону. В их сторону (*соб.:* на них) шурина пустил ногой каменную глыбу. Младший сын, подбежав вперёд, поймал её носком ноги (*соб.:* ножными пальцами), положил на пятку и взмахнул ногой. Она была унесена через землю, (населённую) девицами, через землю, (населённую) богатырями. Они вернулись домой. Отец сказал: «Мой шурина соорудил ток для игр, и я устрою ток для игр». Наутро следующего дня он вышел на улицу, вынул своё огниво и начал высекать (огонь); как только падала какая-нибудь искра, (тут же) вырастал из земли (*соб.:* становился) воин (*соб.:* муж) с топором и мечом. Он высекал, высекал (огонь) и высек такое количество мужей, сколько бывает личинок и муравьев. Он приказал сделать серебряный ток для игр и дал весть шурина: тебя зовёт твой шурина на ток для игр. Его шурина отправился (к нему) с многочисленными мужами всего города, всего селения. Он туда прибыл, видит, что у его шурина столько народа, сколько бывает личинок и муравьев. Они встали по другую сторону. Его шурина (муж его сестры), положив на пятку камень, сделал ногой взмах; народ шурина (брата его жены), находившийся на пути, по которому летел камень, лежал на земле; если (камень) касался руки (какого-нибудь) мужа, он ломал ему руку, если он касался ноги (какого-нибудь) мужа, он ломал ему ногу, задевал он его посреди (туловища), он его разрывал на две части.

После этого отец с сыновьями вернулся назад, зашагал и ушёл, а этот народ, когда он сунул огниво в карман, исчез (*соб.:* ушёл) вниз и вверх. Он вошёл в дом и сказал своей жене: «Ступай к моему брату и спроси моего брата: если он позволит, то я тебя уведу (с собой), если не позволит, не поведу. (Что же касается меня), я владею своей землёй, я обладаю своими водами*, (ведь) я не давал за тебя выкупа, (ведь) я не давал за тебя товара». Его жена ушла. Когда она смотрела на своего брата, она улыбалась, когда она ему поворачивала спину, она плакала**. Её брат сказал: «Сестра, ты здесь топчешься, что тебе надо?». Его сестра сказала:

* Богатырь даёт понять своей жене, что он не желает дольше жить у шурина, так как имеет свои собственные земли и воды.

** Она боялась передать брату слова мужа, но вместе с тем не хотела показать ему своё душевное настроение.

«Мой муж послал меня к тебе, он не дал за меня платы, он не дал за меня товара, если ты разрешишь, то он меня уведёт (с собой), если ты не позволишь, то он меня не уведёт». Её брат сказал: «Вы могли (ведь) давно уйти, вы могли утром уйти. Я не считаю для себя возможным жить (в одном доме) с женщиной, которая выше меня, я не умею жить (под одной кровлей) с богатырём, который выше меня». Немного спустя он (ещё) сказал: «Приходите сюда все». Она пошла домой и сказала мужу: «(Брат думает, что) мы давно могли бы отправиться, мы могли бы уйти утром; он не в состоянии жить (в одном доме) с женщиной, которая выше меня, я не в состоянии жить (под одной кровлей) с богатырём, который сильнее меня, приходите все сюда». После этого они пошли туда, и их кормили и поили. Их одевают во столько одежд, сколько их плечи могут поднять, и наряжают во столько одежд, сколько их плечи могут поднять. Обоим сыновьям их дядя подарил по коню золотой масти (*соб.:* шерсти) и по золотым саням. Находившуюся на саях массу соболиных мехов и пушнины им пришлось (для удобства) умять при помощи ног. Они обнялись, поцеловались, простились и снарядились домой.

Они прибыли к первой бабушке (*соб.:* тётке), видят, что эта старуха уже трясётся (от старости). Её жена толкнула её на землю, подняла, и эта старуха сделалась молодой и красивой женщиной*. Они обнялись и поцеловались. Их накормили и напоили пивом и брагой. Они простились с (этой) женщиной и отправились в путь. Они прибыли ко второй бабушке. И эта старуха стала так (стара), что еле ходила. Её жена её толкнула на землю и подняла. Она стала молодой и красивой женщиной. Они обнялись, поцеловались, простились со старухой и тронулись вперёд. Они пришли к третьей старухе: (эта) старуха еле ходит. Её жена толкнула её на землю и подняла: она сделалась молодой и красивой женщиной. Они обнялись и поцеловались, она их накормила, напоила. Они простились и снарядились в путь.

Он взял одну щепу из урмана и одну щепу из бора. Когда он прибыл в город, в котором он проживал, он увидел, что у его дома свалились три угла и уцелел только

* См.: Приложение I, 24.

один угол, (оттуда) еле поднимался вверх тонкий дым. Он влез к верхнему отверстию очага и посмотрел вниз, видит: его отец и мать ссорятся из-за горячей головешки (*соб.:* искры). (Если) он пришёл зимой, он насыпал (на неё) столько снега, сколько помещается на ручке кнута, пришёл он летом, то налил (на неё) столько воды, (сколько её помещается) на конце весла. Эти старики начали браниться: «Этот огонь остался нам от нашего сына, кто погасил его? По просторной дороге, более широкой чем копьевеице, пролегающей (*соб.:* находящейся) перед лицевой стороной дома, пусть его увлекут, привязав (*соб.:* повесив) его за одну руку, пусть его уведут, привязав его за одну ногу». Он сказал: «Пусть тот муж, которого проклинают мои родители, не выходит из дому». Как только раздался голос их сына, они бросились на улицу. Старик подбежал, чтобы обнять своего сына, сын его бросил на землю, и он стал молодым и красивым мужчиной. Старуха побежала, чтобы обнять его жену, невестка её толкнула на землю и подняла: она превратилась в молодую и красивую женщину. Они обнялись и поцеловались, ели и пили пиво и мёд.

Стемнело, они легли спать. Poi-lîpetta tamplat-xui, Poi-lîpetta kaplat-xui вышел на улицу и расколол щепы, взятые из урмана и из бора, на мелкие кусочки. Он их бросал в эту сторону, он их бросал в ту сторону, (сказав): «Если явится муж, который про меня будет слагать песни, если явится муж, который про меня будет сказывать сказки, то пусть у него вырастут (*соб.:* родятся) на этой стороне сто домов и на той стороне сто домов. Пусть посреди этих ста домов, посреди многочисленных домов появится мой дом. Если на передней стороне дома будет стучать клювом дятел, то пусть на задней его стороне стучит клювом щелкунья. Пусть сюда мне будет доставлена (*соб.:* приведена) хорошая жертва из кровавых оленей, пусть сюда мне будет доставлена хорошая жертва из кладеных (?) оленей. Пусть мы пробудимся в доме, полном холостых работников, пусть мы пробудимся* в доме, полном незамужних работниц. Пусть двор, который у меня появится, будет переполнен лошадьми и коровами». Он вошёл в дом и лёг спать. Когда утром рассвело,

* Какая глагольная форма: vêredau (от глагола vêredem — пробудиться) — мне неизвестно, я её передал по смыслу.

как он только проснулся, он видит, что во (вновь) созданном железном, металлическом доме холостые работники и незамужние работницы (уже) на ногах (*соб.:* пробудились). В самом деле он смотрит сюда и туда: на этой стороне выросли (*соб.:* родилось) сто домов, и на той стороне выросли сто домов, и посреди сотни домов, многочисленных домов, появился его дом. Он посмотрел на двор: он полон лошадьми и коровами. Он сделал пир для девиц, он сделал пир для мужчин, и на нём они ели и пили, сколько многочисленных и продолжительных недель (не числится) в месяце. Насколько глаз хватает, со всего околотка (*соб.:* извне) они нагласили (гостей), насколько ухо слышит, они нагласили (к себе гостей).

Всем тем многочисленным мужам, которые слышали (этот рассказ, я желаю) добыть в изобилии рыбу, добыть в изобилии пушной товар, всем же тем многочисленным мужам, которые не слушали (рассказ, я желаю, чтобы) в их уши (был воткнут) гвоздь.

2. Сказка про сестру трёх братьев

Трое братьев проводили дни (*соб.:* жили), проводили ночи. У них была сестра. Однажды они охотились за лосями и оленями и поздно пришли домой: ни огня нет, ни котла. Старший муж говорит: «Одна у нас только сестра, и (то) нет ни огня (в очаге), ни котла». Младший муж говорит: «Наша сестра каторжница, у неё на уме (лишь) выйти замуж». Он вошёл в дом, посадил сестру на лопату, так и бросил. Она перелетела через (луг, покрытый) травой, и упала посреди прямоствольного леса. Она начала шагать. Долго ли она шла, мало (*соб.:* коротко) ли она шла, она посмотрела: вот перед ней на [дорогом] конце железной цепи (висит) дворец, у которого золото его основания светится (*соб.:* течет) вниз и золото крыши (*соб.:* верха) светится вверх. Она трижды обошла вокруг дома и не нашла двери, (но) нашла крайчик железной скобки. Она приподняла эту железную скобку и отворила дверь. Она вошла в дом, (тут) стоит стол с брагой и стол с мёдом, она начала пить и есть. (Вот Pairâxtà)³⁴ летит с полуденной стороны в образе молодого гуся. Он снял гусиную кожу и такого роста, какого он был, он предстал перед ней, и той вышины, какой он был, он предстал перед ней*. Он вошёл в дом, они обнялись и поцеловались. На другой день её муж сказал: «Когда я уйду, то ты можешь пустить (к себе) старшего брата, можешь принять среднего брата, своего же младшего не впускай в дом!».

Пришёл старший брат, она его впустила, накормила, напоила и проводила. Пришёл другой брат, она его впусти-

* См.: Приложение I, 25.

ла, накормила, напоила и проводила. Пришёл младший брат, она его накормила, напоила (и сказала): «Брат, ступай вон, мой муж мне не разрешил тебя принимать». А он снял с деревянного гвоздя меч, сделал наверху, у отверстия очага, нары и там сел. Вот (её муж) летит с полуденной стороны в образе молодого гуся. В то время, как он через дымовое отверстие спускал сверху свои ноги, её младший брат отсёк ему ногу. Муж полетел и скрылся из виду. Его жена сделала посох в три аршина и сапоги с каблуками в три пяти высотой и отправилась в путь (*соб.:* начала ходить)*. Она пришла к дому и амбару. Волк и медведь ворчат и рычат. В том доме им приказала старуха: «Если вам (пришедший) человек люб, то схватите его за края подкладки и за концы пол (его одежды) и введите (*соб.:* вставьте) его в дом. Если вам человек не люб, то оторвите у него бёдра там, где они (приросли), оторвите у него ноги там, где они (приросли), и выбросьте (их)». Вот они ввели его в дом. Её старая бабушка (*соб.:* тётка) сказала: «Кто приманил тебя песней, кто приманил тебя сказкой, чтобы ты пришла сюда, в эту (столь) отдалённую страну, куда не добраться даже зверю?»** — «Меня сюда приманили сложенной обо мне песнью, меня сюда приманили сказанной обо мне сказкой. У мужа Paĩràxtà отрубили ногу, каким образом я могу дойти до середины священного моря с незамерзающей водой?» — «Ты пойдёшь по сору от ног моего мужа». Вот старик уснул, жена его начала сцарапывать в берестяное лукошко сор, (приставший) к его ногам. Она вырвала (ещё) у своего мужа три волоса (из) бороды. После этого старуха дала ей клубок ниток, потом сор от ног (мужа) и, наконец, три волоса из (его) бороды. «Клубок ниток брось (*соб.:* пусти) вперёд, и куда он покатится, туда ступай!».

Вот эта женщина отправилась в путь (*соб.:* начала идти) и пришла к морскому берегу. Она вынула берестяной чумашек³⁶ и начала сыпать (из него землю). Море стало мёрзнуть по пути, по которому ей нужно было идти. Вот она пересекла море, смотрит: перед ней стоит дом с золотым основанием и золотым верхом. Хотя она и обошла его с северной стороны, она не нашла дверей, хотя она и обошла

* См.: Приложение I, 26.

** См.: Приложение I, 27.

его по солнечной стороне, она не нашла дверей, (но) она видит, что (какая-то) железка неплотно прилегает (к стене). Эту железку она погладила тремя волосками из бороды туда и сюда, и перед ней открылась (*соб.*: родилась) большая дверь, величиной с озеро. Эта женщина вошла в дом и спряталась за печку. Пришли три девицы. Она (им) сказала: «Отвезите меня к моему мужу». Они сказали: «Если ты согласна, чтобы тебе вытянули жилу из ноги, то мы тебя (туда) отвезём, если ты не согласна, то мы тебя не отвезём». Она согласилась, и у неё вытянули ножную жилу. Вот её повезли к мужу. Она превратилась в чёртика с паршивой головой. (Одна) чета стариков (*соб.*: старуха и старик) приняла её вместо дочери. Однажды их позвали ворожить: там *Pairâxta* стал близок к смерти. Приёмная дочь им приказала: «Приготовьте шесть котлов навару из чаги (берёзового нароста)». Его стали поить (этим) наваром. (Когда) он вытянул свои ноги, он вскочил (на ноги). Его нога выздоровела.

Он отправился к дочери солнечного царя, чтобы её сватать. Во время утренней зари, когда всходило солнце, прибыл свадебный поезд. (После свадьбы) он увёз молодую и привёз к себе. Молодая вошла в дом, (а) чёртик спрятался за печку. Молодая бросила своё кольцо, (а) чёртик взял его в рот. Народ пил, ел и ушёл прочь. Молодые (*соб.*: жена и муж) легли спать. Жена его говорит: «Вспоминаешь ли ты о Сестре трёх мужей*, об [этой] твоей жене?». Чёртик с паршивой головой это слышал, он сломал кольцо вдребезги, и дочь солнечного короля умерла. Утром её похоронили.

Pairâxta пошёл брать (в жёны) дочь царя месяца. Он взял (в жёны) дочь царя месяца. Во время утренней зари, когда всходило солнце, прибыл свадебный поезд. Чёртик с паршивой головой там караулил. Привезли невесту, она бросила кольцо на землю, (а) чёртик его взял. Свадебный поезд вошёл в дом. Пили, ели, народ вышел на улицу. Жена и муж легли спать. Жена его говорит: «Вспоминаешь ли ты о Сестре трёх мужей, об [этой] твоей жене?». Чёртик с паршивой головой слышал (это) и разломал кольцо в мелкие кусочки. Молодая умерла, и утром её похоронили.

Pairâxta пошёл в дом, где написано, (кому жить) долгий век, (кому) короткий век. Он стал играть на домбре. Он

* См.: Приложение I, 28.

играл, играл и, когда дошёл до (песни о) Сестре трёх мужей, он бросил домбру на пол, и домбра разбилась в куски. После этого он топнул ногой и сказал: «Соберись!». Вот (домбра) и собралась, (он сказал): «Повесься на колышек!». Она повесилась на колышек. Он взял лебедь³⁷ и опять стал играть. Играл, играл, как дошёл до (песни о) Сестре трёх мужей, опять бросил лебедя на землю и совсем его разбил. После этого он топнул ногой и сказал: «Соберись и повесься на колышек!». Он собрался и повесился на колышек. (В это время) Сестра трёх мужей выскочила из-за печки и сзади плотно закрыла его глаза (руками). Paigâ xta сказал: «Сестра трёх мужей,пусти меня, я тебя вечно буду держать (при себе)». Вот она его и отпустила.

3. Сказка про охотника и семиголового лешего

У охотника на лосей и оленей есть Медведь и Волк. Однажды он сказал сестре: «Сестра, пока я буду отсутствовать (*соб.*: бродить), не мети пола и не чеши своей головы». Эта девица сказала своему брату: «Оставь твоих собак сегодня дома, ко мне кто-то ходит. Как ты уйдёшь, он (*соб.*: кто-то) ко мне придёт». Брат оставил собак дома и приказал их посадить на цепь, (а) сам ушёл в поле.

Его сестра вымела пол и вычесала голову. Собакам она совсем залила уши оловом. Пришёл семиголовый леший, и они стали обниматься. Её брат ушёл охотиться на лосей и оленей. Семиголовый леший стал его сзади преследовать. Муж влез на вершину лиственницы, (а) семиголовый леший давай рубить лиственницу топором. Он рубил, рубил и дошёл до середины лиственницы. Приближается зайчиха: «Брат, что ты делаешь?» — «Я хочу съест охотника за лосями и оленями, он влез на вершину дерева». Зайчиха ему сказала: «Брат, дай мне свой топор, а ты сам отдохни». Пока зайчиха рубила, он спал. Зайчиха сделала лиственницу твёрже, чем она прежде была. (Она сказала): «Брат, вставай, наступило время съест охотника на лосей и оленей, вставай!». Хоть её брат встал, (но увидел, что) лиственница стала крепче, чем она раньше была. Зайчиха убежала в лес и скрылась из виду. А он между тем опять начал рубить. Рубил, рубил лиственницу, (вот) приближается лиса. «Брат, что ты тут делаешь?» — «Я хочу съест охотника на лосей и оленей». — «Брат, дай мне свой топор, я буду продолжать рубить (*соб.*: я буду опять рубить), а ты сам отдохни!». Он лёг (спать), а лиса притащила земли и песка и сделала лиственницу ещё крепче, (чем она была). «Брат, встань, настало время съест охотника на лосей и оленей». Хоть семиголовый леший и встал, лиственница стала ещё крепче, (чем была). Он поду-

мал: «Теперь я никому более не буду верить». Он начал рубить и дорубил (дерево) до середины. Приближается выдра. «Брат, что ты делаешь?» — «Я намереваюсь съест охотника на лосей и оленей, он влез на вершину лиственницы». — «Брат, дай-ка мне топор, а сам отдохни!». Тот лёг (спать), а выдра вошла в речку, набросала (на дерево) песок и ил и сделала лиственницу ещё прочнее, (чем она была). «Брат, вставай!». Хоть её брат и встал, это дерево стало ещё крепче, (чем было).

Прилетел (соб.: пришёл) воробей, сел на дерево и сказал мужу: «Брат, что ты тут делаешь на вершине дерева?». Он сказал: «Брат, меня хочет съест семиголовый леший. Прежде, когда я убивал лосей и оленей, не питался ли ты при помощи этого твоего клюва кровниками на окровавленном месте?». Воробей сказал: «Правда, брат, я (ими) питался». — «Отправься в мой дом и скажи как-нибудь моим собакам, чтобы они скорее пришли, что меня хочет съест семиголовый леший». Воробей улетел, прибыл (туда) и сказал через отверстие очага в доме: «Медведь и Волк, вашего хозяина собирается съест семиголовый леший. Приходите скорее». Его сестра плотно залила их уши оловом: они не слышат.

Прилетел [оттуда] ворон, сел на вершину дерева и сказал: «Брат, что ты здесь делаешь на вершине этого дерева?». До каких пор тебя будет обдувать весенний и осенний ветер?». Он сказал: «Почтенный брат, куда я пойду? Меня хочет съест семиголовый леший. Прежде, когда я добывал лосей и оленей, не ел ли ты в самом деле иногда с полки жирное мясо?». Ворон отвечает: «Действительно, я ел, когда ты убивал лосей». — «Быстро ступай в мой дом и позови моих собак, Медведя и Волка, скажи (им): вашего хозяина хочет съест семиголовый леший». Ворон улетел, сел на верхнее отверстие очага и сказал: «Медведь и Волк, приходите, вашего хозяина хочет съест семиголовый леший».

Медведь поднял голову и стал прислушиваться к отверстию очага: «Ворон, что ты говоришь?». «Медведь, — сказал ворон, — приходите скорее (соб.: быстро), вашего хозяина собирается съест семиголовый леший, приходите скорее!». Медведь быстро вскочил, и цепь порвалась на 4-5 кусков. Медведь стал убежать. Хоть Волк и вскочил, но в тот момент, как он натянул цепь, он грузно упал на спину. Волк начал выть: «Брат, приди назад и выручи меня!». Медведь обернулся назад и побе-

жал. Сорвав с цепи Волка вместе с кожей и со всем, (что там было), он его бросил, (а) цепь разорвалась в куски.

Они побежали на улицу. Когда они добежали до своего хозяина, их хозяина до того обвело ветром, что если бы ему на нос повесить конский волос, не удержался бы на нём волос; если бы повесить былинку, то не удержалась бы былинка. Когда медведь подбежал, он закричал полным (*соб.:* большим) горлом, (как кричат) лесные звери (*соб.:* лиственный зверь и еловый зверь). Медведь и волк кусают (лешего), их хозяин рубит (его) топором и стреляет в него при помощи лука и стрел.

Воевали три года. Три лета и три зимы держались, схватившись вместе. Упало (за это время) три дождинки и три снежинки. (Наконец) побеждённый семиголовый леший был убит, (когда наступил его смертный день).

(Охотник) привёз трое саней сушняка и трое саней сырого дерева и сжёт семиголового лешего на костре (*соб.:* огне) из сушняка и брёвен. Подует (*соб.:* произойдёт) верховой (южный) ветер, он уносит его пепел к северу, подует низовой (северный) ветер, он уносит его пепел кверху.

Охотник на лосей и оленей пришёл в город князя. Народ его заметил. Князь города сказал (людям): «Ради вас ли он пришёл, или ради меня пришёл?». Он ему дал в жёны младшую из своих семерых дочерей, не взяв за неё платы. Они ели славные яства и пили славные напитки и вино. Пир прошёл. Пришла сестра жениха, взяла зуб семиголового лешего и положила (его) под перину (молодых). Жена и муж легли (спать) за пологом, и молодой был пронзён (зубом) насквозь. Утром его похоронили. Его собаки, Медведь и Волк, рычат, они ищут своего хозяина. Народ отправился на кладбище, вырыли его: действительно, он умер. Была позвана выдра, была позвана лисица, был позван заяц. Заяц вытащил зуб из умершего, и молодой воскрес и стал здоров*. Он пошёл домой и приказал Медведю и Волку загрызть сестру до смерти. (Вот) они её и загрызли до смерти.

Охотник на лосей и оленей живёт теперь на [это], (полученное им), богатство и будет (на него) потом жить. Пусть красная и чёрная пушнина найдёт доступ (*соб.:* войдёт) в его дом. Нам обоим с тобой он (из неё) не уделит (*соб.:* даст).

* *Букв.:* стал здоров и воскрес. — *См.:* Приложение I, 29.

4. Сказка про мудрую девицу*

Жил царь. У него было трое сыновей. Трое сыновей выросли и условились предложить отцу вопрос. Старший муж не входит, чтобы спросить (отца), средний муж не входит, вот младший муж сказал: «Я спрошу». Он отправился предложить отцу вопрос: «Батюшка, не позволишь ли ты нам посмотреть на жён и мужей и показать себя жёнам и показать себя мужам». Отец сказал: «Ступайте». Младший муж сказал: «Батюшка, возьми нам жён». Отец сказал: «Я вам не возьму жён, отыщите себе сами жён, которые вам любы». Сыновья ушли, поискали лошадей, нашли (их), сели на коней и отправились.

Была туманная ночь, тёмная, как глаз (злого) духа. Они прибыли в бесконечно большой город. В городе все спали. (Лишь) в одном доме виден из окошка огонь. Они стали искать высокую лестницу, (нашли её, но) боятся влезть наверх. Они велели старшему брату: «Полезай ты и посмотри через окошко, что (там) за люди живут». Старший муж полез наверх, посмотрел (и видит): в доме живут три девицы. Старшую (из них) спрашивают (две) младшие: «Если тебя возьмёт (в жёны) старший сын царя, какие у тебя будут дети?». Девица сказала: «У меня будут две дочери и более не будет (детей)». Он спустился вниз. Средний муж его спрашивает: «Что ты видел?». Он сказал: «Полезай наверх, сам увидишь». Средний муж влез наверх, посмотрел (и увидел, что) среднюю девицу спрашивают её обе сестры: «Если бы тебя взял (в жёны) средний сын царя, то какие бы у тебя родились дети?» — «У меня родится дочь и один сын». Он спустился вниз. Младший муж его спрашивает: «Что ты

* См.: Приложение I, 30.

видел?». Тот отвечал: «Ты полезай наверх и увидишь». Младший муж влез наверх и посмотрел: младшую из трёх девиц спрашивают обе старшие девицы: «Если тебя возьмёт в жёны младший сын царя, то какие у тебя родятся дети?». А она сказала: «Я не знаю, каких детей мне пошлёт Бог». Старшие девицы (опять) спрашивают её: «Ей, скажи, каких ты детей родишь?». Она не говорит. Старшие две девицы собрались колоть (*соб.:* толкать) её ножом, наконец (*соб.:* однажды) она сказала: «У меня родится дочь, у которой на маковке головы (будут блестеть) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце, на затылке — месяц; ещё у меня родится сын, у которого на маковке головы (будут блестеть) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце и на затылке — месяц. Еще у меня родится сын же, у которого на маковке головы (будут блестеть) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце и на затылке — месяц, запястья правой руки у него будут золотые, суставы правой ноги — золотые». Младший муж спустился вниз. Братья сказали: «Пойдёмте домой и попросим отца, чтобы он нам взял (в жёны) трёх девиц из одного дома».

Они отправились домой, младший муж пошёл и сказал отцу: «Батюшка, возьми нам, трём мужам, жён из одного дома!». Отец его сказал: «Тех жён, которых вы себе избрали (*соб.:* нашли), я пойду и возьму». Отец оделся, принарядился, пошёл и взял им трёх жён из одного дома. Воины со стриженными головами, сваты со стриженными головами отправились (туда). Был строен большой пир для всего города, для всего селения, они пили и ели. Зажиточный мужчина и зажиточная женщина брали концами пальцев один кусочек, два кусочка и уходили, а бедная женщина и бедный мужчина ели и пили, сколько продолжительных недель не имеется в месяце. Когда прошёл девичий пир и отрочий пир, они отправились в свою землю (*соб.:* в свои места). Опять устроили пир для девиц и пир для мужей, и сколько продолжительных недель ни числится в месяце, они пили и ели. Они стали жить. Молодые люди странствуют по стране, смотрят на жён и мужей и себя показывают жёнам и мужам.

Жена старшего мужа собралась рожать дочь или сына. Когда она разрешилась от бремени (*соб.:* когда она их родила), у неё родилась дочь. Она позвала своего мужа домой.

Он пришёл, крестил дочь и опять ушёл. Опять жили, жили, и жена старшего мужа собралась родить дочь или родить сына. Она родила дочь и зовёт домой мужа. Он пришёл, посмотрел на дочь, дал ей имя и опять ушёл. Жена среднего мужа собралась родить дочь или сына. Она родила дочь и зовёт своего мужа домой. Он посмотрел (на дочь), дал ей имя и опять ушёл. Жена младшего мужа собралась рожать дочь или сына. Она зовёт домой мужа. Хоть он и жил, жил (дома), жена его не (могла) родить. Он ещё пожил, жена заболела и сказала: «Ты живёшь дома, поэтому я не (могу) родить ребёнка, ступай!». Муж её ушёл и немного спустя жена его родила ребёнка. Её обе сестры выслали из дома служанок. Они смотрят: у девочки на маковке головы многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце, и на затылке — месяц. Обе её сестры унесли девочку и отдали низкой и высокой тени: «Старуха и старик, ешьте свежее мясо, туловищное мясо». Они не съели (ребёнка), а стали воспитывать. (Сестры) пришли домой, (там) сука родила щенка; взяв щенка, они положили его туда, пошли к свёкру и сказали: «Твоя невестка родила щенка». Свёкор (*соб.:* тесть) сказал: «То, что Бог дал, пусть будет». Её муж пришёл домой. Его две (старшие) свояченицы пришли и сказали: «Твоя жена родила щенка!». Её муж сказал: «(Ребёнка), которого Бог дал, дать ли (мне) ему имя или не дать?». Он дал ему имя и ушёл. Через некоторое время (*соб.:* она жила, жила) его жена собралась рожать дочь или сына. Она зовёт своего мужа домой. Её муж пришёл, она была готова родить ребёнка и не может родить. Хоть он ждал, ждал, она не рождает ребёнка. Его жена сказала: «Мои рёбра готовы лопнуть, если ты хочешь идти, то ступай; если мне придётся умереть, так я умру». Её муж собрался уйти и сказал работающим в доме служанкам: «Я здесь оставил свою жену, не пускайте её обеих сестёр к месту, где будет рождён ребёнок!». Он отправился. Немного спустя его жена приготовилась родить ребёнка. Её старшие сестры пришли и сказали служанкам: «Пустите нас в дом, вы убьёте нашу сестру!». Служанки их не впускают. Они пошли к свёкру и сказали: «Служанки убьют нашу сестру (*соб.:* невестку) из-за ребёнка». Свёкор им приказал их пустить. Служанки (их) пустили. Они выслали служанок вон. Жена (младшего мужа)

родила мальчика, у которого на маковке головы (блестят) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце и на затылке — месяц. Они унесли мальчика и отдали его низкой и высокой тени: «Старуха и старик, ешьте свежее мясо, туловищное мясо». Старуха и старик не съели его, а стали воспитывать. (В это время в доме) оценилась сука (соб.: родила щенка). Они пришли с этим щенком и положили его (на место ребёнка). Они пошли к свёкру и сказали: «Твоя невестка родила щенка». Свёкор сказал: «Что Бог дал, что делать?». Он зовёт сына домой. Он пришёл домой и сказал: «Батюшка, что мне сделать с моей женой?». Его отец сказал: «Она это во второй раз сделала, прости (ей)!». Он ей простил и крестил (соб.: дал имя) ребёнка. Её муж опять ушёл. Его жена (вновь) собралась рожать дочь или сына, она зовёт мужа домой. Муж её пришёл домой, ждал, ждал: она ребёнка не может родить (соб.: рождать не рождает). Хоть он ждёт, ждёт, она (всё) не рождает. Жена его сказала: «Я собралась умирать и не умираю, ступай». Теперь её муж сказал служанкам: «Какого ребёнка ни родит моя жена, вы его сами храните и не впускайте (к ней) её старших сестёр». Её муж ушёл, а его жена через некоторое время опять приготовилась рождать ребёнка. Служанки не впускают туда её сестёр, (а эти говорят): «Вы хотите убить нашу сестру, нашу невестку, вы нас не впускаете в дом». Они пришли к свёкру и сказали: «Служанки нас не впускаю, они убьют нашу сестру (соб.: невестку)». Свёкор сказал: «Пустите их и не убивайте моей невестки». Они их пустили. Они выслали служанок вон. Родился мальчик, у которого на маковке головы (блестели) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце и на затылке — месяц. На дворе (соб.: вне дома) оценилась сука. Взяв щенка, они его туда положили, а этого мальчика унесли за селение и отдали низкой и высокой тени: «Ешьте свежее мясо, туловищное мясо». Они его стали выращивать. (Сестры) дали весть свёкру: «Твоя невестка опять произвела на свет щенка». Свёкор зовёт своего сына домой. Там (ему) сказали: «Твоя жена родила щенка». Его братья насмеваются над ним. Он пришёл домой, посмотрела на «сына» и сказал отцу: «Что мне сделать с моей женой?». Его отец сказал: «Сломай ей одну руку, сломай ей одну ногу, вышиби ей глаз, разорви

её нос на стороны, разорви её рот на стороны, поведи её в церковь и пригвозди её (там) по её двум руками и двум ногам». (Ей сломали одну руку, ей сломали одну ногу, вышибли один глаз, разорвали нос на стороны, разодрали её рот на (две) стороны), отвели в церковь и пригвоздили (там) по её двум рукам и двум ногам.

Они стали жить. (Вот) распространился слух в целом городе, в целом селении, что за деревней растёт куча мха в люльке*. Обе сестры говорили (между собой): «Не воспитываются ли там эти дети?». Они отправились (туда) в туманную ночь, столь тёмную, как глаз (злого) духа. Действительно, там (эти) дети воспитываются. Они, взяв их, унесли и спустили их с городского моста, с деревенского моста в воду. Они были приняты на воспитание старым водяным царём. Их кормят мёртвым (?) и питающим житом, их поят и выращивают.

На берегу реки (соб.: воды) старуха и старик добывали рыбу при помощи важана. Нитка, (прикреплённая) к его мешку**, зашевелилась. Старик его вытащил: на дне мешка барахтается девочка. Старик сказал: «Мы жили без глаза дочки, без глаза сына, вот нам подарили дочку». Он взял девочку и принёс домой. Старуха (от радости) приподнялась и опустилась на колени на площадь, поросшую травой, и встала (во весь рост) на площадь, производящую траву. На следующий вечер (старик) опять пошёл (ловить рыбу). Сима у мешка важана зашевелилась. Он его вытащил: (в нём) барахтается мальчик. Девочка сказала: «Тятя, мой маленький братец замёрзнет, вынь его». Он вынул мальчика, принёс домой. Старуха и старик радуются. На третий вечер они (опять) отправились ловить рыбу при помощи важана, поси-

* См.: Сказка 1. Прим. **** на С. 319.

** Важан (остяцкое слово) — рыболовный снаряд, применяемый на севере Тобольской губернии, устраивается таким образом. Реку перегораживают забориками из жердей и хвороста, оставляя кое-где просветы в 1–1½ с. По обе стороны таких воротцев вколачивают колья, к которым особым образом прикрепляют большой мешок из сети, имеющий в своём отверстии четырёхугольную форму и занимающий всё пространство между кольями. Скатывающаяся вниз рыба, наталкиваясь на запор, идёт вдоль него и попадает в мешок, распрямлённый течением. От середины мешка идут шнурки (сима, синка) к сидящему у каждого ворот ловцу, который по их движению узнаёт о присутствии рыбы. Он вытаскивает мешок, вынимает рыбу и опять опускает его в воду.

дели (у него); нитка, (прикреплённая) к мешку важна, зашевелилась. Его вытащили: (в нём) барахтается крошечный мальчик и плачет. Девочка сказала: «Тятя, мой маленький братец замёрзнет, вынь его». Он его вынул и принёс домой. Жена его радуется. Они его взяли воспитывать.

Девочка стала взрослой девицей, а мальчики стали мужчинами.

Был солнечный день, у берега моря плывут (*соб.*: идут) три корабля. Они (т.е. молодые люди) позвали (*соб.*: кричали) (моряков). Те приблизились к ним. (Молодые люди) пошли на берег и позвали их к себе (*соб.*: внутрь страны). Те пришли. Они их кормят, поят и спрашивают: «Не продадите ли вы нам чего-нибудь?». (Купцы) их зовут (на берег). Они пришли на берег. Девица покупает, а те (т.е. братья) относят (товар). Капитаны (*соб.*: начальники) говорят: «Всё, что у нас было, разошлось (*соб.*: кончилось). Девица (опять) пошла на берег (и сказала): «У вас ещё осталась войлочная шляпа с продырявленным верхом (*соб.*: дном), (кафтан) из дешёвого сукна с продырявленными локтями, котёл с пробитым дном и топор с расколотым топорщиком. Скажите, хватит ли у вашего царя денег купить это или нет?». Они собрались уехать, девица им сказала: «У меня есть сука, не увезёте ли вы её с собой? Бросите ли вы моей суке шляпу (в воду), она приплывёт (с нею) к берегу; бросите ли вы ей рукавицу, она (с нею) приплывёт к берегу!». Они взяли суку.

Они отплыли и приехали к первому царю. Они ничего не привезли, царь гневается. Их ввели в дом. Сука (тоже) вошла в дом. Куда они сажались, туда садилась и их сука. Эти две женщины* начали её толкать палкой. Они (т.е. купцы) говорят**: «Не трогайте нашей суки, что мы сами едим, этим мы её кормим». Купцы говорят**: «Богатые, зажиточные люди (там) живут. Всё, что у нас было, они взяли; они роскошно живут». Обе женщины говорят**: «Они небогато живут. Там, на том конце света, (находится) берёза,

* Её тётки, старшие сестры её матери, которые из зависти погубили последнюю. В виде суки фигурирует младший брат из трёх детей, которого его сестра обратила в животное, чтобы он незаметно для других мог объездить много стран и выведать, что делается нового на свете.

** *jâstedet, jâstetenen* и т.д. *Futur.* от «*jâstem*». В немецком переводе эти формы местами ошибочно переведены при помощи *Praeteritum*.

(увешанная) колокольчиками и бубенчиками*. Когда глухари (на ней) встряхиваются и раздуваются, сыпется (соб.: падает) серебро. Те, которые доставят к себе эту берёзу, действительно будут богаты».

Купцы вернулись назад, прибыли и пристали у селения, (откуда происходила) сука. Сука прыгнула с носа (судна) на берег и вбежала в сени. (Взяв себя) за волосы, она бросила себя на землю и стала в том виде, в каком муж был прежде. (Два брата и девица) зовут купцов к себе. Когда (последние) отплыли, брат и сестра (соб.: братья) спрашивают его (своего брата, странствовавшего в виде суки): «Что ты видел, что ты слышал?» — «Две женщины сказали: «Там, на том конце света, находится берёза, увешанная колокольчиками и бубенчиками. В то время, как глухари (на ней) встряхиваются и раздуваются, (вниз) сыпется (соб.: падает) серебро и золото. Те, которые привлекут к себе эту берёзу, сделаются действительно богатыми».

Вот оба брата собрались, пришли к той берёзе, отломали кончик отгнившего корня, принесли его домой и бросили кончик корня около дома. Они сами вошли в дом. Их сестра вышла на улицу и засмотрелась на это дерево.

Они жили, жили. (Однажды) они пошли на пристань. Опять приближаются три корабля. Они подплыли (к берегу). (Молодые люди) позвали (купцов) к себе. Те, (не входя в дом), остановились, забыв обо всём, и засмотрелись на берёзу. Младший муж вышел на улицу (и сказал): «Мужи, отчего вы не входите в дом, (сколько бы вы ни смотрели на берёзу), увешанную колокольчиками и бубенчиками, она до скончания неба, до скончания земли** не перестанет существовать ни от ваших взоров, ни от наших взоров на женский век и на мужской век***. На (эту) нашу берёзу можно и потом посмотреть». Они вошли в дом. Их накормили и напоили. Они собрались уходить. Девица сказала: «Дайте нам опять что-нибудь». Те (между собой) сказали: «Не лишим (этот раз) нашего царя, живущего там, всех вещей (соб.: не сделаем его голым, пустым)». Купцы их позвали. Они

* Соб.: колокольчиковая и бубенчиковая берёза.

** Соб.: до поверхности неба и земли.

*** Эта, по-видимому, тавтологическая фраза имеет значение: «сколько бы вы ни жили...».

пришли на берег. Девица покупает, (а) оба мужа тащат вещи с берега (домой). Они взяли всё, (что находилось на) кораблях, они стали пусты. (Купцы) держат совет. Девица пришла и сказала: «Хватит ли у вашего царя денег купить войлочную шляпу с дырявым верхом (*соб.*: дном), (кафта из) плохого сукна с разорванными на локтях (рукавами), котёл с пробитым дном и топор с расколотой ручкой *ИЛЕНЕТ?*». Те говорят: «Дай нам опять твою суку». Она пошла к себе, схватив младшего брата за волосы, бросила его на землю и превратила в суку. Сука побежала на берег и села на корабль.

Они отплыли. Показался их город. Их царь спустился на берег, посмотрел: корабли идут пустые, они опять ничего не привезли. (Купцы) сошли на берег. Их позвали в город (*соб.*: в глубь страны). Сука обратилась в овода и села на окошко. Обе женщины толкают его веретеном. Он полетел в угол и опустился там. Царь сказал (*соб.*: говорил: «Что вы привезли?»). Те говорят: «Мы ничего не привезли. На берегу моря живут старуха и старик, у них есть ОДНЁ дочь, и два сына. Они богато живут: что у нас было, они всё взяли». Царь (*соб.*: старик) сказал: «Мой младший сын (всюду) бродит, добывая лосей и оленей, он ни человека (нигде) не видал, ни какого-либо срубленного дерева не видел, ни отёсанного дерева не видел. Откуда они явились?». Обе женщины говорят: «Они небогаты. Там, на том конце света, олений бык ходит на (своих) ногах. На рогах у него 40 отростков. Там раздаётся звенящий звук серебра. На (этих) рогах (*соб.*: на них) народ ведёт торговлю (*соб.*: сюда взять, туда дать). Если отломать отгнивший кончик рога, принести его к дому и бросить, то олений бык (сам) придёт к дому».

Эти люди (купцы) ушли. Услышав эти слова, овод вылетел на улицу. Он улетел в виде овода и превратился в собаку. Корабли пришли назад и пристали. Сука выскочила на берег, вбежала в сени и превратилась в свой (прежний) вид. Братья (и сестра) пошли на берег и позвали приехавших людей к себе, кормили и поили их. (После этого последние) спустились к берегу и отправились. Сестра спрашивает младшего брата: «Что ты видел, что ты слышал?». Младший брат сказал: «Две женщины говорят: там, на том конце света, ходит на своих (ногах) олений бык³⁷. На рогах

у него 40 отростков. На этих отростках народ торгует. (Если сломать отгнивший кончик рога, принести домой и бросить около дома, то сам олень придёт к дому!». Оба брата говорят: «Мы пойдём искать оленьего быка и будем его искать, пока не истощатся подколенные икры и мускулы нашего тела».

Оба мужа отправились, пришли и встретили оленьего быка: он ходит (на своих ногах) и не ложится. Они стали молить своего Небесного Отца и свою Небесную Мать о жаре. Наступила жара. Они его стали преследовать. Олений бык опустил на свои четыре колена и отгнивший кончик рога (при этом) отскочил. Они его схватили, отнесли домой и бросили около дома. Они вошли в дом и спросили у сестры поесть (*соб.:* пищу). Их сестра вышла из дому и пропала. Они ждали, ждали, её нет. Младшему мужу было приказано (старшим): «Ищи сестру!». Его брат вышел на улицу, (видит): сестра его стоит на дворе, олений бык пришёл к дому, у него на рогах 40 отростков, (а) на этих отростках он увидел народ. Брат сказал: «Что ты смотришь, сестра? Этот олений бык не перестанет существовать до кончины неба и до конца земли». Его сестра вошла в дом; она озябла от мороза.

Однажды они пошли на пристань, посмотрели: приближаются три корабля. Они подплыли к ним. (Два брата и сестра) позвали (купцов) к себе. Те пришли к ним, видят оленьего быка и начинают его преследовать. К ним пришёл младший муж (и сказал): «До каких пор вы будете смотреть (на оленя)? Его можно созерцать и после». Они вошли в дом. Их накормили и напоили. Девушка у них спрашивает: «Дадите ли вы нам что-нибудь или нет?». Те говорят: «Немного дадим». Они спустились к берегу, девушка покупает (*соб.:* берёт), (а) братья носят (товар). Трое купцов (*соб.:* мужей) спохватились (*соб.:* стали себя испытывать): ничего (у них) не осталось. Они затосковали: «Мы ничего не привезём нашему царю». Девушка спустилась на берег и сказала: «Скажите, хватит ли у вашего царя денег, чтобы купить войлочную шляпу с продырявленным верхом, (кафтан из) дешёвого сукна с продранными локтями, котёл с пробитым дном и топор с расколотой ручкой или нет?». Те спросили: «Не дашь ли ты нам опять свою суку?». Девушка ска-

зала: «Уведите (с собой) мою суку, но не мучьте её». Она пошла в селение (соб.: от берега) и обратила своего брата в суку. Сука побежала на берег и села на корабль.

Они ехали, ехали и прибыли к царю. Царь (их) спрашивал: «Отчего вы мне ничего не привезли, весь многочисленный народ моего города, моего селения остался без одежды (соб.: стал голым)». Он их повёл к себе (соб.: в глубь страны). Они вошли в дом. Сука превратилась в овода и села на окошко. Обе женщины толкают его веретеном. Он полетел по направлению к углу и там опустился. Царь говорит тем (людям): «Вы нам ничего не привезли, (так) не приезжайте больше». Они сказали: «На берегу моря живут старуха и старик, у них одна дочь и два сына, они в полном смысле слова богаты. У них есть берёза, (увешанная) колокольчиками и бубенчиками, они имеют оленьего быка, у него на рогах 40 отростков и на (этих) отростках народ ведёт торговлю. Олений бык разгуливает на своих ногах». Обе женщины говорят: «И это таки небогатые (люди). Там, на том конце света, находится железный дом, металлический дом. В нём (сидит) девица, (у которой) на маковке головы (блестят) многочисленные небесные звёзды, на лбу — солнце и на затылке — месяц. [Когда] кто раздобудет себе эту девицу, тот будет действительно богат». Эти люди собрались уходить. Овод взлетел, вылетел через отверстие двери на улицу, достиг корабля и опять обратился в суку. Они отплыли.

Корабли опять прибыли и пристали к берегу. Сука выпрыгнула на берег, вошла в сени и превратилась в свой (настоящий) вид. Братья пошли на берег и позвали этих людей к себе. Они пришли к ним. Они их накормили и напоили. Они отправились (в путь). Сестра спрашивает (брата): «Ты странствовал, что ты видел, что ты слышал?». Её брат сказал: «Две женщины сказали: там, на том конце света, внутри железного металлического дома сидит девица, у (которой) на маковке головы (блестят) многочисленные небесные звёзды, на лбу солнце и на затылке месяц. Те, которые (соб.: когда) добудут эту девицу, станут действительно богаты». Старший муж сказал: «Я её возьму в жёны». Его сестра сказала: «Не бери её в жёны. Бог не разрешил ей выходить замуж и нам Бог не разрешил брать жён». Её

брат упорствовал, (что) он её всё-таки возьмёт в жёны. Он оделся, нарядился и поставил стрелу на окошко: «Сестра, если с этой моей стрелы потечёт кровь, потечёт гной, (знай, что) я убит*». Вот брат простился и ушёл. Сестра его осталась на месте, проливая слёзы.

Долго ли она жила, коротко ли она жила, она посмотрела на стрелу: с неё тёк гной, текла кровь. Сестра плачет, брат плачет: «Нашего брата убили». Младший брат сказал: «Пусть его убили, я сам (её) возьму в жёны». Сестра сказала (ему): «Не бери её в жёны, Небесный Отец и Небесная Мать не разрешили ей выходить замуж и тебе твой Небесный Отец и твоя Небесная Мать не разрешили брать жену». Её брат стоял на своём, (что) он всё-таки возьмёт (её в жёны). Он оделся, принарядился и поставил стрелу на окно*. Сестра плачет, обнимает и целует его. Приёмный отец и приёмная мать — все плачут. Он отправился и ушёл. Он пришёл к толпе девиц, они его тащат сюда, они его тащат туда. Девицы говорят: «Муж русской земли, мы хорошие женщины, мы честные женщины, возьми нас в жёны». Он дошёл до своего брата. Брат его схватился за него: «Брат, это хорошие женщины, честные женщины, возьми здесь жену!». Он посмотрел на брата, упал и там (же) скончался. Сестра посмотрела на окошко: с его стрелы сочился гной, сочилась кровь. Сестра плачет, приёмный отец плачет, приёмная мать плачет, все плачут, (говоря): «Нашего сына убили».

Девушка оделась, принарядилась, надела столько (одежд), сколько плечи могли вынести, на голову надела столько (платков), сколько она могла вынести, и поставила на окно веретено*. Её приёмный отец и приёмная мать плачут, падают (с горя) на землю. Дочь их обняла, поцеловала и покинула. Девушка отправилась и пришла к толпе мужчин. Они её тащат в эту сторону, они её тащат в ту сторону. «Женщина русской земли, мы хорошие люди, мы честные люди, выходи за нас (замуж)». Девушка безостановочно идёт вперёд, расталкивает их легонько, расталкивает их сильно. Народ остался позади (*соб.:* истощился). Она пришла к другой толпе (мужчин), они её тащат сюда, они её тащат туда. «Мы хорошие мужи, мы честные мужи, выходи за нас (замуж)». Девушка их расталкивает легонько, расталкивает с

* *См.:* Приложение I, 31.

силой. Оба брата схватились за неё. Она их отталкивает, и они падают (прочь). Оба брата остались на месте, она ушла. На равнине (соб.: земле), производящей луговую (соб.: сорную) и приозёрную (соб.: озёрную) траву*, стоит железный металлический дом. Она (до него) дошла. Она его обошла с северной стороны, она его обошла по стороне солнечного хода — двери нет. (Она заметила) железную скобку, (которая) торчит (у стены). Она её тронула ногтями, (и перед ней) появилась (соб.: родилась) дверь величиной с сор, величиной с озеро. (В доме) сидит девица за изящным столом (изукрашенным) звериными головами, и пьёт брагу и мёд. Она её обняла и поцеловала, она её сажает за стол с брагой и за стол с мёдом. Они пьют брагу, они пьют мёд. Та девица сказала: «Станем сёстрами». И эта девица сказала: «Сделаемся сестрами». Они сделали сестрами и стали жить, сколько многочисленных и продолжительных недель не имеется в месяце. Та девица сказала: «Сожалеешь ли ты о том обстоятельстве, что твоих братьев убили?». Девица сказала: «Как мне не жаль моих одноутробных братьев (соб.: братьев, которые сидели в одном со мною чреве)?» — «Ты сидишь, устремив (соб.: дав) твои глаза в огонь. Зачем ты сокрушаешься так долго в твоей печали, зачем ты оплакиваешь так долго твоё горе? Пойдём и воскресим твоих братьев!». Она взяла три «живых» прута и «живую» воду. Взявшись за руки, они отправились (в путь). Они пришли (туда): двое мужчин лежат по обе стороны (дороги). Она spryskivaet живой водой старшего мужа и ударяет его живым прутом, он притягивает к себе (соб.: коротко) свои руки, он притягивает к себе свои ноги. Он поднял голову, (покрытую) соринками, он поднял голову, (покрытую) былинками. Он говорил: «Живущая там, на том конце света, девица усыпила меня, чтобы я спал в туманном месте крепким сном в люльке, выложенной мягким гнилым деревом³⁸, какая женщина, какой мужчина меня будят?». Девица сказала: «Небесный Отец и Небесная Мать не разрешили тебе жениться, и мне они не разрешили выходить замуж». Она spryskivaet младшего мужа живой водой, ударяет его живым прутом. Он притягивает к себе свои руки, он притя-

* Здесь имеется в виду трава, которая произрастает на заливаемых весной берегах соров и озёр.

гивает к себе свои ноги, он поднимает вверх свою голову, (покрытую) соринками, он поднимает вверх свою голову, (покрытую) былинками: «Меня усыпила в люльке, (выложенной) гнилушками, девица, живущая там, на том конце света, какая женщина, какой мужчина меня **разбудили?**». Они обнялись и поцеловались. Они [там] сделали сестрами, они [там] сделали братьями. Схватившись за руки, они отправились в железный дом, металлический дом, и в спущенном Богом железном доме, в спущенном Богом металлическом доме пьют брагу и мёд. Девица, пришедшая оттуда, сказала (*соб.:* говорила): «И этот дом **наш** дом и тот дом наш дом. Захочется нам (здесь жить), мы будем жить здесь, придёт нам охота (там жить) — мы будем жить **там**». Девица сказала: «Отправимтесь в наш тот дом». Они поймали двух животных одной масти (*соб.:* шерсти), впрягли их в двое санок. Две девицы сели в одни санки, двое мужчин сели в другие санки. Они ударили животных, и (те) привезли их к тому дому. Их приёмный отец и их приёмная мать вышли на улицу и, (от радости) плача, упали на землю. Дети их в обхват обняли, ласкали и целовали. Они прибыли в такой же спущенный с неба, железный, металлический дом, (чтобы) пить брагу, (чтобы) пить мёд.

Они стали жить. Они долго живут, коротко живут. Пришедшая оттуда девица сказала: «Знаете ли вы то обстоятельство, что вы родились от (одного) отца и от (одной) матери? Вашу мать в сенях церкви пригвоздили (к полу) по её рукам и ногам, и какие ни есть женщины и мужчины, (все) на неё плюют и **харкают**». Они были приведены к своей матери, и пришедшая оттуда девица им приказала: «Склоните перед вашей матерью голову, склоните (перед нею) шею, умоляйте её».

Они позвали старика-царя, своего отца, своих дядей и тёток (со стороны отца) и обеих невесток (его) и повели их в железный, металлический дом, в котором они жили. Они не встают из саней, смотрят на берёзу, (украшенную) колокольчиками и бубенчиками; смотрят: олений бык ходит на своих ногах, у него на рогах 40 отростков, на них народ ведёт торговлю, слышится звенящий, бренчащий (?) звон. (Молодые люди) их взяли за руки и ввели в дом, (для них) был приготовлен стол с брагой и стол с мёдом. Они пьют

брагу, они пьют мёд. Для обеих невесток (царя) был натолчён красный кирпич и поставлен перед ними, (для них) на блюдо был налит (*соб.*: положен) дёготь и поставлен перед ними. Им предлагают есть (эту пищу), обе женщины не едят. Пришедшая оттуда девица сказала: «Ешьте, женщины. Каким образом это не выпитое вами (?) пиво, этот не выпитый вами (?) мёд застряли посреди вашего горла, (как застревает) шероховатый кусок?». А женщины [теперь] говорят: «Мы ели и пили». Когда кончили есть и пить (*соб.*: когда прошло дело едения и питания), братья и сестра (*die drei Geschwister*) вышли на улицу. Обе женщины стали говорить (между собой): «И мы позовём их к себе». Они (опять) вошли в дом. Их отец сказал: «Или в них сидит живой дух, или живой леший?». Обе женщины говорят: «Мы вас зовём к себе». Пришедшая оттуда девица сказала: «Мы приедем». (В санки) были запряжены двое коней (*соб.*: животных) одной масти. Они расселись по обоим саням и отправились. Они прибыли к дому. Их взяли за руки и ввели в дом. (Для них) был приготовлен стол с брагой и стол с мёдом. Обе женщины держат совет: «И мы перед ними поставим кирпич, и мы им предложим дёготь». Одна из женщин сказала: «Будем ли мы живы или мы умрём (*соб.*: станем мертвы)?». Девица сказала своему деду (*с* отцовской стороны): «Если у тебя есть рассказы из старых (времен), то рассказывай их». Её дед сказал: «У меня нет старых рассказов! Если где на небе или на неподвижной (*соб.*: сидячей) земле имеются старые сказания, то вы их имеете».

Пришедшая оттуда девица начала рассказ: она говорила о том (*соб.*: так), как произошло небо, она говорила о том, как произошла неподвижная кожистая и шерстистая земля. Когда её речь была окончена, когда её рассказ был окончен, она сказала свёкру: «Куда ты увёл мать этих детей, твою невестку? Возьми её и поведи в баню, загрязнённую (*соб.*: несущую) грязью, (*соб.*: сажай) жён и мужчин. Пусть будет приготовлен кипяток!». Девица ушла (в баню). Увели (туда и) обеих женщин. (Мать твоих детей там так) мыли, что сквозь кости (был виден) мозг, что сквозь мозг были видны кости. Обоим женщинам было приказано принести дорогую обувь и дорогую одежду. Когда дорогая обувь и дорогая одежда были принесены, её спрыскивают живой

водой и ударяют живым прутом: она притягивает к себе свои руки, она притягивает к себе свои ноги, она приподняла свою голову с (приставшими) соринками, она подняла свою голову с (приставшими) былинками и сказала: «Меня усыпил мой свёкор в люльке, выложенной гнилым деревом, как женщина, какой мужчина меня разбудили?». Девушка сказала: «Твой муж приготовил тебе люльку, (выложенную) гнилым деревом; твои обе сестры устроили тебе люльку, (выложенную) гнилым деревом». Она встала. Её одели и нарядили. Какой красавицей, какой княжной (она стала)! Взявшись (с девушкой) за руки, они пошли, вошли (в дом) и сели за стол с пивом и мёдом. Пришедшая оттуда девушка велела обоим молодым людям: «Упадите к ногам вашей матери». Мать их не узнаёт, она сказала: «Родились ли эти дети на небе или на земле?». Их мать стала у передней части (комнаты), а детей (девушка) поставила к её задней стороне. Девушка им приказала: «Держите ваши рты открытыми». Они держали рты открытыми. Она приказала их матери: «Вынй твои груди и подои от себя, если (молоко) устремится по трём направлениям (соб.: путям), то это твои дети; если (оно) не устремилось (на три стороны), то это не твои дети». Она вынула свои груди и подоила: (молоко) устремилось по трём путям и в трое ртов (детей)[туда] оно попало. Мать начала плакать и (от радости) села на землю. Её дети пришли и пали к её ногам. Пришедшая оттуда девушка приказала: «Поймайте смирную лошадь, поймайте дикую лошадь, привяжите к ним (этих) двух женщин по рукам и ногам, ударьте смирную лошадь, ударьте дикую лошадь». Была поймана смирная лошадь, была поймана дикая лошадь, обеих женщин привязали к ним по рукам и ногам, ударили смирную лошадь, ударили дикую лошадь; их бёдра были оторваны, где они приросли (к телу) (соб.: на месте бёдер), их лопатки были оторваны там, где они приросли (к телу). (Мать детей) обнялась и поцеловалась с мужем. Пришедшая оттуда девушка назначила, (чтобы) младший сын (остался) у приёмного отца и у приёмной матери. Отцу и матери она сказала: «Отец, мать, вы не любите дочери, вы не любите сына, живите без дочери, живите без сына!». Дочери и (другому) сыну она сказала: «Пойдёмте в церковь и обратимся в святых (соб.: в образа). (Итак),

завтрашний день (там) явится трое лишних образов». Приёмный отец и приёмная мать живут с одним сыном в спущенном с неба железном, металлическом доме (и будут в нём жить) до скончания неба, до скончания земли.

Все те многочисленные мужи, которые слышали (этот рассказ), пусть они его слышали (на счастье) добыть [водяную] рыбу, на счастье добыть пушнину.

Мифологические

• песни *mm*

1. Гимн в честь Paigâxtà*

Кремлёвый лук сделан из **кремлёвого** дерева**.

Он сделан из одной целой половинки боровой **сосны*****.

Глупый народ, гуси, они его (слишком) жидко сделали!

Берёзовый лук сделан из берёзового дерева.

[5] Он сделан из одной целой половинки дубравной **берёзы******.

Лук, снабжённый берестой, сделан (при помощи) бересты, Содранной в дубраве.

Пять целых дубравных берёз были вполне израсходованы (на него).

* Ради удобства перевода вторая половина гимна передана прозой, причём цифры в скобках означают номера стихов в оригинале.

** Гимн в честь сына **Турьима** Пайрахтя начинается описанием лука, с которым последний обходил землю, чтобы в качестве посредника между Богом и людьми награждать добрых людей, карать злых и несправедливых, выслушивать жалобы на низших богов и обо всём случившемся докладывать Богу. Чтобы дальнейшее изложение стало ясным, скажем в двух словах, как у остяков делался лук (теперь они у южных остяков вышли из употребления — См.: Часть I. С. 57 и послед.). Для лука требуется два брёвнышка: одно от сосны, выросшей на окраине леса, обращённой к югу, другое от берёзы. То и другое раскалывается вдоль, причём утилизируется лишь одна половинка, от берёзы любая, от сосны та, которая была обращена к югу, так как подобная половинка имеет весьма твёрдую плотную древесину, называемую кремлёвой (*têt-jux*). Сосновая половинка идёт на нижнюю половинку лука, берёзовая — на верхнюю. При подобном сочетании двух разнородных древесных пород инородцы достигают того, что их лук не теряет упругости очень долгое время и, **высыхая**, не даёт трещин. Обе половинки склеиваются при помощи рыбьего клея, который выделяется из осетровой струны. После этого лук обматывают ниткой и обёртывают в бересту, которую тоже приклеивают к луку при помощи рыбьего клея. Струна, или **тетива**, делается обыкновенно из двух прядей конопляной пряжи. Отметим тот факт, что подобным же образом приготавливались в прежнее время луки и у лопарей (*Харузин*. Русские лопари. С. 111).

*** *Соб.*: «он вполне сделан из одной половинки боровой **сосны**».

**** *Соб.*: «он вполне сделан из одной половинки дубравной берёзы».

Клеевой лук склеен (*соб.:* сделан)

(при помощи) рыбьего клея —

[10] Клей был выварен (при этом) из пяти осетров.

Пять котлов рыбьего клея целиком (на него) пошло.

Тетивный лук снабжён (*соб.:* сделан) тетивой.

На неё было вполне израсходовано

пять куч тяпарской крапивы (14),

Сорванной на месте, (где стоял) тяпарский дом³⁹(13).

[15] На другую* прядь золотистого шёлка

Пять целых куч было вполне израсходовано.

Глупые люди, гуси, они её слишком тонко сделали!

В то время, как я странствовал, обходя (19) семь славных краёв земли, которые находятся во владении моего отца** (18), я по приказанию отца (20) ниспосылал на голову (*соб.:* головой) (?) (22) многочисленных сынов многочисленных мужей (20) обильное счастье (в добыче) [водяной] рыбы (21). И на голову (?) (25) всех тех многочисленных сынов многочисленных мужей, (относительно) которых отец мне не дал разрешения (23), я ниспосылал (25) обильное счастье (в добыче) пушного товара (24). (За этот поступок) властитель (*соб.:* муж) семибездного небесного свода (?), мой отец (26), подтянул скрутившуюся жилу моего короткого ума (27): он меня сбросил на самое дно (29) ямы глубиной в 40 сажений (28), и я упал на самое дно (31) ямы в 40 сажений глубины (30). Лежал я (*соб.:* муж) там 30 лет и за время, пока я лежал (32), у меня, мужа, имеющего плоть, пропала плоть (33). На самом дне ямы в 40 сажений (глубины) (34) я (*соб.:* муж) лежал 40 лет и за время, как я (там) лежал (35), у меня, мужа, имеющего кости, высохли (*соб.:* кончились) мои кости (36), и я (*соб.:* муж) тогда исхудал (*соб.:* сгнил) (38) наподобие оленьего рога (*соб.:* половины оленьих рогов) (37). Когда я взмолился властителю семибездного неба (?), моему отцу (39), от его коней ка мне упало три золотистых волоса (40) и от его плотника*** (41) ко

* *ei*, употреблённое однажды, значит один (а, о); здесь же раньше шла речь об одной пряди тетивы, так что здесь *ei* имеет значение как бы второго *ei* и поэтому должно быть переведено другой (*ei—ei* — один другой).

** *jiget хацит от хапет. Соб.:* «до которых отец мой касается, касался».

*** Здесь ради удобства перевода пропущено слово «*pagativa*» — от молдца (-плотника), от отрока (-плотника).

мне упала твёрдая щепка кремлёвого дерева (42). Расколов (44) [мою] крепкую щепу кремлёвого дерева (43) на мелкие кусочки, подобные ляпкам детей (44), я их клал сюда и туда (45) и [там] получилась (*соб.*: родилась) 40-струнная кобза* (46). Три золотистых волоса я разрезал (на кусочки) (47), брал их сюда и туда, (48) и вот (у меня) получилась 40-струнная кобза (49). Расшевелив при помощи щучьей челюсти(?) (51) все 40 струн по одной (50), я [там] стал играть многочисленные мелодии молитв (к Богу) (52). Моя сестра, девица с косами (длиною) в 40 сажений (53), отправилась (?) ко славным водам мужа полуденных стран (54). Она направилась (?) по славной дороге (56) многочисленного племени гусей с бугристыми грудями** (55). В то время, как она возвращалась назад (57), она услышала сладкие звуки (59) 40-струнной, снабжённой струнами, кобзы (58). Опустив вниз свои 40-саженные косы (61), она при помощи своих 40-саженных кос извлекла меня (62) с самого дна ямы (глубиной) в 40 сажений (60).

Остяцкая молитва***

Ты, сем(еричный) Бог, шест(еричный) Бог, отец людей!
С пятью сосчитанными пальцами нашей руки мы стоим
(перед тобой) без шапки и без рукавиц. Прости нам всё! Не
лишай (*соб.*: не отымай) твоих людей (их) пищи.

* Остяцкое слово «xûmjš» одного происхождения с малорусской «кобзой». Оба суть разные видоизменения названий, заимствованных от тюрков инструментов (*Ср.*: *тат.*: قومز. قوز; *кирг.*: قوبуз).

** Сестра Раггáхта каждый год совершала два путешествия, сопровождая гусей и уток на юг и обратно. Дорога, о которой здесь идёт речь, по понятиям остяков, есть Млечный Путь (*См.*: Часть I. С. 133 и 153).

*** Эта остяцкая молитва представляет из себя не что иное, как искажённый «Отче наш», слышанный в церкви.

Песни

1. Песнь о сборщицах ягод

Эй вы, женщины, женщины (1)! Отправитесь, о женщины (4), в бор Nimel-kut (2), (чтобы) собирать бруснику в пищу нашим дочерям (3). Отправитесь, о женщины, женщины (6), собирать бруснику в пищу нашим сыновьям (5). Многочисленные женщины, вставшие рано (8), раньше отправились (9) в бор Nimel-kut (7). Куда, куда мы пойдём (10)? Мы пойдём (12) на три лесистых острова (среди болот)(11), (чтобы) брать красильный корень («марену»)*(12). И дикий лук (?) собирать мы пойдём (13). В (качестве) сборщиц «марены» (14) сунем за пояс (*соб.:* к заду)(15) небольшой заступ (14). В (качестве) собирательниц полевого лука (?) маленький берестяной чумашек (16) сунем за пояс (17). Когда мы пришли (19) к трём лесным островам, (чтобы) собирать «марену» (18), многочисленные мужи, строители лодок, сколько их ни было (20), трогали нас топорищами (21), многочисленные мужи, долбившие (*соб.:* делавшие) челноки, сколько их ни было (22), щупали нас тесловищами (23). Эй вы, женщины, женщины (24)!

2. Медвежья смерть (песнь)

От моего отца, мужа семибездного неба (?), [когда] я при помощи дорогого конца железной цепи спустился (на землю). За узким и длинным озерком находится небольшой островок суши, (покрытый) дубравой из мешанной берёзы. Когда я туда пришёл (5), (там возвышалась) черёму-

* В переводе эта песнь ради удобства написана прозой. Цифры означают номера строф в оригинале.

Растение Galium — подмаренник, употребляемое сибирскими инородцами при окраске тканей в красный цвет, неправильно называется в Сибири: мареной.

ховая гривка, родящая прекрасную черёмуху. (Там) возвышалась шиповниковая гривка, производящая прекрасный шиповник. В изобилии (здесь родился) шиповник величиной с перекладину весла. Масса (здесь) родилось черёмухи величиной с лосиные губы. Пришло двое мужей из города городского князя* (10). Один муж говорит: «За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, (покрытый) дубравой из мешанной липы. Я пойду добывать кремлёвое дерево для кремлёвого лука». Другой муж говорит (15): «За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, (покрытый) дубравой из мешанной липы. Я пойду (туда) достать (соб.: взять) берёзового дерева для берёзового лука**». Когда они, севши в лодку с тремя отделениями*** (19) и обхвативши крепким обхватом славной поллой руки (21) весло, снабжённое пальцеобразной перекладной (20), опускают (соб.: ставят) его (в воду) у славного носа носатой лодки (22), то оно выходит на поверхность (24) у кормы лодки, снабжённой кормой**** (23), подобно тому, как большая скопа (24) вытаскивает (из воды) рыбу (23).

Позади узкого и длинного сора находится (25) небольшой островок суши, (поросший) дубравой из мешанной липы. Когда они пришли (к этому островку), один муж добыл кремлёвого дерева для кремлёвого лука, другой муж достал берёзы для берёзового лука*****. Позади узкого и длинного сора находится (30) небольшой островок суши, (поросший) дубравой из мешанной липы. На небольшом островке, (покрытом) дубравой из мешанной липы, поднималась черёмуховая гривка*****, производящая черёмушник (или черёмуху) и шиповниковая гривка, производящая шиповник. Шиповник, величиною с перекладину весла (35), и черёмуха, крупная, как лосиные губы, родилась (здесь) в изоби-

* Соб.: двое горожан князя города.

** См.: Гимн. Прим. ** на С. 347.

*** Tat — промежуток времени и пространства. Здесь отделение в лодке между двумя перекладинами или распорками. Прилагательное от этого слова *tâtīn* выпущено в переводе, так как его трудно передать.

**** Мужи гребут, стоя в лодке, при помощи одного весла. Они его опускают около носа её и вытаскивают из воды у её кормы.

***** Здесь имеются в виду два одинаковых лука, каждый из которых состоит из кремлёвой и берёзовой половинки (Ср.: Гимн. Прим. ** на С. 347).

***** Edôt значит: поднялся, родился, произошёл.

лии. Когда оба мужа одного роста, одной высоты пришли на площадь родного города, они привезли (40) многочисленным женщинам города (41) дважды сложенную складчатую весть (об этом) (39). Многочисленные женщины города, многочисленные женщины с проворными руками отправились (туда) со славными берестяными корзинами с зубчиками (из бересты) в отверстиях, со славными туесами с обручами в отверстиях. Они отчалили от берега большую лодку, изукрашенную (изображениями) птиц (46), которую князь города берёт с собой в день войны (45). Они взяли с собой девочку в люльке (48), в славную середину лодки, имеющей середину (47), они её поставили (48). Они взяли с собой мальчика в берестяной лукошке (50), в самую середину лодки, снабжённой серединой (49), они его положили (50).

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, (покрытый) дубравой из мешаной берёзы, небольшой островок суши, (покрытый) дубравой из мешаной липы. Славным носом остроконечной (соб.: носатой) лодки они там пристали (к берегу). Многочисленные женщины с проворными руками (55) выпрыгнули на берег (подобно) самцам-зайцам с лёгким задом. Многочисленные женщины с ленивыми руками поползли на берег на четырёх дорогих концах своих колен. Они взяли с собой девочку в люльке. На славной сухой (?) ветви дерева там они (её) повесили (60). Они взяли с собой мальчика в лукошке. На славной сухой (?) ветви дерева, там они (его) повесили. Многочисленные женщины с проворными руками и многочисленные женщины с ленивыми руками побежали [сюда] к черёмуховой гривке, поросшей черёмушником (65). Когда многочисленные женщины с ленивыми руками устлали славное донышко берестяной корзины (ягодами), а многочисленные женщины с проворными руками дошли до середины корзины, я, (подобно) лесному зверю, зарычал тогда на них из большого горла (70). Многочисленные женщины с проворными руками прыгнули в сторону (подобно) самцам-зайцам с лёгким задом. Многочисленные женщины с ленивыми руками еле уползли на дорогих концах своих четырёх колен. Нос остроконечной (77), принадлежащей городскому князю (75), расписной и изукрашенной (изображениями) птиц лодки (76) они (в страхе) обратили в корму (77),

а из кормы лодки, снабжённой кормой, они сделали нос* (78). У них была с собой девочка в люльке (79). На славной сухой (?) ветви дерева там они её оставили (80). У них был с собой мальчик в берестяном лукошке. На славной сухой (?) ветви дерева там они его оставили.

К девочке-бедняжке, мёртвой (от страха), я подошёл:

«Девочка-бедняжка, ты мертва, ты мертва!

Твоя мать (для меня) плясала (85),

В худой одежде из кедровой коры она для меня плясала.

Твоя мать (в честь) меня плясала,

В худой одежде из еловой коры она для меня плясала.

Твоя мать (в честь) меня плясала,

С животом из бересты она подобно жеребёнку

Для меня плясала (90).

Девочку-бедняжку, мёртвую (от страха),

Я бросил в (свой) полный рот с 20 зубами**.

И захрустел [тогда] (зубами), как будто она была утёнком.

К мальчику-бедняжке, мёртвому (от страха), я подошёл.

Мальчик-бедняжка, ты мертвец, ты мертвец!

Твоя мать (в честь) меня плясала (95)

Со звенящим серебром она для меня плясала.

Твоя мать (в честь) меня плясала

В суконном кафтане, пушистом, подобно

Беличьему меху, она для меня плясала.

Твоя мать (в честь) меня плясала

В броднях, (украшенных) бисером, подобным

Ноготкам белки, она для меня плясала (100).

Твоя мать (в честь) меня плясала

В рубашке с изображениями птиц она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала

В платке, (изукрашенном) изображениями

Лесных птиц, она для меня плясала.

Когда сила моей правой руки истощится (105),

Я своей*** левой рукой тогда (за люльку) возьмусь».

В то время, как на мальчика-бедняжку напал великий страх перед лесным зверем (т.е. медведем), в его по-

* Под влиянием страха они повернули лодку задом наперёд и оставили детей на произвол судьбы.

** *Соб.*: полный рот, который производит 20 зубов.

*** *until*) — *Ср.*: Был. 3. Прим. *** на С. 258.

лом рту, снабжённом 20-ю зубами, застряла тёмная (?) пена (по мере того), как она отделялась (110). Когда многочисленные женщины города пришли на площадь родного города, они принесли [сюда]* многочисленным мужам города дважды сложенную складчатую весть. Многочисленные мужи города (115) снарядились тогда на военную ногу с прекрасными суставами. В самую (соб.: славную) середину лодки, снабжённой серединой, они посадили* двух охотничьих собак, (подобных) годовалым телятам оленей.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, (покрытый) рошей из мешанной липы (120). Славный нос остроконечной лодки они держали высоко, подобно тому, как (держит) свою высокую шею плывущий олень. Если бы конец славной кормы лодки, имеющей корму, не был бы снабжён (соб.: не имел бы) рулевым веслом, то отчего бы славный нос остроносой лодки не вошёл (126) в священную воду с семью концами** (125)?

Когда они добрались до небольшого островка суши с рошей из мешанной берёзы и с рошей из мешанной липы, многочисленные мужи с медвежьим сердцем*** (130) прыгнули на берег подобно зайцам-самцам с лёгким задом, (а) многочисленные мужи с женским сердцем*** еле поползли**** (туда) на дорогих концах своих четырёх колен. Тогда на меня спустили двух охотничьих собак, (подобных) годовалым оленьим телятам. В то время, как я подошёл к мальчику-бедняжке, мёртвому (от страха) (135), на меня бросились две охотничьи собаки, (похожие на) годовалых оленьих телят. Когда я напал на двух охотничьих собак, (похожих на) годовалых оленьих телят, на меня пошли с принадлежавшими городскому князю и (вынутыми) из отверстия колчана двух- й одноконечными стрелами. В то время, как я пошёл (навстречу

* Наречия места (tigde, titte, togut, totta), приводимые во многих случаях лишь для выразительности, можно выпускать в переводе.

** Смысл этих предложений тот, что если бы стремительно несущаяся лодка не была бы хорошо управляема, она легко могла бы опрокинуться в воду.

*** Храбрые мужи и трусливые мужи.

**** Соб.: ползут.

вынутым) из отверстия колчана двух- и одноконечным стрелам (140), на меня (охотники) выступили с одно(конечной), связанной ремнём*, рогатиной, а когда я пошёл против одно(конечного), связанного ремнём копья, они на меня пошли с обухом топора, изъеденного огнём. Когда я пошёл на(встречу) обуху топора, изъеденного огнём, тогда я скончался великой смертью медведя (145). Когда я скончался великой смертью медведя, тогда с меня сняли шкуру, подобно тому, как (сдирают) шкуру (с) дубравной сороки. Мою священную «малицу» медведя посадили в самую середину лодки, снабжённой серединой. К славной площади родного города, принадлежащего городскому князю** (150), мы направились с целой процессией из девиц. Когда мы пришли к городской пристани, многочисленные женщины города, сотни пожилых женщин стояли [там], подобно судомойкам с мокрыми (?) руками (156) (перед) моей головой с пробором, производящей множество волос (155). Многочисленные женщины города, многочисленные мужчины города подняли там к небу славное облако из массы воды***. Священную игру медведя они тут стали играть (160). Когда меня ввели в самую середину дома, снабжённого огнём, зажжённым остаткой женщиной, тогда устроили священный пир медведя. Когда священный пир медведя окончился (соб.: прошёл), они стали плясать священную пляску медведя (165). Меня одели в пушистый суконный кафтан с длинным пушком, меня украсили звенящим серебром. Когда священный праздник (в честь) медведя окончился, я по дорогому концу железной цепи, звенящей подобно серебру, поднялся наверх (170) к моему отцу, мужу семибездного неба (?)**** (169).

* Наконечник её был прикреплён к деревянному шесту при помощи ремня.

** *Vosum-vôrt-iga casa vos* — «Родной город городского князя».

*** Один из обрядов, совершаемых во время празднеств в честь убитого медведя, состоит в том, что мужчины и женщины обрызгивают друг друга водой, а зимой бросают друг в друга снегом.

**** Душа медведя возвращается на небо, так как медведь был прежде жителем неба (См.: текст, 1-2 стихи).

3. Медвежья песнь, которая поётся при переноске медвежьей шкуры из лесу в деревню

Мы — сыновья Тяпарской женщины*,
 Камской женщины**.
 Мы — молодцы, рождённые Камской женщиной.
 Мы приближаемся к черёмуховой роще,
 Производящей черёмуху,
 Мы приближаемся к шиповниковой роще,
 Производящей шиповник.

4. Медвежья песнь, которая поётся при тех же обстоятельствах, но уже в виду деревни

Мы — сыновья Тяпарской женщины,
 Мы — ребята, рождённые Камской женщиной.
 К девичьей деревне, где (живут)
 Маленькие девочки, мы подходим,
 К отрочьей деревне, где (живут)
 Маленькие мальчики, мы подходим.

5. Песнь про болотную сову и про дикую утку

На карауле у устья Лывной речки
 (Была) лывная сова*** с мохнатым покровом
 (соб.: шерстью).

На краю кладбища стояла
 Большая развесистая сосна.
 Славную вершину большой сосны
 Она сжимала мохнатыми ногами (8)
 Толщиною в заячье тело (7).
 Огромными когтями (величиною) с пешню
 Она её там обхватывала.

* Тяпарская женщина — женщина из Нарымской волости по Иртышу, называемой остяками Тяпарской (Тâpar-mîr). См. также: Героическое сказание 4. Прим. * на С. 265 и Прилож. I, 33.

** Камская женщина — См.: Приложение I, 32.

*** Хиг и jenk означают одно и то же — лыву, т.е. низменное и безлесное место в лесу, второе слово ради удобства передано близким по смыслу словом — болото.

Она повернулась к северу
 И, (как если бы она собиралась) съесть женщину,
 огромный горло

Она там раздувала.
 И, (как будто она собиралась) съесть мужчину,
 огромный горло

Она тут раздувала.
 Сова* с человеческим ликом
 Начала чують своим большим клювом
 Противный запах весенних зверей**
 Откуда он пахнул?
 С вершины Пёстрой речки,
 Оттуда он распространился.
 По пенистому пути, по которому плыла дикая утка,
 Её выслеживала лывная сова.
 (Как) утка за уткой
 Преследовала она её сзади.
 Дикой утке она сказала:
 «(Будем) братьями, любезный друг!
 Хороший пай запорной*** рыбы
 Ты мне выложи!»****.

6. Песнь про остяка Спиридона

Игрушка Пирка*****, богатый Пирка
 От вершины речки Неувить*****.
 Бродит игрушка Пирка от одного мыса до другого,
 Бродит малая игрушка через речки.
 Старший сын, которого он имеет,

* Здесь, как и в Былине 3, пропущено непонятное слово *sant* (*seant*) перед *jiba* — сова, филин.

** Запах животных во время течи.

*** То есть рыбы, пойманной при помощи запора или перегораживания речки (Ср.: Сказка 4. Прим. ** на С. 335).

**** Под лывной совой подразумевается остяк из Есаульских юрт (М.-Конд. вол.), а под уткой — остячка из того же селения, которую он преследует объяснениями в любви. Конец этой песни мною выпущен ввиду его неприличного содержания.

***** Хага — детская игрушка, деревяшка, прозвище остяка Пирка. Пирка — остяцкое видоизменение имени Спиридон.

***** *Neu-vit*, или *Nju-vit* — название речки в Кондинской волости на границе распространения остяков и вогулов (вог. «*vit*» — «вода»).

Шляется по чужим* домам,
 Толкается по чужим домам.
 Младший сын его стрекоза,
 Плохая винтовка, плохое ружьё,
 Озёрная гагара с широким и плоским задом!

7. Песнь про Матрёну Семёновну**

Большими шагами (шагающая) женщина Семёновна,
 (Как бы) на двух шестах (идушая) женщина Семёновна.
 Между многочисленными сыновьями сотни отцов
 Я женщина, делающая выбор,
 [Этого] милого (соб.: детёныша соболя)
 Хоть и избирала,
 И ум свой (на это) сосредоточивала, —
 Нет ни одного (подходящего) мужа.
 (Хоть) я и сердце направила (на это дело) —
 Нет ни одного мужа.
 Я женщина, делающая выбор,
 Этого милого
 Я выбрала,
 Этого Петрована
 Михайловича.
 Я женщина, делающая выбор,
 Этого милого
 Я выбрала,
 Этого Степана Павловича.
 Хоть я его и избрала,
 Моему уму он противен,
 Моё сердце его не любит:
 Слишком он мал,
 Слишком он ребёнок.
 (Если бы пришлось) его класть на спину (т.е. побороть),
 Хоть он и бравый молодец,
 Я бы его всё-таки положила.

* Соб.: по домам мужей.

** В этой песне остячка Матрёна Семёновна рассказывает, что несмотря на всё её желание, она не могла найти себе между своими односельчанами милого, так как все они обладали слишком большими недостатками. В конце концов она решается ехать в с. Репаловское (Сам. вол.), чтобы там вести весёлую жизнь.

(У) этого Петрована
Егорьевича (имеется)
Выстроенный тестем
Дом, столь высокий (34),
Что влезть (наверх) (33)
(Может разве) когтистая белка (32).
(Но пришлось бы) его класть на спину,
Хотя он и молодец,
Я бы всё-таки его уложила.
(Теперь) этот Гаврила
Кузьмич.
Мой приёмный отец говорит:
«Живи (тут), входи (сюда)!».
(Как) у самца-глухаря,
У него кровавые глаза.
Моя приёмная мать (говорит):
«Живи (тут), войди (сюда)!»
(Как будто) сто лошадей бежали,
У неё бугристый нос.
(Как у) поднимающейся вверх (по реке) стерляди,
У неё рябое (соб.: пёстрое) лицо.
Этот Фёдор
Семёнович
(Как) индейский
Петух.
Этому Арефию
Дмитриевичу (я говорю):
«Двух славных коней (58)
Вороной масти (соб.: шерсти) (57),
(Которых) ты имеешь (56),
Ты запряги (59)
Перед маленькими санками (61)
С расписной спинкой (60)».
Этой Арине
Захаровне (я говорю):
«Принарядись (66),
Подобно русской кукле
С руками и ногами (64).
(Ради) репаловской

Славной воды (т.е. водки),
Дорогого милого (?),
Дорогого соболя
Мы будем преследовать!
Дорогого милого (?),
Дорогую лисицу
Мы будем преследовать!».

Загадки

Загадки

Прикажешь ли видеть месяц, видеть солнце?
— Сердцевина дерева.

Семь боров (сразу) обежала? — Лисица.

Семь речек сразу открыты*? — Выдра.

Входишь, так входи, выходишь, так выходи, мой локоть раздвигается (соб.: трескается)**? — Крюк у двери.

Осиновая гривка, расположенная поперёк?
— Лошадиная грива.

Двое мужей бегут, бегут, ни один из мужей не обгоняет (другого)?— Лыжи.

Четверо русских баб мочатся в одну яму?
— Коровье вымя.

На вершине дерева видно лицо? — Белка.

(На) островке суши среди урмана, (на) островке суши среди бора бродит голая белка? — Вошь.

Тонконогий народ тащит невод
в глубоком озере? — Ложка.

* В зимнее время выдра делает во льду речек отверстия, чтобы дышать.

** Когда отворяют дверь, она образует со стеною щель. То же происходит, если разгибать согнутую в локте руку.

Обской нагорный берег сделался белым
нагорным берегом*? — Белая куропатка.

(Люди) всего города, (люди) всего селения хватались
за один лошадиный хвост, за один коровий хвост?
— Кольцо у двери.

Две поверхности руки, из которых одна таяла, а
другая мёрзла? — Окно или щель в доме.

Осётр и нельма клюют друг друга носами?
— Неподвижная лавка**.

След трёх шагов лешего? — Окошко.

Воины лежат на одной подушке***? — Угол дома.

* *unt* означает нагорный берег, покрытый густым лесом, также урман
(Ср.: Был. 3. Прим. *** на С. 260).

** Лавки, тянущиеся вдоль двух стен, сходятся в одном углу.

*** Под воинами подразумеваются брёвна, лежащие в углах избы друг
на дружке.

Параллели и более существенные примечания

Замечание 1. Эта героическая песня, записанная на Демьянке, не имеет истинно сибирско-угорского характера. Ее содержание могло быть заимствовано у вымерших к настоящему времени остяков, живших южнее, или у тюркских племен*.

Замечание 2. В русской сказке «Царевна Елена-краса, золотая коса» (Сборник сказок Афанасьева. Т. VII. С. 143) герой купается в кипящем молоке 77 часов и становится затем таким прекрасным, что его привлекательность нельзя ни в сказке сказать, ни пером описать.

Замечание 3. Ср. русскую сказку: «Царь морской и Василиса Премудрая» (Там же. Т. VI. С. 230): «Как только сел на него Иван гостинный сын, поднялся жеребец выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и полетел по поднебесью быстрее сильного ветра. А ездук крепко держится, да все молотом по голове его осаживает. Выбился жеребец из сил и опустился на сырую землю». По другой версии он сделал себе боевую палицу в 100 пудов, а по третьей у него было три связанных между собой хлыста: один железный, один медный и один оловянный.

Замечание 4. Подобные сигнальные бечевки или проволоки встречаются также во многих русских сказках. Но они укрепляются не на воде, а на земляных валах города. Ср. сказку: «Моложавые яблоки, мертвая и живая вода» (Т. VII. С. 63; Т. VIII. С. 54): «Красная краса, черная коса, царь-девица» (Т. VIII. С. 67). В последней сказке рассказывается: «...конь поднялся и задел за натянутые струны. Тотчас струны запели, барабаны загремели, богатыри, караульные и вся армия возмутились».

Замечание 5. В русской сказке «Хитрая наука» (Там же. Т. VI. С. 195) два героя превращаются в рыб: один в ерша, другой в щуку. Последний выступает, как и в нашей героической песне, преследователем ерша. В русской сказке рассказывается: «Видит лебедь: внизу река течет, упал прямо на воду, обернулся ершом, ошетинился. А сокол сделался щукой, не отстает от ерша, плывет за ним следом. И говорит щука ершу: «Поворотись ко мне головой, я тебя съем».

Замечание 6. Сравните с русской сказкой: «Сказка о Василисе — золотой косе, непокрытой красе и об Иване Горохе» (Там же. Т. VIII. С. 371). Царская дочь в ней нечаянно проглотила маленькую горошину и понесла: «...Царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжело-ленько; горошинка растет да растет, а царицу все тягчит да гнетет. Прошло несколько времени, родила она сына...».

Аналогичный эпизод находим и в сказании алтайских тюрков: «...После войны в одном местечке осталась живою одна только девица. Она после сильного дождя нашла льдинку (мус) и два пшеничных зерна, лежащие вместе, которые подняла и съела. Сделавшись от этого беременной, девица вышла из своего уединенного места...» и т.д. (*Вербицкий*. Алтайские инородцы. С. 136).

Замечание 7. В одной из русских сказок встречается медведь с железной шкурой. В одном из ее вариантов вместо него встречается железный волк. Оба враждебны по отношению к людям (Сборник сказок Афанасьева. Т. VIII. С. 378).

Замечание 8. Сравните с русской сказкой «Семь Симеонов» (там же, III т. С. 47): «...у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и

* Подробнее об этом в «Тип ост. богат.»//*ПаткановС.К.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 35.

тонкокожа, аж видно, как мозги переливаются по косточкам» (вар.: «как мозжечек из косточки в косточку переливается»).

Также в сказке: «Данило Бессчастный» (Там же. Т. VI. С. 290): «...Хочу, чтобы явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тела бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается».

Замечание 9. Эпизод о том, как герой выбирает себе коня, целиком заимствован из русской поэзии. Так, во многих русских сказках находим его рассказанным почти теми же словами, например, в «Сказке об Илье Муромце» (Там же. Т. III. С. 41): «Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот споткнулся, перепробовал всех жеребцов в конюшне, на которого ни наложит руку, всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу — так в забросе стоял — ударил его по спине рукой, он только заржал. И говорит Илья: «Вот мой верный слуга, не спотыкнулся».

То же самое в сказках «Кощей Бессмертный» (Там же. Т. II. С. 66), «Иван крестьянский сын» (Там же. Т. VIII. С. 110) и др.

Замечание 10. В русских сказках также встречается очень часто, что сказочные герои во время своих путешествий навещают старых женщин (тетушек, бабушек) в лесу, от которых получают не только совет, но и чудесные сокровища, с помощью которых успешно завершают свои дела и предприятия.

Замечание 11. Умение остяцких сказочных героев превращаться в различных зверей и предметы самим и превращать других встречается также и среди русских сказочных героев и героинь. Они действуют при этом следующим образом: они бросаются на пол или наземь, или их бросают на пол другие. Возможно, этот способ принятия другого образа частично заимствован у русских; но что касается самого упомянутого выше умения, то оно, кажется, присуще народной поэзии всех урало-алтайских групп, как вогулы, остяки, самоеды, татары и др.

Замечание 12. Ср. со сказкой «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (Там же. Т. VII. С. 57): «...Марья-царевна осталась на взморье, отзовись, говорит, кто взял мои крылушки? Коли стар человек — будь мне батюшка, а старушка — будь мне матушка; коли млад человек — будь сердечный друг, а красная девица — будь родная сестра». То же самое в сказке «Норка зверь» (там же, I т. С. 30).

Замечание 13. Тот же эпизод находим в русской сказке «Рассказы о ведьмах» (Там же. Т. VIII. С. 165). Царский сын помогает одному царю уничтожить врагов, потому принимается им самым лучшим образом. Вечером он кладет его в свою постель. Едва уставший царский сын сомкнул глаза, в комнату влетела утка, сбросила свою кожу и в образе девы приблизилась к нему. Он узнал в ней свою жену, схватил меч и обрубил ей правую руку. В названной сказке этот эпизод описывается следующим образом: «Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпица, сняла перья — сделала девица; будит его, сама приговаривает: «Возлюбленный мой царь, аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!». Иван-царевич узнал свою жену, махнул мечом и обрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетела домой».

Коварные женщины и ведьмы и в русских сказках воспитываются тремя металлическими кнутами, например, в сказке о «Буря-богатырь Иван коровий сын» (Там же. Т. VIII. С. 24): «Буря-богатырь выскочил из-под нее (царевны), взял железный прут и начал ее бить, до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным: замолилась королева, великими клятвами заклалась, что не станет этаких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошел к Ивану-царевичу: ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня выучена, которые были приговорены три прута, все об нее изломал».

Замечание 14. В русской сказке «Иван Быкович» (Там же. Т. VII. С. 26) рассказывается, что царь, однажды отправившись на охоту, передал ключи от дворца своей дочери и сказал ей при этом, что она может посетить все покои, но ей нельзя входить в его спальню. Во время его отсутствия юная девушка не смогла устоять перед искушением увидеть тайное и вошла в сопровождении своей девуш-

ки в запретные покои. Там они увидели золотую голову. Хотя они тут же закрыли дверь, обе через некоторое время понесли.

Замечание 15. Подобное чудесное сотворение воинов находим часто в русских сказках, например, в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» (Там же. Т. VII. С. 89). Творцами солдатов здесь выступают портные и сапожники: из каждого укола иглы первых и укола шила других возникал солдат. В приведенной сказке это рассказывается следующим образом: «Шел, шел, смотрит: за решеткой портные сидят. «Что вы делаете?» — «А вот что, Иван-царевич, сидим да войско шьем для бабы-яги, золотой ноги». — «Как же вы шьете?» — «Известно как, что коленеш иглою, то и казак с пикою на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина». — «Эх, братцы, скоро вы делаете, да не крепко; становись-ка в ряд, я вас научу, как крепко шить». Они тотчас выстроились в один ряд, а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел дальше. Шел, шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят...» и т.д.

Замечание 16. В сказке «Иван крестьянский сын и т.д.» (Там же. Т. VIII. С. 112) рассказывается, что вследствие борьбы героя с двенадцатиголовым драконом земля на месте схватки стала такой мягкой, что герой постепенно опустился в нее по шею.

Замечание 17. В русских сказках герои очень часто одерживают победу над ведьмами и драконами за счет того, что прибегают к следующей хитрости: они, например, ставят вокруг сосуды с мертвой водой и живой водой или оставляют сосуды на месте и поливают вокруг только их содержимое и таким образом побуждают своих противников принять ослабляющий напиток, в то время как сами черпают новую силу в живой воде. В качестве примера мы цитируем отрывок из сказки: «Иван Быкович» (Там же. Т. VII. С. 32): «Иван Быкович выслушал (слова змеиной матери), полетел на речку Смородину, на калиновый мост, обернулся добрым молодцом, переставил сильную воду налево, а слабую направо и ждет змея. Едет змей о 12 головах, увидел Ивана Быковича: «Теперь-то уя вдоволь натешусь! Давай, — говорит, — сражаться!» — «Ладно! Только наперед договор сделаем: кто в бою ослабнет, тому давать роздыху». Стали они сражаться, начал змей одолевать. Иван Быкович запросил роздыху, и бросились оба воду пить: богатырь сильную, а змей слабую. У Ивана Быковича много силы прибыло, а у змея убыло. Стали опять сражаться, и богатырь убил змея».

Ср. также сказки «Три царства: медное, серебряное и золотое» (Там же. Т. VII. С. 101), «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри» (Там же. Т. VIII. С. 79), «Сосна-богатырь» (Там же. Т. VIII. С. 90) и т.д.

Замечание 18. Ср. со сказкой «Иван купеческий сын отчитывает царевну» (Там же. Т. VII. С. 243): «...Старик выхватил меч и рассек царевну надвое, поползли из нее разные гады и змеи».

Замечание 19. «Живая вода» и «живые прутья» используются русскими героями также для того, чтобы оживить мертвых и изрубленных на куски. В одной из русских героических песен рассказывается, что одному герою живую воду из преисподней принес лютый змей (См.: Песни Рыбникова. Ч. II. С. 63; Сборник сказок Афанасьева. Т. VIII. С. 579).

Замечание 20. Этот эпизод встречается во многих русских сказках. Вместо осящего *Töxtij Kârîs* в них фигурируют огромные птицы: то орел (Сказка о трех царствах//Сборник сказок Афанасьева. Т. I. С. 28), то сокол (Там же. Т. VIII. С. 61), то птица колпалица (возм. колпица — утка?). Похожий эпизод встречается также в народной поэзии других племен, например, у словаков, где, однако, птицу заменяет дракон, и в поэзии норвежцев, у которых есть своя птица «Дат» (Там же. Т. I. С. 104). Также в тюркской поэзии.

Для пояснения вышесказанного приводим следующее из русской сказки: «Палюша велела для птицы колпалицы целого быка убить и с собой его запасты. Потом простились с подземным царем, сели птице на хребет и понесли на Божий белый свет. Где больше птицу кормят, там она резче в верхки с ними поднималась; вот всего быка птице и стравили. Делать нечего, бояться, чтоб она не опустила их опять вниз. Палюша взяла отрезала у себя кусок ляхи и птице отдала, а та их как раз на этот свет подняла и сказала: «Ну, всю дорогу вы меня хорошо кормили, но слаще последнего кусочка я отродясь не едала». Палюша ей свою ляху развернула, птица ахнула и рыгнула, кусок еще цел. Молодец опять приставил его к ляхе,

живой водицей примочил и царевне ляху исцелил» («Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде». — Там же. Т. I. С. 87).

Замечание 21. Ср. сказку «Доброе слово» (Там же. Т. VIII. С. 184): «Приезжает Иван несчастный, видит — жена его с двумя молодцами живет, а то были его законные сыновья-близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку... Вспомнил доброе слово и, спросив царевну про тех молодцов, узнал, что от него сыновья».

Замечание 22. Чтобы оживить мертвых или окаменевших людей, герои русских сказок пользовались, кроме живой воды, еще и человеческой кровью, которой сбрызгивали их тело или разрезанные части (См.: Там же. Т. VIII. С. 442). См. также у Гримм: ребенок...

Замечание 23. В русских сказках встречаются также «тока» из меди, чугуна, серебра, стали, золота и бриллиантов, например, в Т. VII (№ 9): «Сказка о трех царствах», в Т. VIII (С. 366) и т.д.

Замечание 24. Русские сказочные герои умели делать молодыми старых людей, бросая их наземь; ср.: замечание 11.

Замечание 25. В русских сказках герои и героини очень часто принимают образ птиц: первые — соколов, вторые — голубей и лебедей. У остяков они принимают образ лебеда, считающегося священным, главным образом боги (ср. также: «Ирт. остяки»//Там же. Т. I. С. 131 и др.).

Замечание 26. Похожий эпизод рассказывается в русской сказке «Перушко Финиста — Ясна Сокола» (Т. VII. С. 3). К одной девушке каждый вечер в образе сокола прилетает прекрасный королевский сын. Когда это заметили ее сестры, они закрепили на ее окне острые иглы и ножи. Королевский сын ранит этими предметами ноги и улетает, говоря своей возлюбленной: «Живи с миром, прекрасная дева, захочешь найти меня, ищи за тридевять земель в тридесятном царстве. Прежде чем ты найдешь меня, добра молодца, сносишь три пары железных сапог, разобьешь три чугунных посоха и сгрызешь три каменных хлебца!». Как и в нашей сказке, ей в ее поисках помогают старухи.

Замечание 27. В сказке «Сказка об Иване-царевиче» (Там же. Т. VIII. С. 666) ведьма (баба-яга) говорит следующей: «Я здесь живу уже 40 лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а ты как сюда набрел?».

Замечание 28. В сказке «Кошей Бессмертный» (Там же. Т. VII. С. 72) прекрасную деву зовут «воспитанница (дочь) трех кормилиц», трех бабок внука, сестра девяти братьев (трех мамок дочка, трех бабок внука, девяти братьев сестра).

Замечание 29. В цитированной (Там же. Т. VIII. С. 648) малороссийской сказке рассказывается, что два брата во время их путешествия встречают различных животных (льва, зайца, волка, лису, медведя), шадят их и тем самым получают в их лице верных слуг. Когда некоторое время спустя братьев убивают, верные животные достают живую воду и снова возвращают им жизнь.

Замечание 30. Эта сказка является вариацией русской сказки «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (Там же. Т. VII.). Сюжет ее следующий: царскому сыну Ивану-царевичу удалось во время прогулки подслушать разговор трех сестер. Девушки говорили о том, что каждая из них сделала бы, если бы царский сын взял ее в жены. Старшая из них сказала, что одним хлебом накормила бы все царство, вторая, что со своим ретенном одела бы все войско. «А я, — сказала младшая, — я не умею ни варить, ни прясть, я бы родила ему трех прекрасных, похожих на соколов, сыновей». Эта речь понравилась царскому сыну, и он взял девушку в жены. Жена понесла и родила во время его отсутствия. И как в нашей сказке, старшие сестры унесли чудесного мальчика, а на его место положили маленького котенка. Через некоторое время жена понесла вновь, когда она родила, завистливые тетушки также унесли ее ребенка, а на его место положили кутенка. В третий раз сестры показали огорченному мужу крестьянского ребенка. На этот раз терпение его закончилось, и он собрал своих вождей, чтобы они решили судьбу его жены. Они решили, что ей нужно выколоть глаза и с последним ребенком посадить в бочку, засмолить ее и бросить в воду. Приговор был исполнен. Бочку скоро вынесло на берег, и когда запертая в ней царица высказала

желание, чтобы она лопнула, та и вправду развалилась пополам. Они вышли на берег и высказали желание, чтобы царица снова стала зрячей, и их желание исполнилось. Потом они высказали третье желание, чтобы дворец царя переместился к ним. Они оглянулись и заметили дворец, а рядом с ним сад. В одной из беседок этого сада жили три брата. Сын царицы предположил, что это могут быть его братья. Чтобы узнать, правда ли это, он попросил мать приготовить из ее молока три хлеба. Она исполнила его просьбу, и он предложил отведать эти хлебцы трем братьям. Когда они попробовали их, узнали тотчас же, что хлебцы были приготовлены из молока их матери. Они побежали к своей матери, обняли ее и начали мирно жить во дворце. Нищие, навешавшие царицу, а затем пришедшие к царю, рассказали ему, что на абсолютно пустом ранее месте стоит теперь дворец, в котором живет царица со своими чудесными детьми, во лбу у которых солнце, на затылке луна, а сбоку звезды. Когда царь услышал это, тотчас же отправился к обозначенному месту, узнал свою жену и своих детей и приговорил ее сестер к наказанию, которое должна была вынести безвинная жена, приказал посадить их в бочку и бросить ее в воду. Бочка пошла на дно, и они утонули.

По другой версии вести о его прежней жене царю передали купцы, навешавшие царицу во время одной из своих торговых поездок. При этом они еще рассказывали о чудесах, увиденных там. О мельнице, молотившей сама по себе, сама по себе веявшей и развевавшей пыль на сто верст. А рядом с этой мельницей стоит золотой столб, на котором укреплен золотая клетка; на этот столб забирался и спускается с него ученый кот: если он спускается — поет песни, если поднимается — рассказывает сказки. Старшая сестра царицы, которая после мнимой смерти последней стала женой царя, сказала, чтобы унять восхищение своего мужа: «Вот уж диво! Настоящее чудо вот какое: за многими-многими странами, в предалеком государстве стоит золотая сосна, на ней сидят райские птицы, поющие королевские песни». Царский сын, прилетевший в образе мухи вместе с купцами, прибыл к своему отцу-царю, укусил в этот момент свою тетку в нос и через окно вылетел вон и помчался в свой край. Прилетев туда, он превратился в прекрасного юношу. Он вытащил из кармана свое огниво и ударил железом по камню, появились топор и палка, ждавшие его приказа. Он велел им, чтобы на следующий день в саду появилась чудесная сосна с райскими птицами. Так оно и случилось, и купцы, снова сделавшие остановку здесь, передали царю новость о чудесах, увиденных ими. Их рассказ показался ему таким прекрасным, что он захотел тотчас же отправиться туда, но его жена успокоила его словами, что это еще не настоящее чудо, но оно есть в очень дальней стране. Там живут три кровных брата, покрытые по колено серебром и по грудь золотом, во лбу которых светит ясный месяц, а по бокам звезды. Царский сын, снова бывши при этом в образе мухи, слышал эту речь и поспешил домой. Он попрощался с матерью и пошел искать чудесных братьев. После долгого пути он увидел: стоит пустой дом, он вошел в него, и так как был голоден, отломил от каждого из трех хлебов и выпил по глотку из трех бутылок, которые заметил на столе. Когда он услышал голоса снаружи — спрятался. Трое юношей вошли. Они заметили, что кто-то у них пировал, и гадали, кто бы это мог быть. Так как все невредимо стояло на своем месте, они решили, что это не мог быть злоумышленник, а скорее усталый путник. Когда царский сын понял их доброе настроение, он вышел и обратился к ним, признал в этих трех чудесных юношах своих братьев и рассказал им об их матери. Когда они услышали, что она еще жива, им захотелось сразу же увидеть ее. Они обратились в голубей и полетели к дому своей матери. Там она обняла их и поцеловала, и они остались жить у нее. Снова прибыли туда купцы, и когда они после посещения царя, то рассказали ему, что теперь во дворце царицы живут три чудесных юноши, во лбу которых светит ясный месяц, а по бокам звезды. Теперь злая жена не знала, что сказать, и промолчала, а царь поехал к означенному месту, узнал в царице свою прежнюю жену, а в прекрасных юношах своих сыновей и очень рад был тому. Он взял их в свой дворец и велел казнить свою вторую жену за все ее злодеяния публично. По другой версии ее за косу привязали к хвосту дикой лошади и так надолго запустили ее, пока она не вернулась домой с одной косой. Ср. также сказку «Косоручка» (Там же. Т. III. С. 53).

Весьма вероятно, что зыряне, вотяки, пермяки и другие в разные времена, например, во время войн с русскими, искали убежища в Югре и оседали там. С другой стороны, часть вогулов и остяков несколько веков назад (первые частично и сейчас) жили на западных склонах Урала. Это знакомство с народами Волги и Камы, среди которых зыряне и пермяки назвали себя *komi-jöz* — «Камский народ», вряд ли служит объяснению слова «kam-vaх». Потому оно должно переводиться как «камское серебро» или «зырянское (или пермяцкое) серебро».

Подобным же образом можно объяснить и выражение: *kâm-neŋ* — «Камская женщина», которое дважды встречается в моих медвежьих песнях (см. С. 204—205). Предложение: «мы сыновья *Tâpar*-ской женщины, мы дети, выращенные *Kâm*-женщиной (там же)» — указывало бы в таком случае на экзогамные браки древних остяков с женщинами из соседних племен, здесь — с женщинами *Tâpar*-(см. зам. 33) и Кат- (зырянскими или пермячками).

По второй гипотезе древние югорцы получали свое серебро с востока, возможно из района верхнего Енисея (Кет), где серебро находят в изобилии. Мы приводим здесь несколько выражений из «Истории государства Российского» Карамзина, которые, похоже, подтверждают верность этой гипотезы, или, как минимум, восточное происхождение называемого, таким образом, в русских источниках «закамского» серебра.

1) Один новгородский воевода в 1193 году отправился с немалым войском к югорскому народу. Ему удалось занять один из их городов, но другой в течение пяти недель осаждал напрасно. Осажденные объяснили воеводе: он зря воюет с ними, потому что они — новгородские подданные. Они говорили при этом: «Копим серебро и соболи и ина узорочья (драгоценности)» и пообещали поставить дань, которой облагались, т.е. серебро и соболиный мех (III. С. 87—88). О первом Карамзин думает, что они получали его, обмениваясь с живущими далее на восток сибирскими народами. Именно у него (прим. 88) указывается на старые шахты и «чудские копи» в городах Енисея, что так же, как и многочисленные металлические находки в этой местности, дает некоторое объяснение об искусстве древних сибирских народов в добычании и обработке металлов, главным образом бронзы, серебра и золота (Из Палласа, путешествие III, рус. пер. С. 572). Здесь можно упомянуть, что в Алтайских горах, в Акмолинском районе и т.д. существует множество чудских копей (также плавильных печей), некоторые из них были очень богаты серебряными и другими рудами и долгое время использовались русскими.

2) «Зная, что новгородцы, торгуя на границе Сибири, добывали много серебра из-за Камы, Иоанн (Данилович Калита) требовал оно для себя и, получив отказ, вооружился...» (Там же. IV. С. 221). В новгородских летописях этот эпизод передается следующим образом: «Великий князь Иван прииде из Орды (в 1332 г.) и взверже гнев на новгородцев, прося у них серебра закамского...» (Там же). То обстоятельство, что тогдашние русские, поддерживавшие активные связи с волжскими народами, обозначали полученное от югров серебро как закамское, похоже, говорит в пользу этой гипотезы. Невозможно представить, чтобы они так ошибались в его происхождении.

Но как с таких позиций, которых придерживается и Б. Мункачи, объяснить приведенное выше предложение: «Мы дети, произведенные на свет Кат-женщиной»? Не являются ли Кат-люди (ср. *камассины* и кизильцинскую группу: *кам-лар*) происходящим из поймы Енисея (Кет) народом, который, возможно, подобно народности *Ar-jax* (см.: С. 255) финно-угорскими остяками и вогулами был частично уничтожен, частично покорен? Собственно, *Kâm-neŋ* — «женщина с (любой) реки Кама», — может означать аналогично выражениям: *Sôdom-xui* — «сальемский остяк (соб.: мужчина)», *As-jax* — «обской остяк (соб.: народ)» и т.д., в то время как *kam-vaх* может относиться только к одной из упомянутых выше рек, скорее всего к первой.

Что касается качества серебра, обозначенного словом «kam-vaх», то о нем я ничего не могу сказать. Док. Б. Мункачи считает, однако, как подтвердил мне это письменно, то вогульское *kami-vaх* или *kami-aln* (*aln* = *урт.-ост.*: *ûdŋn*-олово) =

венг.: *on-* (олово, свинец), *olom-* (свинец)=рус.: олово* означает, как *sjs-vax*, плохой или смешанный вид серебра, в то время как *sarig-aln* (см.: замечание 33) выражение, которого я не встречал у иртышских остяков, применяется для обозначения настоящего чистого серебра.

Теперь еще одно небольшое исправление. Так как слова «*tit-vâx*», «*kâ m-vâx*» в одном месте текста (С. 162 и д.) были заменены «*jim-vâx, sorna*» — «серебро-золото», то и упомянутое выше выражение из-за связности мыслей и почти везде (С. 37, 47, 55, 163 и т.д.; рус. пер.: С. 10, 16, 20, 24 и т.д.) передавал как «злато-серебро»(?), что неверно. Правильнее было бы переводить его просто — «серебро».

Замечание 33. Слово «*Tâpar*» (*Sâbar*) является очень распространенным на Тобольском Севере именем собственным. Кроме уже упомянутого *Tâpar-voš*, *Tâpar-mir*, *Tâpar-nêj*, *Tâpar-xôt* и *Tâpar-pûdîn*, в различных выражениях оно встречается также у северных остяков и вогулов, а именно в следующих формах: *Saber*, *Saper*, *Soper*, *Saber*, *Saper*. Поросшее соснами возвышенное место на Оби в Темлячевской волости (Тоб. окр.) пригласительно в пяти верстах от деревни Новая Зенкова (Самар. вол.), служило благодаря своему высокому положению прежним обитателям округа кладбищем и называется *Saprai*. У П. Хунфалви встречаем упоминание о песне, восхваляющей *Soper-aut* или *vos* (= *Tâpar-voš*). В наследии Редули находят (по Б. Мункачи) название остяцкого рода при Обдорске: *Saber-mam* (*mam* — народ), а док. К. Папай слышал о местности при Обдорске, называвшейся *Saber-mu*, т.е. «страна-Saber» (там же) и т.д. Настоящее чистое серебро у кондинских вогулов (по док. Мункачи) называется *sarig-âl n*, т.е. «*sarig* — олово» и т.д. и т.п. Далее на север, на территории самоедов, находим близко стоящие формы того же названия. Так, две горы на Северном Урале, у истоков реки Усса, правого притока Печоры: *Sabrei* и *Savri-rai* (*rai* — ост.: «холм, возвышенность»), что может означать приблизительно «гора сабаров» (ср. выше холм: *Saprai*)**). Сюда относится, возможно, и татарское, и заимствованное у татар: *Sibir* или *Sivir* — название для прежних жителей территории: большинство чудских копей на Иртыше называются именно у татар Тобольского округа: *Sivir-qal'a* («*Siviren*-крепость»), а могильный холм и другие подобные остатки из древнего времени: *Sivir-tuba* («*Siviren*-холм») (см. мою статью: Сибирск. сборн. 1891. Кн. 2. С. 129). Также и в прежнем названии местности на средней Тавде (в Туринском округе) — *Tabarû* (Табары)***, по которому были названы и живущие там вогулы и татары: «табаринские» (табаринские вогулы, табаринские татары, табаринцы) (сейчас Нижне- и Верхне-Табаринская волость), я вижу вариацию того же названия, изначальная форма которого, должно быть, приближалась к северному: *Saber*, *Saper*, потому что переход *s* и *s* в начальных и конечных звуках в *s*, *t*, *t* в иртышско-остяцком и в *s* и *t* в некоторых вогульских диалектах достаточно известен****.

* Не могут ли все эти слова, происходящие от одного корня, восходить к реке Онон, пойма которой богата оловом? Этот металл, должно быть, был хорошо известен древним сибирским народам, потому что изделия из бронзы встречаются повсюду в северной Азии, а сам металл в Сибири — только в упомянутой выше местности. Предположительно югорцы получали изделия из бронзы с Востока.

** Упомянем еще, что самоеды прежних аборигенов территории, которых Кастрен считал финнами, называют *Sortje* (Кастрен. Этнолог. лекции. С. 86).

*** Так назывались также два города этой местности.

**** Напр.: *сев.-ост. ser* — необжитый, пусто = *упм.-ост. teri*; *сев.-ост. sens, sês* — лыко = *упм.-ост. sent*; *сев.-ост. selletem, saltem* — плакать = *упм.-ост. telem*; *сев.-ост. sat-sasa, sät-säsi* — дедушка = *упм.-ост. tat-tada*; *сев.-ост. sôlox* — вода со снегом = *упм.-ост. tolox*; *сев.-ост. soŋxal, sogal* — очаг = *упм.-ост. tógol-sôgol*; *сев.-ост. rus* — русский = *упм.-ост. rus, rut* = *вог. rus, rus*; *сев.-ост. sores, sûrt* — промежуток = *упм.-ост. sûrt*; *сев.-ост. soris, suris* (зыр.: *surs, surys*), *вог. tores, torâs*

Коренные жители прежней территории «Sibir» должны были, таким образом, называться сабары (sabaren, saparen, saberen) и жили в Туринском, Тюлинском, Тобольском и Березовском округах Тобольской губернии. В его южной половине эта территория более-менее совпадает с границами территории «Сибирь», насколько можно судить по древним актам и картам (С. Мюнстера, Аврила) XVI и XVII веков (Сиб. сб. 1891. Кн. 2. С. 128). Северная половина его охватывает необходимые пространства, известные под именем Югра, Кондия и Обдорья. Здесь, однако, следует заметить, что коренные жители Нижней Оби, от сургутской границы до Крайнего Севера, на вопрос, как звали древних жителей территории, которым приписывают кладбища и другие остатки из древних времен, называли обычно Аг-народ, Аг-ях (возможно, арийцы)*.

Весьма вероятно, что сабары когда-то жили и на западных склонах Урала, о чем у нас в данный момент отсутствуют исчерпывающие данные. Кроме того, многочисленные остатки древних времен: города, земляные укрепления, кладбища и т.д. с названиями, напоминающими о сабарах, тянутся через Россию от Урала до австрийской границы и демонстрируют нам путь и места стоянок этого народа в его путешествиях на Запад. Особенно распространены они в районе средней Волги и главным образом Камы, где они, должно быть, оставались долгое время. Мы упомянем здесь лишь некоторые из этих свидетельств старины.

Пермская губ., деревня Сабарка (Кунгур. район).

Вятская губ., деревни: Сабер-мугас, Сарбаевская, Сорвачевская, Сарбаев, Сорбай и т.д.

Казанская губ: Surbi-jal (cholá) — название города Цивильска у чувашей. О происхождении этого имени нам известно следующее: «Один из вождей или владельцев князей чувашей Пулад (в 1584 г., русский) уступил для строительства города Цивильска свою деревню, называвшуюся Sürbi-jal (jal — деревня), переводя при этом жителей на другое место, где теперь находится деревня Ново-Сюрбева. По этой причине город Цивильск у чувашей называется Surbi-chola, т.е. «Сюрби-город» (Сп. нас. мест. Каз. губ. С. LXIII). Хотя названия Sürbi и Sibir отличаются расстановкой согласных, все-таки очень велик соблазн рассматривать первое как модификацию последнего, а названный город (Surbi-jal, Surbi-chola) подобно тобольским Sivr (Sibir)-gal'á приписать Sibirren или Sabaren, потому что везде, где этот народ жил долгое время, находят очень искусно сооруженные земляные укрепления с глубокими канавами вокруг, с рвами и крепостями.

Симбирская губ. Деревня Сарбаево (Ардат. окр.), Сюрбево-Альбус (Буинск. окр.), Сюрбеевка (там же).

Губ. Самары, деревня Сарбайская, или Сарбай Великий (Бугур. окр.), Саврушская слобода на реках Б. Кинель и Савруха.

Гораздо интереснее, чем все эти названия, имя деревни Васильковского округа Киевской губернии — Саварка. Об этой деревне нам известно следующее: «Она находится в 90 верстах от окружного центра на левом берегу реки Рос. Деревня прежде, по свидетельствам жителей, образовывала город Савара, остатки обнесенного валом городища, который можно видеть еще и сегодня. На этом месте находятся две большие и множество маленьких древних могил; здесь еще и сегодня раскапывают древние вещи. Рядом с деревней тянется древний вал» (П. Семенов. Географическо-статистич. слов. С. 386). И снова имя сабар здесь связано с земляной крепостью. Это место следует рассматривать как одну из самых западных стоянок народа сабаров.

— 10000 = сург. toras, țaras; *упм.-ост.* seurem — рубить = *вог.* sauram, sauram; *упм.-ост.* sâstem — сушить = *вог.* tôslam; *ост.* sena — гнида = *вог.* sanî, san и т.д. (Подробнее об этом см.: Н. Андерсон. Передв. звонк. зубных звуков в остояк. С. 123, 139 и далее).

Некоторые, однако, считают одноименные племена многих, далеко живущих тюрко-татарских народов, напр., хатин-аринские якутов, араплемя (Аймак Арлар) башкиров и т.д., произошедшими от арийцев (Н. Аристов. Заметки об этнолог. сост. тюрк. плем. и т.д. // Жив. стар. 1896. Вып. III—IV. С. 335 и 406).

V

В Подольской губернии находим деревню (местечко) Савран (Балтск. окр.), которая стоит на реке Саврони, и т.д. и т.п.

По вопросу о том, к какой группе следует причислить этих прежних жителей северо-запада Сибири, верное заключение, возможно, будет сделано в будущем. Одно точно: они превосходили теперешних коренных жителей финской группы в культуре. По этой причине целесообразнее из числа народов, наличие которых здесь можно предположить, исключить самоедов, которые по китайским свидетельствам, на своей родине или рядом находились на том же низком культурном уровне*, на котором теперь находятся их потомки у Ледовитого океана.

В одной из прежних статей мы пытались рассматривать сибирских сабаров, подобно европейским, как предков венгров или, как минимум, как их близких родственников (Сиб. сборн. 1891. Кн. 2. С. 134 и далее). Главными доказательствами этой в целом недостаточно обоснованной гипотезы являются следующие: мадьяры, которых Константин Порфириносец идентифицирует с (европейскими) сабарам, до их переселения в Лебедию жили, возможно, в районе Среднего Урала, по соседству с другими угорскими группами, которые частично осели по ту сторону Урала. Так как живущие в северной Сибири остяки и вогулы говорят на очень родственном мадыарскому языке, то возможно предположить, что восточная граница распространения сабаров, о которой нам сейчас ничего неизвестно, как минимум, некоторое время лежала по ту сторону Урала, другими словами, что территория этого народа когда-то охватывала пространства, где до сегодняшнего дня сохранились географические названия: *Tärag, Tabár, S/v/r, Soper* и т.д. Предпринятое европейцами изучение нерусских географических названий Северной и Центральной России также подтверждает некогда большое распространение финно-угорской группы народов по эту сторону упомянутых гор. В прежние времена она, похоже, включала большую часть Европейской России, а именно: территории от Ледовитого океана до верхнего течения Дона и от Балтийского моря и Вислы до Урала**.

Однако некоторые факты могли бы говорить и против венгерского происхождения сабаров, а именно: те, что угры (т.е. венгры) во время своего проживания в Лебедии, по арабским и русским источникам, жили в шатрах и не имели постоянных мест жительства, против чего говорят многочисленные земляные укрепления как в Сибири, так и в Европейской России, связанные с названием сабаров или его модификациями. Здесь, однако, следует принять во внимание, что на прежних местах поселений мадыар и рядом с ними, т.е. в Северной и Восточной России, проживали финские, а также тюркские группы (югры, вотяки, болгары и др.), которые уже в XII веке имели постоянные, обнесенные деревянными стенами города, и так, возможно, было и ранее. Сложнее предположить, что мадьяры или угры в этом смысле представляли собой исключение из общего правила. У нас отсутствуют какие-либо данные о них этого периода. В кочевой народ они, видимо, превратились лишь тогда, когда переселились в более пустынные местности Лебедии (приблизительно между Доном и Днепром) и пришли в более тесное соприкосновение с осевшими там тюркскими группами. В этих обстоятельствах они, вероятно, и поменяли свою прежнюю полуоседлость, оставили обычай строить земляные укрепления, потому что, подобно другим кочевым народам степей, они при постоянной смене мест не нуждались теперь в крепостях. В целом мы не хотим сказать тем самым, что они совсем забыли это искусство, потому что даже хазары и аварцы при определенных обстоятельствах пользовались валами и рвами***. Любимое занятие всех угорских групп — рыбную ловлю — венгры не оставили даже в южно-русских степях.

Что касается отношения сабаров (ᠰᠠᠪᠠᠷ), иначе саби́ро-угров, или гунно-сабаров, к европейским и азиатским сабарам, то нам представляется возмож-

* В. Радлов. Из Сибири. П. С. 142 и далее.

** *Европеус*. К вопросу о народах, обитавш. в сред. и сев. России...// Журн. мин. нар. проев. Июль 1868. С. 66 и далее.

*** Изв. о хазар., буртас., болг. ... Ибн-Дата. *Перев. с объясн.* Д. Хвольсона. С. 122.

ным считать и их одним и тем же народом с первыми. Во-первых, за это говорит приведенный нами придаток к названию сабиров — угры, а во-вторых, следующее обстоятельство: в языке финнов угорской ветви (мадьяр, остяков, вогулов) и их ближайших родственников: пермяков, зырян и т.д. — встречаются заметные следы влияния осетинского и других кавказских языков (главным образом в названиях металлов), что наводит на мысль о том, что указанные выше народы некогда жили на севере Кавказа*. Так как осетины рассматриваются как потомки аланов, или одного из родственников им народов, то пришедшие с севера или востока сабиры, или **гунно-сабиры**, долгое время проживая по соседству с аланами и как члены союза с персами, постоянно поддерживая отношения с народами Кавказа и Закавказья, благодаря их посредничеству, возможно, смогли познакомиться и с металлами. Позднее эта группа, должно быть, отступила в пустынные местности Севера, вытесняемая более сильными народами, где и закрепилась со временем. Толчком к этому переселению народов, возможно, были авары, которые в 558 г. п. Р.Х. вторглись в расположенные на севере от Кавказа степи и втянули проживавших там аланов, убигуров, савиров (сабиров) и другие народы в войну, победили и частично истребили их**.

Мы хотели бы здесь упомянуть еще одно географическое название, которое также свидетельствует о финно-угорском происхождении сабиров. Это название встречается в районах, где, по всей видимости, прежде проживали сабары и другие финно-угорские группы и которые еще и сейчас большей частью находятся на территориях, занятых сибирскими финнами или по соседству с ними; оно объясняется с помощью языка одного из финно-угорских народов. Это название используется большей частью для обозначения озер, а также рек и для расположенных рядом с ними деревень: Индер, Индра, отчего — Индерская(ое). Сюда же, по нашему мнению, могут быть причислены также некоторые озера тех же территорий, носящие название Андреевские.

Из обозначенных таким образом озер, рек, деревень и т.д. назовем здесь следующие:

1. Тобольская губерния:

а) Туринский округ — озера Б. и М. Индра недалеко от вогульской деревни Городок, рядом с которой можно видеть (по Словцову) остатки древних земляных городков.

б) Тюменский округ. На юге его — большое Андреевское озеро. Расположенная на его северном берегу татарская деревня с таким же названием приводит нас к мысли, что подобное название оно носило и до прихода русских. Здесь также должны быть остатки древних земляных укреплений.

в) Тобольский округ: 1) небольшое озеро Эндер недалеко от левого берега Иртыша и рядом с деревней Субботина Луговая (Денщик. вол.); 2) Индерские юрты, немного выше устья речушки Янтар, впадающей с левой стороны в Вагай (Татарская волость); волость, в которую входит эта деревня, называется Истяцкая (возможно, от «Истяк»), что, возможно, указывает на остяцкое происхождение теперешних жителей ее. Недалеко от деревни (по О.) есть множество мелких озер, одно из которых называется Сабарово; 3) Андреевское озеро на западе округа, на границе территории распространения вогулов и татар (*соб.*: тюркизированных вогулов), где не живут русские и где нет русских географических названий.

г) Березовский округ. В его юго-западной части (на территории остяков) находятся (*см.* С. 226) река и рукав Оби под названием Эмдер (*рус.*: Ендыр; *ср.*: С. 221), две деревни на его берегах носят то же название (юрты **Ендырские** и Протоchno-Ендырские).

д) Сургутский округ. Здесь, как и в соседней системе реки Вась-Юган (Томск. губ.) *čmtj̄r* (*рус.*: энтыр, энтэр), как и тох, и таг, используются как видовое назва-

* Док. Б. Мункачи: «Кавказское влияние в финно-угорских языках». (*Revue orientale.* I. 1900. С. 39 и далее).

** Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами... Перевод и комментарии С. и Г. Дестуниса (Ч. И. С. 225).

ние в значении «озеро». Названия озер этой территории образуются из *smtigr* (или *tox, tar*) со стоящими перед ним прилагательным или существительным, например, Им-энтэр (*возм.*: *Jim-čmtigr* — «хорошее озеро»), Кусем-энтэр (*возм.*: *Kuseŋ-čmtigr* — «озеро плотвы») и т.д. в названном округе недалеко от границы Томской губернии.

е) Тюкалинский округ, деревня Индерская (д. **Индеры** или Индерская в Башеновской волости), в окрестностях которого можно встретить много небольших озер.

II. Томская губерния.

а) Барнаульский округ: Индерское озеро и недалеко от него деревня Индерская (Чулымская вол.).

б) Западная часть Нарымской территории Томского округа. Здесь *smtigr* встречается как видовое название (*см.* выше — I д.).

Следует заметить, что расположенный между этими регионами **Каинский** округ еще и сегодня посещается вась-юганскими остяками **Нарымского** района, и что некоторые их семьи осели в северной лесной части его. Также и другие географические названия **Каинского** и Барнаульского округа, похоже, указывают на то, что здесь некогда жили остяки.

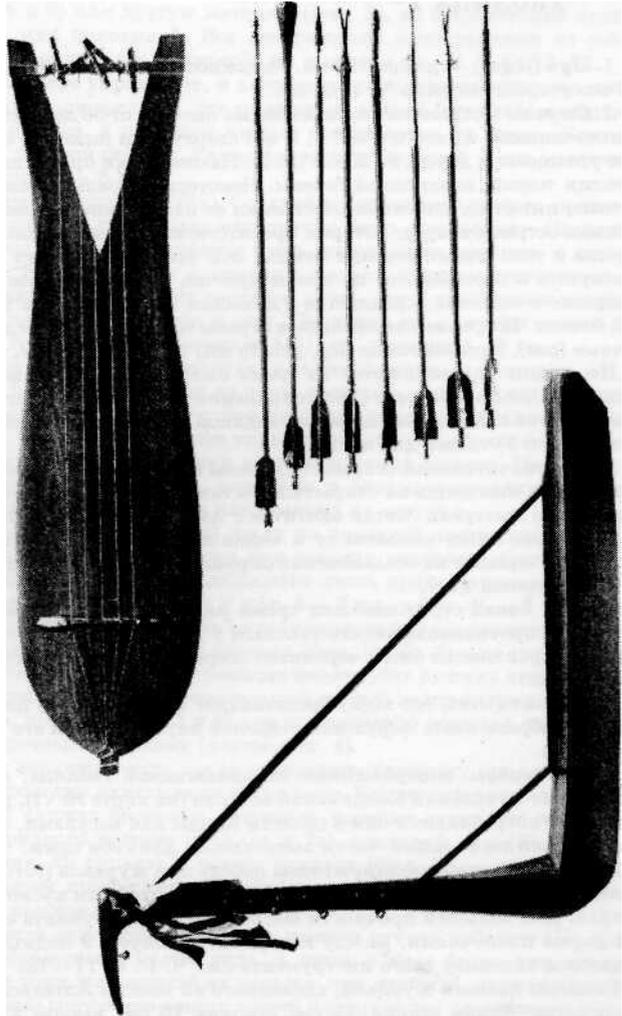
III. Уральская провинция (Уральская область). Индерское (соленое) озеро, или Индер, в девяти верстах от левого берега реки Урал. Свое название это озеро, возможно, получило от прежде кочевавших там народов финно-угорской группы (унугуров, сабиров и т.д., возможно, предков башкиров, которые некоторыми рассматриваются как тюркизированные угры). Горы, окружающие это озеро с северо-востока, по нему называются Индерскими.

Подобные географические имена в Центральной и Северной России вообще не редкость. Так, на Кольском полуострове находим озеро с названием Имандра (*ср.* выше: Им-энтэр = *Jim-čmtigr*); в Казанской губернии есть три деревни с названиями **Индырчи** и т.д.

Как видно из упомянутого выше, выражение «*smder, smtigr*» в восточно-остяцком означает просто «озеро»*. В других районах той же и Томской губернии (как в Европейской России), т.е. на участках, население которых в настоящее время является исключительно финно-угорским, это также используется как имя собственное для обозначения крупных озер и реже для других водоемов, как реки. Таким образом, мы считаем, что все приведенные выше формы: Индра, Индер, Индерское и в отдельных случаях также Андреевское и подобное — одного происхождения и представляют собой модификации или искажения остяцкого *smder, smtigr* или близко родственного ему финно-угорского слова. Что касается разницы согласных *m* и *p* в остяцких и прочих происходящих от русских форм, то это, возможно, можно приписать соотношению русских (*ср.*: *ост.*: *Mõsom, рус.*: Назым; *ост.*: *čmder, рус.*: Ендыр; *см.* выше, С. 221).

Мы ограничимся сказанным здесь, намереваясь обсудить этот предмет в отдельной статье более подробно, где мы скажем также несколько слов о выдвинутой известным исследователем славянской старины В. Флоринским очень привлекательной, но **частично** построенной на не всегда достаточных основаниях гипотезе о славянском или, скорее, русском происхождении прежних обитателей территории «Сибирь».

* У К. Папай, возможно, ошибочно: «Речушка» (*Док. Б. Мункачи. Deli osztjak szojegyzek. С. 9).*

Объяснения к таблицам

Таблица I*

1. *Лук* (jògot) — длина 188 см, окружность деревянной части посередине 10 см. Об его устройстве см. в Ч. I. С. 58.

2. *Стрелы* (rot) состоят из деревянных палочек от 59 до 72 см длины, снабженных наконечниками из кости (№№ 1, 5 и 6 сверху) или железа (№№ 3, 4, 7 и 8 сверху) или утолщением дерева на конце (№ 2). Наконечники прикрепляются к древкам при помощи тонкой коноплиной бечевы. Некоторые стрелы, преимущественно двухконечные, имеют на известном расстоянии от наконечника железные крючочки, обращенные острием вперед, которые препятствуют слишком сильному проникновению стрелы в тело животного или птицы. Эти крючочки состоят собственно из одного изогнутого и заостренного по краям кусочка железа, которое продевается в особое отверстие в стреле и укрепляется в должном положении при помощи туго обмотанной бечевы. По форме наконечников стрелы представляют следующие типы: *одноконечные* (pus), *двухконечные* (lep, penkiñ rot) и *тамары* (tamár, vòlip-rot — № 2).

Последние употребляются во время охоты на белок и имеют целью оглушить животное, не поранив его (для сохранения шкурки). Все остальные стрелы предназначаются главным образом для водяной птицы (уток, гусей и т.д.), более крупные (как № 3) также для оленя.

Ввиду значительной стоимости стрелы (15—25 коп. штука на месте) охотники пользуются ими лишь на открытых местах, где они легко могут найти их в случае неудачного выстрела. Когда охотятся с лодки, то стрела, упавшая в воду, погружается в нее лишь наполовину и видна издали. Чтобы сделать стрелы более заметными, черенки их обыкновенно окрашиваются в красный, в красный и синий, а также черный цвет.

Задний конец стрел снабжен тремя рядами орлиных или филиновых перьев, которые в противоположность таковым у других птиц отличаются своей прямизной. Прикрепляются они к черенкам: посреди — ниткой, а по краям — полосками из бересты.

3. *Колчан* (tìvet, rot-xuža) представляет из себя полый цилиндр из двух слоев бересты, обращенных наружной стороной внутрь. Длина его $58\frac{1}{2}$ см при диаметре в 10 см.

Лук и стрелы, изображенные на прилагаемой таблице, вогульской работы и происходят из селений *Кондинской* волости (на карте № VI), расположенных по р. *Яны-ях*. Употребляются они в области *Конды* как вогулами, так и остяками. Колчаны остяки по большей части выделывают для себя сами.

4. *Музыкальные инструменты* лебедь или журавль (tòrop-jux) представляют из себя ящик из кедрового дерева с перпендикулярным куском дерева на одном из концов. Для большей прочности обе эти части инструмента скреплены между собой двумя планочками, между которыми натянуты 9 медных струн (pan). Более подробное описание этого инструмента см.: Ч. I. С. 77—78.

Размеры данного журавля, сделанного на заказ в Алтаевских юртах на Конде, следующие: длина ящика 75 см, ширина 18 см, высота $7\frac{1}{2}$ см; высота всего инструмента 69 см. Обыкновенно же эти инструменты бывают больших размеров, что в особенности касается длины ящика (80—82 см).

Помещена на С. 375. — (прим. изд.).

5. *Домбра* (*nâres-jux*) тоже деревянный ящик с закругленным низом, ввиду чего поперечный разрез его в самой широкой части имеет вид полукруга, или, **вернее**, сегмента круга, отсеченного хордой несколько ниже центра. Описание устройства домбры см.: Ч. I. С. 77. Изображенная домбра приобретена в Шумиловских юртах по Конде. Ее длина равна 100 см, ширина, смотря по месту, 18—24,8 см и высота в самом широком месте 9 см.

Таблица II*

1. Бисерные украшения остячек (№ 5—9) из Меньше-Кондинской волости. Некоторые из этих бисерных украшений нашиваются ради прочности на сукно (фиг. 6), кумач (фиг. 5 и 9) или другую материю (фиг. 8), но обыкновенно лишь верхней своей частью или половиной. Все изображения представляют из себя (поперечные) половины оригиналов. О способе их выделки см.: Ч. I. С. 72-74.

Фиг. 5. Широкое бисерное украшение, к которому в середине прикреплен крестик (*pernâ-piget* — «крест-ожерелье»). Это украшение задней (верхней) матерчатой частью покоится на шее, а передней частью свешивается на грудь. Концы украшены пучками из пестрой шерсти. Размеры соответствующей части оригинала: длина $53\frac{1}{2}$ см, ширина — 8 см.

Фиг. 6. Так называемый воротник (*гõх*). Средней перерезанной частью он тоже покоится на шее, обыкновенно прикрывая матерчатую часть «ожерелья». Посреди изображенной половины, там, где кончается часть, нашитая на материю и начинается чисто бисерная, иногда бывают приделаны с одной стороны крючок и с другой — петелька, благодаря которым верхнюю часть этого украшения можно надеть в виде воротника, прилегающего к шее. Передние же длинные концы и здесь свешиваются на грудь. Длина оригинала $52\frac{1}{2}$ см, ширина 4—5 см.

Фиг. 7. Бисерная подвеска для кос девушек, а также женщин (дл. оригин. $29\frac{1}{2}$ см, шир. $4\frac{1}{2}$ см). На табл. II лишь одна из пары подвесок, составляющих украшение. Обе половинки соединены между собой при помощи шнура, сплетенного из пестрых шерстинок. Когда надевают это украшение, шнурок влетают в косу. На концах эти привески тоже имеют пучки из разноцветной шерсти. Многие девушки заменяют эти привески лентами, монетами и разными металлическими блясками и погрешками, которые они нанизывают на шнурки.

Фиг. 8 и 9. Головные повязки (*saravat*) носят на передней части головы и на верхней части лба. Сзади они завязываются при помощи матерчатых лент, прикрепленных к их концам (на рисунках изображена лишь правая половина повязок). Длина оригиналов — 18 см, ширина у фиг. 8—8 см, у фиг. 9 — 9 см.

2. Остячки вышивки. Все изображенные на таблице рисунки (за исключ. фиг. 4) представляют из себя вышивки и узоры на рукавах (фиг. 1b, 2b, 3) и на груди (фиг. 1a и 1b) трех остячских женских рубашек, имеющих фасон рубах русских крестьянок. Материалом для таких рубашек служит самодельный грубый холст из крапивы (как у рубашки фиг. 2), льна, конопля (фиг. 1 и 3) или из крапивной основы с льняными или конопляными поперечными нитками (платок фиг. 4).

Вышивки занимают верхнюю часть груди и верхнюю половину (по длине) рукавов и в виде тонкой полоски охватывают сзади шею. Кроме вышивок, другими украшениями рубашек служат бисерные нашивки, которые занимают верхний край рубашки, края грудного разреза (фиг. 1a и 2a), плечевой шов (2b внизу), часть шва рукавов (фиг. 2b справа) и концы рукавов (фиг. 1b — справа и 2b наверху). Сюда же следует причислить и своеобразные медные пуговицы, прикрепленные в грудном разрезе (фиг. 2a).

Ввиду недостатка места некоторые рисунки вышивки, именно рукава рубашек (1b, 2b, 3), не могли быть изображены в целом виде, а лишь в виде более или менее значительных частей; к тому же масштаб их меньше, чем масштаб, принятый для грудных полосок. Размеры соответствующих частей в оригиналах следующие: фиг. 1a: дл. 39 см, шир. — 16 см; фиг. 1b: дл. 24 см, шир. — 16 см; фиг. 2a: дл. 42 см, шир. — $19\frac{1}{2}$ см. Из рукава этой рубашки (ф. 2b) в оригинале длину в 59 см

* Помещена на форзаце в конце книги. — (прим. изд.).

(шир. 19 см) пришлось ввиду указанной причины выпустить из середки кусочек длиной в 17 см, представлявший тот же рисунок, что и нижняя часть рисунка 2b.

От третьей рубашки (фиг. 3), которая была в несшитом виде, приведена лишь передняя часть рукава, в оригинале дл. (верт.) 26 см, шир. (гориз.) — $25\frac{1}{2}$ см.

За исключением фиг. 4 все остальные вышивки таблицы II принадлежат к типу узоров, называемых на Конде остяцкими (xanda ханс). Они отличаются от других, между прочим, тем, что вышивки в них занимают значительные сплошные пятна, чего не наблюдается, например, в вышивках крестиками, или в так называемых «русских» вышивках (rut ханс — фиг. 4), заимствованных от русских. «Остяцкие» вышивки являются чисто национальными узорами и изображают изображения местных птиц, как то: глухарей и тетеревов (см. фиг. 1—3), которые у этих инородцев играют ту же роль, что петушки в подобных же работах русских крестьянок. Что касается «русских» вышивок, то они отличаются особенностью, что с обеих сторон представляют один и тот же рисунок, ввиду чего та и другая может считаться лицевой. Как все остяцкие **вышивки**, они работаются без канвы.

Фиг. 4, о которой только что шла речь, представляет из себя частицу большого полотняного платка или косынки в форме прямоугольного треугольника, называемого остяками «татарской косынкой» (*xatán oxcám*). Вышивки занимают лишь его среднюю часть, находящуюся против прямого угла, причем все полосы вышивок, которые видны на рисунке 4, приходятся перпендикулярно к его коротким сторонам (катетам). При этом две вертикальные полосы вышивок (левая часть, рис. 4) имеют значительно большую длину, чем пять перпендикулярных к ним полосок, части которых занимают правую часть того же рисунка. Наибольшая длина платка (гипотенуза) равна 210 см, две другие его стороны (катеты) — 144 см. Размеры изображенной части оригинала: дл. (верт.) — 37 см, шир. (гориз.) — $18\frac{1}{2}$ см.

В заключение следует заметить, что вышивание рубашек при отсутствии канвы при **слабом** свете в остяцких домах в зимнее время, при заваленное™ женщины разными работами и ввиду других подобных причин представляет огромный труд. Действительно, хорошая рубашка требует много времени для своего исполнения: она вышивается в течение одного года, но чаще двух и более лет.

Объяснения к этнографической карте Тобольского округа*

Настоящая этнографическая карта составлена на основании 10-верстной карты Тобольской губернии Омского военно-топографического отдела, причем отдельные ее показания, а также некоторые названия урочищ и селений исправлены на основании данных, собранных автором на месте.

Наличное население названного округа при площади в 2259,8 кв. м простиралось в 1887/88 г. до 121550 душ об. п., из коих около 22002 д. приходилось на город **Тобольск****. Сельское население состояло в означенном году из 76146, или 76,5% русских, из 19557, или 19,7% татар (с бухарцами), из 2527 остяков (2,5%) и 1318 вогулов (1,3%).

Если сравнить местности, заселенные каждым племенем с его численностью, то оказывается, что русское население, сгруппированное в долинах Оби, Иртыша, Тобола и Вагая, живет несравненно более плотно, чем каждое из инородческих племен, селения которых по большей части рассеяны у мелких водных источников, орошающих огромные лесисто-болотистые пространства, лежащие по обе стороны Иртыша и Оби. Поселки же их, которые расположены на берегах этих последних, составляют лишь ничтожный процент всех селений местности, состоящих главным образом из русских деревень. V

Таким образом, остяки по Иртышу и Оби (волости I, IV и часть II и III) образовали в 1887/88 г. ок. 7% наличного населения, между тем как на Конде в пределах М.-Кондинской волости (V), русские, живущие там постоянно, составляли всего до 6% (и с временно пребывающим населением до 9%) и в Кондинской (VI) до 10% наличного населения, состоящего главным образом из остяков и вогулов; в чисто же татарских волостях (VII—XI) их проживает не более 1—4%.

Из 31 волости и управы Тобольского округа 22 представляют самостоятельные территориальные единицы, между тем как 9 инородческих волостей состоят из отдельных селений с прилегающими к ним землями, разбросанных чересполосно с русскими селениями. За исключением остяцких волостей и управ остальные волости этой категории, именно татарские: Вагайская, Отдельно-Бабасанская, Бухарская, Городовая (кроме ее Чебургинского сельского общества — VIII) и волость Оброчных Чувальщиков не обозначены на карте особыми знаками, хотя на нее нанесены все более или менее значительные поселения татар, остяков и вогулов; из русских же селений, ввиду их чрезвычайно большого числа, отмечены лишь важнейшие. Селения (юрты) остяков и вогулов к тому же еще и пронумерованы, причем эти номера соответствуют следующим названиям.

Остяцкие волости и управы: 1. **Назымская вол.**: 1) Алымские юрты (южная граница остяков на Иртыше); 2) Туртасские; 3) Уватские; 4) Лебаутские; 5) Кошелевские; 6) Буренские и Летне-Буренские; 7) Варлымовские; 8) Солянские (см.: Ч. I. С. 195).

//. **Верхне-Демьянская вол.**: 1) Кокуевские юрты; 2) Мурзинские; 3) Романовские; 4) Потыревские; 5) Меркушинские; 6) Лымкоевские; 7) Эскинские; 8) Цин-

* Помещена на форзаце в начале книги. — (прим. изд.).

** По переписи 1897 г. постоянное население равнялось 127968 д. об. п. (в т. ч. в Тобольске 19802 д.).

гинские; 9) Саргатские; 10) Янышковские; 11) Тайлаковские (вымершие) (см.: Указ. соч. С. 196).

III. Нарымская вол.: 1) Субботинские (вымершие); 2) Ячинские; 3) Деншиковские; 4) Филинские; 5) Цингалинские; 6) Семейские; 7) Сотниковские; 8) Саргатские; 9) Заводинские; 10) Репаловские; 11) Тюлинские. Кроме того, к этой волости принадлежит еще несколько селений бывшей Тарханской волости, лежащих в пределах Сургутского округа, в бассейне верхнего течения реки Салыма*. Эти селения суть: 12) Айдарские; 13) Тишиковы; 14) Киндысовы; 15) Соровские; 16) Вавликовы (Вагликовы); 17) Байманковы юрты. Об остяцких названиях всех этих селений и о численности их населения см.: Ч. I. С. 197 и 198.

IV. Темлячевская вол.: 1) Базьяновские юрты; 2) Шапшинские; 3) Костины; 4) Зимн. и Летн. Чучелины; 5) Нялины (Ахтомины); 6) Априны; 7) Чебыковы; 8) Косаревы; 9) Алекины; 10) Нейпины (Пашкины); 11) Кышиковы; 12) Вершинские. Сюда же следует отнести и Чагинские, или Согомские (13), приписанные к Самаровской волости (см.: Ч. I т. С. 195—196). Кроме того, в этой местности лежат принадлежащие к Сургутскому округу: Балинские и Сахалинские юрты и к Березовскому — Трепкинны.

Большинство остяцких юрт по Иртышу (и Шапшинские на Оби) составляют одно селение с одноименными русскими деревнями, но и в тех из них, которые имеют самостоятельное существование, встречаются более или менее значительные русские колонии. Последнее касается и остяцких поселений по Оби.

V. Меньше-Кондинская управа: 1) Камовские юрты; 2) Алтаевские; 3) Красноярские; 4) Байбалинские; 5) Кельзинские; 6) Сиглинские; 7) Богдановские; 8) Болчаровские (русская колония) и Магатские (составляют одно селение); 9) Чесноковы; 10) Зимне- и Летне-Пуштинские; 11) Шумиловские; 12) Ермаковские; 13) Есаульские (расположены, как и № 12, на земле Кондинской управы и составляют с одноименными юртами последней (VI. 3) одно селение; 14) Нюрковские; 15) Дально-Согомские; 16) Чиликановские. Относительно остяцких названий этих селений и числа их жителей см. Ч. I. С. 195—197.

Возульская управа: VI. Кондинская образована из прежних четырех: Леушинской (на карте — а), Кондинской (б), Б.-Кондинской (в) и Ландинской (г). Она состоит из следующих паулов, или юрт: 1) Ермаковских; 2) Урманских (Onvânda paul); 3) Есаульских (Piglinpaul); 4) Нахрачинских (Mot-us p.)** — в них русская колония; 5) Чекатских (Vint-ja p.); 6) Зимне- и Летне-Мокровских (Lotim p.); 7) Катышинских (Taut p.); 8) Панкинских (Nunčur p.); 9) Надозерных или Кучуковых (Turu-vat p.); 10) Юмасинских (Uimas p.); 11) Сотниковских (Votlix p.); 12) Запорских (Kusip p.); 13) Леушинских (Leus p.) (русская колония); 14) Аминских (Aumi-ja p.); 15) Тюлинских (Tul-ja p.); 16) Туманватских (Tuman-vat p.); 17) Пашенных (Nirim p.); 18) Терезинских (Teres p.); 19) Камсинских; 20) Ельшкинских (Ojbat p.); 21) Нингинских (Ninčeb p.); 22) Пантрашкиных (Nolim p.); 23) Сосновских (Tosim p.); 24) Кыйпаульских (Kij p.); 25) Кауриатских (Kaur-ja p.); 26) Яглинских (Jaol p.); 27) Карымских (Xarim p.); 28) Кирилкинских; 29) Лариатских (Lar-ja p.); 30) Пеленгутских (Pelexal p.); 31) Ландинских (Lundim p.); 32) М. и Б. Реньинских (Raņ-ja p.), из коих последнее является самым восточным поселением возулов; 33) Алымских (Aider p.); 34) Турпальских (Turpal p.); 35) Ленгурских (Leņur-ja p.); 36) Ягырсанских (Jagirseņ p.). Сюда принадлежит еще несколько юрт, местоположение которых мне неизвестно в точности.

Татарские волости: VII. Эскалбинская; VIII. Чебургинское сел. Общество Городовой волости); IX. Истяцкая; X. Уватская (инородная); XI. Карагайская; XII. Надзинская. Есаульские юрты этой волости являются самым северным татарс-

* Кратчайшая дорога в эти селения есть зимний путь, идущий от дер. Горно-Субботино (на Иртыше) на верхний Салым и пересекающий юрты Эскинские и Цингинские (В.-Дем. вол.).

** На карте номера со значками 2', 5', 10'... обозначают «летние», простые цифры — «зимние» селения.

*** После 1888 г. распалась на Дубровную и Загваздинскую.

ким поселением в губернии. Остальные 4 татарские волости не имеют на основании вышеизложенного особых знаков на карте.

Русские волости: XIII. Бронниковская; XIV. Кугаевская; XV. Абалакская; XVI. Бегишевская; XVII. *Дубровная****; XVIII. Куларовская; XIX. *Адбажская*; XX. *Ашлыкская*; XXI. Карачинская; XXII. Байкаловская; XXIII. Русско-Уватская; XXIV. Юровская; XXV. Демьянская; XXVI. *Денщиковская (Филинская)*; XXVII. Самаровская.

Здесь следует упомянуть, что местоположение многих инородческих волостей (I, V, VI, XII и др.) на настоящей карте не соответствует таковому на картограмме, приложенной к изданию Центр. Стат. Ком.: «Волости и населенные места 1893 года» (вып. 10 — Тобольская губерния) ввиду того, что означенная картограмма была составлена на основании не вполне верных сведений.

Штриховкой на карте обозначены местности, где нет постоянных поселений, но где встречаются рыболовные и охотничьи избушки, посещаемые русскими и инородцами во время промысла.

Кроме того, на карте нанесены приблизительные границы волостей, важнейшие группы курганов и некоторые городища.

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**Заговоры, поверья
и сказка**

Отружьа Заговоры и поверья

И. Чтобы ружьё было верно и не давало осечки, при чистке надо соблюдать следующее*.

Для смывки нужно взять от печки глины сбоку и песку, это положить в воду; нужно наговорить на воду, тогда смывать ружьё. Напоследке сказать: «Кто испортил ружьё, тому песку в глаза». Кто станет наговаривать, должен своё имя называть.

Заговор: лягу, помолясь, встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей во двери, из ворот в ворота, под красное солнце, под светлый месяц, под чистые звёзды, под батюшку море-океан, на батюшке море-океан состоит Святая, Соборная Апостольская церковь, в той Святой Соборной Апостольской церкви стоит престол, за этим престолом сидит Матушка Пресвятая Богородица за ризой нетленною, за свечами неугасимыми.

Я, раб Божий (как зовут), пойду близко, поклонюсь низко, ты, Матушка Пресвятая Богородица, закрой и защити меня, раба Божия, нетленной своей ризой от уроков**.

Ты, водица, красна девица, идёшь с востока и до запада, подмываешь круты берега и вымываешь желты пески, смой у меня все уроки с ручной моей ручницы, с огненной бойницы, с китай-железа, с немецкого складного замка, с пороха и дыма, с синего свинца, с глазу и с мишени, с острой цели, все мои уроки сзади заходящего, сбоку заглядящего, от двуногого и от одноногого, от чёрного, от русого, от рыжего, от хитки, от прытки, от бабы-самокрутки, от девки-простоволоски, от всей дьявольской сатаны, во веки во веков. Аминь.

Стоит дуб корень-корястый, вокруг дуба корень-корясто-го змей-змеище о двенадцати головищах, пожирает красное солнце и светлый месяц, и чистые звёзды, и всю Господню колесницу; я, раб Божий, ему я отведу: «Не жри, не глотай красное солнце и светлый месяц, и чистые звёзды, а сожри и проглоти у меня, раба Божия, все мои уроки с ручной моей ручницы, с огненной моей бойницы, с китай-железа, с немецкого складного замка и с пороха и дыма, с синего свинцу, с глазу с мишени, с острой цели, не около меня, раба Божия, не

* Сохранены особенности речи рассказчика.

** Т.е. от «худого глаза» — глагол «изурочить» означает «сглазить».

около думы моей кроткой, не около моей плоти, а вот тебе место и забавище, около задних дверей, около задних петель, там ты забавляйся и прохлаждайся, во веки веков. Аминь».

Будь мои слова крепки и лепки, крепче висячих замков и острей булатных ножей, во веки веков. Аминь. Трижды.

II. Собираясь ловить зайцев, надо предназначенные для этого петли подвергнуть следующим операциям.

Зайцев ловить — первое дело надо на екатъ петель, потом нужно выварить в чугуне эти петли, потом вывесить на воздух, чтобы выветрились; потом взять из подполья, из четырёх углов, путеннику* и мху, подкурить эти петли. Ещё достать с дерева вольховую губу**, натирать ею, когда станешь привязывать за очип.

Заговор: Мать Божья, Вышних, Творец, небесных Отец, будьте мне пособщики и помощники, пособите и помогите наговорить на нитяные петли, на мочальные петельки, на берёзовые мотыльки, падите о суды-переговоры на умётны кости, на мхи, на болота, на гнилые колоды, на чёрную грязь, лежит белая тропа заячья и зайкина, теките и бегите, белые звери — зайцы и зайки из-за гор, из-за морей, из-за тёмных лесов — к моим ловушкам, к нитяным петлям, к мочальным подпетельникам, к берёзовым мотылькам, росту своего не слышите, ушей своих не видите, так бы и не видали, и не слышали моих ловушек, нитяных петель, мочальных подпетельников, берёзовых мотыльков. Моим словам. Аминь. Замкну свои слова крепкими замками и висячими ключами.

Прими, Сам Господь, мой ключ. Моим словам Аминь. Мать Божья, вышних творец, небесных отец, закрой и защити нетленной ризой раба Божия от уроков, с моими ловушками и поставушками, с нитяными петлями, с мочальными подпетельниками, с берёзовыми мотыльками. Моим словам. Аминь. Трижды.

(Заговоры записаны в д. Земляной Червишевской вол. Тюменского окр. Тобольск. губ., населённой почти исключительно ссыльнопоселенцами и каторжниками, отбывшими срок наказания).

* Паутина.

** Нарост на ольхе.

**Сказка*,
записанная в Эскинских юртах Верх.-Демьянск.
вол. Тоб. окр.**

В глухом лесу, в небольшой избушке жили три брата, двое из них были промышленники (охотники), целые дни проводившие в урмане, охотясь за дичью и пушным зверем; третий же сидел дома, стряпал для братьев пищу, шил им одежду. Возвратившись однажды вечером домой, оба брата, к своему удивлению, увидели, что в окне нет света. Зажегши лучину, они стали осматривать хату и нашли на полу небольшую лужу крови. Они испугались и подумали, что их брата убили злые люди, жаль им было своего брата, и они стали говорить друг другу: «Напрасно мы не женились, тогда наш брат был бы с нами на охоте и избег бы смерти; на женщин же не поднялась бы рука разбойников». Брат же их не был убит, а сидел за дверью и слышал весь их разговор. Спрятался он от них с тем, чтобы узнать, любят ли они его и будут ли они по нём горевать. Довольный тем, что слышал, он, смеясь, вышел из своего угла и поздоровался с ними. Голодные братья рассердились на него за эту шутку и, недолго думая, посадив на лопату, которой снег сгребают, выбросили вместе с ней на улицу. Перелетев через забор, он упал посреди леса; он не воротился домой, а, взявши лопату вместо посоха, отправился в путь, куда глаза глядят.

Он шёл долго и, наконец, видит, что что-то вдали чернеет. Когда он пошёл в этом направлении, то скоро убедился, что перед ним большой город. Но странно, что людей в нём не видать, улицы пусты, и окна и двери домов отперты. Он прошёл весь город, и всюду одно запустение. Лишь в двух край-

Эта сказка, без сомнения, перенята остяками от русских крестьян и лишь несколько видоизменена. Подобная же русско-вогульская сказка обнаружена нами раньше (Сибирск. сборн. 1891. Кн. 2. С. 137—147).

них домах виден был свет. Усталый путник идёт туда и слышит, что в одном доме все плачут и воют, а в другом раздаётся веселье и смех. Он вошёл в первый дом, чтобы утешить страждущих. Его обитатели приняли с распростёртыми объятиями, накормили и напоили его. Он их спросил о причине их горя, и они сказали: «**К** нам уже с год, как повадился людоед, который каждый день съедает несколько человек. Он уже пожрал почти всех жителей города, и теперь за нами черёд. Всё наше упование на тебя, не спасёшь ли ты нас от угрожающей гибели?». Он отвечал: «Хвастать я не буду, а думаю, что сумею вас спасти». Они обрадовались и обещали ему, если он сдержит своё слово, отдать ему в жёны самую красивую из их трёх дочерей. Опять его стали потчевать и хотели уложить на пуховые подушки. Но он им сказал: «Мать меня родила на пороге, не подобает мне спать на пуховиках». Он лёг на крыльце, плотнее укутавшись в свою одежду и положив под голову вместо подушки свою лопату. Недолго ему, однако, пришлось спать. Его разбудил какой-то сильный стук, от которого дрожала вся земля. Он встал и, взяв свою лопату, спрятался за дверь. Стук между тем всё приближался. Вскоре к крыльцу подскочил какой-то всадник, одетый в чёрное и сидевший на вороном коне. Входя в избу, он закричал: «Я чую здесь чужестранного человека, самого Янкудея Василия Васильевича, но тем хуже для него, и ему не избегнуть своей участи!». В этот самый момент спрятавшийся брат охотников выскочил из засады и ударил его лопатой. Тот попятился назад, вскочил на коня и был таков. Когда странник наносил ему удар, то слышал — что-то брякнуло об пол. Он зажёг лучину и увидел на полу ногу всадника с сапогом, которую он и положил в карман. Потом он вошёл в избу и лёг спать. Утром он проснулся раньше своих хозяев и стал их будить. Те встали и, севши на лавку, начали смеяться. Он их спросил о причине их смеха. Те ответили, что радуются, что он их спас, а сами всё продолжают смеяться. Ему стало досадно, и он напомнил им их обещание. Тогда они перестали радоваться и грубо сказали ему: «Ах ты, говняк, неужели ты в самом деле думаешь, что мы отдадим за тебя дочь? Ведь людоеда нам теперь бояться нечего, нескоро он теперь к нам заглянет». — «Пусть будет так, — отвечал странник, — я, может быть, найду себе более достойную невесту».

Опять он взял свою лопату и отправился в путь. Пришёл он в другой город, и здесь тоже всё пусто и темно. Лишь в трёх домах на краю города светится огонёк: в двух из них слышно веселье и смех, в третьем — рыдание и плач. Он подумал: «Веселящимся и без меня хорошо, зайду утешить плачущих». Он вошёл в их дом и был принят радушно. Из расспросов он узнал, что и сюда повадился людоед, который поел почти всех жителей города. «Если ты нас от него спасёшь, — сказали ему здесь, — то выбирай любую из наших семи дочерей». Он у них остался ночевать. Опять громкий стук его разбудил и заставил спрятаться. Стук всё приближался, и к крыльцу подкатил на сером коне всадник, одетый в серое, он слез с коня и с громкими криками и угрозами стал входить в избу. Странник в это время нанёс ему удар лопатой. Тот, застонав, вскочил на коня и быстро ускакал. Зажёгши лучину, он нашёл на полу ухо с золотой серьгой, которое спрятал в карман. Старик и старуха несказанно обрадовались своему спасению, но когда дело дошло до расплаты, то они прогнали его из дому.

Он не стал горевать, а опять тронулся в путь. Долго ли он шёл или коротко, но перед ним опять показался город. В этом городе лишь в пяти домах был свет, из коих в четырёх люди ликовали, в пятом плакали. Он вошёл в этот дом и увидел, что в большой комнате сидят 20 девиц, одна лучше другой, и посреди их старуха-мать. И тут его приняли с распростёртыми объятиями и обещали за спасение от людоеда любую из двадцати девиц. Он остался у них и ночью ему посчастливилось нанести удар лопатой белому всаднику, подъехавшему к дому на белоснежном коне. Когда людоед ускакал, он нашёл на полу три пальца с золотым перстнем на одном из них. И здесь ему не дали девицы в жёны и надсмеялись над ним.

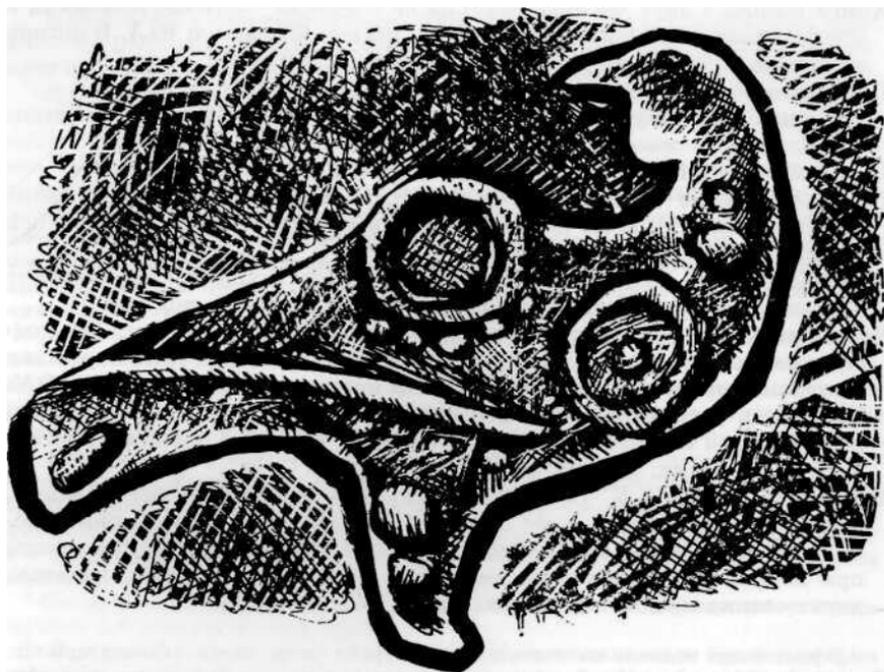
Он опять тронулся в путь. Шёл он долго и увидел, что вдали что-то белеет и блестит. Подойдя ближе, он увидел, что перед ним высокий-высокий терем ослепительно-белого цвета и с серебряной крышей. Вокруг терема стена, но нигде не видно дверей и окон. После долгих поисков, когда он обошёл терем три раза, он заметил небольшой гвоздок. Он его дёрнул, и перед ним открылась потайная дверь. Он взошёл, прошёл несколько пустых комнат и пришёл в роскошно убранную ком-

Сказка, записанная в Эскинских юртах...

нату, в которой стояли столы, покрытые всевозможными яствами и заморскими питиями. Голодный странник тотчас сел за стол и стал есть и пить. Но сколько он ни ел и ни пил, яств и питей не убывало. Когда он насытился, он вспомнил, что не видел ещё хозяев терема. Не желая с ними прямо встретиться, он стал поджидать их, спрятавшись за дверь. Ему недолго пришлось ждать. Около терема стали летать три лебедя. Лебеди сели на серебряную крышу и, убедившись, что кругом нет никого, открыли потайную дверь и проникли в терем. Они пришли в роскошную комнату, где стояли накрытые столы и, сняв свои лебязьи шкурки и превратившись в прекрасных девиц, стали пировать. Во время пира девицы вели оживлённую беседу. Младшие спрашивали старшую: «Где ты была и что ты сделала, сестрица?». Та отвечала: «Я облетела много стран и в одном городе погубила почти всех людей. Осталось всего два жилых дома. Когда я собиралась поесть обитателей одного из них, меня там так сильно ударили, что я лишилась ноги и мне пришлось заменить её деревянной». «Ну а ты где была, что видела и что делала?» — спросили старшая и младшая сестры среднюю. Сестра передала о своих похождениях и сообщила, что и её постигло несчастье: ей отрубили ухо, которое у неё действительно было завязано. Рассказала свои похождения и третья сестра, лишившаяся этой ночью трёх пальцев.

Когда сестры кончили свои рассказы, странник выскочил из-за двери и, схватив лебязьи шкурки, стал их рвать и разбрасывать. Девицы начали его умолять не делать этого, хотели отнять у него шкурки силой, но он был сильнее их и уничтожил шкурки. Девицы стали плакать, боясь за свою жизнь, но странник им сказал: «Хоть вы и в моей власти, но я не стану злоупотреблять своей силой и готов идти с вами на мировую. Я требую, чтобы младшая из вас вышла за меня замуж». Девицам не оставалось выбора, и они согласились отдать ему в жёны младшую сестру. Справили блестящую свадьбу, после которой странник со своей молодой женой поселился в чудесном тереме, в нём проживают и по настоящее время.

Комментарии

Иртышские остяки и их народная поэзия

Книга вышла в двух частях. История ее создания частично изложена в предисловии к настоящему тому (См. также: *Мандрика ЮЛ.* В погоне за архивом Серафима Патканова//Лукич. 1999. №1).

Печатается по изданию:

S. Patkanov. Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie/Изд. Имп. Русск. Акад. наук.

I. T. Ethnographisch-Statistische Uebersicht. Спб., 1897.

II. T. Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen mit einer phototypischen Tafel, einer Tafel in Farbendruck u. einer Karte. Спб., 1900.

Для настоящего издания перевод с немецкого осуществила аспирант Тюменского государственного университета Елена Матюхина.

Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке книги к печати в ней произведена в русскоязычных отрывках адаптация орфографии к сегодняшней норме, а также в сносках С.К. Патканова унифицированы названия изданий, на которые он ссылается. Ссылки на работы самого Патканова, если они попали в настоящий двухтомник, даются по изданию 1999 г.

В случаях, когда С.К. Патканов цитировал русскоязычные издания, включая свои работы, даже при доступности их, в данную книгу попал перевод с немецкого. Понимая сложенность трансформации текста при переводе с русского на немецкий и снова на русский, издатель двухтомника предпочел версию Елены Матюхиной.

¹ В настоящее издание полностью вошла первая часть книги «Ethnographisch-Statistische Uebersicht». Из второй части «Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen...» не попали в «Остяцкую молитву» поэтические произведения на остячком и немецком языках, т.к. была понятна нецелесообразность иного решения. По техническим причинам не вошло в настоящее издание Приложение II к второй части книги «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie»: ноты к кондинско-остяцким песням.

² Остяко-самоеды — внешний этноним, в настоящее время вышедший из употребления. Применялся как название селькупов — народа самодийской ветви уральской языковой семьи. Появление и длительное бытование этого этнонима в официальных документах и научной литературе объясняется недостаточной изученностью языка, материальной и духовной культуры селькупов, которые обладали некоторым сходством с ненецкой и хантыйской культурами. Неискушенному стороннему наблюдателю трудно было оценить оригинальность и самостоятельный характер культуры этого народа, что отразилось в появлении гибридного термина «остяко-самоеды».

³ Самоназвание вогулов — «манси», что означает «говорящие» (одна из версий этимологии). Манси, проживавшие рядом с ханты (остяками), как правило, говорили и по-хантыйски. В.Н.Чернецову удалось зафиксировать на медвежьем празднике в низовьях Оби интересный факт: «Дм. Шадрин (вогул), говоря по-мансий-

ски, называет себя манси, говоря же по-хантыйски — ханты». В данном случае для собравшихся на праздник ханты и манси была важнее их принадлежность к фратрии Пор, имевшей общего прародителя — медведя. Кроме того, отдельные семьи и роды манси, жившие рядом с ханты, подвергались ассимиляции: переходили на хантыйский язык, называли себя ханты (остяки), ничуть не смущаясь тем, что 2-3 поколения назад их предки считали себя манси.

⁴ Иртыш ханты называли Сап — «Приток», Катань Ас — «Татарская Обь», Тангат и Лангал. Последние названия с хантыйского не переводятся, что говорит о их древности. Известный исследователь топонимики Урала и Западной Сибири А.К.Матвеев считает, что названия Салым, Содом (Сотым) являются древними дохантыйскими. Убедительные этимологии этих названий отсутствуют.

⁵ См. примечание 6 к статье С.К.Патканова «О происхождении слова «Сибирь» во II томе настоящего издания.

⁶ В результате взаимоассимиляции в контактных зонах среди ненецких родов оказались роды хантыйского происхождения (и наоборот). Считать их «смешанными народностями» неправильно, т.к. они сами относят себя к ненцам (ханты).

⁷ Влияние зырян (коми) на прииртышских ханты было гораздо менее значительным, чем на их «северных братьев». Именно северные ханты и манси, ближайшие соседи коми, постоянно контактировали с последними, начиная с XII века, когда отдельные группы древних коми даже переселились на Нижнюю Обь, что подтверждается сведениями письменных источников, фольклорными, археологическими и лингвистическими данными. По некоторым данным, у юганских ханты (соседей салымских) существуют предания о народе «сирын-ях», некогда населявшем этот край. Связывать этот народ с зырянами было бы преждевременным, т.к. ханты и манси называют их «саран», а письменные и археологические данные не подтверждают проживание коми в Нижнем Прииртышье.

⁸ Венгр К.Редэи и финн Ю.Тойвонен насчитали соответственно более 350 и 383 коми-заимствований в хантыйском и мансийском языках. Очевидно, эти цифры завышены, т.к. целый ряд слов, считающихся заимствованными, восходят ко времени существования финно-угорской языковой общности (до н. II тыс. до н.э.), когда общие предки коми, ханты, манси и др. народов говорили на финно-угорском языке (речь идет о названиях таких понятий, как огонь, очаг, кровь, старик и т.п.). Кроме того, слова индоиранского и иранского происхождения, вероятнее всего, попали в языки коми и обских угров во II-I тыс. до н.э., когда их предки активно контактировали с южными соседями — племенами индоиранского и иранского мира (в частности — названия металлов, некоторых домашних животных, хлеба и т.д.).

⁹ См. прим. 21 к статье С.К. Патканова «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям».

¹⁰ Эндогамия (от греческих «эндо» — внутри и «гамос» — брак) — форма регулирования половых (брачных) отношений в первобытном обществе, при которой браки разрешались только между лицами одной общественной группы. Экзогамия («экзо» — вне, снаружи) — обычай, при котором категорически воспрещались браки между людьми, входившими в одну родственную группу. У северных ханты и манси существовали 2 экзогамные фратрии Пор и Мось.

¹¹ Речь идет о традиционном женском атрибуте — накладных ложных косах, украшавшихся бисером, цветными шнурками и металлическими подвесками.

¹² Внешняя сторона лука вырезалась из обращенной к югу нижней части ствола сосны или ели.

¹³ Хантыйское плотничье искусство имеет древние корни. В данном случае речь идет, видимо, о восприятии ханты у русских традиции сооружения двухэтажных домов и элементов декора их экстерьеров.

¹⁴ Это название месяца, в отличие от других, не связано с природными, хозяйственными циклами и поэтому весьма загадочно. Возможно, kindin — производное от слова «kin» (xin), означающего у ханты духа нижнего (подземного) мира, духа болезни.

¹⁵ См. прим. 8-12 к статье С.К. Патканова «Тип остяцкого богатыря...», опубликованной во II томе настоящего издания.

¹⁶ См. прим. 31 к статье С.К. Патканова «Тип остяцкого богатыря...».

¹⁷ Историки по-разному оценивают сущность т.н. остяцких «княжеств». Одни полагают, что это *были* территориально-племенные объединения, в которых имущественное и социальное расслоение достигло высокой степени, и которые характерны для обществ, находящихся на стадии разложения первобытно-общинного строя (период т.н. «военной демократии» по Ф. Энгельсу). Другие (начиная с С.В. Бахрушина) полагают, что обско-угорские княжества к к. XVI века являлись раннегосударственными образованиями, в которых формы власти соответствовали уровню авторитарного военно-иерархического правления, когда власть князей была неограниченной (С.Ф. Кокшаров и А.П. Зыков).

¹⁸ См прим. 35 к статье С.К. Патканова «Тип остяцкого богатыря...».

¹⁹ Вероятно, образ огромного судна в мифе вторичен и своим появлением обязан влиянию православной традиции. Более архаичны тексты хантыйских и мансийских мифов, где в качестве транспортного средства Пайрахты фигурирует плот из семи слоев бревен.

²⁰ Археологические данные свидетельствуют о существовании у предков ханты и манси собственного литейного производства, начиная с бронзового века. Волжские булгары и древние коми поставляли обским уграм большое количество высококачественных изделий из меди, бронзы и серебра, но пока нет достаточно веских оснований считать средневековые литые фигурки идолов из Нижнего и Среднего Приобья привозными.

²¹ «Сибирские финны» — устаревшее и фактически неверное выражение. Языковое единство предков финнов и обских угров было нарушено в начале II тыс. до н.э., когда финно-угорская ветвь уральской языковой семьи разделилась на финно-пермскую и угорскую. В данном случае правильным было бы выражение «сибирские финно-угры».

²² Традиция сопровождения умершего сломанными вещами — очень древняя и известна у многих народов. В Западной Сибири и на Урале подобный обряд зафиксирован в погребениях эпохи неолита (новокаменного века), а у ханты и манси следы этого обряда сохранились до сих пор. Объяснение кроется в архаичных языческих представлениях о загробном (нижнем) мире, где «все наоборот» и поэтому сломанные (умершие) вещи и умерший человек (одна из его душ) там обретают новую, другую жизнь.

²³ С.К. Патканов ошибочно называет главного героя сказания «Из среды 80 богатырей с оленьими ногами избранного, с опущенными косами, косатого Яга» — именем одного из его погибших братьев.

²⁴ См. прим. 1 на С. 392.

Иртышско-остяцкие тексты

Несмотря на то, что этот раздел является частью книги «*Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen...*», издатель из-за сложности работы при подготовке настоящего тома вынужден был повторить нуммерацию комментариев, за что приносит извинения читателю, предвидя неудобства при работе с книгой.

¹ См. прим. к статье «Тип остяцкого богатыря...», опубликованной во II томе настоящего издания.

² В фольклоре обских угров крылатый конь — атрибут одного из главных божеств, Мир-сусне-хума (у манси) или Мир-ванты-ху (у ханты), наблюдающего с небес за порядком в мире людей. Присутствие образа крылатого коня в былинке, вероятно, призвано подчеркнуть небесное происхождение могучих богатырей — противников главного героя. Отметим, что он был повержен лишь седьмым богатырем, а, как известно, Мир-ванты-ху являлся как раз седьмым, наиболее могущественным сыном верховного божества обских угров — Нуми-Торуа.

³ Этот эпизод перекликается с этимологической легендой питлярских ханты (Нижняя Обь) о сброшенном богом с неба на землю богатыре-великане: на месте паде-

ния образовалось большое озеро, сохранившее форму его тела. Название озера Питляр ханты переводят как «Упавшее озеро». Подобные легенды известны также у манси Северной Сосьвы и Конды.

⁴ См. прим. 32 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

⁵ Здесь явный анахронизм: с вином (водкой) и стаканом ханты познакомились при содействии, главным образом, русских купцов: нехитрый прием предварительного угощения аборигенов спиртным позволял скупать у них пушнину и рыбу по весьма низким ценам.

⁶ См. прим. 33 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

⁷ Харда-вож (в документах конца XVI века — Картауж) — городок на р. Евра (Средняя Конда), являвшийся резиденцией кондинских князей. Возможно, название городка произошло от хантыйских слов «карта» — изгородь, забор, двор и «вож» — город и означало «городок с изгородью», т.е. укрепленный городок.

⁸ Река близ городка была перегорожена запором (по-хантыйски — «пот»), сооружавшимся из жердей и прутьев. У запоров рыба скапливалась в большом количестве. В устье запора ставились ловушки типа морды или рукава, откуда рыбу черпали саками.

⁹ Способность богатыря уклоняться от стрел — отнюдь не преувеличение его боевых качеств. Реальность этой детали боя подтверждается сведениями из этнографии соседей ханты — селькупов, у которых раньше существовала специальная система подготовки будущих воинов, в которую входило и упражнение по выработке навыков защиты от стрел врага. Оно заключалось в следующем: мальчика (юношу) обстреливали с разных сторон из лука тупыми стрелами, постепенно сокращая дистанцию стрельбы и увеличивая скорость полета стрел. Со временем обучаемые обретали необходимую сноровку и могли достойно противостоять суровым испытаниям в реальном бою. Как следует из данной былины, объект обстрела, чтобы избежать поражения стрелой, реагировал сначала на звук удара тетивы лука, а уже затем на летящую стрелу.

¹⁰ У многих народов, в том числе и у обских угров, до сих пор бытует поверье о том, что в том месте, куда попала молния, обязательно должен остаться наконечник «божьей стрелы» из камня или металла. Интересно, что при раскопках былинного Эмдера (Ендьрского I городища) в 1994 г. екатеринбургские археологи нашли на полу одного из домов два шлифованных каменных топорика. Как оказались в средневековом жилище эти неолитические орудия? Очевидно, они были найдены кем-то из обитателей таежной крепости где-то в окрестностях и принесены в дом в качестве священных амулетов. Такое объяснение подтверждается сохранившимися до сих пор у сосвинских манси представлениями о том, что каменные топоры («громовые стрелы») приносят счастье людям, которые их находят в местах, куда ударяла молния.

¹¹ Здесь и ниже описывается обряд «угощения» местных духов-покровителей, совершавшийся перед военным («сватовским») походом и во время стоянок. Блюда и берестяные сосуды с жертвенной пищей — непременный атрибут таких священнодействий. После совместного с духами-покровителями пирова воины получали необходимый морально-психологический настрой перед дальним походом.

¹² Было бы правильнее перевести это выражение как «изобилующие пищей» или «рождающие пищу источники», так как низовья Оби никогда не были хлебной житницей.

¹³ См. прим. 42 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

¹⁴ «Золотой Свет» — один из эпитетов верховного божества обских угров — Нуми-Торума, к которому богатыри обращались за помощью лишь в исключительных случаях.

¹⁵ Правильнее было бы перевести эти выражения как «мертвую пищу» и «живую пищу», то есть речь идет об угощении духов вареным и сырым мясом жертвенных животных.

¹⁶ Под «режущим железом с острым клинком» подразумеваются, несомненно, не топоры, а сабли. Воинские танцы с саблями и копьями, совершавшиеся обскими уграми, описаны средневековым арабским историком Ал-Гарнати и этнографами ХВМИ — начала XIX столетий. Графические изображения этого обряда сохранились на средневековых серебряных блюдах и бляшках-подвесках из Нижнего Приобья.

¹⁷ См. прим. 26 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

¹⁸ Алкогольные напитки (брага, пиво и мед) - явный анахронизм (см. прим. 5).

¹⁹ Как известно, до прихода русских письменность у ханты и манси отсутствовала. Присутствие в былине эпизода с посланием, оставленным похищенной девушкой на песке, можно объяснить поздним его включением в текст под влиянием русской культуры. С другой стороны, вполне вероятно, что девушка оставила пиктографическое сообщение, при котором информация передавалась посредством условных знаков. Этот способ до недавнего времени широко использовался хантыйскими и мансийскими охотниками, оставлявшими знаковые послания на затесах деревьев. Расшифровка условных знаков пиктограмм по силам сведущим людям.

²⁰ Sos означает «горностай», iga — «старик». Tũgum может переводиться не только как «бог», «верх», «свет», но и «пестрая белка» (см. «Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем» М.А. Кастрена). Возможно, имя переводится как «светлого горностая старик», тем более, что белый горностай почитался обскими уграми как священное животное.

²¹ На пир были приглашены жители собственно городка и примыкающего к нему «посада», неукрепленного поселения, в котором жил простой люд. Остатки подобных комплексов отмечены археологами на всей территории Зап. Сибири.

²² См. прим. 40 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

²³ «Санге» переводится как «свет, белизна», «куш (хуш)» — как песок. В таком случае, название города Сонг-хуш может означать «Светлый песок». С другой стороны, «сонг» может быть усеченной формой слова «сангым» — «обрыв, яр». На левом берегу р. Куноват находилось поселение Сангымгорт - «Деревня яра». В связи с этим, Сонг-хуш можно перевести как «Песчаный яр».

²⁴ См. прим. 39 к статье «Тип остяцкого богатыря...».

²⁵ В этнографии ханты и манси неоднократно фиксировались случаи наказания людьми своих духов-покровителей за нерадивость. Иногда, как и в этой былине, применялись крайне радикальные методы: старые изображения духов (идолы) уничтожались, а взамен изготавливались новые.

²⁶ «Золотой Свет» — один из эпитетов верховного божества обских угров Торума, владыки неба, подателя дневного света. Торум (Нуми-Торум) представляется в виде седого старика, живущего в золотом дворце на верхнем небе.

²⁷ Речь идет об эпидемии болезни типа чумы или холеры, сопровождающейся горячкой и приводящей к скоропостижной смерти.

²⁸ Здесь имеется в виду надмогильное сооружение из досок или бревен. Этнографы отмечают, что у северных ханты и манси могильные ямы были очень неглубокие, а иногда вообще отсутствовали, поэтому деревянное надмогильное сооружение (домик, лодка, нарты) ассоциировались с могилой.

²⁹ Дословно имена следует переводить как «Морской муж» (Taras-xui) и «Свадебный муж» (Moi-xui). Очевидно, это — владыка Нижнего мира, мира мертвых, так как согласно горизонтальной модели мира обских угров именно в море, ниже устья Оби находится царство мертвых («на том конце света»). Сверхъестественная сущность Taras-xui, Moi-xui и его статус владыки Нижнего мира раскрывается в последующем содержании сказки.

³⁰ Этот эпизод свидетельствует о том, что главным героем сказки является, вероятнее всего, Мир-ванты-ху, одна из центральных фигур обско-угорского пантеона. В фольклоре он часто выступает как небесный всадник, совершающий различные подвиги, покровительствующий людям. Его чудесный конь приземлялся на подставки из священного металла — серебра. В культовой практике обских угров обычно с этой целью на землю укладывали четыре серебряных блюда. Таким образом, «Подобно осиновому листу верткий муж, подобно осиновому листу неспокойный муж» - не кто иной, как Мир-ванты-ху.

³¹ Лягушки, змеи и ящерицы - существа Нижнего мира. Тот факт, что они населяют дом Taras-xui, еще раз свидетельствует о том, что он является владыкой Нижнего мира.

³² Словом «леший» Патканов перевел название сверхъестественных лесных существ-менгков (менгков). Эти гигантские человекоподобные жители леса были сделаны Нуми-Торумом из лиственницы, благодаря чему они живут гораздо долъ-

ше людей. По представлениям ханты и манси, менгки отличаются острыми головами и многоголовостью, их тела практически неуязвимы и победить их можно только хитростью.

³³ Вероятно, жар-птица - один из русицизмов, заместивший название гигантской мифологической птицы обских угров - Карса. Эта хищная птица обладает огромной силой, владеет человеческой речью. К людям чаще всего относится враждебно. Живет на вершине огромного дерева (мирового?), враждует с существами Нижнего мира. Обращает на себя внимание ее обособленное положение в мире сверхъестественных существ. Вероятно, образ Карса попал в обско-угорскую среду из иранской мифологии в I тыс. до н.э.

³⁴ Пайрахта — одно из фольклорных имен Мир-ванты-ху. Встречается в сказках, где он выступает как божественный плут и обманщик. Можно предположить связь первого слога имени с хантыйским «пайяр» - господин, а второго — с «рахпанг, рагац» — лживый, ложь, третий слог — «ты» — суффикс причастия. Таким образом, Пайрахта можно перевести как «обманывающий господин», что согласуется со сказочным обликом Пайрахты. Следует отметить, что один из эпитетов Митры, древнеиранского божества, следящего за соблюдением закона и порядка в мире людей, — «господин истины». По мнению авторитетных мифологов, образ обско-угорского Мир-ванты-ху произошел от древнеиранского Митры. Очевидно, что образы мифологического Мир-ванты-ху (угорского Митры) и сказочного Пайрахты, по сути, — антиподы: первый олицетворяет порядок, торжество справедливости, истины, а второй — плутовство и обман. Это противоречие, возможно, свидетельствует о слиянии двух образов — таежного архаичного плута-озорника и степного Митры.

³⁵ Чуман, чумашка - берестяной кузовок.

³⁶ Лебедь — русское название хантыйского тороп-юха, музыкального инструмента типа арфы. Корпус изготавливался из цельного куска дерева, от него отходила длинная шея, конец которой завершался резной стилизованной головкой птицы. У лебеда имеется 9-13 струн, которые раньше изготавливались из сухожилий или из кишок оленей.

³⁷ Вероятно, здесь речь идет о гигантском олене или мамонте. Как известно, «махор» - «земляной олень» — у обских угров мифическое существо, живущее под землей (в тексте — «на том конце света»).

³⁸ «Люлька, выложенная мягким гнилым деревом» — берестяное или деревянное вместилище для мертвеца, который в сказке уподобляется ребенку, что объясняется верой обских угров в переселение душ умерших в новорожденных.

³⁹ «Тяпарский дом» - возможно, речь идет о заброшенном, поросшем крапивой былинном городке Тяпар-воц на Иртыше. Нельзя исключать и другое значение: могло иметься в виду не конкретное поселение, а вообще тяпарские (т.е. сипырские) поселения.

От ружья

Опубликовано под рубрикой «Заговоры, поверья»: Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 146-147.

Печатается по вышеуказанному изданию.

Сказка, записанная в Эскинских юртах Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.

Опубликовано: Живая старина. 1899. Вып. 3-4. С. 487-489.

Печатается по вышеуказанному изданию.

С. Пархимович

Оглавление

<i>Ю. Мандрика</i> . Его главная книга: Следствие по делу Серафима Патканова.....	5
ИРТЫШСКИЕ ОСТЯКИ И ИХ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ	25
<i>Часть I. Этнографическо-статистическое описание</i>	27
Предисловие.....	28
<i>Глава I. Топографическое описание территории и зарисовки ее природы</i>	30
<i>Глава II. Иртышские остяки и их образ жизни</i>	45
<i>Глава III. Занятия и источники доходов иртышских остяков</i>	54
<i>Глава IV. Остатки остяцкой культуры</i>	65
<i>Глава V. Правовые и административные взаимоотношения</i>	86
<i>Глава VI. Вымирание остяков, его причины и последствия</i>	103
<i>Глава VII. Религиозные представления иртышских остяков</i>	128
<i>Глава VIII. Некоторые обычаи иртышских остяков и их представления о потусторонней жизни</i>	172
<i>Приложение I. Бюджет остяцкой семьи среднего достатка</i>	192
<i>Приложение II. Тамги темлячевских остяков XVII столетия</i>	194
<i>Приложение III. Остяцкое население Тобольского округа</i>	195
Часть II. Остяцкие тексты в переводе на русский и объяснения к ним	201
<i>Раздел I. О народной поэзии иртышских остяков</i>	202
<i>Введение. Об изучении языка и поэзии остяков</i> ..... Г.	202
<i>Глава I. Общие замечания о народной поэзии остяков</i>	212
<i>Глава II. Эпическая поэзия</i>	217
<i>Глава III. Образ прежней жизни иртышских остяков из их героического эпоса</i>	222
<i>Глава IV. Мифологические песни и сказания</i>	232
<i>Глава V. Сказки</i>	234
<i>Глава VI. Песни</i>	236
<i>Глава VII. Загадки</i>	239

<i>Раздел II. Иртышско-остяцкие</i> тексты.....	241
Богатырский эпос	
1. Былина про богатыря « Kui mûruxta sever) ûrt, kui mûruxta vegeŋ ûrt ».....	242
2. Двое внуков старика с вершины речки, откуда бежит вода.....	251
3. Былина про богатырей города Эмдера	254
4. Сказание про двоих сыновей (мужа) Jâvetta-kêtpe xui и Tâpar-ской женщины.....	265
5. Былина про богатырей города Соŋ-xuŝ-a	291
Сказки	
1. Сказка про богатыря Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui	302
2. Сказка про сестру трёх братьев.....	324
3. Сказка про охотника и семиголового лешего.....	328
4. Сказка про мудрую девицу.....	331
Мифологические песни	
Гимн в честь Pairâxtâ	347
Остяцкая молитва.....	349
Песни	
1. Песнь о сборщицах ягод.....	350
2. Медвежья смерть (песнь).....	350
3. Медвежья песнь, которая поётся при переноске медвежьей шкуры из лесу в деревню.....	356
4. Медвежья песнь, которая поётся при тех же обстоятельствах, но уже в виду деревни.....	356
5. Песнь про болотную сову и про дикую утку.....	356
6. Песнь про остяка Спиридона.....	357
7. Песнь про Матрёну Семёновну.....	358
Загадки.....	361
<i>Приложение I. Параллели и более существенные примечания</i>	363
Объяснения к таблицам.....	376
Объяснения к этнографической карте Тобольского округа.....	379
ЗАГОВОРЫ, ПОВЕРЬЯ И СКАЗКА	
От ружья.....	384
Сказка, записанная в Эскинских юртах Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.....	386
Комментарии.....	391